

ISSN 2500-0616

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал «ЦНИИП Минстроя России»)

**ВОПРОСЫ
ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ**

*QUESTIONS
OF THE HISTORY
OF WORLD ARCHITECTURE*

ВЫПУСК 10 (1 / 2018)

Издание основано в 1961 году



Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 72.03
ББК 85.11
В 74

- B74 Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 10 / Гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 304 с.
ISSN 2500-0616

Периодическое рецензируемое научное издание «Вопросы всеобщей истории архитектуры» — одно из ведущих в области изучения истории и теории архитектуры. Статьи представляют результаты новейших исследований, они охватывают все эпохи развития архитектуры, нацелены на уточнение спорных вопросов ее истории, на изучение основ архитектурного творчества, выявление генезиса и взаимосвязей архитектурных форм и явлений, на определение взаимодействий региональных традиций. Основано Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства в 1961 г. С 2016 г. издается дважды в год.

Ключевые слова: всеобщая история архитектуры, история градостроительства, архитектурное творчество, взаимодействие архитектурных традиций.

Адрес редакции: Россия, 111024, Москва, ул. Душинская, 9

Тел./факс: +7 (903) 5192368

E-mail: armenkazaryan@yahoo.com, niitag@yandex.ru

“Questions of the History of World Architecture” is a peer-reviewed Open Access academic periodical, one of the leading journals in the field of the history and theory of architecture. Its articles represent the most recent work in the field: they cover all eras in the development of world architecture and town-planning, with a focus on vexed questions of history, architectural creativity, the origins of architectural forms, as well as on the interactions between regional traditions. The periodical has been published since 1961 by the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-Planning. It is published twice annually since 2016.

Keywords: history of world architecture, history of town-planning, architectural creativity, interaction between architectural traditions.

Address: Dushinskaia str., 9, Moscow, 119331, Russian Federation

Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ

На издание открыта подписка по каталогу «Роспечать». Подписной индекс 80503

ISSN 2500-0616



18010



9 772500 061003

© Коллектив авторов, текст, фотографии, 2018
© Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, 2018
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор **Армен Юрьевич Казарян**, доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), почетный член Российской академии художеств (РАХ), иностранный член Национальной академии наук Армении, Государственный институт искусствознания (Россия); **Мария де лос Анхелес Утреро Агудо**, PhD. по истории искусства, асс. проф., Институт истории (Испания); **Александр Викторович Анисимов**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Алла Александровна Аронова**, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания (Россия); **Патрисия Блессинг**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Pomona College (США); **Игорь Андреевич Бондаренко**, доктор архитектуры, профессор, аcadемик РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Паоло Витти**, PhD. по ист. архитектуры, профессор, Университет Рома Тре (Италия); **Анна Геннадиевна Вяземцева**, кандидат искусствоведения, PhD. по истории искусства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Ван Гуйсян**, PhD. по архитектуре, профессор, Университет Цинхуа (Китай); **Жан-Пьер Кайе**, Dr. по археологии, профессор, Университет Западный Париж (Франция); **Мануэль Антонио Кастинейрас Гонсалес**, Dr., профессор, Автономный университет Барселоны; **Нина Анатольевна Коновалова**, кандидат искусствоведения, советник РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Юлия Леонидовна Косенкова**, доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия); **Джон Макнилл**, действительный член Общества антикваров и Королевского исторического общества, Британская археологическая ассоциация (Великобритания); **Ежи Малиновский**, Dr. по ист. искусства, профессор, Польский институт истории мирового искусства (Польша); **Ставрос Мамалукос**, PhD. по искусству и археологии, ассистент профессора, Университет Патр (Греция); **Кристина Маранчи**, PhD. по истории искусства, профессор, Университет Тафтса (США); **Лев Карлосович Масиель Санчес**, кандидат искусствоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия); **Роберт Оустерхаут**, PhD. по истории искусства, профессор, Пенсильванский университет (США); **Армен Сергеевич Сардаров**, доктор архитектуры, профессор, Белорусский национальный технический университет (Беларусь); **Владимир Валентинович Седов**, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Институт археологии РАН (Россия); **Вольф Тегенхоф**, Dr. по истории архитектуры, профессор, Центральный институт истории искусства (Германия); **Лиоба Тейс**, Dr. по истории искусства, профессор, Институт истории искусства (Австрия); **Ануш Ашотовна Тер-Минасян**, кандидат архитектуры, Национальный музей-институт архитектуры (Армения); **Людмила Георгиевна Хрущкова**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет (Россия); **Дмитрий Олегович Швидковский**, доктор искусствоведения, профессор, аcadемик РААСН и РАХ, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Мария-анна Юрьевна Шевченко**, кандидат архитектуры, Московский архитектурный институт (Государственная академия) (Россия); **Шариф Мухаммадович Шукуров**, доктор искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Россия); **Алексей Серафимович Щенков**, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ (Россия).

Редакторы: искусствоведы **Елена Лаврентьева, Екатерина Фомина** (Россия)

Редакторы аннотаций на английском языке — искусствовед **Биатрис Толиджян** (США),
архитектор **Кирилл Степанов** (Россия)

EDITORIAL BOARD:

managing editor **Armen Kazaryan**, Dr., corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN), honorary member of the Russian Academy of Arts, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, State Institute for Art Studies (Russia); **María de los Ángeles Utrero Agudo**, Assoc. Prof. PhD, Instituto de Historia (Spain); **Alexander Anisimov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Alla Aronova**, PhD., State Institute for Art Studies (Russia); **Patricia Blessing**, Assoc. Prof. PhD., Pomona College (USA); **Igor Bondarenko**, Dr., Prof., RAASN academician, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Paolo Vitti**, Prof. PhD. in history of architecture, The University of RomaTre (Italy); **Anna Vyazemtseva**, PhD., NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Wang Guixiang**, Prof. PhD., Tsinghua University (China); **Jean-Pierre Caillet**, Prof. Dr., Université Paris Ouest (France); **Manuel Antonio Castiñeiras González**, Prof. Dr., Universitat Autònoma de Barcelona (Spain); **Nina Konovalova**, PhD., adviser of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **Julia Kosenkova**, Dr., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia); **John McNeill**, Fellow of the Society of Antiquaries — and Fellow of the Royal Historical Society, — British Archaeological Association (Great Britain); **Jerzy Malinowski**, Prof. Dr., Polish Institute of World Art Studies (Poland); **Stavros Mamaloukos**, Assoc. Prof., PhD. in art and archaeology, University of Patras (Greece); **Christina Maranci**, Prof. PhD in Art History, Tufts University (USA); **Lev Maciel**, PhD, Higher School of Economy (Russia); **Robert Ousterhout**, Prof. PhD in Art History, University of Pennsylvania (USA); **Armen Sardarov**, Prof. Dr. in architecture, Belarusian National Technical University (Belarus'); **Vladimir Sedov**, Dr., Prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology of RAS (Russia); **Wolf Tegenhoff**, Prof. Dr., Zentralinstitut für Kunstgeschichte (Germany); **Lioba Theis**, Prof. Dr., Institut für Kunstgeschichte (Austria); **Anoush Ter-Minasyan**, PhD in architecture, National Museum-Institute of Architecture (Armenia); **Liudmila Khrushkova**, Dr., Prof., Moscow State University (Russia); **Dmitriy Shvidkovskiy**, Dr., Prof., Russian Academy of Arts and RAASN academician, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Marianna Shevchenko**, PhD, Moscow Architectural Institute (State Academy) (Russia); **Sharif Shukurov**, Dr., Institute for Oriental Studies of RAS (Russia); **Aleksey Shenkov**, Dr., Prof., corresponding member of RAASN, NIITIAG — branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Russia).

Editors: art historians **Elena Lavrenteva, Ekaterina Fomina** (Russia)

Editor of English abstracts: art historian **Beatrice Tolidjian** (USA),

architect **Kirill Stepanov** (Russia);

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические вопросы изучения истории архитектуры

И. А. Бондаренко. Человек в контурах мироздания. К поиску общности архитектурных традиций Востока и Запада	9
С. С. Ванеян. Камень и откровение — II. Архитектурные аспекты библейского повествования и экзегезы.....	22
В. В. Карпов. Шарль Блан и Жюльен Гваде: риторика и герменевтика композиции, рисунка и цвета. Часть вторая. Жюльен Гваде. Элементы и теория архитектуры	44

Вопросы историографии

Л. Г. Хрушкова. Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии.....	67
М. Юркович, П. Крлежа. «Адриовизантизм» и/или византийское влияние на хорватское культурное наследие — новое рассмотрение	104

Архитектура поздней античности и средневековья

Ш. Хайд. Существовали ли «домашние церкви»? Важнейший вопрос о местах литургии до Константина (I—III века)	121
А. Ю. Казарян. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата	145
В. Е. Науменко, Д. В. Иожица (Корзюк). Церковь на горе Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника	170
Р. Г. Мурадов. Региональные особенности архитектуры караван-сараев в Каракумах	197
В. П. Кирилко. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников)	222

Архитектура Нового и Новейшего времени

О. В. Линникова. Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда.....	245
О. С. Шурыгина. Архитектура автомобильных гаражей в Европе и США 1920–1930-х годов: взгляд из Советской России.....	261
Ю. Д. Старостенко. City Beautiful Movement в современных зарубежных исследованиях	276

Список сокращений.....	294
Сведения об авторах.....	295
About the authors	298
Авторам статей	301

CONTENTS

Theoretical questions of the history of architecture

I. A. Bondarenko. The human being in the outlines of the Universe. To the search of the common in the architectural tradition of the East and the West	9
S. S. Vaneyan. The stone and the theophany — II: Architectural aspects of biblical narrative and exegesis	22
V. V. Carpov. Charles Blanc and Julien Guadet: Rhetoric and hermeneutics of composition, drawing and color. Part two. Julien Guadet. The elements and theory of architecture	44

Questions of historiography

L. G. Khrushkova. Studies of Christian monuments of the Caucasus and contemporary discussions	67
M. Jurković and P. Krleža. "Adrio-Byzantinism" and/or Byzantine influence on Croatian cultural heritage — a reconsideration.....	104

Late Antique and Medieval Architecture

S. Heid. Were there "house churches"? The crucial question about the places of liturgy before Constantine (1 st –3 rd centuries)	121
A. Yu. Kazaryan. New data on the cupolas of Ani's churches. Part one. The Cathedral by an architect Trdat.....	145
V. E. Naumenko, D. V. Jozhitsa (Korziuk). The church on the mountain Ilka in the district of Mangup Fortress (South-West Crimea). Architectural analysis and bulk reconstruction of a monument	170
R. G. Muradov. Regional features of the caravanserais in the Karakum Desert.....	197
V. P. Kirillo. Architecture of the mosques of the Ottoman city of Kefe (Based on written and graphic sources)	222

Architecture of modern history

O. V. Linnikova. K. F. Schinkel's project for a palace in the emperor's estate of Oreanda.....	245
O. S. Shurygina. The architecture of car garages in Europe and the USA in the 1920s–1930s: A view from Soviet Russia	261
Yu. D. Starostenko. City beautiful movement in modern foreign studies	276
List of abbreviations	294
About the authors	298
For authors and reviewers.....	301

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

И. А. Бондаренко

ЧЕЛОВЕК В КОНТУРАХ МИРОЗДАНИЯ. К ПОИСКУ ОБЩНОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА*

В статье акцентируется внимание на древней индийской традиции изображения сидящей фигуры первочеловека Пурусхи в очертаниях квадратной мандалы. Продольная ось этой фигуры соответствует диагонали квадрата, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Если пространственные оси вторят диагоналям мандалы, то массивные устои должны располагаться по ее четырем сторонам, что корреспондирует с традицией почитания локапал — хранителей сторон света. В Европе возобладал обычай ориентировать здания не углами, а осьми по сторонам света, однако внутренняя система их построения осталась принципиально той же: в четырехугольнике стен заключался квадрат или ромб, диагонали которого совпадали с осями. Именно сюда вписывалась человеческая фигура, как бы рождающаяся, растущая, ширящаяся и формирующая трехмерное пространство. Это указывает на глубинную общность культур Востока и Запада и потенциальную продуктивность их сравнительного изучения.

Ключевые слова: архитектура мироздания, мандала, оси, диагонали, пространство и масса, антропоморфные символы.

I. A. Bondarenko

THE HUMAN BEING IN THE OUTLINES OF THE UNIVERSE. TO THE SEARCH OF THE COMMON IN THE ARCHITECTURAL TRADITION OF THE EAST AND THE WEST

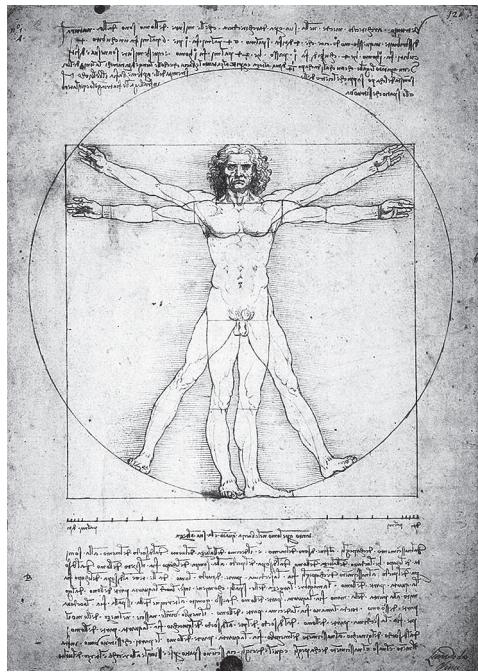
The article focuses on the ancient Indian tradition of depicting the sitting figure of the primal man Purusha within the outlines of a square mandala. The longitudinal axis of the figure corresponds with the diagonal line of the square oriented from Northeast to Southwest. If the spatial diagonals duplicate the diagonals of the mandala, then the massive abutments should be located to the four sides of it, which corresponds with the veneration of the Lokapalas — the guardians of the four directions. In Europe, the tradition to orient corners and not axes to the four directions prevailed; however, their inner system mostly remained the same: the quadrangle of walls had a square or a rhombus, the diagonals of which coincided with axes. It was the place where the human figure was inscribed, as if being born, growing, spreading and forming the three-dimensional space. This indicates deep ties between the cultures of the East and the West and the productivity of their reciprocal studying.

Keywords: architecture of the universe, mandala, axes, diagonals, space and mass, anthropomorphic symbols.

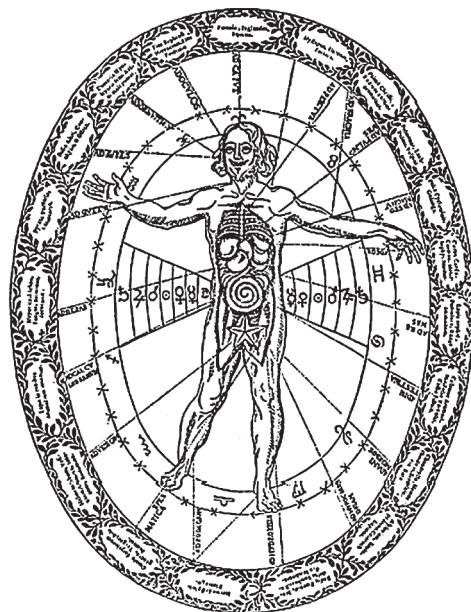
Широко известен рисунок Леонардо да Винчи, изображающий фигуру человека

ка с распластертыми руками, вписанную в окружность и квадрат. Он иллюстрирует то место в трактате Витрувия, где говорится о пропорциях совершенного человека: «...если положить человека навзничь с распластертыми руками и ногами и приставить ножку циркуля к его пупку, то при описании окружности линия ее коснется пальцев обеих рук и ног. Точно так же, как из тела может быть получено

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААЧ, тема 1.2.1. «Концептуальные основы развития всеобщей истории архитектуры: пересмотр стереотипов».



Ил. 1. Пропорции человека по Витрувию.
Рисунок Леонардо да Винчи



Ил. 2. Связь соотношений человеческого тела со Вселенной из книги «Эдип Египетский» (Холл 1994: 173)

очертание окружности, из него можно образовать и фигуру квадрата. Ибо если измерить расстояние от подошвы ног до темени и приложить ту же меру к распростертым рукам, то получится одинаковая ширина и длина, так же как на правильных квадратных площадках» (Витрувий 2003: Кн. III. Гл. 1, п. 3. С. 51) (ил. 1).

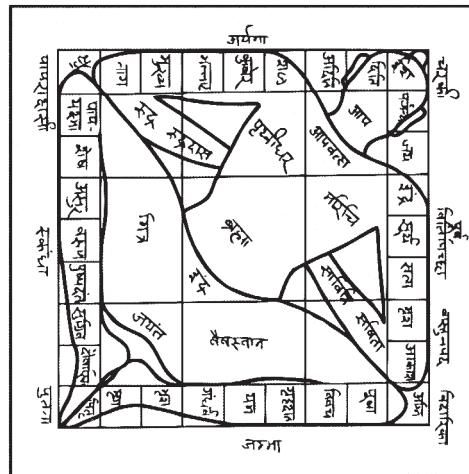
Приведенной цитатой, однако, не исчерпывается интересующий нас сюжет. С фигурой человека ассоциировалось само космическое мироустройство. Витрувий умалчивает об этом, предпочитая обходиться без мистики. Однако мистицизмом полны и средневековые, и ренессансные, и просвещенческие масонские сочинения, в которых мы находим человека-макрокосма, определяющего и конфигурацию мира, и дифференциацию его частей, и их функционально-символическую взаимосвязанность. С одной стороны находится голова — главенствующий элемент, ассоциирующийся с небом, с противоположной — ступни, попирающие существа хтонического (т.е. земного) происхождения (ил. 2). Руки демонстрируют мировую симметрию, но при этом радикально различаются на правую и левую с их извечными позитивными и негативными свойствами. А внутренние органы человека увязываются с различными природными стихиями. Особое значение в сочинениях оккультистов придается астрологической интерпретации человеческого тела. Это актуализирует обращение к образу Первочеловека, Адама или каббалистического Адама Кадмона — андрогина, существовавшего до разделения полов.

Даже совсем краткое упоминание обо всем этом не оставляет сомнений в том, что названный в начале статьи рисунок надо рассматривать в контексте гораздо более широкой и уходящей своими корнями в глубокую древность космологической традиции. Витрувий дает

понять, что с этой традицией увязывалась система архитектурного пропорционирования. Из нее исходила и сама метрология, оперировавшая испокон веков пальцами, ладонями, пядями, стопами, локтями, шагами, саженями. Она же порождала символические уподобления земли телу, камней — костям, рек — кровеносным сосудам, растительного покрова — волосам и т. п.

Такая народная вера имела вполне очевидные генетические связи с языческой этиологической мифологией, согласно которой мир создавался из тела некоего первосущества. В Месопотамии оно именовалось Тиамат, в Скандинавии — Имир, в Индии — Пуруша, в Китае — Пань-гу. Это достаточно известный факт, проливающий свет на пантегистические идеи божественной эманации, одушевления мира и наделения его биоморфными чертами. Здесь же коренится объяснение ритуалов жертвоприношений, совершившихся во имя рождения и поддержания жизни новой.

Мое внимание привлек антропоморфный образ Пуруши, запечатленный в квадратной мандале, описываемой в индийских пуранах, содержащих древнюю «науку об организации пространства» — Васту-видью (*Тюлина 2010; Kramrisch 1975*)¹. Это было традицией — изображать Пурушу в виде как бы сидящего на корточках с широко раздвинутыми коленями и локтями человека, но на самом деле лежащего и заключенного в начертанный на земле квадрат. Заключенного таким образом, что его продольная ось направлена по диагонали квадрата (ил. 3). Получается так, что ступни его ног упираются в один угол, а голова — в другой. Остальные два угла остаются по бокам, туда направлены его



Ил. 3. Пуруша-мандала (Тюлина 2010: обложка)

колени и локти. В таком положении он положен на горизонтальную плоскость, причем лицом вниз, что следует из приводимых ниже цитат из Матсъя-пураны.

Меня удивила такая поза Пуруши, как и сам факт втискивания его в рамки квадрата, оказывающегося тем самым хранителем антропоморфного образа. Объяснения тому содержатся в Ригведе, где Пуруша называется вселенной, «которая была и которая будет»: «Со всех сторон покрыв землю,/ Он возвышался (над ней еще) на десять пальцев» (Тюлина 2010: 15). Важным дополнением к этому служит легенда о Бхуте — «необъятном» живом существе со страшной мордой, поглотившем «небо и землю с семью океанами». Так сказано в Агни-пуране, где это существо названо «Васту-пурушей» (Там же: 14). А в Матсья-пуране сообщается, что Бхута с дозволения Шивы «все те три мира, всю землю до конца заключил в пространство своего тела и упал на землю.

Испуганные боги, а также Браhma и Держатель трезубца (Шива) вместе с данавами, асурами и рикишасами встали на него со всех сторон.

¹ Выражаю признательность Д.Н. Воробьеву за ценные советы и замечания специалиста по искусству Древней Индии.

Где на него встали, там он и остался жить» (*Трактат* 2010: 112).

Так раскрывается смысл квадратной мандалы со вписанной в нее антропоморфной фигурой, поверх которой распределены места многочисленных божеств. Сомнений в том, что эта фигура обращена лицом вниз, не остается благодаря фразе из той же Матсыя-пураны: «Как же мне существовать в [таком] виде, лицом вниз?» (*Там же*).

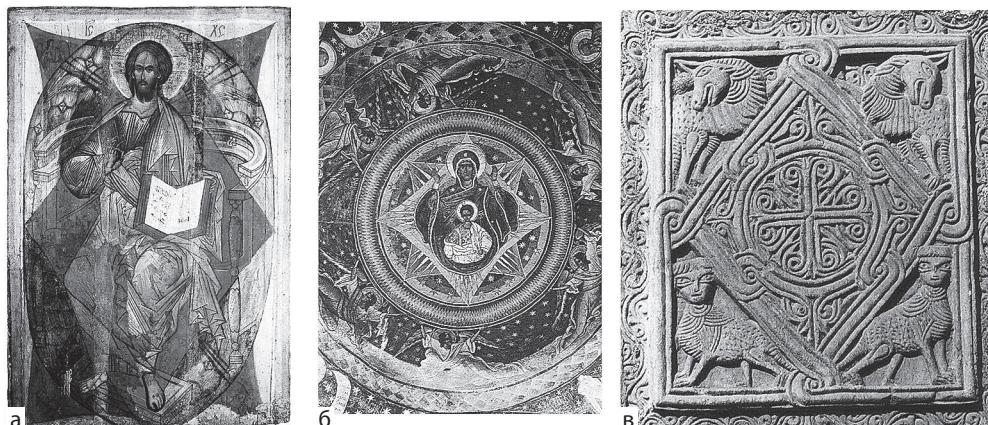
Правда, нельзя не отметить, что в Индии имеет место и другая традиция изображения Пуруши — лежащим на спине и смотрящим на зрителя. Наиболее ранний пример тому — раскопанная глиняная фигура из Мансара (V в.). По мнению Д. Н. Воробьевой, это свидетельствует о «развитии и трансформации» идеи во времени. Не будучи специалистом в данной области, позволю себе, однако, усомниться в возможности столь радикальной метаморфозы. Более вероятным представляется сосуществование двух проекций одной и той же фигуры — при взгляде сверху, с неба (со спины) и снизу, со стороны земли (груди или лица).

Жертвы, приносимые при освящении охваченного мандалой участка — васту, согласно обещанию Брахмы и других богов, служат пищей Бхуте-Пуруше (*Тюлина* 2010: 15). Ему недостаточно было «пожрать три мира», ему нужна была все новая и новая пища для того, чтобы жить. Дело в том, что голод издревле ассоциировался со смертью и небытием, а пища — с жизнью. Недаром в Ригведе сказано о том, что Пуруша «перерастает [все] благодаря пище» (*Там же*). Пуруша, следовательно, не просто поглотил миры и пал ниц на землю. Он стал подниматься, расправляться и расти, образуя собой новое пространство вселенной. А боги, вставшие на него, как и положено им, взмыли в вышний мир.

Судя по источникам, индузы наделяли антропоморфными чертами и столбы и колонны с их подножиями или подошвами, вертикальными стволами — телами и венчающими капителями — головами. В этом отношении они мало чем отличались от древних эллинов и римлян. Антропоморфизм можно обнаружить и в общих формах индуистских храмов и буддийских ступ. Но основой всего, как видно, служил образ человека, заключенный в квадратной мандале. Отсюда, из этого первого квадрата разворачивается все богатство архитектурных форм и объемно-пространственных композиций. Вероятно, отсюда же исходит изложенная Витрувием идея архитектурного модуля (*Витрувий* 2003: Гл. II, п. 1. С. 104–105).

Витрувианский человек заключен в квадрат совсем не так, как индийский Пуруша. Он стоит в довольно свободной пространственной полости внутри некоего правильного футляра. А Пуруша в скорченном состоянии зажат по углам. Однако следует обратить внимание на весьма распространенный прием наложения двух квадратов (или прямоугольника и ромба) со взаимным смещением на 45°, использовавшийся в восточно-христианской иконографии нимбов Саваофа и Премудрости Божией, а также обрамления Спаса в силах, а иногда и Богоматери с младенцем (ил. 4). Этот прием свидетельствует о том, что божественную фигуру и в европейском искусстве могли ориентировать по диагоналям обрамляющего ее четырехугольника. Другое дело, что тут же, с разворотом, изображали другой четырехугольник, для которого первый служил указателем на пространственные оси второго.

Четырехугольник или ромб, ориентированный диагоналями по пространственным осям, дополнялся еще мандорлой. Овальная, а тем более заостренная



Ил. 4. а) Спас в силах. Икона 1410 г. Гос. Третьяковская галерея; б) Богоматерь с младенцем на фоне небесных сил. XV–XVI вв. (Прокопиу 2003: 649, ил. 7); в) рельеф святого Дмитрия, XII в. (Прокопиу 2003: 649, ил. 8)

по концам мандорла наглядно передает состояние напряжения, сдавленности с двух сторон заключенного в ней пространства, стремящегося расправиться, обрести недостающую широту. Человеческая фигура в этом пространстве выглядит как персонификация его внутренних сил, как образ рождающегося божества, преобразующего двухмерное пространство в трехмерное. В идеале, когда достигается полная победа над теснотой, мандорла становится круглой. Равноконечный крест можно осмыслить как знак такой победы, а распятие Бога-человека — как жертву во имя обретения полноты жизни.

Посмотрим теперь повнимательнее на структуру индийской мандалы с вписанной в нее фигурой сидящего Пуруши. Ее главный — головной угол обращен на северо-восток. Что это значит? В том направлении находится место сопряжения двух сторон горизонта. В период летнего солнцестояния там заканчивается ночная тьма и начинается восход дневного светила. А в противоположном направлении юг смыкается с западом. Там садится низкое зимнее Солнце. Следова-

тельно, диагональ северо-восток — юго-запад можно трактовать как черту между царствами света и тьмы. Именно по ней, как и по оси человеческого тела, проходит разделение правой и левой сторон. В самом деле, восток испокон веков весь целиком ассоциировался со светом и благом, а запад — с сумраком, увяданием и концом времен. Представляется логичным, что начало света связывалось с летней солнечной кульминацией, а его конец — с зимней. Следует только сделать оговорку относительно того, что направление на северо-восток обозначает суточной перелом, происходящий еще до восхода Солнца, когда раздается первый крик петуха, знаменующий приближение утренней зари.

Таким образом, диагонали квадрата с фигурой Пуруши оказываются межами, разделяющими четыре стороны горизонта. Именно эти четыре стороны, а не углы квадратной мандалы обозначают места расположения устоев мироздания. Подтверждением тому служит традиционный прием раскраски мандалы: в ней выделяются центр и четыре отсека,



Ил. 5. Мандала-мандука (по:
informacionimagenes.net/mandalas/)

разделенные диагоналями. В углах наглядно фиксируется соприкосновение разных цветов, господствующих по сторонам. Следовательно, здесь проходят швы, скрепляющие части целого (ил. 5).

Если всмотреться в конструкцию деревянного сруба, то станет очевидным, что его углы — это самые настоящие швы, перевязки между стенами, сложенными из цельных бревен. Примечательно, что русская изба донесла до нас древнейшую традицию почитания углов. При входе в нее надо было прежде всего поклониться иконам, стоявшим в главном — красном углу. Показательны выражения «стать главою угла» или «сесть во главу угла». С ними увязывается распространенная некогда традиция закапывать в основание красного угла жертвенного петуха (Афанасьев 1994: 514). Петух первым приветствует рассвет, что привязывает его к тому самому северо-восточному направлению, куда ориентируется головой фигура Пуруши в мандале. Хотя это несколько противоречит традиции обращения красного угла на юго-восток или на полдень, т.е.

«на красно солнышко», что как раз и звучит в названии этого угла.

В русских сказках встречается Баба-яга, лежащая на печи и занимающая всю избу «из угла в угол» (Пропп 1986: С. 70), т.е. головой достигающая переднего угла. По мнению В. Я. Проппа, она могла лежать навзничь, подобно трупу в гробу (*Там же*). Однако это не увязывается с ее обычным сидением на печи. И как она в такой позе может встречать пришельца? На лежание лицом вверх вроде бы указывает в некоторых сказках такая ее характеристика: «нос в потолок врос» (*Там же*). Но мне кажется, что под этим подразумевалась полная встроенность мифологического существа в его жилище, которое недаром издревле наделялось антропоморфными и зооморфными чертами. В самом деле, окна избы ассоциировались с очами, дверь — с пастью, а треугольное венчание передней стены под скатами кровли (соответствующее фронтону в классической архитектуре) — со лбом. Правда, в этом случае хозяйка должна была вытягиваться не «из угла в угол», а по продольной оси своего домика, что мы и встречаем в одной из сказок: «Впереди голова, в одном углу нога, в другом другая» (Афанасьев 1982: 102).

О древности и универсальности данной традиции наглядно свидетельствуют дошедшие до нас погребальные урны из Южного Ханаана, датируемые второй половиной IV тыс. до н. э., на торцах некоторых отчетливо читаются признаки человеческих лиц (Кинк 2018: 102–103) (ил. 6).

Если согласиться с приведенными доводами, то русская Баба-яга становится похожей на древнейшую прародительницу, заполняющую собой избушку-клеть, подобную квадратной в плане мандале, накрытой сверху туловищем первопредка, вобравшего в себя «три мира» и «упавшего» на землю. К тому же она всегда голодна и норовит съесть

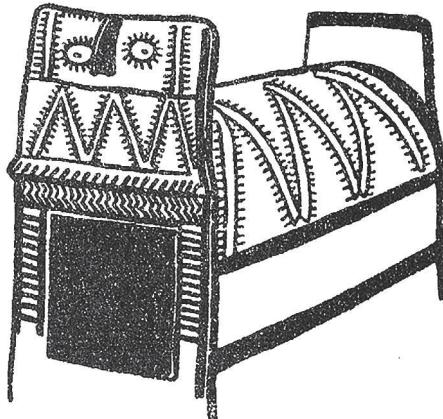
пришельца, что особенно сильно напоминает устрашающий образ индийского Бхуты-Пуруши.

Ивану-царевичу необходимо отыскать избушку яги и пройти сквозь нее, чтобы переродиться и достичь заветной цели. Этот сказочный сюжет перекликается с этнографическими данными о так называемом «перепекании» младенца в печи (Байбурин 1993: 53–54). Данный обряд обозначал возвращение в лоно матери и выход из него заново. Его с усердием исполняли, когда надо было исцелить больного ребенка. Положение во гроб мертвца и опускание его в могилу — «чрево Матери-сырой земли» — с верой в грядущее воскрешение имело, по существу, то же символическое значение. Поэтому признаки сходства избушки яги с домиком мертвых имеют под собой основания и не противоречат другим ее характеристикам.

Есть основания полагать, что ритуальное возвращение к образу Пуруши при начале всякого нового строительства имело по большому счету те же резоны.

Индийское учение Васту-видья можно считать строительным руководством, но только не в привычном для нас смысле. Главное содержание его заключалось в изложении жреческой ритуальной науки выбора и освящения места для возведения и благополучного существования архитектурного объекта. Изложение это было детальным, но оно не всегда понятно для нас и порой сбивчиво в силу древности первоисточника и накопившихся разночтений в его толкованиях. До нас дошло несколько вариантов разбивки мандалы на 45 квадратов, каждый из которых посвящался тому или иному божеству из огромного индуистского пантеона (Тюлина 2010: 19–25) (ил. 7).

Важно отметить, что по сторонам от центра мандалы, занятого верховным Брахмой, отводились места для особо по-

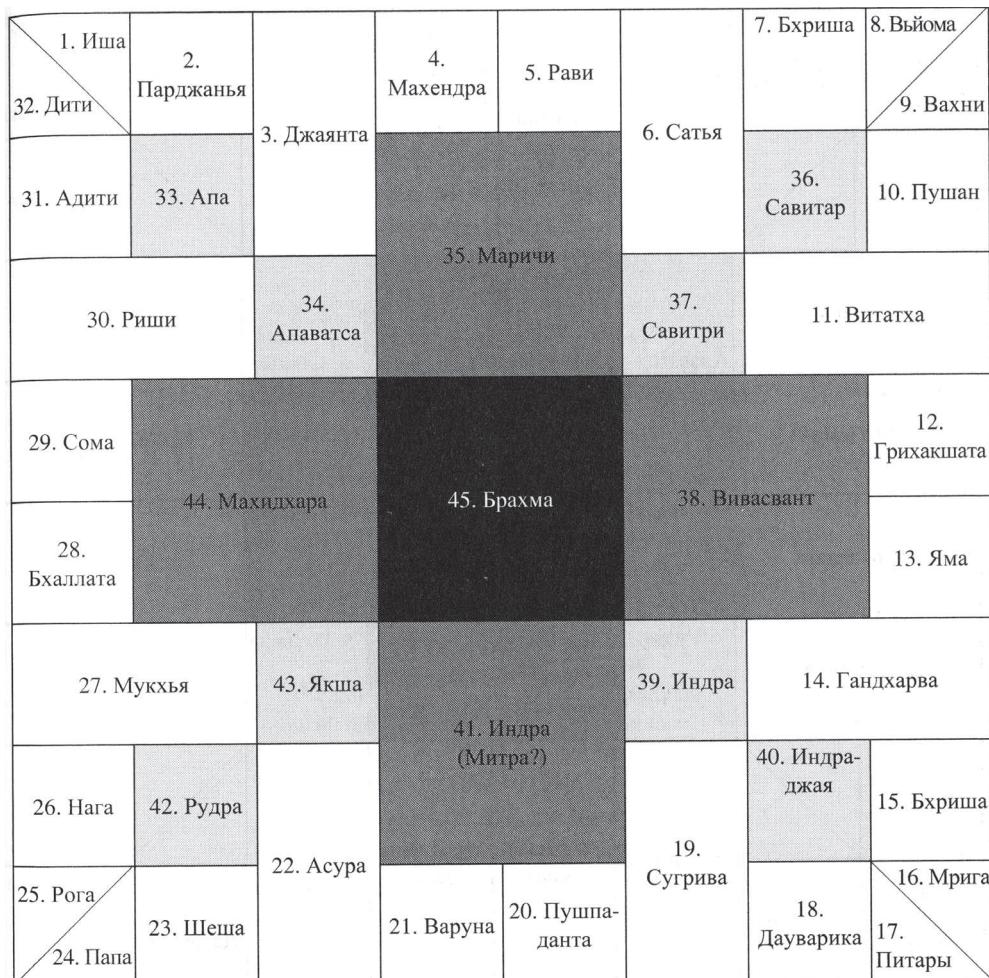


Ил. 6. Погребальная урна IV тыс. до н. э. Южный Ханаан (Кинк 2018: 103)

читаемых богов, считавшихся хранителями стран света — «локапалами». На юге во всех случаях располагался Яма, на востоке чаще всего Индра, на западе — Варуна, на севере — Кубера. Хотя существовали и другие варианты (Там же: 18–25). В углах же мандалы располагались более частные божества с не всегда ясными для нас функциями. Это говорит в пользу версии о промежуточном, межевом значении диагоналей квадратной мандалы.

О хранителях и стражах сторон света известно из мифологии разных народов. В Индии они ассоциировались не только с разными богами, но и со слонами — Диггаджа. Общее число таких слонов достигало восьми, поскольку наряду с четырьмя основными пространственными направлениями почитались и четыре промежуточных — диагональных.

Большой интерес для нашей темы представляет знаменитый китайский культ пяти гор, одна из которых находится в центре, а четыре других — на востоке, юге, западе и севере (Топоров 2010: 309). Коль скоро горы ассоциировались со сторонами света, то пространственные разрывы, приходящиеся на долины



Ил. 7. Мандала-мандука (Тюлина 2010: 19, схема 1 (Агни-пурана 40.2–18))

между ними, образовывали диагональные направления — именно так, как позволяет думать рассматриваемая нами индийская мандала.

Эти пять гор связывались в Китае с почитанием первопредка Пань-гу. Он разделил противоположности инь и ян, из которых образовались земля и небо. Все более отдаляя одно от другого, Пань-гу рос 18 тысяч лет, после чего умер, создав тот мир, где мы обитаем сегодня. Его дыхание стало ветром и обла-

ками, голос — громом, глаза — Солнцем и Луной, кровь — реками, жилы — дорогами, плоть — почвой, волосы на голове и усы — созвездиями, волосы на теле — травами и деревьями, зубы и кости — золотом и камнями, костный мозг — жемчугом и нефритом, пот — дождем и росой.

Один из вариантов мифа гласит, что пять частей его тела стали пятью священными горами, а четыре конечности — четырьмя сторонами света (Мифы 1992: 282). Это противоречит вышеупо-

мнутой привязке гор к сторонам света. Если горы соответствовали голове, середине туловища, его низу и бокам, то конечности, т.е. руки и ноги, протягивались между гор — по диагональным направлениям. Вспоминается фигура человека с раздвинутыми ногами и руками, как на рисунке Леонардо да Винчи, приведенном в начале статьи. Можно, конечно, предположить, что горы отмечали диагональные направления, тогда руки могли указывать на север и восток, а ноги — на запад и юг. Но существуют и другие поверья: будто бы западная гора — Хуашань — отмечает местоположение ступней обеих ног Пань-гу, северная — Хэншань в провинции Шаньси — его левой руки, а южная — Хэншань в провинции Хуань — правой [San Panda.cn]. (Заметим, что если север слева, а юг справа при обращении головой на восток, то грудь Пань-гу тяготеет к низу, а спина — к верху. То есть его поза сродни той, в которой пребывает Пуруша в мандале.) Восточная гора — Тайшань — прочно ассоциируется с его головой, а центральная — Суншань — с туловищем. Остается предполагать, что руки и ноги могли смещаться, находясь в диагональных пространственных разрывах возможности для движения.

Есть еще одна версия, находящая также аналог в ренессансных изображениях человека, вписанного в пятиконечную звезду. По этой версии пять великих гор возникли от рук, ног и головы Пань-гу [SanPanda.cn]. И все же, по классическим даосским представлениям, из пяти священных гор одна была центральной, а четыре остальные символизировали стороны света, что в схеме соответствовало мандале. Стоит заметить, что буддисты выделяют только четыре горы, опять же по сторонам света.

В отличие от сросшегося с горами Пань-гу, Пуруша вписан в диагональные

разрывы между ними и тем самым может считаться манифестацией пространства, разделяющего и раздвигающего массивы инертной материи. Пань-гу сочетал в себе противоположности, а Пуруша, похоже, мыслился существом небесным, исходящим из недр земли и порождающим космос над ней. Вспоминается древнегреческий титан Уран, порожденный Геей-землей и ставший ее супругом — небом (Мифы 1992: 549).

Это предположение вроде бы противоречит вышеупомянутой характеристике Бхуты-Пуруши в качестве поглотителя «неба и земли с семью океанами». Но ведь он «упал» на землю и возвысился над ней «на десять пальцев». Его туловище тем самым могло ассоциироваться с нашим, здимым и обитаемым миром, занимающим пространственную полость между землей первого дня творения (днищем Мирового океана, по средневековым представлениям, или широкогрудой Геей — по древнегреческим) и твердью небесной, созданной, согласно Библии, во второй день. Тогда Боги, вставшие поверх Пуруши, оказываются над твердью — «в небе небес».

Надо заметить, что сама геометрия многочисленных архитектурных планов и разрезов не оставляет сомнений в том, что в них заключена извечная оппозиция пространства и массы, света и тьмы, ян и инь, по китайской терминологии. Пань-гу принадлежал и тому, и другому. Он и родился тогда, когда они находились в смешении, как в яичном желтке (Там же: 282). Его заслугой было достижение поляризации и решительное разделение противоположностей. Пуруша, возможно, мыслился более поздним созданием, неким сыном неба, пространства и света.

Стоит обратить внимание в связи с вышеуказанным на традиции европейской средневековой картографии. Они восходили к античности. Арабские карты



Ил. 8. Средневековая псалтырная английская карта XIII в. (Чекин 1999: карта X.9.2)

следовали той же трехчастной схеме. Восток на этой схеме занимала Азия, к северу прилегала Европа, к югу — Африка (Чекин 1999). Запад оставался без континента, что не позволяло забывать о затонувшей Атлантиде. Фольклорные образы Земли, стоящей на трех китах, хорошо увязываются с такой картографией. Дошла до нас легенда и о начальных четырех китах, один из которых, однако, не выдержал и утонул (Афанасьев 1982: 195–196). Как видно, земные континенты, подобно китайским горам, привязывались к сторонам света.

Некоторые круглые средневековые карты изображались на фоне фигуры Бога или первочеловека Адама — макрокосма, ориентированной головой на восток, ногами на запад (ил. 8). Сходство с описанной выше китайской традицией нельзя не заметить. Правда, ли-

цевой стороной фигуру эту обращали не к земле, а к небу, подобно тому, как кладут покойников. Поэтому, в отличие от Пань-гу, ее правая рука указывала на север, а левая — на юг.

Можно догадываться, что разнящиеся в нюансах космогонические представления восходили к общему древнейшему прототипу. И все же вряд ли различия возникали случайно, в силу невнимательности и забывчивости людей, призванных хранить священную традицию. Я склонен считать, что в этих различиях заключался вполне определенный смысл, улавливаемый посвященными наблюдателями. Так, человек, лежащий на земле или под землей, должен был уподобляться Адаму — существу земному, созданному из земли и возвращающемуся в землю после смерти, о чем говорит само его имя. А фигура на фоне неба являла собой, очевидно, небожителя — ангела или Бога.

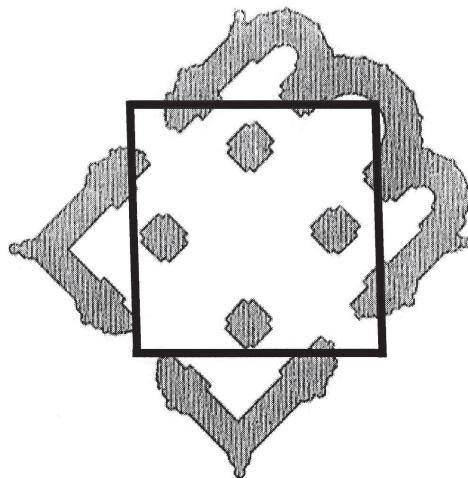
Мы привыкли к ориентации построек осьми по странам света, а углами, соответственно, по промежуточным, диагональным направлениям. Эта ориентация нам кажется естественной. Однако рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что по древнейшей традиции основные четыре устоя, несущие перекрытие, надо было ставить «на все четыре стороны», провешивая главные оси, соответственно, с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток.

Фигура Пуруши, привязанная к диагоналям мандалы, на самом деле указывает на две главные взаимоперпендикулярные пространственные оси, которые приходятся не на середины сторон света, а на их границы. В этом есть большой смысл, вытекающий из такого хода рассуждений: мы различаем левую и правую стороны относительно центральной оси симметрии своего организма. Восток при этом традиционно ассоциируется с благом. Он лучезарен, и в нем нет

двойственности. Он весь справа, а слева — совершенно иное, лишенное света, зловещее царство. Угол, куда упирается головой Пуруша, — место стыка и разделения противоположностей. И остальные три угла мандалы обозначают стыки разных сторон света. Это значит, что именно тут расположены точки входов-выходов, ворота, фланкируемые стражами с двух сторон. Углы подобны плотно затворенным воротам или прочным швам. Но в какой-то момент швы расходятся, и ворота раскрываются.

Такое отношение к углам еще улавливается в русской домостроительной традиции, но уже смутно в силу ее смешения с традицией храмостроения, которая проникнута культом осей и кажется совсем другой. Хотя на самом деле, как показывает сопоставительный анализ, и она строится на том же принципиальном основании — если алтарь и три входа считать четырьмя угловыми точками (ил. 9).

Нельзя не вспомнить, в развитие темы, о древней месопотамской традиции ставить города не осями, а углами по сторонам света. Хрестоматийные примеры тому — Борсиппа и Дур-Шаррукин. Наряду с этими, можно сказать, идеальными квадратными городами там же существовали города неправильных форм с одним заостренным углом, выдвинутым в северо-восточном направлении (Ур, Вавилон) (ил. 10). Не считался ли этот особо выделенный угол главным, как северо-восточный угол мандалы, куда вписывалась голова Пуруши? Может быть, в планировке указанных городов сознательно предусматривалось наличие такого головного выступающего участка, противостоящего заднему, относительно притупленному, как в Вавилоне, или вовсе скругленному, как в Уре. В таком случае возникает мысль о том, что квадратная мандала могла перерастать в более пластичную фигуру,

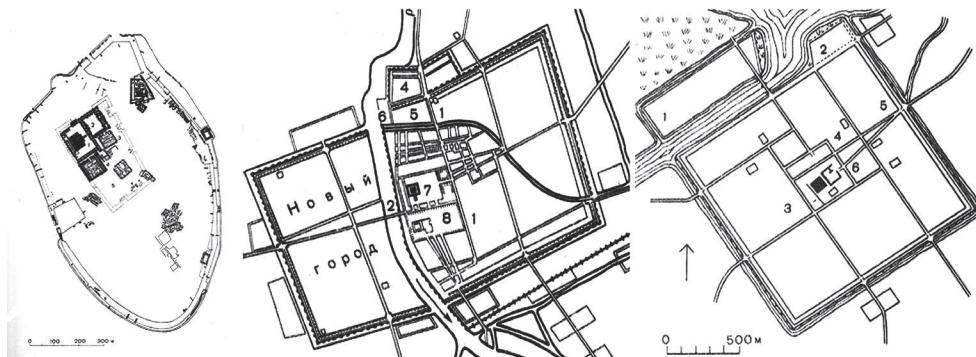


Ил. 9. Пространственный квадрат в плане древнерусского четырехстолпного храма.
Схема автора

выражающую внутреннюю динамику заключенного в ней антропоморфного существа, возникающего, растущего благодаря обильным жертвоприношениям и порождающего вселенную, распространяющегося в ней.

Идея рождения из яйца, раскрытия из бутона, возрастания и органического формирования мира, характерная для языческого менталитета, предопределяла наделение архитектурных сооружений особой экспрессией, одушевленностью и пластичностью. Поэтому и возникают догадки о вытягивании и заострении главного угла как некоего ростка, початка, пробивающегося на встречу Солнцу. Надо обратить внимание в этой связи на треугольные и в особенности килевидные головные уборы, шлемы, а также разного рода балдахины, крыши домов и, конечно же, храмовые купола, шатры и главы.

При этом требуется отличать формы, тянувшиеся вперед, наподобие корабельного носа, или вверх, наподобие мачты, вторящей оси вращения неба.



Ил. 10. Планы древних городов: а) Ура; б) центральной части Вавилона; в) Борсиппы

Впрочем, если представить себе Пурушу, поднимающего голову и принимающего вертикальное положение, то станет очевидной связь между тем и другим.

В заключение надо сказать, что в архитектуре испокон веков использовались фигуры четырехугольников, но не все они были одинаковыми. Существенным для нас представляется различие контуров массы и пространства, соотносимых с землей и небом. Человек жил на земле, но устремлялся в небо, он нуждался в пространстве и захватывал его. В реальности оно бывало тесным, щелевидным, ромбическим. В идеале же квадратным, точнее кубическим, с уравненными длиной, шириной и высотой. К этой мысли приводят знакомство как с западными, так и с восточными историческими и архитектурными источниками [Прокопиоу 2003: 645–666].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афанасьев 1982 — Афанасьев А. Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982.
- Афанасьев 1994 — Афанасьев А. Поэтические взгляды славян на природу: в 3 т. Т. 1 (оригинальное изд.: М.: Изд. К. Солдатенкова, 1869). Репр. изд. М.: Индрик, 1994.
- Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семан-

тический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Витрувий 2003 — Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. с лат. Ф. А. Петровского. Изд. второе, с исправлениями и уточнениями В. П. Зубова. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Кинк 2018 — Кинк Х. А. Художественное ремесло Древнейшего Египта и сопредельных стран / отв. ред. Ю. Я. Перепелкин. 2-е изд. М.: ЛиброКом, 2018.

Холл 1994 — Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической и розенкрейцерской символической философии. Интерпретация секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех стран (перевод с англ.). СПб.: СПИКС, 1994.

Мифы 1992 — Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992.

Пропп 1986 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: изд-во ЛГУ, 1986.

Топоров 2010 — Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

Трактат 2010 — Трактат по вастувидье из «Матсья-пураны» (гл. 252–270) // Храм, мир, текст. Вастувидье в традиции пуран. Исследование, перевод трактатов по вастувидье, комментарий / Е. В. Тюлина. М.: «Восточная литература» РАН, 2010. С. 111–164.

- Тюлина 2010 — Тюлина Е. В. Храм, мир, текст. Вастувидье в традиции пуран. Исследование, перевод трактатов по вастувидье, комментарий. М.: «Восточная литература» РАН, 2010.
- Чекин 1999 — Чекин Л. С. Картография христианского Средневековья VIII—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.: «Восточная литература» РАН, 1999.
- Kramrisch 1975 — Kramrisch St. The Temple as Purusa // Papers presented at a Seminar held in Varanasi, 1967 / ed. P. Chandra. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1975. P. 40–46.
- Прокопίου 2003 — Прокопίου Γ. Κοινές δομές στη Βυζαντινή και Βουδδιστική Εικονογραφία // Λαμπηδών. Αφέρωμα στη μνήμη της Ντούλας Μουρίκη / ed. by Μαΐρη Ασπρα-Βαρδαβάκη. Τ. 2. Αθήνα: Πανεπιστημιαχές Εχδόσεις Ε.Μ.Π., 2003. P. 645–662.

REFERENCES

- Afanasyev A. N. Drevo zhizni (*The tree of life*). Moscow: Sovremennik Publ., 1982 (in Russian).
- Afanasyev A. Poeticheskie vozzreniya slavian na prirodu (*Poetic views of the Slavs on nature*.), vol. 1. Moscow: Indrik Publ., 1994 (in Russian).
- Baiburin A. K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticeskii analiz vostochnoslavanskikh obriadov (*Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites*). Saint Petersburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Vitruvius. Desiat' knig ob arkhitekture (*De architectura*). Moscow: Editorial URSS Publ., 2003 (in Russian).
- Kink H. A. Khudozhestvennoe remeslo Drevneishego Egipta i sopredel'nykh stran (*Artistic craft of Ancient Egypt and neighboring countries*). Moscow: Librokom Publ., 2018 (in Russian).
- Hall M. P. Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoi, germeticheskoi, kabbalisticheskoi i rozenkreitserovskoi simvolicheskoi filosofii. Interpretatsiya sekretnykh uche-nii, skrytykh za ritualami, allegoriiami i misteriiami vsekh stran (*Encyclopedic exposition of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy. Interpretation of secret teachings hidden behind rituals, allegories and mysteries of all countries*). Saint Petersburg: SPIKS Publ., 1994 (in Russian).
- Mify narodov mira. Entsiklopedia (*Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*), vol. 2, ed. S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaia entsiklopedia Publ., 1992 (in Russian).
- Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki (*Historical roots of a fairy tale*). Leningrad: izdatel'stvo LGU Publ., 1986 (in Russian).
- Toporov V. N. Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye kompleksy (*World tree. Universal sign systems*), vol. 2. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010 (in Russian).
- Traktat po vastuvid'e iz "Mats'ia-purany" (glavy 252–270) (*A Tractate on Vastuvaidya from the Matsya Purana (Chapters 252–270)*). Khram, mir, tekst. Vastuvid'ia v traditsii puran. Issledovanie, perevod traktatov po vastuvid'e, kommentarii (*Temple, world, text. Vastuvaidya in the Puranan tradition. Research, translation of tracts on vastuvaidya, comment*), ed. E. V. Tiulina. Moscow: Vostochnaia literatura RAN Publ., 2010, pp. 111–164 (in Russian).
- Tiulina E. V. Khram, mir, tekst. Vastuvid'ia v traditsii puran. Issledovanie, perevod traktatov po vastuvid'e, kommentarii (*Temple, world, text. Vastuvaidya in the Puranan tradition. Research, translation of tracts on vastuvaidya, comment*). Moscow: Vostochnaia literatura RAN Publ., 2010 (in Russian).
- Chekin L. S. Kartografija khristianskogo Srednevekov'ja 8–13 vekov: Teksty, perevod, kommentarii (*Cartography of the Christian Middle Ages 8–13 centuries: Texts, translation, comment*). Moscow: Vostochnaia literatura RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Kramrisch St. The Temple as Purusa. Papers presented at a Seminar held in Varanasi, 1967, ed. P. Chandra. New Delhi: American Institute of Indian Studies Publ., 1975, pp. 40–46.
- Прокопίου Γ. Κοινές δομές στη Βυζαντινή και Βουδδιστική Εικονογραφία (Common structures in Byzantine and Buddhist Iconography), in: Λαμπηδών. Αφέρωμα στη μνήμη της Ντούλας Μουρίκη. Ed. Μαΐρη Ασπρα-Βαρδαβάκη, vol. 2. Athens: Πανεπιστημιαχές Εχδόσεις Ε.Μ.Π. Publ., 2003, pp. 645–662 (In Greek).

С. С. Ванеян

КАМЕНЬ И ОТКРОВЕНИЕ — II. АРХИТЕКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БИБЛЕЙСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ И ЭКЗЕГЕЗЫ

Если проследить функциональные контексты и семантические эффекты, присущие архитектурно-архитектонической тематике (мотивам) книг Первого Завета (камни, жертвенные, ковчег, скния, храмы, престолы, колесницы и т. д.), то становится понятным их экзегетически-поэтическая риторика. Предназначение этих предметно-событийных рядов — выстроить возможные паттерны толкования-понимания таких критических ситуаций, где задействована или реализована теофания, имеющая радикальные последствия или просто проявления — как на теологическом, так и на мифологическом, космологическом, а также текстологическом и герменевтическом уровнях. Так как по преимуществу встреча с Богом и Его близость имеют обличительно-кризисный характер, то и происходящее с такими или иначе выстроенными структурами зачастую выглядит прямой катастрофой — разрушением или нарушением некоторого привычного устойчивого порядка, столь важного как раз в случае всякого рода строительных феноменов. Постройка текстовая облегчает и опосредует переживание и принятие Божественной воли. Но не заменяет ли она Ее? Феноменология соответствующих явлений и событий (устройство скния Моисея, построение, уничтожение и восстановление храма Соломона), а также всякого рода визионерских «проектов» и описаний (прежде всего — пророческих) заставляет учитывать разные типы реальности, совмещенные на уровне библейского дискурса и выводящие со всей неумолимостью проблематику из пространства Первого Завета — в контекст уже Нового. Это касается взаимодействия не только альтернативных реальностей (гора или жертвенный, скния или храм), не только альтернативных способов отношения к священному месту и Присутствию (скния Моисея, храм Соломона, Новый храм Иезекииля, Второй храм Ездры), но и альтернативных текстуальных традиций и редакций (девтерономическая и ааронидская). Опыт теофании освобождается от медиальности предметных конфигураций и материальных конструктивов. И делается это при помощи столкновения архитектонических мотивов внутри текста, когда через порой разрушительные действия буквально освобождается место для «новой констелляции»: прямого и окончательного соединения с Богом в мистериальной (евхаристической) телесности Иисуса.

Ключевые слова: Первый Завет, теофания, экзегеза, текстуальная архитектоника, визионерский опыт и его фиксация, религиозные кризисы, разрушение и восстановление сакральной топики.

S. S. Vaneyan

THE STONE AND THE THEOPHANY — II: ARCHITECTURAL ASPECTS OF BIBLICAL NARRATIVE AND EXEGETICS

In tracing functional contexts and semantic effects typical of the motifs of the books of the First Testament (stones, places of sacrifice, the Ark, the Tabernacle, temples, altars, chariots etc.), we come to realise their exegetic and poetic rhetoric.

The purpose of these sequences is to build various patterns of interpreting and understanding critical situations which involve theophanies having most significant consequences or manifestations on different levels: theological, mythological, cosmological, textological, and last but not least, hermeneutical.

Because both an encounter with God and His proximity have a denouncing and critical character, their impact on erected structures often comes as a catastrophe — a destruction or disruption of an established order, crucial for building phenomena.

A textual structure makes experiencing and accepting God's Will less traumatic. However, can such a structure replace this Will?

The phenomenology of events (the arranging of Moses' Tabernacle, the building, destroying and restoring of Solomon's Temple) and also of various visionary 'projects' and descriptions (in the first place, prophetic) suggests that we should consider different types of reality, brought together on the level of Biblical discourse, which transforms problems that shaped the First Testament in the context of the New Testament.

This consideration concerns neither only alternative realities (mountain or altar, tabernacle or temple), nor exclusively alternative attitudes towards a sacred place and the Presence (Moses' Tabernacle, Solomon's Temple, Jeze-kiel's New Temple, Ezra's Second Temple), but also alternative textual traditions and versions (connected with Deuteronomy and Aaronides).

The experience of theophany liberates itself from the medium of objective configurations and material constructs. This liberation happens thanks to the encounters of architectonic motifs in the text, when sometimes destructive actions free a place for 'a new constellation' — for a direct and final connection with God in Jesus' mysterial (eucharistic) bodily presence.

Key words: *The First Testament, exegesis, textual architectonics, visionary experience, religious crises, a destruction and restoring of a sacral topica.*

Начните с Моего святилища...

Иез. 9:6

Камни святилища раскиданы
по всем перекресткам.

Плач. 4:1

Представленный храм экзегезы

Итак, в предыдущей части наших заметок (Ванеян 2017) мы проследили метаморфозы одного и прямо, и метафорически основополагающего и буквально краеугольного мотива — камня, постепенно превращающегося из монумента в памятник — как вещей, так и событий.

Но как нам желательно показать, этот феномен, этот мотив, эта тема и эта проблема — не столь важно в данном случае, как это называть, — является памятником или просто памяткой еще и другой истории — собственно истории экзегезы, попыток уразумения Откровения и опыта облечения его в слова.

И происходит подобное с этим феноменом именно под воздействием Слова, можно сказать, освобождающего место Себе, упраздняя все, что даже и не мешает Ему, а просто опосредует доступ к Себе. Истина Божественного Присутствия постепенно, но неумолимо приближается, преодолевая все искусственные завесы, заслоны, запоры, завалы и — законы. Но не заветы! Возникает такое впечатление, что вокруг камня, а равно и со многими прочими вещами,

из него производными, происходит своего рода дезинтеграция и девальвация на уровне чуть ли не самого бытия: они, как и сам камень, оказываются ненужными в качестве замещающих посредников Слова.

И совершается подобное упразднение-снятие посредством череды кризисов, за которыми — в терминах Первого Завета (Танаха) — недовольство (гнев) и воздаяние (суд) Яхве, Его желание перемен, вернее — исправления, причем как людей, так и вещей, вернее — положения дел (и действий).

И знак-симптом близости Всевышнего — приближение катастрофы, когда меняется сам порядок вещей, их привычные и успокоительные связи рушатся и возникают совсем «новые конstellации»¹ — верный признак Откровения и приближающегося Спасения.

Напомним, что мы выбрали камень как достаточно емкий образ-метафору, в котором конкретика материальных

¹ Понятие из теоретического арсенала Вальтера Беньямина используется нами вполне сознательно: «подлинное единство вещи» (ее истинное познание. — С.В.) обнаруживается, лишь когда «вещь входит в новую консталляцию, когда она для привычного познавательного контекста начинает видеться в новом и поразительном обличье». «Новая консталляция» — это новое и подлинное положение дел, когда обнаруживается «идея» (истина) вещи. Языковое обеспечение этой новой консталляции — задача настоящей (= критической) философии (см., в частности: Hügli, Lübeck 2002: 340).

качеств соединяется с богатой палитрой потенциальных способов (форм) взаимодействия с другими вещами и событиями. Важно было показать, как этот образ претерпевает воздействие иных феноменов, вещей и сил, последовательно и неуклонно исчезая, что и выглядит как разрушение. Камень может быть обозначением человеческой — претерпевающей стороны, зачастую — негативной, отрицательной в смысле отрицающей (инертность и «окамененность», неспособность принять Духа).

Напомним также, что камень-монолит, исполняющий свою сугубо прямую функцию «памятного знака», будучи вырванным, отделенным от обыденного и естественного, оказывается собственно жертвенником (оставаясь камнем и именно необработанным) и таким образом продолжает оставаться во многих местах Писания и истории Израиля. Но затем он, будучи обработанным, теряет свою природную, нетронутую, нерукотворную первозданность, оказываясь всего лишь элементом в гораздо более обширных, более сложных, более многосоставных структурах, буквально включаясь — не теряя и не умоляя своих первичных или просто константных смысловых импликаций — в череду выстроенных связей и отношений. И делает он это, встраиваясь в постройки, — пусть это не звучит тавтологией.

Проблема в том, что эти постройки не просто исторически конкурируют друг с другом, а экзегетически себя и друг друга преодолевают. Эти постройки — построения в самом широком смысле слова, когда «архитектоника» совсем не в первую и даже не во вторую очередь предполагает «архитектуру». Но тем не менее — в конечном счете, что крайне важно, — все же представляет, как бы заранее «подставляя» ее в виду будущих угроз. Именно с ней, с архите-

турой, так сказать, сводятся счеты, как с каким-то внешним заслоном, крайним и последним рубежом. И важно понять, почему и зачем.

В конце предыдущих заметок мы уже упомянули череду «храмов», подводящих нас к новым отношениям с Богом, минуя предметные опосредования и вещественных посредников: Новый и Вечный Завет предречен пророками и осуществлен в череде произошедших событий, произнесенных историй и — собственно произведенной (созданной) истории.

Остановимся чуть подробнее даже уже не на новых страницах в истории камня, а на новых аспектах судьбы всего, что из него можно было воздвигнуть. А после — обратим внимание, какое место и какое значение во всем этом экзегетическом процессе занимает пророчество как предельно специфическое письменное построение — в силу почти беспредельно близкой, почти до экстатического слияния связи с Откровением. Хотя сразу заметим, что это власть Слова, которое не только читимо, но и, как выясняется — немаловажное обстоятельство, — читаемо. Ибо — записано!

Наша идея будет заключаться в том, что есть предметно-событийные конstellации вещей и феноменов, которые в порядке вольной, а порой и невольной текстуальной экзегезы описывают или воспроизводят ситуацию очень конкретную: встречу со всепобеждающим и порой всесокрушающим откровением Бога. Эта встреча часто оказывается неожиданной, несовместимой ни с чем прежним, невместимой по смыслу и последствиям, но поведение вещей и феноменов, обладающих некоторым набором качеств, дает понять, что же случается на самом деле, случаясь по непреодолимой и настойчивой Воле, явленной в Слове.

И это Слово может принимать, как мы увидим, очень разнообразные формы, вернее сказать, прибегать к посредникам весьма разным, но одинаково действенным (все те же вещи и феномены), чтобы в какой-то момент отвергнуть их и явить себя во всесокрушающей и очищающей чистоте и буквальности.

Этих посредников, строго говоря, не так уж и много. Это все, что может взаимодействовать со всем тем же камнем как с некоторой стабильностью, связанной с иными константами, образуя с ним всякого рода конструкции, в том числе (или прежде всего) архитектонического свойства. Эти константы-мотивы суть, в частности, тела, одежды, цвет, наконец, собственно всякого рода действия, что с ним совершаются, главное из которых — конструирование новых вещей и новых отношений и связей.

Этот конструктив оказывается двух типов: это собственно всякого рода постройки и всякого рода отношения уже не столько вещей, сколько слов, образов, мотивов, дискурсов. Текстуально-композиционные построения — это очень важное измерение всех возможных и невозможных коллизий. Мы ни на минуту не должны забывать, что перед нами — собственно текст и тексты, предназначенные для очень конкретной задачи — предложить некоторую модель осмысления (толкования) и адаптации (рецепции) Откровения, явленного тоже в Слове.

Итак, само Писание — попытка ответить на откровение Божье некоторым уразумением, и она завершается самым грандиозным экзегетическим опытом. Это — весь Апокалипсис Иоанна, который, впрочем, предваряют не менее, а безусловно более важные тексты. Для последней книги Нового Завета — это, несомненно, Евангелия. Откровение Иоанна по отношению к Евангелию —

это как все девторономические (исторические) книги («Ранние пророки») по отношению к Торе. Попробуем, подобно прошлому разу, начать с конца, чтобы еще раз развернуть всю картину — вернее, конечно же, свиток, обращая внимание на то, как сугубо человеческие попытки установить истину оказываются попытками истину остановить и потому рассыпаются с неумолимой регулярностью перед лицом Истины в ее чистом, т.е. поступательном и безостановочном, творческом и свободном самообнаружении.

Обратившись к Апокалипсису, заметим, как сквозь весь его текст идет повеление — «напиши!»:

«Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое» (Откр. 3:12)².

В какой-то момент забываешь не только то, что перед нашим взором — видение-пророчество, но и то, что перед нами — текст, все та же посвятительная надпись, не запечатывающая, но запечатлевая, и сказанное, и увиденное, и явленное, и прореченное. И потому-то Откровение — катастрофично: обращенное ко всецелому творению, оно не оставляет целым ничего прежнего, ибо требует ответного обращения покаяния как вмещения-понимания,

² Предапокалиптические места из Евангелий имеют отчетливый характер анамнезы, когда Иисус в ответ на указание Ему посмотреть на красоту Храма, отвечает, казалось бы, симметричным образом, но в виде вопроса («Видишь сии великие здания?» — Мк. 13:2). Это не призыв, а предупреждение — и пророчество, т.е. выстраивание нового горизонта — в котором сходятся, соответственно, и новые небеса, и новая земля... Предупреждение, что все будет иначе, неожиданного и неожиданного — в случае неготовности к встрече и страха.

принятия как приятия себя без остатка, что и значит не оставление ничего в себе самом, но исчерпание и опустошение — освобождение места. Потому-то Сион — свобода, а Синай — рабство. И потому-то Небесный Град — сходит свыше, сразу целиком и готовый, ибо уготованный подобно Невесте — как дар.

Тот же белый камень — это и напоминание и о цвете престола Сидящего на нем:

«И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места» (Откр. 20:11).

И как рефрен-исполнение:

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:1–2).

И если к горе Синай нельзя было прикоснуться, то к Сиону — прикасаться нет надобности, нужно просто взойти к тому, что снизошло, и к Тому, Кто сошел. Сион сам прикасается и объемлет.

И, соответственно, решающая роль цвета: описание именно оптического образа, неосозаемого, но производящего буквально неизгладимое и неустранимое впечатление, отпечатывается в плоти сердца, что напоминает нам — уже как исполнение — известнейшее место пророка Иеремии (Иер. 31:31) о «новом завете», когда закон будет вложен «во внутренность их и на сердцах их напишу его...» (Иер. 31:33), т.е. в качестве замещения каменных скрижалей («не такой завет, какой Я заключил с отцами их... тот завет они нарушили...» — Иер. 31:32). Камень как носитель Слова — менее наджен, чем сердце или ум, — так расширяет это место автор Послания к евреям (Евр. 10:16). Более того, плоть

как носитель Слова (внутренности, сердце — об этом) указывает на функцию и аспект жертвы (Евр. 10:10): плоть должна быть принесена и уничтожена, искупление за грех, чтобы не осталось и следа нечестия и неверности.

Забегая вперед, заметим, что и сам феномен разрушения-упразднения, в том числе и несомненных святынь (сам Храм!), следует воспринимать и принимать как все то же жертвоприношение (всякое здание — имеет свое тело и свои «внутренности», например, внутреннее убранство, о котором у нас будет отдельный разговор). Показательно, как Иеремия описывает разрушение Храма — в зеркальной симметрии с описанием его возведения и устройства в З Цар. 8. При том что впереди — откровение-видение Нового Храма (Иез. 40). В конце концов разрушение можно воспринимать и как ритуал очищения — освобождения места (полезен и образ горшечника, разрушающего дело рук своих: Иер. 18:4 и Рим. 9:21).

Из ранних кризисных эпизодов теофанически-катастрофического воздействия на нечто возведенное — это, несомненно, эпизод со взятием Иерихона, где крайне важен для нас тот аспект, что по существу это описание не столько осады города (вообще — боевых действий), сколько чисто ритуального мероприятия, прямо отсылающего к храмовым богослужебным реалиям (трубящие в трубы левиты, шествия, остановки, повторяющиеся действия и возгласы).

«Народ воскрикнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскрикнул народ громким голосом, и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город» (ИсНав. 6:19).

Это больше похоже на расчистку места под храм-святилище (как, собствен-

но, и все повествование о завоевании земли: не только обетование со стороны Яхве, но и ответные усилия со стороны народа как своего рода жертво-приношение). Вся земля — не только обетованная — место Присутствия Божьего, требующего своего приготовления (как тот же Давид готовит строительство Храма, что буквально звучит как «основание»).

Но и вернувшись в свое исходное состояние, т.е. в прах, камень остается материалом. Более того, он возвращается в землю, дабы из нее иметь возможность вновь явиться!

Так что перед нами очень существенная феноменологическая линия камня в Писании: то ли монумента, то ли памятника, то ли чего-то совсем иного, но главное, открывающего аспекты и естественного, и искусственного, и сверхестественного. Это *естественность материала*, в своей стихийности способного выглядеть нейтральным, и это *искусственность приемов-усилий*, техничность, изготовленность и медиальность. Это его использования в строительстве, которое — все та же практика возведения, сложения, установления и проч. И это все то, что превышает перечисленные измерения, и это не только что (Божье дело), но и Кто (Бог Сам участник строительства).

Но, скажем сразу, речь идет об исторической метатеории: один Бог — автор и строитель самого главного «здания», которое даже не мироздание, а самое буквальное «домостроительство спасения», говоря несколько архаичным языком. Бог готов выстраивать историю Один, самостоятельно, не нуждаясь ни в помощниках, ни в посредниках. И памятники человеческих дел могут этому Божьему делу способствовать, а могут и мешать. Более того, вещественные «конструкции» зачастую менее надеж-

ны и менее эффективны, чем, например, конструкции текстуально-экзегетические (Ценгер 2008: 250–252). А ведь именно исторические книги канона Первого Завета — главный источник для разумения главного архитектурного «проекта», предшествовавшего Новому Завету, а именно — Храма.

При том что мы должны помнить, что т.н. «ранние Пророки» (исторические книги, следующие за Пятикнижием) — это история как раз толкования (претворения в жизнь) Торы, в том числе и в деятельности Божьего помазанника — царя Давида. Но, как выясняется, эта деятельность экзегеза в виде, например, «национального государства» — не совсем удачная, и потому — «ранняя», первичная, противопоставленная не только «поздним пророкам» (собственно пророки, возвещавшие как раз-таки крах «государственного эксперимента»), не только совсем поздним, подчеркнуто культово-священническим текстам книг Паралипоменон. Самое существенное то, что это противопоставление самому действенному способу толкования — текстуальному, в форме собственно исторического произведения (Там же: 256–257). Подобный библиологически-экзегетический аспект всех излагаемых ниже сюжетов с участием «архитектонических мотивов», безусловно, обязателен для понимания, так сказать, сути происходящего — как в истории, так и, самое существенное, в тексте, где слово даже человеческое и записанное, не говоря уж о Слове Божьем и возвещенном, — тот самый фактор кризиса как инструмент критики. Иначе говоря, речь идет об архитектонике суждения и тектонике суда.

Недаром в самом начале еще канона Первого Завета, в самом начале книги Бытия — столь выразительный и столь показательный образ и сюжет «ававилонского столпотворения», где встретились,

дабы рассеяться, и ложный материал, и не менее ошибочный проект:

«И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город» (Быт. 11:3–8).

Речь идет даже не столько о башне, сколько о городе, и не столько о строительстве «до небес», сколько о совместном строительстве, залог которого — один общий язык. Именно языковые и коммуникативные построения строят общность людей. Один язык — способен строить и разрушать общность «сынов человеческих» с главным Строителем всего сущего. И только Единый может Своим Словом восстанавливать нарушенное и разрушенное единство, когда материал — уже и не естественный камень, и не искусственный кирпич, а все то же слово — и плоть...

Построенный храм Соломона

Уже говорилось (Ванеян 2017: 19), что существует некоторое напряжение между теологией Скинии и теологией Храма, что достаточно рано было зафиксировано литературно³. Обратим внимание,

³ Это самое «достаточно рано» относится, вероятно, к тому еще периоду в истории складывания канона Первого Завета (пример-

что первая мысль построить Дом Божий приходит Давиду при сравнении его собственного дома, уже готового, и скинии (букв. «стены из ткани» — 2Цар. 7:2). Этому предшествовал эпизод перенесения ковчега, когда последний по мере продвижения от прежнего места (Ваала Иудина, т.е. из дома Аведдара) в Иерусалим оказывался в разных жилищах, как бы не имея своего места, как бы все еще оставаясь в пустыне (2Цар 6).

При том что еще прежде ковчег завета претерпевал еще большие неприятности, оказавшись в руках филистимлян (вплоть до поставления его, например, в храме Дагона — 1Цар 5:2–6,1). При том что сила Божия («рука») не покидала ковчег, являемая себя весьма грозно перед лицом нечестия (например, поражены были те, кто из любопытства заглядывал в ковчег: 1Цар 6:19).

Непосредственное преддверие строительства (вернее — рождение уже не желания, а самого замысла) связано тоже с конфликтом: с грехом Давида (царя!) перед Яхве. Гнев — из-за переписи Израиля (как будто это достояние царя, его подданные, а не владение Божие). Через провидца (нельзя путать с пророками)⁴ по имени Гад воля Яхве

но VII–V вв. до Р.Х.), когда все изменения имели сознательный — истолковывающий характер и поэтому характер и литературный. Где-то с нач. II в. до Р.Х. канон уже относительно стабилизируется, и потому изменения в нем — уже бессознательны, оказываясь тем самым предметом уже не поэтической, а сугубо текстологической критики. Методологически это позволяет и нам прибегать именно в толковании к приемам критики литературной (идейной в том числе) (Ценгер 2008: 68).

⁴ Типология пророков и их служения — крайне важная, хотя и отдельная тема (Ценгер 2008: 543–548). Достаточно сказать, что дожедшие до нас пророческие книги, во-первых, безусловно не принадлежат как целое тем лицам, чьи имена они носят, а во-вторых, связаны с теми неофициальными пророками-одиночками

была донесена до Давида, и через ангела-истребителя — повеление построить отдельный жертвенник, отдельный от скинии — по ряду причин: «И Ангел Господень сказал Гаду, чтобы тот сказал Давиду: пусть Давид придет и поставит жертвенник Господу на гумне Орны Иевусеянина» (1Пар 21:18).

Ангел-истребитель остановился над гумном Орны Иевусеянина — фактически — над Иерусалимом: «И поднял Давид глаза свои, и увидел Ангела Господня, стоящего между землею и небом, с обнаженным в руке его мечом, простертым на Иерусалим; и пал Давид и старейшины, покрытые вретищем, на лица свои» (1Пар 21:16). Давид выкупил место и поставил там жертвенник:

«...вознес всесожжения и мирные жертвы; и призвал Господа, и Он услышал его, послав огонь с неба на жертвенник всесожжения. И сказал Господь Ангелу: возврати меч твой в ножны его. В это время Давид, видя, что Господь услышал его <...> принес там жертву. Скиния же Господня, которую сделал Моисей в пустыне, и жертвенник всесожжения находились в то время на высоте в Гаваоне. И не мог Давид пойти туда, чтобы взыскать Бога, потому что устрашен был мечом Ангела Господня» (1Пар 21:26–30)⁵.

Получается, что Дом Божий — альтернатива скинии!¹⁶

ми, которых принято именовать «литературными» или «транслирующими» пророками (*Там же: 546–547*).

⁵ Понятно, о каком ангеле и с каким мечом это место должно напоминать читателю. См. об этом ниже.

⁶ Мы не вдаемся в дискуссию между иудаизмом и самаритянской традицией о подлинном месте строительства Храма — в Иерусалиме или на горе Горазин (хотя оппозиция между городом и городом, как мы убедимся ниже, — довольно существенная — задействована уже здесь) (Ценгер 2008).

«И сказал Давид: вот дом Господа Бога и вот жертвенник для всесожжений Израиля. И приказал Давид собрать присельцев, находившихся в земле Израильской, и поставил каменотесов, чтобы обтесывать камни для построения дома Божия» (1Пар 22:1,2).

Самое существенное — запрет со стороны Яхве строить храм Давиду, и разрешение — более мирному Соломону (первый пролил слишком много крови: 1Пар 28:3). Не значит ли это, что последующий (возможный и неизбежный) гнев Яхве теперь ориентирован на Храм, на его «плоть», которую, увы, быть может, тоже придется сокрушить, зная нравы народа — неверного и готового отпасть?

Будущий храм на горе Мория, на месте жертвенника оказывается уже и памятником события-теофании, где гнев и угроза истребления превращаются в прощение и примирение, хотя след угрозы остается. Это уже топос и фиксация события — со всей возможной, хотя и нежелательной переменой и динамикой. Ведь скиния пока остается на Гаваоне, и она как раз принципиально подвижна и является образ не просто Присутствия, а верности: где бы не был народ — Яхве с ним, тогда как в случае с храмом — место определено, и его изменение — новая угроза и катастрофа. Поэтому так важно соединить воедино жертвенник (факт и фактор Божьего благоволения) и ковчег (знак Божьей верности). Но даже реализованное воссоединение оставляет место для напряжения, т. к. Святая (жертвенник) и Святая святых (дэвир — место ковчега) не совпадают. Следует помнить в этой связи, конечно же, ковчег Ноя и жертвенник, воздвигнутый после спасения от потопа: функция сохранения-удержания и функция отдавания-жертвы — не совпадают, что и есть залог будущих напряжений, быть

может, не только неизбежных, но просто необходимых.

Пользуясь известной дискурс-риторической метафорой «метаболизма», можно сказать, что в случае со Скинией перемена может означать анаболическую трансформацию (например, движение вверх, в сторону неба — в видеении), тогда как в случае с храмом — это, вероятно, — уже и увы — опыт катаболический (т.е. опять же — катастрофический — разрушительный). Именно по причине стабильности, фиксированности, неподвижности, сопротивления переменам! И желания удержать Славу Господню, а равно — и *status quo* как таинственной⁷.

Другого рода двойственность будущего (и реализованного) Храма видна уже в словах Давида:

«И стал Давид царь на ноги свои и сказал: послушайте меня, братья мои и народ мой! было у меня на сердце построить дом покоя для ковчега завета Господня и в подножие ногам Бога нашего, и потребное для строения я приготовил» (1Пар 28:2).

То есть перед нами и хранилище Ковчега (Храм — как сокровищница, как место хранения — буквально «храм», т.е. место, где нечто хранится или схоранивается⁸), и средство «локализации», привязки к местности Божьего Всеприсутствия. Храм — это как тронный зал для Бога, мыслимого наподобие царя!

⁷ Или даже заменить на нечто противоположное: «Соломуну удалось сделать почти невозможное, ибо он взял Моисеевы нововведения и свел их на нет. <...> Многовековая имперская история вернулась на круги своя, словно ее и не прерывало откровение Бога-освободителя» (Брюггеман 2013: 82). И далее: «Имперская религия призвана быть дурманом, дабы никто не замечал сердечной боли, которую испытывает Бог» (Там же: 89)

⁸ См. об этом ниже в связи уже со Вторым Храмом.

На уровне замысла и его осуществления Храм — это приношение для Яхве, т.е. жертва и, значит, часть ритуала: приносятся вещества (металлы, древесина — вся феноменология и символизм вещественности!), приносятся живые существа (жертвенные животные), приносится речь-молитва царя, но приносится и намерение (воля!) человеческая (1Пар 29). Последний момент оказывается решающим: от расположения сердца зависит положение и состояние святыни. Храм становится мерилом и симптомом праведности и благополучия, но оно не зависит от него, просто правильное служение в Храме — необходимое, но совсем не достаточное условие милости.

Кроме того, Храм — это место обитания Божия, это — Его Храм (дом Божий в буквальном смысле слова), т.к. храм — место жертвоприношения и место ритуала вообще — как средства удержания Славы Всевышнего. Характерно, что параллельно строится не только Дом Божий, но и дом царский — место обитания земного владыки (можно вспомнить вторую скинию Моисея)⁹.

Строго говоря, замена скинии не обсуждается и не осознается: не говорится о судьбе ее, как она была упразднена, как произошла «utiлизация» ее остатков-фрагментов. Имеется только эпизод с перенесением ковчега: фактически (архитектонически) храм — только новая оболочка для тех же скрижалей. Кроме того, очень характерное обстоятельство, что камни для строительства Храма привозились на место уже готовыми:

⁹ Уолтер Брюггеман довольно убедительно и смело идет дальше, говоря о «всем комплексе, включающем в себя царя, храм и царский град» как элементе «имперской пропаганды», основанной на «вере в сотворение» (Брюггеман 2013: 86).

«Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3Цар 6:7).

Иначе говоря, строительство Храма с самого начала было устроением-оформлением уже готового, посвященного и потому — святого места, а вовсе не строительной площадкой! Уже освященное, т.к. избранное место оставалось фактически самым решающим фактором.

Кроме того, приготовленные заготовки — сами как приношения-вклады, недаром точный перевод того, что делал Давид, собирая средства и материал для Храма, это не приготовление, а уже — «основание»!

Если сравнить это с местом из Пятикнижия: «...и устрой там жертвенник Господу, Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа; из камней цельных устрой жертвенник Господу, Бога твоего, и возноси на нем всесожжения Господу, Богу твоему...» (Втор. 27:6,7), то становится понятно, что Храм — это и есть монументальный жертвенник, вернее — подножие или престол Всевышнего. В целом же можно при желании представлять это и более поэтически — и более мифически (космически), добавив сюда и гору, и град, и саму землю (таковы, между прочим, псалмы, относящиеся к текстологической группе «псалмов Кораха» (Ценгер 2008: 461)). Причем не только обетованную, а и вообще — сотворенную, что, однако, возможно, лишь если Яхве оказывается уже «Богом Небесным» (универсальным владыкой мироздания), на что потребовалось время, приближающееся ко времени Второго Храма...

Прочем, важное уточнение есть уже в известном месте Исаии:

«Так говорит Господь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего?» (Ис. 66:1).

И подтверждение сказанному — слова Самого Иисуса:

«А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя...» (Мф. 5:34–35).

Принципиальный и фундаментальный момент, таким образом, — это скрытие святыни, ее недопустимость для непосвященного. Святая святых, впрочем, — опять же всего лишь хранилище! Строго говоря — вся разница со скинией — роскошь, убранство, т.е. возможность украшения, оформления места, т.е. все та же монументальная параментика. Описание убранства Храма, который изнутри покрыт был листами золота, говорит о том, что перед нами — все тот же ковчег, но уже другой размерности. Аспект скинии, впрочем, удерживается: это дворы для собрания народа.

Так что не удивительно, что законченный и уже освященный Храм сразу оказывается под угрозой Яхве, готового разрушить дело рук человеческих, ибо важнее — души человеческие, вернее — народ избранный, достояние и удел Яхве... При том что самая первая причина возможного неблагополучия, казалось бы, столь благонамеренного дела — конечно же, желание Бога сохранить Свою суверенность пред лицом самых пусть и благочестивых деяний человеческих.

«И явился Господь Соломуно ночью и сказал ему: Я услышал молитву твою и избрал Себе место сие в дом жертвоприношения. <...> Ныне очи Мои будут отверсты и уши Мои внимательны к молитве на месте сем. И ныне Я избрал и освятил дом сей, чтобы имя Мое было там вовеки; и очи Мои и сердце Мое будут

там во все дни. <...> Если же вы отступите и оставите уставы Мои и заповеди Мои, которые Я дал вам, и пойдете и станете служить богам иным и поклоняться им, то Я истреблю Израиля с лица земли Моеей, которую Я дал им, и храм сей, который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего и сделаю его притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо него, ужаснется и скажет: "За что поступил так Господь с землею сею и с храмом сим?" И скажут: "За то, что они оставили Господа, Бога отцов своих, Который вывел их из земли Египетской, и прилепились к богам иным, и поклонялись им, и служили им, — за то Он навел на них все это бедствие" (2Пар 7:1,16–22)¹⁰.

Вся последующая история Израиля свершается как по предуказанному сценарию: разрушение оказалось неизбежным!¹¹ И даже попытка поновить по-

вражденный Храм (4Цар 12) оказалась неудачной: средства на ремонт ушли на откуп от сирийского царя Азаила! Вместо восстановления — просто сохранение от полного разрушения, т. е. «консервация» — знакомая и характерная оппозиция внутри «дела охраны памятников». И тут же — бесславная смерть царя Иоаса — того самого, который как раз-таки пожелал отремонтировать храм.

Разрушенный храм Иеремии

Но вернемся после несомненно вынужденной экзегетической интермедии к чисто исторической конкретике — к храму Соломона и его последующей — плачевной — судьбе, описанной пророком Иеремией.

Но проблема в том, что не совсем понятно, что было разрушено и почему, ибо Храм уже перед своим разрушением превратился в нечто противоположное всякой святыне:

«Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: исправьте пути ваши и деяния ваши, и Я оставлю вас жить на сем месте. Не надейтесь на обманчивые слова: "здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень" <...>. Вот, вы надеетесь на обманчивые слова, которые не принесут вам пользы. Как! вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи, и кадите Баалу, и ходите вслед иных богов, которых вы не знаете, и потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: "мы спасены", чтобы впредь делать все эти мерзости. Не сделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?» (Иер. 7:3,4, 8–11).

Тем не менее как трагично выглядит в своей невозмутимой описательности все случившееся:

¹⁰ Ср.: 3Цар 9:6–9. Нужно учитывать при «синоптическом» сравнении этих двух книг не только старшинство Цар. Пар — это как бы дополнительное (ср. греч. название этих книг, обычно именуемых «хрониками») толкование-изложение, но это, что важнее всего, тексты, ориентированные не на масоретские версии Цар, а на что-то более раннее, доступное, кстати говоря, и авторам Септуагинты, а равно — и кумранским реалиям (Ценгер 2008: 339). Особенno это существенно при сравнении версий как раз возведения Храма: «хронист» (автор Пар), вероятно, был знаком не только с некими историческими источниками, утраченными впоследствии, но и с текстом, к которому восходит знаменитый кумранский «Храмовый свиток» (Там же).

¹¹ На самом деле «девтерономист» (автор исторических книг, живший уже в послепленную эпоху), вероятно, так и задумывал свой труд — не столько исторический, сколько экзегетически-пророческий, призванный объяснить, почему оказалась столь неудачной попытка в плотить в жизнь Тору. Хотя следует помнить, что столь характерная здесь «керигма безнадежности» дополняется несомненным «скрытым мессианством» (Ценгер 2008: 260–261).

«В пятый месяц, в десятый день месяца, — это был девятнадцатый год царя Навуходоносора, царя Вавилонского, — пришел Навузардан, начальник телохранителей, предстоявший перед царем Вавилонским, в Иерусалим и сжег дом Господень, и дом царя, и все дома в Иерусалиме, и все дома большие сжег огнем. <...> И столбы медные, которые были в доме Господнем, и подставы, и медное море, которое в доме Господнем, изломали Халдеи и отнесли всю медь их в Вавилон. И тазы, и лопатки, и ножи, и чаши, и ложки, и все медные сосуды, которые употребляемы были при Богослужении, взяли; и блюда, и щипцы, и чаши, и котлы, и лампады, и фимиамники, и кружки, что было золотое — золотое, и что было серебряное — серебряное, взял начальник телохранителей; также два столба, одно море и двенадцать медных волов, которые служили подставами, которые царь Соломон сделал в доме Господнем <...>. Столбы сии были каждый столб в восемнадцать локтей вышины, и шнурок в двенадцать локтей обнимал его, а толщина стенок его, внутри пустого, в четыре перста. И венец на нем медный, а высота венца пять локтей; и сетка и гранатовые яблоки вокруг были все медные; то же и на другом столбе с гранатовыми яблоками. Гранатовых яблок было по всем сторонам девяносто шесть; всех яблок вокруг сетки — сто» (Иер. 52:12–14,17–23).

Эта описание утрат совершенно не случайно представляет собой почти полную цитату из 4Цар. 25:8–17, и столь же показательно эта описание повторяет описание убранства и инвентаря только что выстроенного Храма Соломона (3Цар. 7:15–47). Так и хочется сказать, что уже в конструкции записана была его деконструкция.

Вот только сборка и разборка явлены нам со всей наглядностью — тексту-

ально: несомненно, сама структура этого места 4Цар. и Иер. призвана быть зеркалом соответствующего места 3Цар., но в нем отражается, вернее — просто воспроизведется — не только порядок убранства храмового пространства, не только благочестивое приношение — пожертвование царя, но и уже все то, что подготовлено было — как будто заранее, на всякий случай — в качестве будущего трофея. Вернее сказать, это место книги пророка — чисто текстуальное — свидетельство в лице автора Иер исполнения воли Яхве, т.е. явленный, осуществленный Его гнев, исполнение Его угроз и предупреждений. Одновременно это и доказательство того, как мало стоит в глазах Всевышнего вся предметная сторона благочестия, как легко жертва благодарения может оказаться жертвой умилостивления, такое впечатление, что как будто все дело — только в перемене места! Это своего рода пророческая «спolia»: остаток перенесен, но, вероятно, не в пространстве, но во времени...

Хотя мы можем вспомнить соответствующие установления из Пятикнижия, где касательно жертвы всесожжения указывается необходимость сожжения останков — вне стана. Этот момент, как известно, по-новому — уже в свете Жертвы Иисуса — будет толковать автор Евр, но уже в контексте вавилонского пленения этот самый плен можно понимать и даже принимать аналогично: не просто вне стана, но вне того же Иерусалима, вне самой Иудеи — «на речах вавилонских» (Пс. 136).

И это в лучшем случае! Если же учитьывать столь характерную, целенаправленную и неумолимую для Иер. критику ложного, почти что магического благочестия, связанного как раз с храмовыми ритуалами (Иер. 7:4,8), то становится понятным, кто по-настоящему разорял и таки разорил Святыню: те самые

нечестивые, безрассудные и вероломные «пастыри», каковых сменят пастыри иные — завоеватели (Иер. 12:10 и след.), когда сам Навуходоносор назван (Иер. 43:10) «рабом Яхве»!

Так что недаром опись похищенных и унесенных в виде добычи сокровищ дополняется и упоминанием — правда, очень кратким — и уведенных в плен жителей.

Но что, конечно же, крайне важно — ни слова не сказано о ковчеге завета! И столь же существенно, что именно Иеремия — пророк Нового Завета (занеменитое место Иер. 31:31), который будет вечным, потому что написан на скрижалях сердца, а не камня («вложу закон Мой во внутренности их и на сердцах их напишу его» (Иер. 31:33). Но на пути к нему, впрочем, нас ожидает еще один Храм — как раз тот «Новый», который узрел уже пророк Иезекииль, вторяющий Иеремии и касательно все тех же сердец: «Я дам им единое сердце и вложу в них новый дух; Я возьму у них сердце из камня и дам им сердце из плоти» (Иез. 11:19)¹².

¹² Нужно отдавать себе отчет, что повествовательно-исторически все приводимые тексты хотя и выглядят диахронически несовпадающими различными эпизодами, исторически следующими друг за другом, на самом деле представляют собой разные уровни или даже синхронически совпадающие элементы единого или почти единого замысла — на уровне текстологии и в контексте редакторско-литературной деятельности как раз периода плены (время складывания даже не канона, а состава будущего Танаха). Именно здесь нас ожидает монументально-мемориальный парадокс, касающийся все того же Храма. Ведь даже сама история его проекта и соответственно строительства — плод теологически-текстологической рефлексии, относящейся к моменту после разрушения настоящего храма! Восстановление храма в будущем начинается с воспоминания о его построении в прошлом, желаемое экстраполируется в историю как уже имевшее место быть

Увиденный храм Иезекииля

С самого начала следует упомянуть сугубо литературную особенность текста — очень типичный, распространенный и крайне действенный прием: параллелизм композиции книги, заключенной в том числе в рамках двух храмов, одного — бесконечно, беспредельно и безнадежно нечестивого и падшего, и другого — несравненно прекрасного, чистого и безупречного, а главное — Нового!

Автор (или авторы)¹³ текста книги совершенно подчеркнуто заключают в эти два описания не просто судьбу Израиля, отпавшего и согрешившего, а потому — отвергнутого и наказанного, а, вероятно, состояние всего мира, рас простертого между отпадением и верностью, проклятием и благословением, между смертью и прощением.

Это Храм Соломона, оказавшийся во власти нечестивцев, и Новый Храм — знак примирения и мира. Остановимся на каждом из них, дабы затем найти — это не трудно — место или, вернее, способ и структуру опосредования и оправдания. Между двумя крайностя-

и потому обязанное быть и впредь. Намерение возвести Храм текстуально строится и виртуально преподносится как напоминание, что он уже был! Можно сказать, что именно разрушение Храма сделало его чем-то необходимым и законным. Притом что текстуально сохраняется и память об альтернативе Храма — о Скинии. Более того, Скиния в условиях плены выглядит даже чем-то более предпочтительным (во всяком случае, для девтерономической, т. е. антисвященнической традиции). Ср.: «В ситуации плены и изгнания община создала образ (божественного) Присутствия, котороедается не через Храм, а через подвижное святилище» (Брюггеман 2009: 76).

¹³ Можно говорить даже о «группах авторов» (Ценгер 2008: 657). Для нас важна в том числе вероятная и очень поздняя (I в. до Р.Х.) дополнительная обработка как раз фрагмента, описывающая видения.

ми — ожидания заслуженного проклятия и встречи с нечаемым даром обновления — мы имеем дело с описанием того крайне многосоставного феномена, что очень условно именуется «Славой Божией». Обратимся сначала к крайним пределам, чтобы потом уяснить, в чем смысл, скажем сразу, всей этой замысловатой то ли конструкции, то ли композиции, то ли некоторого пусты и виртуального построения, то ли некоего пусты и текстуального, но — сочинения.

Итак, вот что является — видится и показывается — пророку касательно Иерусалима и его Храма, который, по всей видимости, как это ни ужасно, но заслужил в глазах Яхве своей печальной и скорой участи:

«И привел меня ко входу во двор, и я взглянул, и вот, в стене скважина¹⁴. И сказал мне: сын человеческий! прокопай стену; и я прокопал стену, и вот какая-то дверь. И сказал мне: войди и посмотри на отвратительные мерзости, какие они делают здесь. И вошел я и вижу, и вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных и всякие идолы дома Израилева, написанные по стенам кругом. И семьдесят мужей из старейшин дома Израилева стоят перед ними, и Иезания, сын Сафанов, среди них; и у каждого в руке свое кадило, и густое облако курений возносится кверху. <...> И привел меня ко входу во врата дома Господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фам-

музе <...>. И ввел меня во внутренний двор дома Господня, и вот у дверей храма Господня, между притвором и жертвенником, около двадцати пяти мужей стоят спинами своими ко храму Господню, а лицами своими на восток и кланяются на восток солнцу...» (Иез. 8:7–17).

Это то, что является началом или причиной бедствий. Мы видим, так сказать, оборотную сторону Храма, то, что таится, — это храм-крипта, где скрывается «мерзость», при том что всякая постройка предполагает в своем устройстве возможность тайных, подпольных мест: как всякое материальное дело рук человеческих, Храм имеет скрытые измерения — ведь он пространственное образование и в нем есть то, что скрыто от взора человеческого, но не от Божеского. Поэтому «мерзости» открываются тоже в виде видения, и потому можно сказать, что архитектура визионерского опыта — как и сам опыт — отличается специфическими свойствами: это чисто оптическое явление, не просто проницаемо-прозрачное, а лишенное привычных стереометрических и даже просто телесных качеств: в ней отсутствует оппозиция внешнего и внутреннего! Это сугубо проективный, трансферный феномен тотального зрелища, а потому — плоскости (недаром же идолы написаны на стенах!), хотя в нем участвует сам пророк: он видит себя, совершающего те или иные действия, но и испытывающего те или иные воздействия!

А вот что мы имеем в качестве не итога, но обетования. Бедствие и наказание — как всякое зло — не для вечности. Для нее уготовано благословение:

«Ты, сын человеческий, возвести дому Израилеву о храме сем, чтобы они устыдились беззаконий своих и чтобы сняли с него меру. И если они устыдятся всего того, что делали, то покажи им вид храма и расположение его, и выходы

¹⁴ Или «щель» в более точном переводе. Равно и «прокоп» есть скорее «пролом». Но еще важнее, что инициатива разрушения исходит от Самого Яхве, а пророк — орудие Его воли. О том же свидетельствует уже Амос: «...и Он сказал: ударь в притолоку над воротами, чтобы потряслись косяки, и обруши их (в другом чтении — «Храм») на головы всех их...» (Амос 9:1). Впрочем, текст не совсем ясен (Ценгер 2008: 703). Но Сам Яхве же и заделает все трещины в скинии Давида (не Храма!), согласно Амос 9:11.

его, и входы его, и все очертания его, и все уставы его, и все образы его, и все законы его, и напиши при глазах их, чтобы они сохраняли все очертания его и все уставы его и поступали по ним. Вот закон храма: на вершине горы все пространство его вокруг — Святое Святых; вот закон храма!» (Иез. 43:10–12).

И после всей «проектной документации» (несколько глав, почти точно повторяющих объем и содержание соответствующих мест из ЗЦар) появляется совсем иная картина: «Потом привел он меня обратно к дверям храма, и вот, из-под порога храма течет вода на восток, ибо храм стоял лицом на восток, и вода текла из-под правого бока храма, по южную сторону жертвеника. И вывел меня северными воротами, и внешним путем обвел меня к внешним воротам, путем, обращенным к востоку; и вот, вода течет по правую сторону. Когда тот муж пошел на восток, то в руке держал шнур, и отмерил тысячу локтей, и повел меня по воде; воды было по лодыжку. И еще отмерил тысячу, и повел меня по воде; воды было по колено. И еще отмерил тысячу, и повел меня; воды было по пояснице. И еще отмерил тысячу, и уже тут был такой поток, через который я не мог идти, потому что вода была так высока, что надлежало плыть, а переходить нельзя было этот поток. И сказал мне: “видел, сын человеческий?” И повел меня обратно к берегу этого потока» (Иез. 47:1–6).

Измеряется уже не планиметрия, а глубина, за которой — высота! И это уже мера не прохождения, а углубления! И это уже не сооружения, а скала — основание, причем — естественное, а потому и столь легко переходящее в сверхъестественное, связанное уже с иным Зодчим.

И еще раз обратим внимание, что данный проект только внешне напоми-

нает прежний храм и храм вообще, хотя бы потому, что «святая святых» — вокруг него, т.е. сам он — один единственный и монументальный ковчег, вокруг которого все свято, потому все принадлежит и причастно ему! Новый Храм — новый и окончательный эпицентр нового творения, которое, впрочем, восстановление прежнего: воды из-под храма, можно сказать, литургически сливаются с водами рек, протекавших в эдемском саду! (Брюггеман 2009: 259).

Итак, перед нами крайне, казалось бы, несимметричная оппозиция, т.к. противопоставляются вещи вовсе не сравнимые: скрытая и нечестивая субструкция (та самая «преисподня», которая, по сути, — «исподнее» святыни), в которую ведет то ли щель, то ли пролом, и спроектированная и дарованная как плод очищения метаконструкция, освящающая все вокруг себя. Мы сможем убедиться в конце наших заметок-наблюдений, а равно — и в конце Откровения, что это своего рода структуры тотальной святости, не знающей противопоставления священного и скверного, чистого и нечистого, праведного и нечестивого, в итоге — близкого и удаленного. Этот конец — совсем не то, что в начале, когда так важно было «...отличать священное от несвященного и нечистое от чистого» (Лев. 10:10).

Но укажем, наконец, что есть связующее звено между этими двумя крайностями, которые тем не менее сходятся как всякие противоположности, в отличие от того, что по существу своему — вне всякого сравнения, ибо это — Слава Господня. Остановимся на самых примечательных, вернее сказать — поразительных качествах, позволяющих говорить, что перед нами — некое составленное из определенных элементов устройство-конструкция, фактически — сооружение (заметим — довольно неустойчивое в своих внешних аспектах):

«И я видел, и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, — и таков был вид их: облик их был как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; а ноги их — ноги прямые, и ступни ног их — как ступня ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь. И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их; и лица у них и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего. Подобие лиц их — лицо человека и лицо льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лицо тельца у всех четырех и лицо орла у всех четырех. <...> И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния. И смотрел я на животных, и вот, на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их. Вид колес и устройство их — как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их и по устройству их казалось, будто колесо находилось в колесе. <...> А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз. И когда шли животные, шли и колеса подле них; а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса. Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ними, ибо дух животных был в колесах. <...> Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простертого сверху над головами их.

А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их. <...> И голос был со свода, который над головами их; когда они останавливались, тогда опускали крылья свои. А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресподного и выше и от вида чресподного и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него» (Иез. 1:4–27).

Совершенно отдельная тема — источники и аллюзия подобной «инсталляции» символических элементов. Бросается в глаза, несомненно, программно-итоговый характер этого визуально-текстуального палимпсеста. Очень кратко «отмотаем» назад основные моменты, участвовавшие в генезисе столь причудливо-мощного образа. Достаточно сказать, что это Ис., соотнесенный с Их., из чего и возникает вся концепция.

«В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыльях: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал <...>. Храм наполнился курениями <...>. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника....» (Ис. 6:1,2,4,6).

Уже здесь присутствуют и престол, и серафимы (животные?), и огонь. Но дело происходит внутри Храма, и огонь — с жертвенника. Хотя самое главное — это присутствие Самого Всевышнего. Последнее обстоятельство

отсылает нас буквально и переносно — к Исходу, где совмещается и жертвенник (Исх. 24:4), и гора, и Слава Божья, а равное — и огонь:

«Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и видели Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное. <...> Они видели Бога, и ели, и пили <...>, и слава Господня осенила гору Синая; и покрывало ее облако шесть дней. Вид же славы Господней на вершине горы был <...> как огонь поглощающий...» (Исх. 24:9–11, 16, 17).

Итак, у Иезекииля нам дается наглядно и через чтение уразуметь связь между явлением Яхве Моисею, т.е. началом спасения и явным знаком благоволения Божьего, и плачевным итогом отпадения. Причем крайне принципиально, что Яхве остается верен — в Своем величии, мощи, но главное — в близости. Его Присутствие — Его Слава — всегда рядом, она всегда альтернатива всему творящему злу — где бы это ни было, даже в Храме, всегда и всюду — Сион пребывает вовеки. И такая потрясающая инаковость Всевышнего обозначается опять же архитектонически и пространственно. Отсылка к Исх. — бесконечно значима, ибо эта книга содержит одно принципиальное место, в котором наглядно соотнесены — в одном не только пространстве повествования, но и в пространстве почти что физическом (это одна местность) — как скиния завета, так и скиния собрания, она же — «Шатер встречи» (Исх. 33:7), входжение в которую Моисея порождало «столп облачный» (Исх. 33:9). И здесь же — скала, на которую поставил Яхве Моисея, чтобы тот видел Славу Господню, проходящую мимо.

Поэтому так важно, что у Иезекииля перед нами — несомненный экзен-

гетический артефакт, призванный визуализировать определенный набор утверждений-высказываний касательно вещей существенно незримых. Особым образом — настоятельно и многократно — подчеркивается согласованность каждого элемента подобной гибридной конструкции и способность двигаться в любом направлении — знак активного и равнонаправленного всеприсутствия Божественной Воли.

Нельзя не обратить внимание и на венчающие элементы над животными: свод и престол над ним. Никак не объясняется и не описывается конструкция, связывающая воедино каждый элемент. Принципиально то, что воспроизведенное целое не выглядит как постройка, это скорее нечто такое, что можно нарисовать словами, красками и в воображении. В любом случае технически, хотя и очень условно, это выглядит как передвижной табернакль или опять же скиния, но то ли установленная на повозку, то ли несомая на руках (скорее и то, и другое: 1Цар. 6:11 и Чис. 1:51 или 1Пар. 13:7, а также — 29:18)¹⁵. В известной мере это и есть скиния или давир, но распространенный еще и вверх и подвижный не только по горизонтали — как это было в пустыне (а ковчег Ноя — еще и в водах потопа: Быт. 6–8), но и во всех иных направлениях, главное из которых — как раз схождение вниз («Я Сам пойду с вами...» — Исх. 33:14). Но одновременно это и такая скиния, что совмещена с огненным столбом, будучи снабженной и жертвенником (огонь внутри херувимов), причем — перед лицом горы (Исх. 24:4).

¹⁵ Ср.: «Цель этого видения — продемонстрировать подвижность Господа, не привязанного к Иерусалимскому Храму, но движущегося, способного прийти к пленникам даже в чужую и нечистую землю» (Брюггеман 2009: 244).

Наличие и задействованность херувимов одновременно и очевидно отсылает к устройству Храма, к его Святая святых, где образы этих существ тоже присутствуют на крышке ковчега, с крыльями, ее осеняющими, и с лицами, обращенными друг к другу. Хотя главный аспект — опять же теофанический: «...там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения...» (Исх. 25:22).

Самое в нем главное, впрочем, это безусловно световые и огненные эффекты и мотивы: это нечто не просто сияющее, а пылающее — изнутри. И вся эта многосоставная структура-сень — в движении, она снисходит, восходит, проходит, летает — и осеняет! И совершает все это только потому, что внутри — пылает пламя, горит огонь и сияет раскаленный металл. Это похоже на некую топку, из которой исходит животворящий жар (ср: «Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи...» — Исх. 19:18). Внутри — Дух! А в целом это синхронная манифестация всех знаков теофании. Это и есть сама теофания — грандиозная и вызывающая трепет картина Присутствия и близости Яхве: «Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поглощающий» (Исх. 24:17)¹⁶.

И подчеркнем еще раз: вся эта система несоединимых единства — основание для Восседающего на троне, который над сводом, который — над животными, над крыльями, руками, ликами, колеса-

¹⁶ Ср., конечно: «...Господь же шел пред ними днем в столпе обличном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп обличный днем и столп огненный ночью от лица народа» (Исх. 13:20–22).

ми-кругами, которые — над землей, над миром и над Своим творением. Быть может — и над явлением Себя...

И потому пророк Даниил впоследствии истолковывает это обстоятельство совсем конкретно и окончательно:

«Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий дядами; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь» (Дан. 7:9)¹⁷.

Кроме того, крайне значимо, что херувим и огонь — уже и в самом начале несчастий рода человеческого: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:24). Так что подвижность этой знаменитой божественной колесницы-меркабы не только пространственная, но и времененная, вернее — эсхатологическая: она связывает воедино начало нечестия и начало катастрофы, а равное — конец катастрофы и начало благословения. Жар ее пламени пожирает само время!

Не трудно заметить, что катастрофа-разрушение, т.е. гнев и отмщение Яхве — это и порог, но и эпицентр Его силы и власти. И можно представить, что подвижность Славы — относительная: быть может, все вокруг Нее — в движении и перемене, а Она одна — в неизменности пребывает как незыблемое основание и условие всего подлинного — и явленного, как источник жизни

¹⁷ Но как связать то, что «огненная река выходила и проходила перед Ним» (Дан. 7:10), и то, что, как мы уже видели, из-под Нового Храма выходит река живой воды (Иез. 47:1), а равно — из-под Иерусалима (Зах. 14:8)? Ответ — в Ин. 7:38, о чем у нас еще будет возможность поговорить. Заметим, однако, уже здесь, что указанные слова Иисуса сказаны были в праздник Кущей и — и в Храме...

и как дар. Слава может присутствовать в некотором месте, а может — и возноситься, покидая. Слава — это Скиния, и она — свободна. Главное, она связывает воедино несвязываемое, т. е. Высшего — с низшим. Пламенеющая Скиния и огнедышащий Синай — одно целое!

В целом же это нечто нелокализуемое, не имеющее привязки к местности, это воистину то Царство, что «не от мира сего» (Ин. 18:36), невместимое и потому безместное и неуместное (Мф. 8:20 и Лк. 9:58). Это тот «град», который принадлежит будущему (Евр. 13:14).

Но ведь перед нами — череда видений, ситуация визуально-мистериального опыта. И подвижность образов и вещей, а равно — событий и состояний — это и явления зрительного ряда, поток и подвижность оптической трансформативности. Можно вообразить, как именно взор пророка-визионера пытается собрать воедино череду впечатлений-кадров, делая это в рамках некоторой устойчивой и привычной парадигмы-модели, подбирая знакомые формы (вернее, конечно, гештальты) для прежде неведомого и незримого. Хотя, несомненно, следует учитывать и вероятность того, что перед нами — своего рода визуальные притчи: трансцендентное открывает себя в доступных и воспринимаемых формах — не только с точки зрения визуальности или ментальности, но просто — поэтики наглядного.

Поэтому нельзя ни на минуту забывать, что перед нами еще и текст, и нарратив, имеющий свою и структуру, и просто топику. И поток увиденного, которое — неведомое и невиданное, необходимо и неизбежно обретает формы текстуальных «сполий», протяженных или размещенных в пространстве, причем достаточно и линейно, и прямоли-

нейно¹⁸. Одним словом, сам дискурс демонстрирует взаимное движение своих образов и структур: теофаническое — сверху и теологическое — снизу. Посреди — текстуальное, вернее, конечно, интертекстуальное: текстуализируемое и текстуализирующее, принимаемое и раздающее...

Восстановленный храм Ездры

Главное, что бросается в глаза при знакомстве с историей собственно Второго Храма, когда «начали строить дом Божий в Иерусалиме» (1Езд. 5:2), — это в первую очередь подчеркнутая и последовательная документализация всех событий — причем в письменном виде. Второй Храм — воистину исторический документ и правовой монумент в одном лице: памятник возвращения как народа из плена, так и Святыни — из забвения и забытья.

В случае со Вторым Храмом акт веры дополняется и расширяется актом воспоминания. Началу строительства предшествует установление жертвенника, сам момент начала строительства сопровождается соответствующими литургическими действиями:

«Когда строители положили основание храму Господню, тогда поставили священников в облачении их с трубами и левитов, сыновей Асафовых, с кимбалами, чтобы славить Господа по уставу Давида, царя Израилева. И начали они попеременно петь: “хвалите” и “славьте Господа”, “ибо — благ, ибо вовек милость Его к Израилю”. И весь народ воскрицал

¹⁸ Ср. наблюдения о редакторской и вообщем литературной технике текстов Первого Завета вообще, названной «довольно простой», когда группы текстов помещались друг за другом с добавлением (не обязательным) небольших связующих фрагментов (Ценгер 2008: 134).

громогласно, славя Господа за то, что положено основание дома Господня» (1Езд. 3:10,11).

Само строительство — богослужебный акт! Но, как оказывается, не только, ибо:

«...многие из священников и левитов и глав поколений, старики, которые видели прежний храм, при основании этого храма пред глазами их, плакали громко, но многие и восклицали от радости громогласно» (1 Езд. 3:12).

Итак, память — это боль, актуальное усилие веры и благочестия, выражющееся в данном случае в строительстве. И это — радость! Таков диапазон аффекта, вызванного и подтвержденного восстановлением Храма. И это один-единственный диапазон и это единое пространство храмового опыта, т.к. «крики радости нельзя было отличить от плача...» (1Езд. 3:13).

Обратим также внимание на то, чем не только утверждается легитимность постройки (это — особый и важный вопрос), но и подтверждается его преемственность (это то, что не должно вызывать никаких вопросов). На вполне законный вопрос областеначальника Дария, на основании чего строится эта постройка, пришлось реагировать узаконенным образом:

«...они ответили <...> такими словами: мы рабы Бога неба и земли и строим дом, который был построен за много лет прежде сего, — и великий царь у Израиля строил его и довершил его. Когда же отцы наши прогневали Бога небесного, Он предал их в руку Навуходоносора, царя Вавилонского, Халдеянина; и дом сей он разрушил, и народ переселил в Вавилон. Но в первый год Кира, царя Вавилонского, царь Кир дал разрешение построить сей дом Божий; да и сосуды дома Божия, золотые и серебряные, которые Навуходоносор вынес

из храма Иерусалимского и отнес в храм Вавилонский, — вынес Кир царь из храма Вавилонского; и отдали их по имени Шешбацару, которого он назначил областеначальником, и сказал ему: возьми сии сосуды, пойди и отнеси их в храм Иерусалимский, и пусть дом Божий строится на своем месте. Тогда Шешбацар тот пришел, положил основания дома Божия в Иерусалиме; и с тех пор доселе он строится, и еще не кончен» (1Езд. 5:11–16).

Перед нами четко сформулированная программа строительства — со всеми идеологическими и, самое существенное, теологическими и историческими импликациями, носителем которых заведомо является будущая постройка, а если говорить более строго — не столько факт готовой постройки, сколько акт построения-строительства, который, получается, не столько имплицитный, сколько институциональный.

Меморативно-мемориальный характер будущего Храма дополнительно и отдельно подтверждается и подчеркивается текстом памятной записи Кира, найденной в «книгохранилище» по приказу уже Дария:

«И найден в Экбатане во дворце, который в области Мидии, один свиток, и в нем написано так: «Для памяти: в первый год царя Кира царь Кир дал повеление о доме Божием в Иерусалиме: пусть строится дом на том месте, где приносят жертвы, и пусть будут положены прочные основания для него; вышина его в шестьдесят локтей, ширина его в шестьдесят локтей; рядов из камней больших три, и ряд из дерева один; издержки же пусть выдаются из царского дома. Да и сосуды дома Божия, золотые и серебряные, которые Навуходоносор вынес из храма Иерусалимского и отнес в Вавилон, пусть возвратятся и пойдут

в храм Иерусалимский, каждый на место свое, и помещены будут в доме Божием» (1 Езд. 6:2–5).

Крайне показательно, что именно предметное наполнение храма, его утварь, изъятая («экспроприированная»), но сохранившаяся и возвращенная, — связующее звено с Первым Храмом: новый не только воспроизводит старый, но и хранит его уцелевшие сокровища, так что Храм превращается отчасти в сокровищницу, даже если эти сокровища сохраняют свой функциональный смысл и используются по назначению. Храм уже не «хоромы» (буквально — дом) и не только место Его Присутствия, но храмилище атрибутов Его почитания, что не одно и то же, т. к. «сохранить» почти идентично «схронить».

Не вызывает сомнения и то, что ведущая мысль данного текста та, что строительство — желание царя, который выбран в качестве орудия Божественной воли («Благословен Господь, Бог отцов наших, вложивший в сердце царя — украсить дом Господень, который в Иерусалиме...» — 1 Езд. 7:27). И возвращение сокровищ первого Храма — это как ктиторский вклад, как участие в храмоздательском акте:

«И старейшины Иудейские строили и преуспевали, по пророчеству Аггея пророка и Захарии, сына Адды. И построили и окончили, по воле Бога Израилева и по воле Кира и Дария и Артаксеркса, царей Персидских. И окончен дом сей к третьему дню месяца Адара, в шестой год царствования царя Дария» (1 Езд. 6:14,15).

Но перед нами не просто материальные богатства (вспомним, как и из чего «подготавлял» строительство Храма Давид — собирая драгоценные вещи и просто ценные вещества), перед нами — подчеркнуто богослужебный инвентарь и фактически — атрибуты

священнодействия. Поэтому получается, что персидские цари (их череда — Кир, Дарий, Артаксеркс подобно особому квазисвященному, а вернее — мессианистически-царскому преемству) суть соучастники и тех же литургических актов (можно сказать, что связка Кир — Дарий эквивалентна Давиду — Соломуну¹⁹).

Именно это, конечно же, не отменяет, но делает вдвое необходимым его освящение, вернее — посвящение, выраженное в соответствующих жертвоприношениях. Именно возможность совершить Пасху пред лицом вновь выстроенного и устроенного Храма и оказывается его истинной легитимацией.

Но о возведении такого ли Храма пророчествовал Иезекииль? Мы не уверены. Но то, что разрушение именно его предрекал Иисус, — это мы знаем точно:

«И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал Ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне» (Мк. 13:1–2).

Все, как кажется, возвращается на круги своя: вновь видение и видение, вновь — пророчество и вновь — угрозы. Но Иисус — больше величайшего из пророков — Моисея, Он — обетованный Мессия и Ему не нужны жертвы,

¹⁹ Мы осознаем рискованность этих ассоциаций и одновременно их очевидность уже в евангельской перспективе (ведь дальше, получается, идут уже Август — Тиверий). Первосвященнический ответ Пилату, что, мол, «...нет у нас Царя кроме Кесаря» (Ин. 19:15), должно понимать не только как выражение верноподданнической риторики саддукеевского священства, но и как разочаровывающий итог царского мессианизма (что, увы, с поправкой на «царский эсхатологизм» можно отнести не только к Первому Завету).

ибо Он Сам — Жертва. Так что круг — разомкнут и смысл — трансцендирован, ибо Он «...говорил о храме тела Своего» (Ин. 2:19).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брюггеман 2009 — Брюггеман У. Введение в Ветхий Завет. Канон и христианское воображение / пер. С. Бабкиной. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.

Брюггеман 2013 — Брюггеман У. Бытие / пер. Л. Колкера и П. Валенчука. Черкассы: Коллоквиум, 2013.

Ванеян 2017 — Ванеян С.С. Камень откровения — I. Топика и топология сакрального, текстуального и тектонического // ВВИА. Вып. 9. 2017. С. 29–44.

Ценгер 2008 — Введение в Ветхий Завет / под ред. Эриха Ценгера; пер. К. Биттнер, М. Паит, Е. Солодухина. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008.

Hügli, Lübcke — Anton Hügli, Poul Lübcke. Philosophie im 20. Jahrhundert. Bd. 1: Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und Kritische Theorie. 4. Aufl., Rowohlt Verlag, Hamburg, 2002.

REFERENCES

Briuggeman W. *Vvedenie v Vekhii Zavet. Kanon i khristianskoe voobrazhenie (An Introduction to the Old Testament. The Canon and Christian Imagination)*. Trans. by S. Babkina. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. Apostola Andreia Publ., 2009 (in Russian).

Briuggeman W. *Bytie (Genesis)*. Trans. by L. Kolker, P. Valenchuk. Cherkassy: Colloquium Publ., 2013 (in Russian).

Vaneyan S.S. Kamen' i Otkrovenie — I. Topika I topologija sakral'nogo, tekstual'nogo I tectonicheskogo (The stone of the theophany — I. Topic and topology of sacram, textuality and tectonic), Questions of the History of World Architecture, vol. 9, 2017, pp. 29–44.

Zenger E. *Vvedenie v Vekhii Zavet (Introduction to the Old Testament)*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ., 2008 (in Russian).

Briuggeman W. *Genesis. Interpretation. A Bible Commentary for Teaching and Preaching*. Louisville: Westminster John Knox Press Publ., 1982.

Briuggeman W. *An Introduction to the Old Testament. The Canon and Christian Imagination*. Louisville: Westminster John Knox Press Publ., 2003.

Hügli Anton, Lübcke Poul. *Philosophie im 20. Jahrhundert*. Bd. 1: Phänomenologie, Hermeneutik, Existenzphilosophie und Kritische Theorie. Hamburg: Rowohlt Publ., 2002.

Zenger E. (ed.) *Einleitung in das Alte Testament*. Stuttgart: W. Kohlhammer Publ., 2004.

В. В. Карпов

ШАРЛЬ БЛАН И ЖЮЛЬЕН ГВАДЕ: РИТОРИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА КОМПОЗИЦИИ, РИСУНКА И ЦВЕТА

Часть вторая. Жюльен Гваде. Элементы и теория архитектуры*

На основе сопоставительного анализа двух трактатов второй половины XIX в. — «Грамматика искусств рисунка. Архитектура, скульптура, живопись» (1867) Шарля Блана и «Элементы и теория архитектуры» (1901) Жюльена Гваде — как двух теоретических оснований курсов визуальных искусств и архитектуры в L'École des Beaux-Arts и развития академической традиции в искусстве и архитектуре в целом, можно проследить, при всех различиях двух произведений, определенные параллели в использовании соответствующих каждому из них философско-теоретических обоснований и методов. Характерное для двух произведений обращение к формальным средствам выразительности и техническим приемам создания произведения искусства или архитектуры, при почти полном отсутствии интереса к тематическому или предметному содержанию произведения искусства у Блана, совпадающему с несколько равнодушным отношением к вопросу стиля у Гваде, направлено на поиски изначальных рационально-логических правил и принципов в искусстве и архитектуре, посредством романтического обращения к истории, будь то Священная история (Блан) или несколько необычная трактовка классического (Гваде) как в некотором смысле вечного, испытанного временем исторического опыта и памяти, структурно-символического, по сути онтологического субстрата, предвещающего понимание бессознательного как источника, в кантовской традиции, художественной интуиции. Показательное в этом отношении выделение, следя примеру Альберти, элементов архитектуры и использование заимствованной у Альберти и Дюрана идеи композиции в ее взаимосвязи с программой здания, в теории Гваде, возвращается через отношение части и целого, и интерпретацию риторических канонов, к герменевтике и риторике в их историческом развитии и взаимосвязи.

Ключевые слова: академическая традиция, Альберти, архитектурное образование, Блан, Гваде, герменевтика, композиция, модернизм, программа, риторика, теория архитектуры, элементы.

V. V. Carpor

CHARLES BLANC AND JULIEN GUADET: RHETORIC AND HERMENEUTICS OF COMPOSITION, DRAWING AND COLOR

Part two. Julien Guadet. The elements and theory of architecture

Based on a comparative analysis of two treatises of the second half of the nineteenth century — Charles Blanc's *Grammaire des arts du dessin. Architecture, sculpture, peinture* (1867), and Julien Guadet's *Éléments et théorie de l'architecture* (1901) — as the two fundamental theoretical accounts of the courses in the visual arts and architecture at the L'École des Beaux-Arts, and in formation of academic tradition in art and architecture as a whole, it is possible to retrace, although with some reservations, certain parallels that exist between two works both in terms of their philosophical-theoretical grounds and that of a method. The reference to formal means of artistic expression and techniques in creating a work of art or architecture, that is so characteristic of the two treatises, in the presence of almost complete lack of interest in the thematic and meaningful content of the work of art in Blanc, that is in accord with somewhat indifferent attitude to the issue of style in Guadet, is focused on searching the original rational-logical rules and principles in art and architecture, through the agency of history, whether it *Sacred History* (Blanc)

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.4.13. «Геометрия и риторика в архитектуре. Исторические предпосылки и принципы взаимосвязи в архитектурной теории».

or somewhat unusual interpretation of the notion of classical (Guadet) as in some sense an eternal, time-tested historical experience and memory, e.g. structural-symbolic, essentially ontological substrate, that foreshadows an apprehension of the unconscious as a source of artistic intuition in Kantian tradition. It would be indicative, in this respect, that the detachment, following Alberti's example, of elements of architecture and the use of the idea of composition borrowed from Alberti and Durand and put in relation to the program of building in Guadet's theory, return through the relation of the parts to the whole, and interpretation of rhetorical canons, to hermeneutics and rhetoric in their historical formation, and in their relation to each other.

Keywords: academic tradition, Alberti, architectural education, Blanc, composition, elements, Guadet, hermeneutics, modernism, program, rhetoric, theory of architecture.

Два трактата, рассматриваемые в этой двухчастной серии статей, — «Грамматика искусств рисунка» (1867) Шарля Блана¹ и «Элементы и теория архитектуры» (1901) Жюльена Гваде, — отличаются не столько хронологически или тематически, поскольку Блан выстраивает систему искусств, объединяемых использованием рисунка, в то время как Гваде обращается исключительно к архитектуре, сколько своеобразной для каждого отдельного произведения философской и методической составляющими, несмотря на тот факт, что обе работы представляют собой учебные курсы лекций, программно направленные на улучшение художественного, в том числе архитектурного, образования. Тем не менее при сравнительном анализе двух произведений отчетливо прослеживаются пусть не всегда последовательно совпадающие параллели. Акцент на технические приемы и формальные средства выразительности при относительно устойчивом отсутствии интереса к тематическому или предметному содержанию произведения искусства у Блана, который, как вполне оправданно полагают исследователи, породил целую палитру абстрактных, формальных, практически в том же смысле беспредметных направлений в развитии искусства в его авангардных и модернистских проявлениях, парадоксальным

или закономерным образом совпадает, как замечает Рэйнер Бэнэн, с абсолютно равнодушным отношением к вопросу стиля у практикующего и преподающего архитектуру академиста Гваде (Banham 1960: 15) (ил. 1).

При этом подобное молчаливое отрицание стиля или, скорее, его императивной академической трактовки никак не было связано с полемикой вокруг стилистических предпочтений, поисками национального, какого-либо иного или нового стиля, как это происходило повсеместно в Европе и Америке. Почти обязательной ориентации академической традиции на предпочтительный для того или иного исторического периода или отдельной страны доминирующий в соответствии с национальными, политическими, религиозными или идеологическими условиями стиль критически противопоставляется, возможно, основанная на либертарианских идеях и суждениях стилистическая независимость или свобода. Подобное свободомыслие как возможное проявление почти кантовской философемы нравственной свободы или автономии воли, трансформированной Эмилем Кауфманом в приложении к «революционной архитектуре» в понятие «автономной архитектуры», которое превращается, независимо от частоты или уместности его использования в контексте истории и теории архитектуры, в клише, не подразумевало радикального и полного освобождения от исторических стилей.

¹ Первая часть опубликована в предыдущем выпуске ВВИА (Карпов 2017: 25–37).



Ил. 1. Портрет архитектора Жюльена Гваде.
Фото (клише) Эдуарда Пурша (1848–1909).
Не датировано. Архивы архитектуры XX в.
Фонды Жюльена Гваде

Совсем наоборот, история в ее полноте и развитии, свидетельствующая об исчезновении старых и появлении новых типов зданий и сооружений с их особыми стилистическими чертами, рассматривается тем источником, из которого Гваде извлекает *классические*, в не совсем обычном, тем не менее приемлемом понимании этого слова примеры. В 1894 г., во вводном уроке, предваряющем курс лекций по теории архитектуры, Гваде в свободолюбивом духе провозглашает в высоком риторическом стиле свою непоколебимую приверженность *классическому*:

«К счастью, гордые художники — наши мастера — увидели и показали, что независимость заключается не в смене ливреи, и наше искусство постепенно освободилось от этой палеонтологии. Не все было одинаково успешным, но все усилия в этом направлении стали плодотворными, и сегодня мы осознаем и провозглашаем, что искусство имеет право на свободу, что лишь свобода может гарантировать его жизнь и плодотворность, скажем лучше, его

здоровье! Если я настаиваю на этих соображениях, это, конечно, не означает, что лишь для того, чтобы стереть с доски все, что нам предшествовало; наоборот, наше искусство, как наш язык, как вся наша цивилизация, является и должно быть богатым наследником достояния, накопленного на протяжении столетий. Но я ненавижу художественные запреты, как любые запреты, художественную односторонность как любую односторонность, и я стараюсь, чтобы было понятным в каком смысле, одновременно широком и строгом, я понимаю это слово *классическое* [здесь и далее выделено автором], которое я ставлю на фронтисписе наших лекций» (*Guadet 1909: 85–86*).

Либертарианские идеалы и соответствующая им риторика скорее имели полемическое значение при отстаивании эстетической свободы и независимости. Гваде вновь аппелирует к ним в своем вводном уроке, вспоминая в аллегорическом пересказе о возглавляемом им и его соратниками студенческом противостоянии попыткам образовательных реформ, предпринимаемым в 1863–1864 гг. Эженом Виолле-ле-Дюком².

² «Но господа, позволите ли вы мне воспоминание об этом предмете, которое не личное, но которое общее для нескольких товарищей и меня? Во времена, когда наша школа переживала авантюру, которая была бы комической, если не была бы губительной, был учрежден курс эстетики. Это вызвало у нас волнение, и некоторые товарищи и я добились, несколько неожиданно, я полагаю, аудиенции министра изящных искусств. Министр изящных искусств был старым военным [возможно, здесь подразумевается “маршал Франции и признанный художник” Виолле-ле-Дюк, вторая карьера которого была военной] с весьма железными правилами подчинения [возможно, имеется в виду использование Виолле-ле-Дюком железных конструкций], которого очень удивляло, что кто-то может обсуждать его приказы, если это были его приказы, а не были приказами кого-то

Абсолютизация и канонизация, в понимании Гваде, классического, подразумевающая существование некоего скорее метафизического идеала, как ка-

другого, кто их ему подсказывал. Маршал Франции, поскольку это был его ранг, смущал меня гораздо меньше, чем это мог сделать признанный художник, и при этой публике я позволил себе ему сказать: «Эстетика это религия художника. Учреждение доктрины государства, эстетики государства, принудительной эстетики вернет нас к временам, которые мы, молодые люди, не знаем, но которые наши старшие могут припомнить, к временам, когда, для получения должности или повышения, следовало начинать с предъявления свидетельства об исповеди».

Я должен вам сказать, что это замечание было принято так плохо, как это только возможно; но в конце концов экзамены по эстетике не состоялись. Я не хотел бы, чтобы это приписывалось мне в заслугу; но если я и припомнил этот анекдот, то лишь для того чтобы все-таки вам показать, что уже когда я был здесь учеником, у меня было ощущение свободы обучения, я страшился религии или доктрины государства; и, если я испытывал этот страх, когда был студентом, это не потому, что я пришел к вам, чтобы насаждать, как профессор, доктрину, религию государства, не для того, чтобы посягать на вашу свободу, и менее всего, поскольку это было бы еще более странно, нападать на свободу ваших мастеров» (Guadet 1909: 81–82).

Об известном биографическом факте — роли Гваде в истории противостояния классицизма и готики во Франции и, в частности, в *École des Beaux-Arts* см. также замечание Роберта М. Крэйга в его монографии об американском архитекторе Фрэнсисе Палмере Смите, ученике Поля Филиппа Крета, получившем образование в традиции *École des Beaux-Arts*: «Еще будучи студентом в ателье Луи-Жюля Андре (1819–1890), Гваде возглавил в 1863–1864 гг. оппозиционное движение против назначения мединиста Эжена Виолле-ле-Дюка профессором истории в Школе. Гваде собрал около 485 студентов в поддержку своих антиреформистских взглядов. Они срывали лекции Виолле-ле-Дюка по эстетике, что привело к его отставке в марте 1864 года. Школа оставалась стойкимbastionом классицизма и не видела курса средневековой архитектуры включенным в учебную программу до 1892 года» (Craig 2012: 249).

жется, были направлена, прежде всего, на поиски в определенном смысле изначальных и вечных рациональных принципов как определяющих условий и одновременно производных моментов логического метода создания и изучения архитектуры. Причем создание и почти параллельное ему своеобразное историко-теоретическое изучение архитектуры в границах этого достаточно традиционного метода постоянно меняются местами, поскольку любое изучение невозможно без уже созданного или создаваемого, так же как создание архитектуры начинается с ее изучения и включает его в себя, и в этом смысле они становятся по крайней мере двумя необходимыми сторонами или моментами единого процесса, который к тому же пребывает в постоянном историческом развитии, в свою очередь обеспечивающим приращение классического.

Этот процесс соединения двух взаимозависимых сфер может соответствовать близкой по смыслу категориальной паре — теоретическое осмысливание (*ratiocination*) и собственно произведение (*opus*), — предлагаемой Витрувием, в русском переводе трактата которого это разграничение обобщенно обозначается терминами *теория* и *практика*. Но у Гваде понимание этого двуединства скорее приближается к трактовке двух взаимосвязанных сфер у Альберти, который с самого начала своего трактата разделяет всю архитектуру на рационально осмыслиенные умозрительные очертания (*lineamenta*) и создаваемую с использованием материалов и технических средств *постройку* (*structura*), из которых он извлекает и выстраивает в логической последовательности шесть принципов, начал или элементов архитектуры. Трудно сказать с уверенностью, насколько широко и строго мог рассматривать Альберти доступное ему

в несколько руинированном состоянии и древних источниках то, что Гваде относит к классическому, определяя его следующим образом:

«Но это красивое название — классическое, которое в искусстве есть окончательная, не подлежащая сомнению канонизация, не является задачей определения истоков или датирования, уточнения столетия или географической широты. Классическое есть все то, что заслуживает стать таковым без учета времени, страны, школы. Классическое не провозглашается, оно утверждается; можно лишь его констатировать и регистрировать. Классическое это все то, что победоносно сохранилось в извечных соперничествах искусств, все, что осталось во владении всеобще выражаемого восхищения. И все его достояние утверждается посредством бесконечно-го разнообразия сочетаний или форм, одни и теми же неизменными принципами, разумом, логикой и методом.

Классическое, как вы видите, не является привилегией какого-либо времени, какой-либо страны, какой-либо школы. Классическое это, несомненно, Данте, как и Виргилий, Шекспир, как и Софокл; это Искупление, <...> и, для нас, это Парфенон, термы или амфитеатры, Святая София или Нотр-Дам, Сент-Уэн или Сен-Пьер, палаццо Фарнезе или Лувр. И такой всегда была широкая и философская концепция нашей Школы, поскольку в этой картине, которая является Пантеоном искусства, объединяются, чтобы определять ваши занятия, неоспоримые мастера самых различных школ, все эти великие классики одухотворенных эпох» (Guadet 1909: 83–84).

В свою очередь, широкое и строгое понимание слова *классическое*, как представляется, предполагает не менее широкое и строгое отношение к *истории*, которое Гваде позже определяет как

научное³, и которое становится, наравне с его трактовкой классического, методико-методологической и философской основой теории архитектуры в его изложении. При этом Гваде требует отличать полезную, с его точки зрения, историю от археологии, прямое, основанное на имитационной модели, приложение которой к архитектуре он именует в риторических целях *палеонтологией*, и которая для него является скорее вспомогательным средством или помощницей истории искусств. Последовательное и полезное, в его аргументации, имеющее для судьбы искусства и, следовательно, архитектуры почти экзистенциальный смысл, обращение к истории связано, прежде всего, с предварительным или, возможно, параллельным историческим исследованию изучением материалов, элементов и принципов, которые должны определять в дальнейшем как само изучение истории, так и ее использование при создании архитектуры.

«Таким образом, невозможно описать архитектуру без представления ее исторических эволюций; я буду делать это по возможности, но с этой важной оговоркой: история является объяснением, но беда в том, что профессор или ученик включают изучение архитектуры в границы исторического исследования! Наоборот, для полезного изучения этой истории полагается предварительно узнать материалы, элементы архитектуры. История приходится кстати для того, чтобы подтвердить правильность исследований, показать их вершины, соответствующие принятому порядку принципов, сгладить неизбежные падения при их упщении, разъяснить их возрожде-

³ «Наука как эрудиция плюс логический метод, не так, как большинство авторов XX столетия понимали ее как умственную дисциплину, основанную на экспериментальном исследовании» (Banham 1960: 17).

ния при их пробуждении. Но для тех, для кого эта подготовка не является необходимой, история искусства будет не более, чем археологией. Изолированная, таким образом, археология, которая должна и хотела бы стать вспомогательным средством искусств, может стать самым опасным противником. Вопрос серьезный и заслуживает сигнала тревоги, поскольку для искусства это вопрос жизни и смерти» (*Ibid*: 84).

Можно легко проследить, как унаследованное у Гваде полезное отношение к истории, в совокупности с весьма специфическим пониманием классического, успешно используется и утилизируется в дальнейшем не только в традиции *École des Beaux-Arts* или в различных течениях в архитектуре рубежа столетий, но и еще более последовательно, хотя крайне противоречиво и, как правило, неосознанно, модернизмом. Разумеется, на трактовку истории и классического в теории Гваде во многом повлияли, как справедливо отмечает Бэнэм, работы его предшественников — Этьена-Луи Булле, Клода-Николя Леду, Жана-Николя-Луи Дюрана или учителя Гваде, Анри Лабруста с его схематичным (*diagrammatic*, как его обозначает Бэнэм) классицизмом, произведения которых во многом определяли развитие традиции *École des Beaux-Arts*. В свою очередь, подобная трактовка классического позже проявляется в идее неисторического классицизма Якубуса Йоханнеса Петера Ауда, которую в ином контексте Бэнэм называет «академической эстетикой без академической детализации». Но в наиболее чистом виде, классическое в его не менее широком и строгом,rationально осмысленном и прямом значении почти программно используется, следуя урокам Гваде и, возможно, более ранней трактовке греческой классики Алоисом Хиртом, при многообразном

сравнении машины и греческой архитектуры у Ле Корбюзье.

В этом противоречивом контексте соединения академической традиции и модернизма еще раз прослеживается параллель между теориями Блана и Гваде, которую Бэнэм соотносит с развитием абстрактного искусства и архитектуры чистых форм:

«Здесь следует установить связь с абстрактным искусством, поскольку Гваде иногда представляется проявляющим пристрастие к абстрактной архитектуре. Колин Роу, к примеру, предположил, что он “предвидел архитектуру чистой формы”, но иллюстрации в *Elements et Theorie*, работы, выполненные в Школе под его профессорством, и несколько зданий, вышедших из его офиса, не подтверждают эту идею. Было бы правильным сказать, что он способствовал появлению архитектуры чистой формы тем же самым образом, как Блан способствовал появлению абстрактного искусства» (Banham 1960: 18).

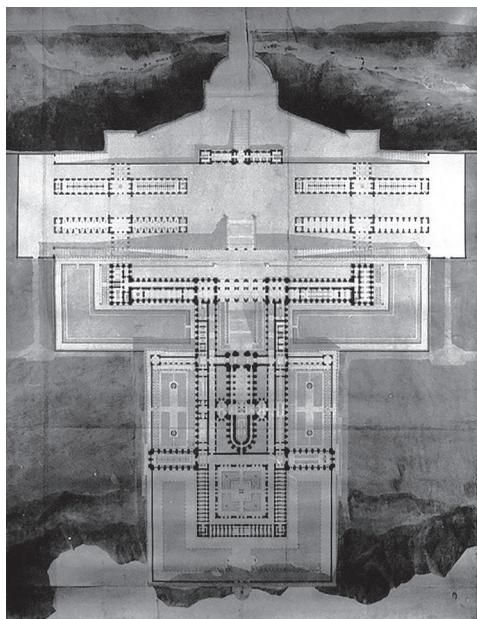
В другом аспекте подобное абсолютизирующее и канонизирующее понимание классического в его неразрывной связи с историей, как до определенной степени вечного, многократно и многосторонне испытанного временем содержания индивидуального и коллективного опыта и памяти, или, скорее, их структурно-символического и по сути онтологического субстрата, предворяющего и окончательно получающего выражение в философской концепции бессознательного, в котором, как полагал Иммануил Кант, обнаруживает себя интуиция, могло, возможно, несколько причудливым образом совпадать с противостоящей радикальному рационализму Просвещения романтической философско-поэтической тенденцией. Определенное проявление этих идей в исторической перспективе развития архитектуры можно проследить



Ил. 2. Жюлен Гваде. Учебный рисунок колокольни. 1858

в работах и философии Луи Кана, еще одного ученика Поля Филиппа Крета, в свою очередь ученика Жана-Луи Паскаля, завершившего, после смерти Лабруста, здание Национальной библиотеки Франции, соратника Гваде, под редакцией и с предисловием которого публикуется его четырехтомный трактат. Близкие по своему характеру мотивы, связанные с трактовкой классического и истории в теории Гваде, как представляется, прослеживаются в теоретических сочинениях и постройках Альдо Росси.

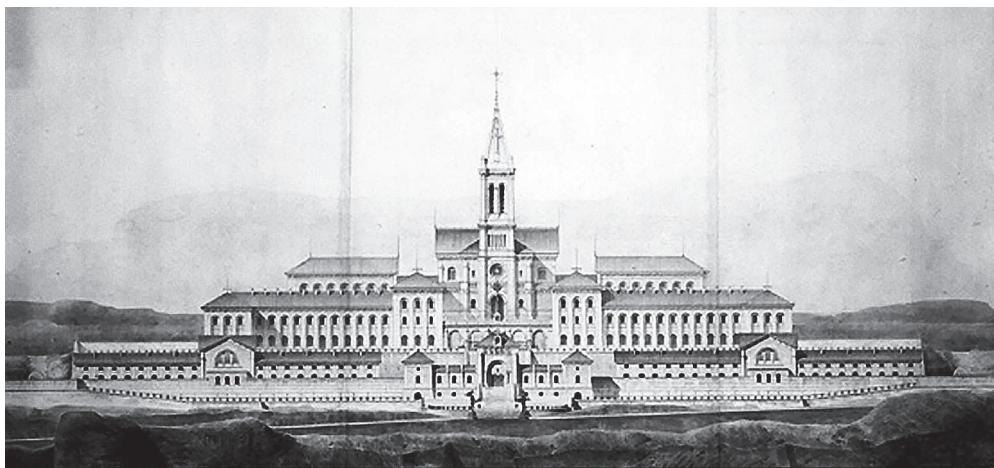
В завершение этого краткого предисловия можно заметить, что как рационалистические поиски и выделение рационально-логических принципов и инструментальных средств и способов



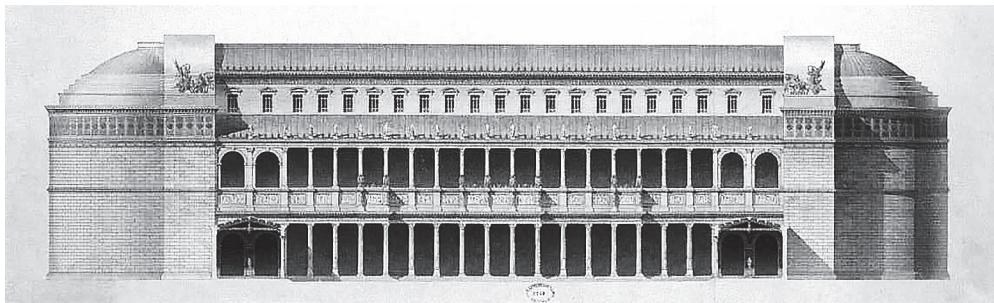
Ил. 3. Жюлен Гваде. Проект хосписа в Альпах. План. 1864

создания искусства и архитектуры, так и поэтическо-романтическое отношение к истории — *Священной истории* у Блана и истории несколько идеализированного и поэтически истолкованного классического у Гваде — еще раз сближают и объединяют, при всех присущих им отличиях, трактаты и теории двух рассматриваемых авторов.

Фундаментальный четырехтомный труд Гваде «Элементы и теория архитектуры», опубликованный в 1901 г., как было замечено выше, представляет собой курс лекций по теории архитектуры, который он читал в *École des Beaux-Arts* начиная с 1894 г., хотя его преподавательская карьера начинается в 1872 г. Разумеется, его манера и метод обучения архитектуре стали результатом непосредственной связи с существовавшей системой художественного и архитектурного образования, так же как и архитекторно-строительной практи-



Ил. 4. Жюльен Гваде. Проект хосписа в Альпах. Фасад. 1864

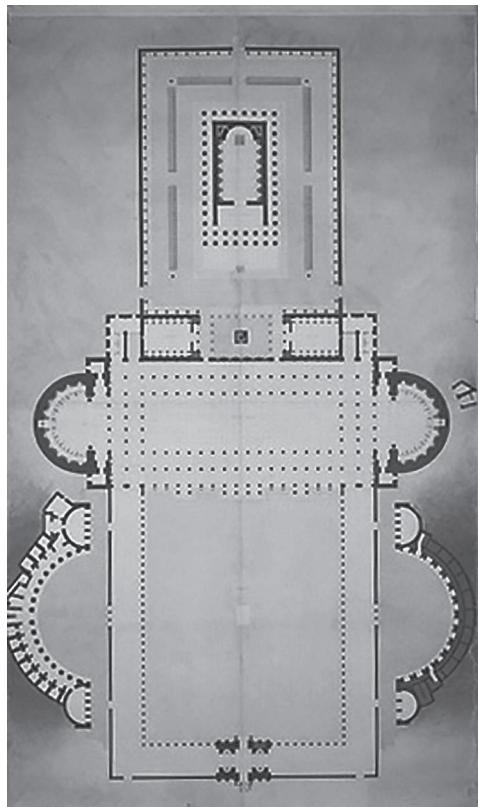


Ил. 5. Жюльен Гваде. Реконструкция форума Траяна и базилики Ульпия, Рим. Фасад. Римская премия. 1864–1867

ки (ил. 2–4). Гваде учился начиная с 1853 г. у Анри Лабруста, а затем у Луи-Жюля Андре. Недолгое время работал в ателье Лабруста. Позже сотрудничал с Шарлем Гарнье над завершением Парижской оперы. Ранее, в 1864 г., получил Римскую премию и провел три года в Риме, где занимался исследованием и исторической реконструкцией форума Траяна, в частности базилики Ульпия (ил. 5–7). С 1880 по 1888 г. проектировал и строил Центральный почтамт в Париже (ил. 8–9), а около 1900 г. занимался перестройкой здания *La Comédie-Française* или *Théâtre-Français*.

Благодаря влиянию своего учителя Лабруста и недолгому сотрудничес-

ству с ним, Гваде, по замечанию Бэнэма, стал «звеном в непрерываемой академической цепи, которая возвращалась к ранним дням девятнадцатого столетия и неоклассической архитектуры во Франции. Настолько правильна эта традиция развивалась в нем, что его собственное настойчивое утверждение композиции, сборка здания из составляющих его объемов, является лишь эхом сказанного Ж.-Н.-Л. Дюраном, в 1821 году: «Любое, какое угодно завершенное здание является, и не может быть не чем иным, кроме большего или меньшего количества частей» (ibid: 15).



Ил. 6. Жюльен Гваде. Реконструкция форума Траяна и базилики Ульпия, Рим. План

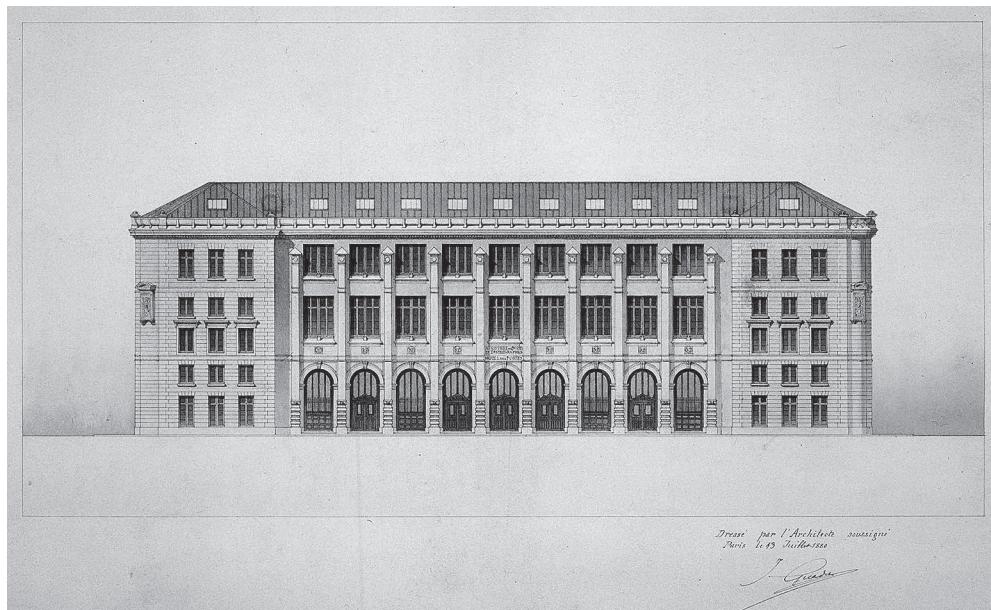


Ил. 7. Жюльен Гваде. Реконструкция форума Траяна и базилики Ульпия, Рим. Фрагмент разреза

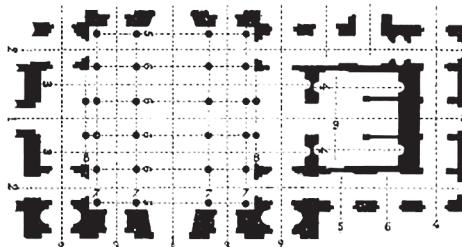
Цитируя Дюрана, Бэнэм ссылается на дополнительный том — *Partie Graphique* (1821) — его *Précis des leçons d'architecture données à l'École royale polytechnique*, изданные в 1809 г. в Париже (*Durand 1809*) и получившие широкое распространение и популярность в Европе, во многом благодаря немецкому переводу, что способствовало усвоению идей Дюрана, в том числе, хотя и непреднамеренно, модернизмом. При этом Бэнэм не предлагает какого-либо анализа, с точки зрения существования исторических источников или прецедентов, вполне самодостаточной для него работы Дюрана.

При отсутствии официально опубликованных переводов трактата Гваде,

существует его машинописная английская версия (*Englished*), хранящаяся в библиотеке Калифорнийского университета в Беркли и доступная сегодня в сканированном виде (*Guadet 1907?*), исполненная около 1907 г. американским архитектором Джоном Галеном Говардом, получившим, в числе многих американских студентов, второе архитектурное образование в *École des Beaux-Arts* (1891–1893). Сам факт перевода на иностранный язык и попытки распространения манускрипта свидетельствуют о существовании особого интереса к трактату; и, несмотря на очевидное влияние инструментального метода Дюрана на развитие идеи композиции



Ил. 8–9. Жюльен Гваде. Центральный почтамт. Париж. 1880–1886



Ил. 10. Использование осей на чертеже в качестве инструмента композиции (Gaudet 1909: I, 41)

у Гваде, его архитектурный трактат и его метод обучения архитектуре, безусловно, имеют самостоятельное историко-теоретическое значение и ценность. Наилучшим образом это показали самые известные его ученики — Тони Гарнье и Огюст Перре. В определенном смысле проект «Индустриальный город. Исследование по строительству городов» (*Une Cité industrielle. Étude pour la construction des villes*), выполненный Гарнье в 1904–1918 гг., и воссоздание разрушенного до основания Гавра, осуществленное Перре, в какой-то части принадлежат их мастеру, Гваде. В первом примере хотя бы с точки зрения использования идеи зонирования, переведенной из масштаба здания в масштаб города, во втором случае — ввиду присутствия стиля при его отсутствии в привычном понимании и смысле. Безусловно, оба примера могут оправданно рассматриваться сегодня истинным воплощением классического, как его трактовал Гваде.

Трактат или курс лекций Гваде предворяется «Подготовительными уроками», в которых кратко излагаются научные и математические составляющие, дискретивная геометрия в их приложении к архитектуре, правила построения теней, понимание перспективы, обсуждаются рисунок, моделирование, графическая техника «отмычки» — *pratique*

du lavis; рассматриваются чертежные материалы, инструменты и правила их использования. К примеру, рисунку в архитектуре присваивается особый геометрический характер: «Геометрический рисунок является точным рисунком, можно сказать рисунком *par excellence*. Считается, что живописный рисунок представляет лишь внешний вид предметов, геометрический рисунок представляет их такими, какими они являются» (Gudet 1909: 35). Это утверждение иллюстрируется перспективным рисунком и геометрическим чертежем коринфской капители.

Исполнение чертежа обуславливается необходимостью использования трех традиционных для практики и теории архитектуры проекций — плана, разреза и фасада — в их логическом, как подчеркивает Гваде, порядке, которые должны быть основаны на масштабе как принятом отношении между моделью, под которой понимается свето-теневая моделировка фасада, и чертежом.

Но, пожалуй, основным, во многом определяющим теорию композиции Гваде моментом, связанным с чертежом, является вычерчивание с помощью осей (ил. 10). «Слово ось будет часто вновь появляться в наших уроках; ось является ключом для чертежа и будет им для композиции. Важно, таким образом, правильно его определить», — пишет Гваде (*Ibid*: 40).

Объяснение природы и значения оси, пересечения и по сути сетки осей выводится им из принципа симметрии. Тем не менее Гваде, вероятно, следовало сослаться на своего соотечественника Рене Декарта, в то время как картезианская система координат может быть сопоставлена с координатной сеткой, используемой в математической географии Птолемея. При рассмотрении сетки осей в качестве основного

инструмента композиции, невольно напрашивается сравнение с горизонтально и вертикально разлинованной завесой — *velo*, — рекомендованной Альберти живописцам в его трактате «О живописи» для перспективного построения живописной композиции как сюжетной истории. Альберти также указывает, не вдаваясь в детали, на возможность использования этого инструмента в архитектуре. При этом если, вслед за Эрвином Панофским, трактовать перспективу как символическую форму выражения и презентации, сюжетная история может быть прочитана как реальная история, а в архитектурном контексте как история архитектуры. И этот исторический момент является для Гваде не менее важным элементом композиции.

Все эти темы и этапы подготовительных уроков, несмотря на кажущуюся сегодня, с исторической дистанции, банальность содержания и некоторую наивность изложения, представляют собой фундаментальные основы рутинного архитектурного ремесла как части академической традиции. Что касается авангарда, он нередко черпал новизну из той же самой академической традиции, зарождаясь в ее недрах и развиваясь одновременно с ее внутренним по большей части теоретическим обновлением. Теоретические положения Гваде и его метод композиции во многом направляли этот процесс.

Гваде определяет основные пункты и положения своей теории композиции уже в предисловии к своей работе:

«— Предметом этого курса лекций является изучение композиции зданий, состоящей из их элементов и их соединений, с двоякой точки зрения, как искусства и как приспособления к программам, определяемым материальными потребностями.

— В первой части будут изучаться один за другим, собственно говоря, элементы, то есть стены, ордера, аркады, порталы, окна, своды, плафоны, кровли и т.д.; затем более сложные элементы, такие как залы, вестибюли, крыльца, портики, лестницы, дворы и т.д.

— Во второй части, вслед за определением основных принципов композиции, будут изучаться основные жанры зданий: религиозные, гражданские, военные, общественного назначения и частные жилища, демонстрирующие, каждый из них, наиболее примечательные примеры всех эпох и стран, показывающие, каким требованиям они отвечают, указывающие, в свою очередь, каким образом и в какой мере эти требования изменились, чтобы приблизиться к актуальным условиям и самым новейшим программам» (*Ibid*: 2–3).

Изложение принципов композиции предваряется у Гваде общими, несколько моралистическими, риторическими рассуждениями о красоте или прекрасном. Ссылаясь на Платона, для которого прекрасное являлось великолепным воплощением истины, Гваде сопоставляет два, как кажется, дополняющих друг друга подхода для достижения, посредством искусства, одновременно красоты и истины, или истинной красоты. Для искусства имитации правда или истина обнаруживает себя в природе. Для искусства творческого созидания, особенно архитектуры, истина, в представлении Гваде, пребывает в сознании. Таким образом, отыскать эту потаенную, интимную истину можно рациональным путем, оберегая ее и себя от загрязняющей примеси эфемерного успеха, тирании моды, раболепного подражания, миража иррациональной фантазии.

Теория Гваде основывается на рационализме, которому, во избежание подражания академической традиции,

Ле Корбюзье пришлось противопоставить несколько одиозную идею наивного и вульгарного функционализма⁴. Вторым направляющим принципом этой теории становится еще до конца неосмыщенная идея относительной автономии архитектуры.

Вдохновляющим источником истины, так же как и идеи автономии в архитектуре, как правило, служит не испорченная цивилизационными наслоениями древняя историческая традиция архитектуры, к авторитету которой и обращается Гваде при построении своей теории. По его мнению, древние авторы признавали три составляющие произведения архитектуры: *диспозицию*, т. е. расположение или компоновку, которую он предлагает называть композицией; пропорции, которые не используют по наи-

тию или чутью, а лишь посредством обучения и знаний; и строительство как контролирование разрабатываемого проекта наукой и, наконец, осуществлением или исполнением его в постройке.

Разумеется, древние использовали универсальную, являющуюся частью других искусств и наук риторическую технику как способ описания, логического анализа и передачи знаний. И можно допустить, что древние могли интерпретировать правила архитектуры по аналогии с правилами или канонами риторики, к которым относятся *inventio* (нахождение или изобретение материала речи или текста), *dispositio* (расположение или диспозиция материала), *elocutio* (словесное выражение или дикция, иногда это называют стилем речи), *memoria* (память или запоминание) и *actio* (исполнение или произнесение).

Использование правил и канонов риторики не являлось чем-то новым и необычным для теории архитектуры, так же как и в целом для искусств и наук. Достаточно припомнить замечательно изученные В. П. Зубовым риторические аналогии в трактатах Альберти или интерпретацию риторических канонов в архитектурной теории Карло Лодоли. Работу Гваде, как представляется, можно оправданно рассматривать среди подобных примеров.

Разумеется, Гваде не заимствует буквально каноническую структуру риторики, хотя момент имитации определенно присутствует. Перед ним скорее стоит герменевтическая задача истолкования или интерпретации, в которой встречаются и взаимодействуют риторика и герменевтика. В этой связи, обсуждая проблему отношения герменевтики и риторики в своей работе «Актуальность прекрасного», Х.-Г. Гадамер замечает: «А в одном риторика и герменевтика глубоко родственны: и умение говорить,

⁴ Западная историография приписывает первоначальное использование слова функционализм для обозначения современной архитектуры или архитектуры модернизма Альберто Сарторису, книга которого *Gli elementi dell'architettura funzionale* появилась в 1932 г. Ответственность за этот термин и, вероятно, за его последствия Бэнэм возлагает на Ле Корбюзье, который в письме, перепечатанном в качестве предисловия к книге Сарториса, задуманной под названием *Gli elementi dell'architettura razionale*, писал: «Название вашей книги ограничено; это настоящий промах, быть вынужденным поставить слово "академическая" по одну сторону баррикады и оставить лишь слово "рациональная" по другую. Вместо рациональная скажите функциональная...» (Banham 1960: 320). Эта скорее поверхностно-риторическая взаимозаменяемость слов представляется вполне логичной, т. к. при сопоставлении рационального и академического исчезает сама революционная необходимость создания и использования баррикад, если, конечно, не учитывать противоречий и разногласий внутри самой академической традиции. Рационализм, который всегда ассоциировался с классикой и начиная с конца XVII столетия являлся основой академической архитектурной традиции, продолжает развиваться в архитектуре модернизма под внешним прикрытием термина функционализм.

и умение понимать — это естественные человеческие способности, которые могут достигать полного развития и без сознательного применения правил искусства, если только естественное дарование получит адекватное развитие и необходимую практику» (Гадамер 1991: 193–194).

Гваде определенно обладал профессиональным призванием и необходимой практикой, но не только этими качеством и требованием исчерпываются возможности использования риторики и герменевтики в построении, формулировании и приложении его теории. Поставленная им герменевтическая задача по сути своей была универсальной, поскольку устранила различие между догматической и эстетической герменевтикой, которое породила история герменевтической традиции и которое пыталась преодолеть философская герменевтика. У Гваде это достигается, с одной стороны, через обращение к истории, к которой традиционно апеллируют риторика и герменевтика. С другой стороны, посредством герменевтического канона автономности и тотальности истолкования, правила так называемого *герменевтического круга*, который получает у Гваде абстрактно-логическое определение принципа отношения целого и части, т.е. композиции как соединения отдельных ее элементов. Этот канон, введенный Фридрихом Шлейермахером и развитый Вильгельмом Дильтеем и Эмилио Бетти, отсылает к догмату единства Священного Писания, части и отдельные события которого могут быть истолкованы только через признание единства текста, который, в свою очередь, может быть понят лишь через его части и детали.

Возвращаясь к композиции в интерпретации Гваде, необходимо сказать несколько слов о природе художественного замысла. Для Гваде композиция как

художественный замысел основывается на *идее*, в свою очередь проектный замысел становится условием воплощения этой *идеи*. По вопросу о роли проекта он полемизирует со своим учителем Лабрустом, который утверждал, что «архитектура это искусство строительства». Гваде, частично принимая это определение, дополняет его проектной составляющей. Идея как источник проектного замысла редко основывается исключительно на умозаключении, но имеет синтетический характер, и для Гваде истинным источником художественной *идеи* становится скорее *интуиция*.

Возможности подобного взаимодействия или синтеза разума и интуиции при реализации художественной *идеи* в проектном замысле посредством композиции прослеживаются в описании начальных этапов композиционного построения и самой сути композиции как диспозиции, т.е. расположения и компоновки. В этом процессе определяющая роль отводится *программе здания*:

«На самом деле в самой обширной программе вы в первую очередь выделяете детали, чтобы рассмотреть лишь две или три, может быть, четыре или пять больших групп, различной величины или значимости, между которыми вы замечаете сходные соотношения. Какая из них должна занимать преобладающее положение, какая должна быть самой крупной или меньшего размера? Это вопросы всех программ и понимание потребностей и возможностей. Затем, переходя к объединению (*ensambles*) групп (*sous-ensambles*) частей тела здания в его деталях, вы легко идете дальше, если ваша основная точка отсчета правильна, особенно если обнаруживается, что остается возможность, если это необходимо, последующей доработки деталей, которые влияют на композицию, при условии, что она представляется

удовлетворительной и окружение наиболее подходящим» (Guadet 1909: 101).

Пожалуй, наиболее существенным вкладом Гваде в развитие архитектурной теории может рассматриваться, кроме разработанной им теории композиции как таковой, актуализация или акцентирование внимания на отношении взаимосвязи между композицией и программой.

Слово и понятие *программа* уже имели достаточно распространенное употребление и ковенциональное значение в теории и практике архитектуры. Во всяком случае, *программа*, наравне с жанром, являются ключевыми словами в теории и методе обучения Жака-Франсуа Блонделя. Вкладом и заслугой Гваде стало рациональное осмысливание этого термина и понятия, доведение его значения до уровня одной из основных теоретических категорий архитектуры, связанной как с ее изучением, так и с инструментальной техникой ее создания. По сути, *программа* становится поводом, причиной и необходимым условием не только композиции, как ее понимал Гваде, но и самого процесса создания и существования архитектурного произведения.

Влияние этой рационально осмыслинной взаимосвязи между *программой* и *композицией* на дальнейшее развитие архитектуры достаточно легко прослеживается уже в, пожалуй, чрезмерно идеологизированном амбициозном проекте и методе конструктивизма как воплощении взаимосвязи социального здания или программы с архитектурно-строительным конструированием. Если очистить, в целях анализа, предлагаемое М. Я. Гинзбургом определение «нового метода архитектурного мышления» от идеологически присущей ему функционалистской риторики, оно по-прежнему сохраняет свои изначальную идею и смысл:

«<...> зодчий анализирует все стороны задания, его особенности, он расчленяет его на составные элементы, группирует <...> и организует свое решение по этим предпосылкам. Получается <...> решение, уподобленное всякому разумному организму, расчлененное на отдельные органы, получающие то или иное развитие в зависимости от [назначений] ими выполняемых. <...> Нет ни одного элемента, ни одной части замысла архитектора, который был бы стихиен. Все находит свое объяснение и [рациональное] оправдание в своей целесообразности. Целое все объединяет, все уравновешивает» (Гинзбург 1926: 3)⁵.

И если задание (будь то социальное или государственное) скорее является синонимом *программы*, в этом расчленении на органы, части и составные элементы, в их группировании и организации, в объединенном и уравновешенном целом легко прочитываются

⁵ В оригинальной версии этот параграф читается следующим образом: «Свободный от всяких штампов прошлого, от предрассудков и предубеждений, новый зодчий анализирует все стороны задания, его особенности, он расчленяет его на составные элементы, группирует по их функциям и организует свое решение по этим предпосылкам. Получается пространственное решение, уподобленное всякому разумному организму, расчлененное на отдельные органы, получающие то или иное развитие в зависимости от функций, ими выполняемых. <...> Нет ни одного элемента, ни одной части замысла архитектора, который был бы стихиен. Все находит свое объяснение и функциональное оправдание в своей целесообразности. Целое все объединяет, все уравновешивает, создает образцы высочайшей выразительности, четкости, ясности, где ничто не может быть изменено. <...> Нет никакой опасности в вытекающем из этого метода аскетизме молодой архитектуры, который отпугивает близоруких. Это аскетизм молодости, бодрый аскетизм строителей и организаторов новой жизни» (Гинзбург 1926: 3).

ся как *disposition*, так и *ordonnance*, т. е., по сути, идея композиции в интерпретации Гваде.

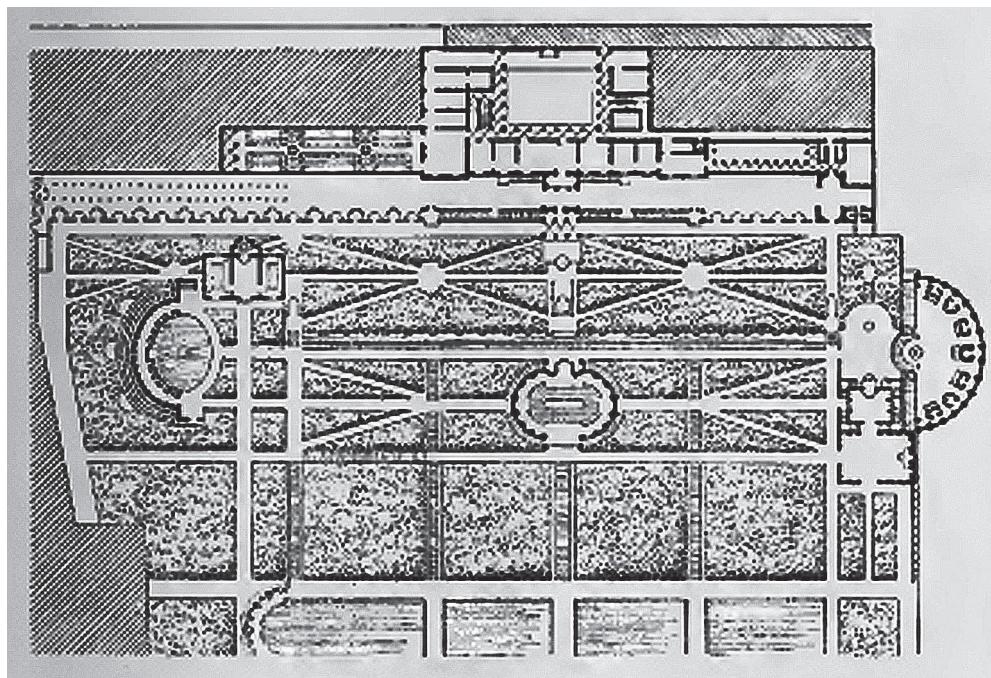
Разумеется, описанная техника композиции как проектного замысла, так же как и «новый метод архитектурного мышления» Гизбурга, во многом основываются на известном инструментальном методе Дюрана. В этом смысле Бэнэм, как кажется, справедливо отмечает определяющее влияние работ Дюрана и Гваде на практику сборного домостроения в архитектуре и строительстве XX и теперь уже XXI столетий.

К сожалению, невозможно охватить в рамках статьи все аспекты теории композиции, разработанной Гваде. Но можно остановиться на некоторых ее важных моментах, которые во многом определили перечень и характер рассмотрения определяющих композицию элементов архитектуры и, как следствие, ее судьбу: например, на его внимании к контексту,

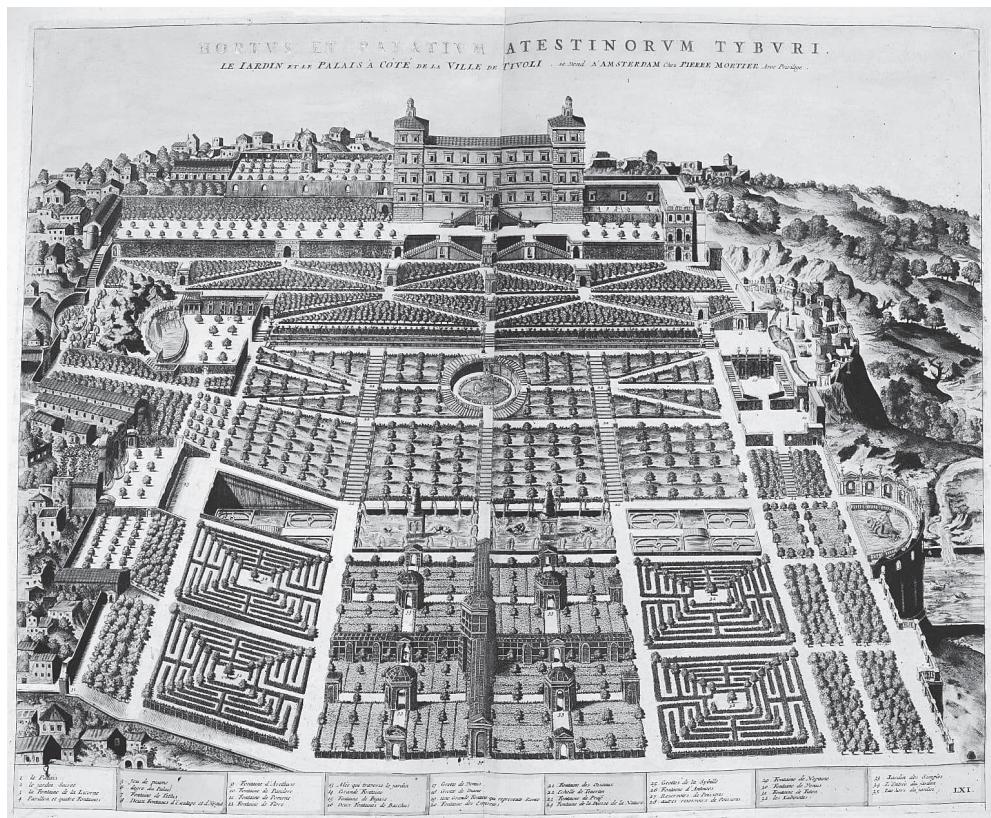
природному, городскому или сельскому окружению как элементу композиции:

«Программа также указывает вам на еще один существенный элемент композиции: месторасположение (*emplacement*) и участок земли (*terrain*). У архитектуры большой диапазон: города со всем разнообразием их месторасположений, деревня с ее горизонтами и антуражем; побережья морей, горы; самые разнообразные широты, даже если не покидать Францию» (Guadet 1909: 102–103).

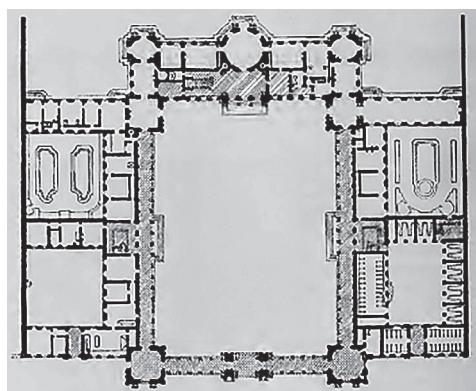
В качестве примеров Гваде описывает Париж, в манере Виктора Юго почти с высоты птичьего полета или колокольни *Notre Dame de Paris*; творение своего фаворита Жака-Анжа Габриэля — площадь Согласия со зданием Министерства морского флота; другие милые его сердцу местоположения за пределами Франции — променаду Пинчо неподалеку от Пьяцца-дель-Пополо и виллы Медичи — штаб-квартиры Французской



Ил. 11. План виллы Д'Эсте в Тиволи (Guadet 1909: I, 105)



Ил. 12. Этьен Дюперак. Сады виллы Д'Эсте в Тиволи. 1560–1575

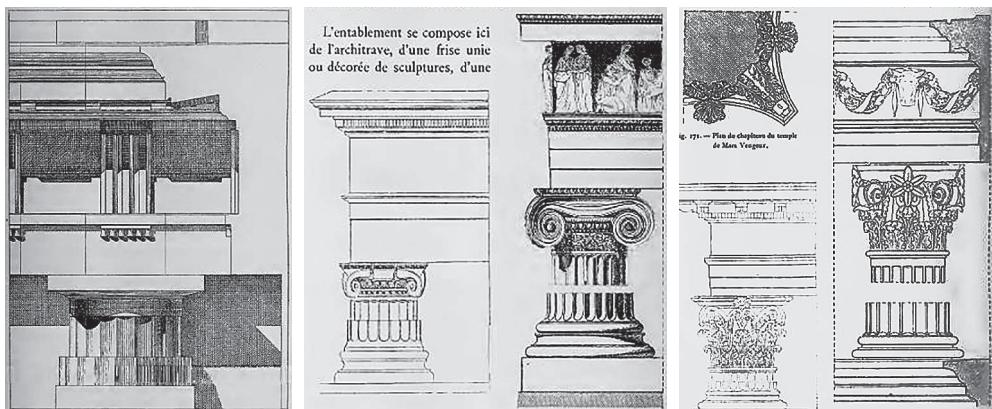


Ил. 13. Разделения полезных и вспомогательных помещений или площадей в плане (Guadet 1909: I, 118)

академии в Риме, где он провел три года после получения Римской премии. В качестве иллюстрации приводится план виллы Д'Эсте в Тиволи (ил. 11–12).

Примечательна его трактовка разделения полезных и вспомогательных помещений или площадей, т.е. коммуникаций (*les surfaces utiles et les circulations*) в плане, что приводит к пониманию зонирования. Здесь, как и в композиции в целом, большую роль играют пропорции, одновременно как средство членения, разграничения и установления соотношений (ил. 13).

И наконец, отношение Гваде к ордеру. Гваде признается, что он не враг античных ордеров, и он использует орде-



Ил. 14–16. Дорический, ионический и коринфский ордера (Guadet 1909: I, 357, 370, 376)

ра там, где это уместно или необходимо, но его всегда шокирует роль античного ордера как исходной точки в обучении. Он восторгается античной архитектурой Греции и Рима, даже в ее руинированном состоянии. Он восхваляет архитекторов Ренессанса, но лишь до того момента, когда был вновь открыт злополучный Витрувий, как его характеризует Гваде, «определенного посредственный писатель, возможно, посредственный архитектор», в его понимании. Альберти, Виньола, Палладио, Филибер Делорм и все XVI столетие доверились ему, как доверялись в то время всему, что было написано на латыни, сетует Гваде. И лишь гений Ренессанса, восклицает он, оставился свободным, несмотря ни на что, и искусство было выше всепроникающего влияния Витрувия. Гваде повествует весьма эмоционально:

«Но позже, при дряхлеющем Людовике XIV, в то время как великие мыслители первой половины XVIII столетия стали уходить из жизни, французский дух трансформировался, гордая независимость сменилась на идолопоклонничество власти, строго обязательную преданность закону, культ деспотизма. И в архитектуре также надлежало

впредь повиноваться, нежели понимать. Она подменила курьезные дискуссии Королевской Академии архитектуры на горестное учреждение, провозгласившее магистратуру Витрувия, и сделала его кем-то вроде отца художественной Церкви. С тех пор его теории превратились почти в королевские, и триумф модуля стал чуть ли не вопросом веры. Модуль, или ученые споры о модуле, занимали важное место в обучении, и, невероятная вещь, цифра стала властителем в сфере искусства. И, несмотря на неукротимую независимость истинных художников всех времен, вопреки мимолетному ренессансу и столь блестательному Габриэлю и его конкурентам, цифра все больше и больше увеличивает свою тираннию вплоть до самого недавнего времени. Сегодня еще есть люди, которые верят, что архитектура является цифровым [или зашифрованным] искусством, расчетной таблицей точных и математических формул!» (*Ibid*: 97–98).

Частичное отрицание ордера — Гваде все же посвящает каждому ордеру отдельную главу и включает ордера в число элементов архитектуры (ил. 14–16) — несколько изменяет номенклатуру и репертуар как элементов, так и правил

композиции. На первое место в перечне элементов архитектуры выступает стена со столь онтологически и композиционно необходимыми дверными и оконными проемами или отверстиями. За ними следуют крыши или покрытия, и затем уже прочие не менее важные или более второстепенные элементы.

Если выделить самые основные принципы и элементы архитектуры, которые в том или ином значении и смысле являются элементами композиции в интерпретации Гваде, и расположить их в порядке их изложения, получится взаимосвязанная последовательность и структура, включающая — месторасположение, участок земли, пропорции, стены, отверстия и крыши. Может ли этот набор элементов в их структурном построении рассматриваться самодостаточной,rudimentарной основой архитектуры и строительства?

Этот перечень, выстроенный в несколько ином порядке — местность, участок, членения, стена, крыша и отверстия, — Альберти называет элементами или началами, из которых состоит вся архитектура⁶. Исследователям Аль-

⁶ «Первоначально люди отыскивали себе для отдыха какую-нибудь безопасную местность и, найдя участок, удобный и приятный, обосновывались на нем и занимали его так, чтобы не в одном и том же месте совершились и домашние и частные дела, но чтобы в одном месте спали, в другом был очаг, а третье служило для прочих потребностей.

Затем стали думать о том, как поставить крышу, которая прикрывала бы их от солнца и дождей, и для того, чтобы это сделать, построили по сторонам участка стены, на которые крыша накладывалась. Таким способом люди считали себя более защищенными от леденящих бурь и метелей. Затем они открыли в стенах от земли доверху входы и окна, благодаря чему являлась возможность выходить и входить и давать доступ свету и воздуху в хорошую погоду, а также иметь выход для паров на случай, если внутри жилища скопится вода. Кто бы ни был

берти до сих пор не удается выявить какие-либо прецеденты или источники этой рационально выделенной им основы архитектуры. Тем не менее эти элементы, или начала, как можно видеть, сами по себе становятся прецедентом для Гваде и академической школы. Оттуда они заимствуются в инвертированном виде Ле Корбюзье при формулировании пяти пунктов современной архитектуры, в привычной для авангарда манере опрокидывания предшествующей традиции с ног на голову. Эту риторическую акробатику замечательно комментирует Алан Кохун в своей работе «Тип и его трансформации: Замещение понятия у Ле Корбюзье» (*Colquhoun* 1984). Каким-то образом они проникают в эссе Мартина Хайдеггера «Строить, жить, мыслить» (*Heidegger* 1971).

Вопрос прецедентов и заимствований является в данном случае не столько этическим, сколько риторическим и герменевтическим, и обращение к риторике и герменевтике становится неизбежным. Здесь явно прослеживает-

тот, кто первоначально все это ввел: богиня ли Веста, Сатурнова дочь, или братья Эвриал и Гипербий, или Геллий, или Фрасон, или циклоп Тифинхий, — но мне думается, что первое начало и первый порядок сооружения здания были именно таковы.

А впоследствии это дело развилось благодаря практике и искусству и были придуманы разные виды зданий, так что архитектура охватила едва ли не бесконечное число предметов. Ибо одни сооружения — общественные, другие — частные; одни — священные, другие — светские; одни строятся из-за пользы и нужды, другие — для украшения города, третьи — для разнообразных наслаждений. Но никто не станет отрицать, что все они произошли из рассмотренных начал. А если это признать, то ясно, что вся архитектура состоит из шести элементов. Они следующие: местность, участок, членение, стена, крыша и отверстия.

«Если эти начала будут вполне усвоены, то легче можно будет понять и то, что мы дальше скажем» (Альберти 1935: 12–13).

ся круговая структура понимания и интерпретации — пресловутая проблема герменевтического круга в той его трактовке, когда предварительное понимание истолковываемого предмета, которым в данном случае являются шесть элементов, или начал, архитектуры Альберти, — становится основой для его новой актуальной интерпретации в исторически развивающейся теории и практике архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Альберти* 1935 — Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. Т. I. Текст: Десять книг о зодчестве в переводе В. П. Зубова и Фрагмент анонимной биографии в переводе Ф. А. Петровского. М.: Издательство Все-союзной академии архитектуры, 1935.
- Гадамер* 1991 — Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Гинзбург* 1926 — Гинзбург М. Я. Новые методы архитектурного мышления // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 1–4.
- Карпов* 2017 — Карпов В. В. Шарль Блан и Жюльен Гваде: Риторика и герменевтика композиции, рисунка и цвета. Часть первая. Шарль Блан. Грамматика искусств рисунка // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып 9 / гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 25–37.
- Banham* 1960 — Banham R. Theory and Design in the First Machine Age. London: Architectural Press, 1960.
- Colquhoun* 1984 — Colquhoun A. The Type and Its Transformations: Displacement of Concept in Le Corbusier // Essays in architectural criticism: modern architecture and historical change. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. P. 42–43.
- Craig* 2012 — Craig R. The Architecture of Francis Palmer Smith, Atlanta's Scholar-Architect. Athens, London: the University of Georgia Press, 2012.
- Durand* 1809 — Durand J.-N.-L. Précis des leçons d'architecture données à l'École royale polytechnique by J. N. L. Durand. Paris: Pub. à

compte d'auteur à L'École Royale Polytechnique, 1809.

Guadet 1909 — Guadet J. Éléments et théorie de l'architecture. Cours professé à L'École nationale et spéciale des Beaux-Arts. Troisième édition augmentée d'une Notice sur la Vie et les Œuvres de Julien Guadet, par J.-L. Pascal, Membre de L'Institut, Inspecteur général des batiments civils. Paris: Librairie de la construction moderne, 1909 (First publication: 1901).

Guadet 1907? — Guadet J. The elements and theory of architecture, a course of lectures given at the École nationale et spéciale des beaux arts, France. Englished by John Galen Howard. Berkeley: The University of California, 1907?

Heidegger 1971 — Heidegger M. Building Dwelling Thinking // Poetry, Language, Thought / Translations and Introduction by A. Hofstadter. New York: Harper & Row, 1971. P. 141–159.

REFERENCES

- Alberti L. B. *Desiat' knig o zodchestve* (Ten Books on Architecture). Vol. I. Text: *Desiat' knig o zodchestve v perevode V. P. Zubova i fragment anonymnoi biografii v perevode F. A. Petrovskogo* (Ten Books on Architecture translated by V. P. Zubov and the Fragment of an anonymous biography translated by F. A. Petrovsky). Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznoi akademii arkhitektury Publ., 1935 (in Russian).
- Gadamer H.-G. *Akтуальность прекрасного* (The relevance of the beautiful). Moscow: Iskusstvo Publ., 1991 (in Russian).
- Ginzburg M. Ia. *Novye metody arkhitekturnogo myshleniya* (New methods of architectural thinking). Sovremennaya arkhitektura (The modern architecture), 1926, no. 1, pp. 1–4 (in Russian).
- Carpov V.V. Charles Blanc AND Julien Guadet: rhetoric and hermeneutics of composition, drawing and color. Part one. Charles Blanc. Grammar of the arts of drawing. *The questions of the History of World Architecture*, vol. 9, ed. A. Yu. Kazaryan. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 25–37 (in Russian).

- Banham R. *Theory and Design in the First Machine Age*. London: Architectural Press, 1960.
- Colquhoun A. *The Type and Its Transformations: Displacement of Concept in Le Corbusier. Essays in architectural criticism: modern architecture and historical change*. Cambridge, Mass.: MIT Press Publ., 1985, pp. 42–43.
- Craig R. *The Architecture of Francis Palmer Smith, Atlanta's Scholar-Architect*. Athens, London: the University of Georgia Press, 2012.
- Durand J.-N.-L. *Précis des leçons d'architecture données à l'École royale polytechnique by J. N. L. Durand*. Paris: pub. à compte d'auteur à L'École Royale Polytechnique, 1809.
- Guadet J. *Éléments et théorie de l'architecture. Cours professé à L'École nationale et spéciale des Beaux-Arts. Troisième édition augmentée d'une Notice sur la Vie et les Œuvres de Julien Guadet, par J.-L. Pascal, Membre de L'Institut, Inspecteur général des batiments civils*. Paris: Librairie de la construction moderne, 1909 (First publication: 1901).
- Guadet J. *The elements and theory of architecture, a course of lectures given at the École nationale et spéciale des beaux arts, France. Englished by John Galen Howard*. Berkeley: The University of California, 1907?
- Heidegger M. *Building Dwelling Thinking. Poetry, Language, Thought*, transl. A. Hofstadter. New York: Harper & Row, 1971, pp. 141–159.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Л. Г. Хрушкова

ИЗУЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ*

Статья посвящена истории изучения христианских памятников Кавказа во второй половине XIX в. и обсуждению некоторых спорных вопросов в зарубежных публикациях последних лет. Все главные археологические учреждения России активно изучали Кавказ. Особая роль принадлежала Московскому археологическому обществу, его основателю Алексею С. Уварову и сменившей его на этом посту после его смерти супруге Прасковье С. Уваровой. В 1881 г. они организовали очередной, 5-й археологический съезд в Тифлисе; Московское археологическое общество издавало фундаментальную многотомную серию «Материалы по археологии Кавказа». Уварова лично обследовала и опубликовала многие десятки памятников церковной архитектуры. Уварова привлекла к изучению Кавказа крупных ученых, в том числе византиниста Никодима П. Кондакова. Личность и деятельность Кондакова в последнее время служит предметом дискуссий. В статье содержится полемика с некоторыми идеями чешского историка искусства Ивана Фолетти, идеями, которые не согласуются с источниками и фактами. К сожалению, в некоторых случаях Фолетти неверно цитирует Кондакова; в других случаях Фолетти выступает в роли не объективного историка, но ангажированного политического комментатора. Кроме того, немалое число фактов научной биографии и трудов Кондакова остались неизвестными Ивану Фолетти.

Ключевые слова: Византия, Кавказ, христианские памятники, историография, Московское археологическое общество, Прасковья С. Уварова, Никодим П. Кондаков, Иван Фолетти, спорные интерпретации.

L. G. Khrushkova

STUDIES OF CHRISTIAN MONUMENTS OF THE CAUCASUS AND CONTEMPORARY DISCUSSIONS

The article is dedicated to the studies of Christian monuments of the Caucasus of the second half of the 19th century and the discussion of some controversies in recently published international studies. All archaeological institutions of Russia studied the Caucasus. The main part was played by the Moscow Archaeological Society with its founder Aleksey S. Uvarov and his spouse Praskovya S. Uvarova, who took over his position after her husband's death. In 1881, they organized the 5th regular archaeological conference in Tiflis; the Moscow Archaeological Society published the fundamental multivolume research called "The Materials on the Archaeology of the Caucasus". Uvarova personally inspected and published dozens of monuments of church architecture. Uvarova brought many major scientists to the Caucasus studies, including the researcher of Byzantium, Nikodim P. Kondakov. The personality and achievements of Kondakov have recently become a matter of discussions. The article debates some of the ideas of Czech art historian Ivan Foletti — the ideas that fail to correspond with sources or facts. Unfortunately, in some cases, Foletti makes mistakes in citing Kondakov; in others, Foletti acts not as an objective researcher, but as a partisan political commentator. Moreover, a significant number of facts of Kondakov's academic biography and works remained unknown to Ivan Foletti.

Keywords: Byzantium, Caucasus, Christian monuments, historiography, Moscow Archaeological Society, Praskovya S. Uvarova, Nikodim P. Kondakov, Ivan Foletti, controversial interpretations.

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААЧ, тема 1.2.1. «Концептуальные основы развития всеобщей истории архитектуры: пересмотр стереотипов».



Ил. 1. П. С. Уварова, 1880-е гг. Государственный исторический музей (Кызласова 2000: вклейка между с. 256 и 257)

Настоящая работа посвящена первому периоду активного изучения христианских памятников Кавказа, который относится ко второй половине XIX в. В это время в Западной Европе и России происходит становление различных сфер гуманитарного знания как самостоятельных дисциплин: истории и филологии, археологии и истории искусства. К этому же периоду относится и широкое научное освоение новых географических пространств. За последние десятилетия историографические исследования в России существенно продвинулись (Хрущкова 2015в: 445–686). Российская история археологии и истории искусства становится все более известной в Западной Европе, в частности, благодаря изданию Биографического словаря христианской архео-

логии с участием российских археологов, который включает свыше 70 имен российских, украинских, армянских и грузинских исследователей (*Personenlexikon 2012*). Работа над изданием Биографического словаря сопровождалась проведением в Риме двух историографических конференций (2009, 2011) и публикацией в нескольких номерах римского журнала *Römische Quartalschrift* исследования по истории христианской и византийской археологии и истории искусства в нашей стране (Khrushkova 2011: 229–252; 2012в: 74–119, 202–248; 2013: 254–287; 2014: 134–165; 2015а: 117–135).

Изучением Кавказа занимались все главные археологические научные учреждения России, но особая роль принадлежит Императорскому Московскому археологическому обществу (МАО, ИМАО) (Khrushkova 2012в: 74–81; Хрущкова 2015в: 597–602), которое в 1864 г. основал граф Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884) (Khrushkova 2012а: 1259–1264). Отмечая, что «Русская археология, действительно, не сложилась еще в стройную правильную науку, не имеет строгой научной формы», он видел археологию «всеобъемлющею наукою, охватывающею целый быт народа». Общество создавалось «для уничтожения равнодушия к русским древностям и для возбуждения общего, живого участия к русской археологии...» (Уваров 1865: I–IV). С самого начала планировалось проведение всероссийских археологических съездов, как это уже практиковалось во Франции, Англии, Германии.

После кончины Уварова его супруга Прасковья Сергеевна Уварова, урожд. княжна Щербатова (1840–1924), 30 апреля 1885 г. была единодушно избрана председателем Общества, а через четверть века она стала его пожизненным председателем (Хрущкова 2013б; Khrushkova 2012в: 243–245) (ил. 1). Она

руководила Обществом с большой энергией и твердостью, и в то же время, по свидетельству современников, «как женщина внесла еще более теплоты и семейности» (Иловайский 1916: 1). Обращаясь к ней, члены МАО писали «о той магической силе, которою обладает Ваша личность и которая служит цементом, связующим в крепкий союз разнообразных деятелей в области археологии» (Сборник 1916: VII). Графиня Уварова стала первой в России (а в Европе — одной из первых) женщиной — профессиональным археологом. Член многих российских и зарубежных научных обществ, автор 174 научных работ, редактор фундаментальной серии «Материалы по археологии Кавказа». Эти тома с превосходными иллюстрациями выходили в 1889–1916 гг., из них три тома были написаны ею лично (Уварова 1894; 1900; 1904а). Она провела огромную работу по организации девяти всероссийских археологических съездов и подготовила последний, 16-й съезд, который не состоялся из-за Первой мировой войны. В изгнании, в Сербии, Уварова написала мемуары, в которых сообщает интереснейшие сведения по истории МАО (Уварова 2005).

Именно Московское археологическое общество начало масштабные работы на Кавказе. Уже на II археологическом съезде в 1871 г. в Петербурге известный ориенталист Адольф Петрович Берже (1828–1886) (Светлова, Тункина 2017: 210–211), представил «Записку об археологии Кавказа», в которой одной из главных задач предполагалось изучение христианской культуры края (Берже 1876). Позже МАО создало специальное кавказское отделение. Берже стал одним из основателей и руководителей Общества любителей кавказской археологии, открытого 9 декабря 1873 г. Как и Кавказский музей, это Общество

работало под покровительством наместника Кавказа вел. кн. Николая Михайловича (1863–1882). Заместителем председателя Общества стал грузинский историк и археолог Дмитрий Захариевич Бақрадзе (1826–1890), который изучал средневековые церкви (Бакрадзе 1875: 19–168). Среди первых исследователей горных провинций Грузии был Георгий (Юрий) Дмитриевич Филимонов (1828–1898), один из основателей ИМАО, активный сотрудник Публичного и Румянцевского музеев, руководитель канцелярии Оружейной палаты (Khrushkova 2012б: 497–499). В 1874 г. он объехал труднодоступные районы горной Сванетии, его очерк стал первой публикацией на русской языке об археологии этого края (Филимонов 1876). Увлеквшись Кавказом, он стал изучать его памятники и окончил свои дни в Сухуме.

Для исследования Кавказа самым важным был V археологический съезд, прошедший в Тифлисе с 8 по 20 сентября 1881 г. А.С. и П.С. Уваровы готовили его с особой тщательностью: «Ни для одного съезда не было сделано так много, как для Тифлисского» (Уварова 1887а). Помимо Трудов съезда, был издан том трудов Предварительного комитета, также впервые (Древности 1881). На средства вел. кн. Николая Михайловича были организованы три археологические экспедиции: в 1879, 1880 и 1881 гг. Христианским памятникам была посвящена отдельная секция тифлисского съезда, которой руководил профессор Санкт-Петербургской духовной академии Николай Васильевич Покровский (1848–1917) (Khrushkova 2012е: 1030–1032). На секции было зачитано несколько историко-архитектурных докладов: А.А. Авдеева — «О планах церквей Грузии и Армении и их отношении к планам церквей византийских», Д.З. Бақрадзе — «Грузинский монастырь Св. Креста в Иерусалиме»

и др. Съезд выработал программу всестороннего археологического исследования Кавказа (*Программа 1889*). Свои предложения по изучению храмового, гражданского и военного зодчества Кавказа внесли в программу петербургский архитектор Николай Владимирович Султанов (1850–1908) и Г.Д. Филимонов. Съезд вручил графу Уварову золотую медаль за заслуги, который передал ее графине с надписью «любимому со-труднику». В археологических экскурсиях приняло участие около 300 человек, они посетили крупнейшие древние города Грузии: Мцхету, Уплисцихе, Гелати, Кутаиси. В то время раскопки храма Баграти начали XI в. вел А.И. Стоянов, он открыл около 200 фрагментов архитектурного декора. Работа Тифлисского съезда приобрела международную известность: подробный отчет о нем опубликовал немецкий этнолог, антрополог и археолог Рудольф Фирхов (1821–1902), известный, в частности, совместными с Генрихом Шлиманном раскопками в Трое (*Virchow 1882: 73–111*).

Успех съезда побудил МАО выработать специальную «Программу для исследования древностей Кавказа» (1889). Материалы раскопок, проведенных перед V Археологическим съездом, составили важную часть коллекций Кавказского музея, который был создан в 1866 г. Археологическую коллекцию Музея обработала и издала П.С. Уварова, описав материалы по географическому признаку и выделив нумизматику в отдельную категорию. Эта работа составила пятый том издания материалов музея, которое было осуществлено на русском и немецком языках в шести томах (*Museum Caucasicum 1899–1912*). В октябре 1901 г., в период подготовки к изданию археологического тома, Густав Ивановича Радде, бессменный директор музея со временем его основа-

ния, писал Уваровой: «Пятый археологический съезд, созванный в Тифлисе покойным Вашим супругом, блестяще закончил период некоторого оживления интереса к археологии на Кавказе»; после упразднения наместничества «Тифлисское Общество любителей Кавказской археологии погибло от недостатка жизненных сил»; «Усопшее дитя» «воскресло под видом Кавказского отделения ИМАО и пользуется Вашим заботливым вниманием». В этом письме Радде предлагает учредить должность хранителя археологических коллекций Кавказского музея по выбору графини (Уварова 1902).

Христианские памятники Кавказа стали главным научным интересом Прасковьи Сергеевны. Она участвовала в кавказских экспедициях 1879, 1880 и 1881 гг. перед Тифлисским археологическим съездом. Впервые ознакомившись в 1879 г. с богатыми могильниками Осетии, она посещала этот край еще пять раз. В 1886 г. Уварова, вместе с двумя дочерьми и сыном, объездила верхом Черноморскую губернию и Западную Грузию. В 1888 г. — вновь поездка в Западную Грузию с дочерьми, которые стали ее верными помощницами. В 1890 г. состоялась поездка в Осетию, Горийский уезд, Кахетию, Рачу, в 1895 г. — новое путешествие в Пшавлию, Шавшетию, Сванетию, в 1901 г. — в Тифлис, в Гелати и Гурию. В 1910 г. Уварова изучала грузинские рукописи Евангелий с миниатюрами. Ее научный кругозор постоянно обогащался благодаря поездкам за границу. Помимо осмотра памятников и музеев, она занималась поисками кавказских материалов в музеях Европы. Уварова была очень обеспокоена тем, что кавказские находки широко вывозились за границу, нередко незаконными способами. В 1892 г. Уварова совершила поездки в Вену, Геную, Испанию, в 1895 г. — в Че-

хию, Италию, Хорватию, Венгрию, Берлин, в 1897 г. — в Вену, Италию, Швейцарию, Лион, Майнц, в 1900 г. — в Италию и Сицилию, в 1902 г. — в Константинополь, Малую Азию (в том числе в Смирну), Вену, Париж, в 1904 г. — в Вену, Тироль, Флоренцию (Анучин 1916: XVII–XIX). На собственные средства она издала ряд книг по археологии, истории искусства и архитектуры, среди них — русский перевод классического труда французского историка архитектуры Огюста Шуази, двухтомной Истории архитектуры (Шуази 1906–1907), которая впоследствии переиздавалась неоднократно.

Уварова лично обследовала 102 памятника христианской архитектуры — больше, чем все остальные участники кавказских экспедиций МАО (Уварова 1894: 190). В труднейших условиях Первой мировой войны в 1916 г. был издан XIII том Материалов по археологии Кавказа, посвященный Армении. Он содержит материалы экспедиции МАО 1907–1908 гг. В эти годы В.М. Сысоев обследовал памятники и церкви в восточной части Ереванской губернии, собрав около 400 фотографий и почти 500 надписей, планов, эстампажей. Об Армении Уварова писала с тревогой: «Разрушение построек временем и людьми идет очень сильно, и скоро, может быть, от всех этих дорогих памятников останется очень мало» (Уварова, Кучук-Иоаннесов 1916: 196). В конце своей долгой жизни, найдя пристанище в Сербии, живя в крайней нищете, но сохраняя спокойствие и ясность мысли, она сожалела лишь о том, что во время бегства из России, среди хаоса и опасностей, она потеряла рукопись, почти завершенную и с подготовленными таблицами, о древних тканях, обнаруженных ею в Грузии (Khrushkova 2012b: 79–81).

Особенно важными были экспедиции Уваровой в Абхазию, здесь она ста-

ла первооткрывателем многих памятников архитектуры, скульптуры, чеканки. Многие из них были опубликованы в 4-м томе серии «Материалы по археологии Кавказа» с прекрасными литографиями (Уварова 1894). В 1886 г. для изучения Кавказа была получена субсидия императора, но нередко Уваровы вкладывали и собственные средства. Эти археологические поездки были нелегкими, приходилось «весьма часто добираться до памятников совершенно заглохшими, ныне малоизвестными и недоступными тропами». «Привлеченная вместе с тем красотами края и теми чарами, которыми Кавказ завлекает и привлекает всякого, кто хоть раз полюбовался его природой, я решилась на собственные средства пополнять предполагаемые экспедиции общества <...>, объезжая те нагорные пространства или глухие ущелья, лежащие вне всяких дорог и сообщений, до которых, за редкими исключениями, можно добраться только верхом» (Там же: 1–2). Графине оказывали поддержку администрация и местные жители, которых она благодарит за «участливое любезное отношение, которое встречали не только к нам лично, но и к нашему делу и занятиям» (Там же: 197–198).

Многие оценки и выводы Уваровой и сейчас удивительно верны и точны, они получили подтверждение последующими изысканиями. Уже тогда она правильно определила, что фрески церкви в Лыхны «византийского типа и пошиба», которые «суть вероятно произведение греческого художника» конца XIII или даже XIV в. (Там же: 193) (ил. 2–3). Уварова справедливо считала церковь в Дранде древней. К византийскому типу она отнесла церкви X–XI вв. в Пицунде, Мокве, Лыхны и подобные им церкви на притоках Кубани, в исторической Алании (Там же: 191) (ил. 4). Среди



Ил. 2. Церковь в с. Лыхны. Вид с юго-запада (фото Л. Г. Хрушковой)

открытых Уваровой абхазских памятников есть настоящие уникумы, например, плиты алтарной преграды из Цебельды.

Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) (*Khrushkova* 2012b: 99–104) дал высокую оценку книге Уваровой «Христианские памятники»: «Труд автора представляет совершенно новую и в высшей степени важную страницу в истории изучения Кавказа» (Айналов 1895: 233).

Прасковья Сергеевна пропагандировала передовые методы полевой археологии, которые разрабатывал А. С. Уваров: «постоянное присутствие на раскопках, ведение дневников и систематизация добываемого могильного инвентаря», она подчеркивает особую ценность находок из личных раскопок, «достоверных не только по местонахождению, но и по расположению их в могилах». Много внимания Уварова уделяла проблемам охраны памятников и борь-

бы против кладоискателей, которые, «уверовав в последнее время в безнаказанность своей деятельности, открыто вывозят целые коллекции за границу и торгуют ими в Москве и Петербурге» (Уварова 1888: 8). Поэтому в зарубежных музеях оказалось немало «научного материала, всецело принадлежащего России, но до сих пор обработанного преимущественно иностранными учеными» (Уварова 1900. С. X–XI, CIX). Будучи иностранным членом-корреспондентом Национального общества антикваров Франции, Уварова опубликовала в Париже краткий обзор истории археологии в России — это первая работа такого рода на западном языке. В ней она сетует на то, что западные читатели плохо знают русскую археологию (*[La] Comtesse Ouvaroff* 1904: 1–11). Кроме капитальных изданий МАК, Уварова написала три тома «Путевых заметок»



Ил. 3. Церковь в с. Лыхны. Интерьер, вид на восток (фото Л. Г. Хрущовой)



Ил. 4. Алания, большой Зеленчукский храм. Вид с юго-запада (фото Л. Г. Хрущовой)



Ил. 5. Пицунда, купольный храм. Вид с юго-востока (фото Л. Г. Хрушковой)

(Уварова 1887б; 1891; 1904б), стремясь познакомить широкую публику с Кавказом, «с тем дивным и далеким краем» (Уварова 1887б), с его «величественными ледниками, вершинами, ущельями, обрывами, которыми так щедро наградил Создатель дивный, к сожалению, еще так малоисследованный нами Кавказ» (Уварова, 1904б).

Московское археологическое общество привлекало к работе на Кавказе крупных специалистов. В 1873 г., по приглашению МАО, Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) (*Khrushkova* 2012д: 751–754), тогда молодой учений, только что защитивший магистерскую диссертацию, три месяца провел на Кавказе, преимущественно в Абхазии и Западной Грузии. Его работа о средневековой архитектуре Грузии была издана в Тру-

дах МАО (Кондаков 1876). В Абхазии он обратил особое внимание на большой купольный храм в Пицунде, который сохранился достаточно хорошо, если не считать повреждений в куполе (ил. 5). Кондаков отличался зорким глазом: он заметил легкий излом у подкупольных арок, отметив, что эта черта характерна не для византийской архитектуры, а для исламской (ил. 6). Тогда он не мог указать аналогии в Абхазии этой действительно очень редкой в этом регионе черте. Только столетие спустя, во время исследования дворца в селе Лыхны, резиденции абхазских царей и владетельных князей, были выявлены арки с изломом. Они расположены на аркаде северного фасада и — несколько иной формы — в интерьере вестибюля, на северной и южной стенах (ил. 7). В лыхненском дворце



Ил. 6. Пицунда, купольный храм. Интерьер, вид на восток (фото Л. Г. Хрущковой)



а



6

Ил. 7. Лыхны, дворец абхазских владетелей. Вестибюль:
а) интерьер, северная стена; б) западный фасад (фото Л. Г. Хрущковой)

эта форма арок сочетается с другими особенностями мусульманской строительной традиции — парусами в виде кирпичных сталактитов в купольном вестибюле и использованием мелкоформатного квадратного кирпича в кладке этого купола. Село Лыхны расположено на расстоянии примерно 50 км от Пицунды. Та фаза истории дворца, к которой относятся исламские элементы, принадлежит к первой половине X в., т.е. к той же эпохе, когда была построена купольная церковь в Пицунде. Таким образом, давнее наблюдение Кондакова о ломанных арках в Пицунде получило подтверждение и развитие (Хрущкова 1998).

Московское археологическое общество организовало изучение грузинских церквей, расположенных в труднодоступных провинциях Шавшети и Кларджети, на территории т.н. Турецкой Грузии. В 1888 г. член МАО, академик Андрей Михайлович Павлинов (1852–1897) по приглашению Уваровой обследовал Мамацминду, Свети, Порту, Опизу, Долинскану, Эни-Рабат (Павлинов 1893: 1–91). Почти столетие спустя известный грузинский историк архитектуры Вахтанг В. Беридзе (1914–2000) подчеркнет особую ценность созданной Павлиновым документации: «Других обмеров перечисленных памятников у нас нет» (Беридзе 1981: 11), поскольку после 1921 г. советские исследователи не имели доступа на эту территорию.

Следующим важным шагом в изучении Турецкой Грузии были экспедиции грузинского археолога и историка Евфимия (Евклима) Такайшвили (1863–1953), члена МАО, Русского археологического общества (РАО) и Общества друзей кавказской археологии, основателя Музея грузинского экзархата (Ломтатидзе 1964: 165–169). В 1902 г. по поручению МАО Такайшвили, вместе с архитектором С. Г. Клдиашвили, обследовал ряд

церквей в этом регионе и опубликовал результаты в Материалах по археологии Кавказа. Вторую экспедицию Такайшвили совершил в 1907 г., тоже на средства МАО (Такайшвили 1909: 1–117; 1905–1915). За эти работы исследователь получил золотую медаль Петербургской академии наук. Большая часть материалов экспедиции 1907 г. была опубликована значительно позже, в эмиграции во Франции (Такайшвили 1938). Продолжением этих работ была экспедиция Такайшвили в 1917 г., вместе с архитектором Анатолием Н. Кальгиным. Материалы этой поездки увидели свет много лет спустя, уже после возвращения Такайшвили на родину из Франции (Такайшвили 1952).

С середины 80-х гг. XIX в. кавказоведческие изыскания успешно развивались также в Петербурге. Их вела Археологическая комиссия в сотрудничестве с местными археологами, в том числе с Д. З. Бакрадзе. Многие выявленные тогда памятники были опубликованы Уваровой в 4-м выпуске «Материалов по археологии Кавказа». Особенно многочисленными были находки в предгорной зоне Абхазии, в долине р. Кодор, в районе Цебельды. Здесь выяснилось, что некоторые маленькие однонефные церкви обладали развитой скульптурной декорацией, сосредоточенной в основном на алтарной преграде. В 1886 г. близ села Ольгинское при случайных работах были открыты необычные плиты алтарной преграды с большим количеством сюжетных сцен. Первым о них был информирован Д. З. Бакрадзе; памятник стал широко известным благодаря публикации Уваровой в Материалах по археологии Кавказа (Уварова 1894: 22, табл. VII, VIII) (ил. 8).

Там же, в окрестностях села Ольгинского, в руинах церкви были обнаружены три плиты алтарной преграды с изо-

бражениями (Уварова 1894: 20–21). Они были отправлены в Тифлис, в Кавказское археологическое общество, их современное местонахождение — Музей грузинского искусства им. Ш.Я. Амиранашвили. На одной из плит видим уникальную иконографию конного святого: в правой руке он держит рипиду, вместо обычного копья, увенчанного крестом (Хрущкова 1980: 117; Khroushkova 2006a: 152–153) (ил. 9). В византийской иконографии примеры сцены небесной литургии с участием святых воинов неизвестны (Walter 2003: 41–144). В исследовании Нины Яманидзе о святых воинах-всадниках в Грузии столь необычная иконография также не отмечена (*Jamanidzé* 2016: 59–69).

В том же районе Цебельды, близ с. Полтавского, также в руинах небольшой церкви, в том же году были найдены базы от столбиков редкой «бочкообразной формы» с зооморфными и растительными мотивами (ил. 10). Их также опубликовала Уварова, (Уварова 1894: 23–26). Эти две базы были переданы в Исторический музей в Москве, где хранятся и сейчас.

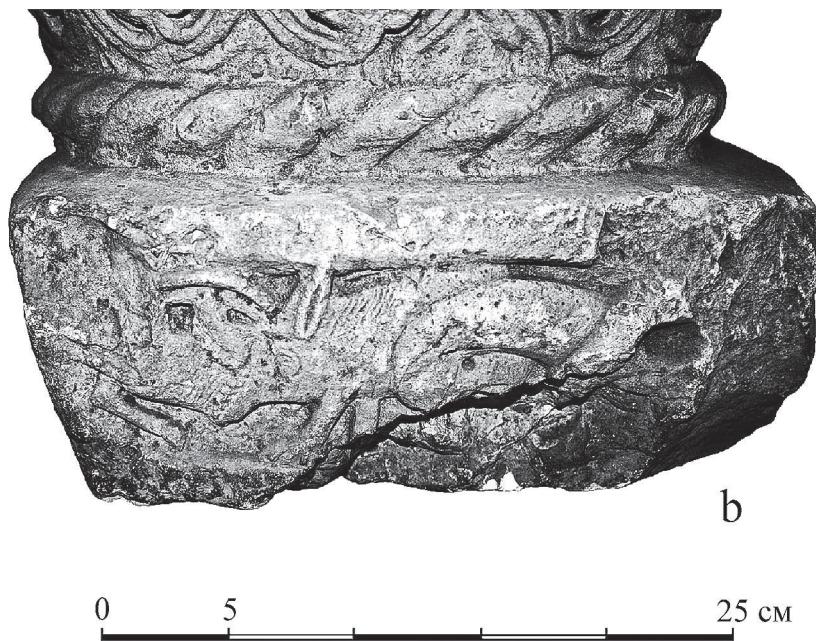
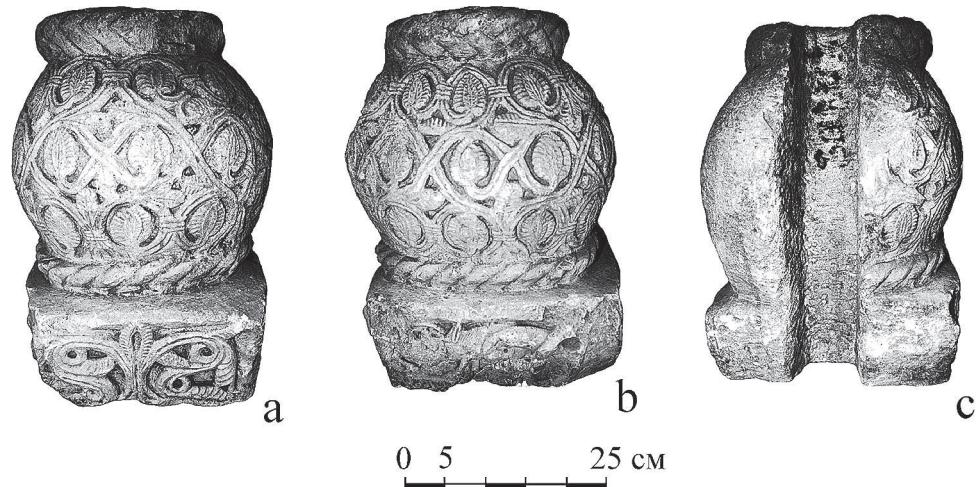
Очевидно, что такое обилие средневековых памятников в долине р. Кодор требовало внимания археологов. В ответ на предложение Археологической комиссии в 1887 г. Д.З. Бакрадзе представил «Проект программы археологического изучения Сухумского округа». В ней главное внимание уделялось памятникам христианской архитектуры, в частности, предполагалось провести раскопки близ большого купольного Пицундского храма. Кондаков ходатайствовал о выдаче ему открытого листа на раскопки в 1889 г. Смерть Бакрадзе помешала осуществить эту программу (Стеганцева, Рысин 2009: 675–680). Участок, примыкающий к Пицундскому храму (ил. 5), был раскопан нами много позже, уже в начале XXI в.



Ил. 8. Цебельда, с. Ольгинское. «Первая» плита алтарной преграды (Уварова 1894)



Ил. 9. Цебельда, церковь в окрестностях с. Ольгинского. Плита алтарной преграды (Уварова 1894)



Ил. 10. Цебельда, церковь в с. Полтавское. База столба алтарной преграды (фото Л. Г. Хрушковой)

(Khrushkova 2016: 1641–1661; Хрушкова 2017а: 225–243).

Особое место кавказские штудии занимают в научной биографии Н. П. Кон-

дакова. В шеститомном издании «Русские древности в памятниках искусства», которое Кондаков осуществил вместе с графом Иваном Ивановичем

Толстым (1858–1916), четвертый том посвящен христианским памятникам Крыма, Кавказа и Киева (*Толстой, Кондаков 1891*). В современной литературе это издание не совсем справедливо называют популярным, в действительности же там дано научное описание многих памятников архитектуры и скульптуры. По-видимому, издание Толстого и Кондакова производит впечатление «популярного» малым количеством ссылок. Это объясняется тем, что у авторов, исследовавших территории, примыкающие к Чёрному морю, предшественников было совсем немного. Это знаменитый швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850), издавший описание своего путешествия «вокруг Кавказа» с превосходным атласом. Отчеты Мари-Фелисите Броссе (1802–1880) об «археологическом путешествии в Грузию и в Армению» содержат сведения о памятниках архитектуры. Некоторые памятники Абхазии привел архимандрит Леонид Кавелин (1822–1891) в своем очерке о христианстве Абхазии. Выше была названа книга Д. З. Бакрадзе. Все эти работы носили обзорно-ознакомительный характер, задачи анализа архитектуры в них не ставились (*Хрушкова 2002: 12–14*).

Первые три тома «Русских древностей» Толстого и Кондакова, посвященные античности, были переведены на французский язык и изданы по инициативе и при активном участии знаменитого эрудита-энциклопедиста Саломона Рейнака (Salomon Reinach, 1858–1932), который стал и соавтором (*Kondakoff, Tolstoi; Reinach 1891–1893*). Выбор только «кантичных» томов для французского издания говорит о том, что в то время в Западной Европе средневековую культуру России, Крыма и Кавказа, тесно связанную с Византией, считали менее интересной и значимой. Кондаков

принял большое участие в важной миссии по спасению рукописей и церковных ценностей Грузии. В 1882–1885 гг. были ограблены ризницы известных древних монастырей Западной Грузии: Джумати, Шемокмеди и Мартвили. В некоторых ризницах, кроме собственных драгоценных предметов, накопленных веками, сохранялось немало вещей, вывезенных из церквей Абхазии, которая после падения Византии оказалась под контролем Турции. Помимо краж из монастырских сокровищниц, ловкие расхитители занимались подменой ценнейших древних произведений новыми подделками-фальшивками из простого металла. В этой торговле были замешаны высокопоставленные должностные лица, антиквары, коллекционеры; предметы с явным криминальным прошлым служили материалом научных публикаций.

Кондаков публично заявлял о том, что часть грузинских эмалей из знаменитой коллекции А. В. Звенигородского — краденые. В последние годы полная картина этих печальных фактов выясняется на основе тщательных документальных изысканий (*Пятницкий 2015: 139–145, 174–175*). 26 мая 1889 г. Кондаков подал в Министерство Двора докладную записку об этих скандальных случаях. Уже 28 июня, по докладу министра императору, Кондаков получил поручение составить опись церковных ценностей монастырей Западной Грузии, а Археологической комиссии — дать их научную оценку (*Медведева и др. 2009: 206–207*). В этой работе миссии участвовал Д. З. Бакрадзе, который был приглашен для чтения и перевода грузинских надписей, составлявших особую историческую ценность, в особенности для определения дат создания вещей.

Кондаков должен был отправиться в эту поездку срочно, уже в августе

1889 г., несмотря на плохое самочувствие. Предстояло обследовать ряд населенных пунктов в условиях плохих дорог и самого разгара летней жары в сыром климате. Обнаружив множество средневековых рукописей, икон и предметов прикладного искусства, ученый увлекся и работал с энтузиазмом. Результаты были великолепными. В письме от 18 августа профессору из Санкт-Петербургского университета, декану историко-филологического факультета Ивану Васильевичу Помяловскому (1845–1906) Кондаков перечисляет свыше двух десятков городов и сел, которые он объехал: «Вы спросите, а результаты? Слава богу, хорошие. Я лицезрел чудные эмали, византийскую резьбу. Довольно сказать, что мы нашли в Мартвили Евангелие с миниатюрами, столь же богатое, как Гелатское, и хотя 1300 г., но более интересное, чем первое. Я видел, наконец, византийскую работу 9 в., которая такого же высокого художественного достоинства, как и антики» (Хрушкова 2015в: 651).

В Хоби Кондаков обнаружил редчайшую икону X в. с именем заказчика, царя Абхазского царства Леона, строителя грандиозной епископской церкви в Мокве (957–967 или, по другим данным, 960–969 гг.). К сожалению, впоследствии икона была утрачена. Среди выявленных произведений были настоящие шедевры. Не случайно Кондаков особенно выделяет четвероевангелие, найденное в Мартвили. Этот город, в древности Чконди (по-мегрельски «Большой дуб»), с X в. был епископским центром. Евангелие, увенчанное миниатюрами в стиле византийской живописи палеологовской эпохи, — одна из самых известных иллюминированных грузинских рукописей (Лазарев 1947: 144; Амира-нашвили 1963: 235–236; Khroushkova 2006а: 90, 104–106). Евангелие проис-

ходит из села Моква (абх. Мыку) в Абхазии, которое также с середины X в. было центром епископства. Кодекс снабжен записью писца и художника, которая сообщает, что в 1300 г. Моквский архиепископ Даниил заказал эту рукопись мастеру Ефрему. Благодаря этому источнику мы узнаем, что к началу XIV в. Моква была архиепископским центром. Результатом этой работы было издание уже в следующем году Описи (Кондаков, Бакрадзе 1890), которая стала настоящей охранной грамотой для ризниц. Гелатское Евангелие, более раннее, которое упоминает Кондаков, до того было изучено Н. В. Покровским, который совершил несколько успешных поездок в Западную Грузию (Покровский 1882: 467–486; 1887).

Важнейший вклад в изучение Кавказа внес Николай Яковлевич Марр (1864–1934), который работал в рамках исследовательских программ Археологической комиссии. В широкую панораму его научных интересов входила и история христианства, которую он изучал по письменным и археологическим источникам, на месте (Marr 1933–1937; 1995). Его многолетние раскопки в Ани (1892, 1904–1917), столице Армении в X–XIII вв., были весьма успешными, в особенности в изучении архитектуры и эпиграфики (Marr 1934). Марр организовал в Ани музей (Чубинашвили 1918), в котором работал Георгий Николаевич Чубинашвили (1885–1973), тогда его ученик, а в будущем — основоположник грузинского искусствознания. В раскопках Ани участвовали Николай Михайлович Токарский (1892–1977), который впоследствии станет известным историком армянской архитектуры, и ориенталист Иосиф Абгарович Орбелли (1887–1961), будущий директор Эрмитажа и академик. Экспедиции Марра действительно «явились серьезной на-

учной школой для целой плеяды ученых» (Казарян 2012: 41). Современные исследователи дают очень высокую оценку роли Марра в изучении города Ани, средневековой столицы Армении: «С проницательностью великого ученого, обладающего филологическими, историческими, искусствоведческими знаниями, он почувствовал перспективы планомерного изучения культуры на Армянском нагорье и гениально спланировал и организовал комплексную археологическую экспедицию» (Казарян 2016: 9–27). Однако судьба раскопок в Ани была несчастливой. Во время Первой мировой войны Марр отправил все археологические материалы и архив раскопок из Петербурга в Тифлис, и, к сожалению, этот драгоценный груз безвозвратно исчез.

Вместе с византинистом В.Н. Бенешевичем (1874–1938) и востоковедом Б.А. Тураевым (1868–1920) Марр основал журнал «Христианский Восток», который выходил в 1912–1922 г. и был возобновлен после долгой паузы, в 1999 г. В нем увидели свет статьи по истории архитектуры Грузии (Чубинашвили 1915: 180–190; 1917: 217–220) и Армении, в том числе и самого Марра (Mapp 1914: 56–71). Несколько работ по истории армянской архитектуры Марр опубликовал в Записках восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО) (Mapp 1907; 1908; 1909). Работая над переводом на русский язык Жития св. Григола Хандзийского, Марр совершил поездку по Шавшети и Кларджети, по местам, связанным с жизнью святого (Mapp 1911).

В экспедициях Марра в Армению участвовал ориенталист и византинист Яков Иванович Смирнов (1869–1918), один из самых талантливых учеников Кондакова (Khrushkova 2012г: 1172–1173). В 1909 г. в Гегамских горах Марр

и Смирнов открыли неизвестные ранее большие стелы в форме рыбы (вишапы); некоторые из них в средневековую эпоху были превращены в хачкары — монументальные орнаментированные кресты (Mapp, Смирнов 1931). В Армении Марр и Смирнов вместе с архитектором и историком архитектуры Константином Константиновичем Романовым (1882–1942) изучили крепость в Гарни и там же — сейчас широко известный храм римской эпохи, возведенный из темно-серого базальта (Романов 1934: 635–654). В Грузии Смирнов исследовал Ахалгорийский клад ахеменидской эпохи, остатки стенной мозаики VII в. в апсиде церкви в Цроми. Смирнов был одним из учителей Г.Н. Чубинашвили, который навсегда сохранил благодарные чувства к своему учителю. Чубинашвили напечатал некролог Смирнова на немецком языке, который стал и обширным биографическим очерком (Tschubinaschwili 1922б: 176–196), до сих пор не существующим в русском переводе, к сожалению. Позже, в тяжелейшие для всей страны и для науки 30-е гг., Чубинашвили нашел возможность издать в Тифлисе работы Смирнова — об Ахалгорийском кладе (Смирнов 1934) и об апсидной мозаике церкви в Цроми, последнюю — сначала на немецком языке (Smirnov 1934: 91–123), затем на русском (Смирнов 1935). Благодаря немецкой публикации, церковь в Цроми, крупнейший памятник раннесредневековой грузинской архитектуры, стала известна западному читателю. Рецензию на нее написал Иоганн Кирш (1861–1941), первый директор Папского института христианской археологии в Риме. Опубликованная в римском журнале *Rivista di Archeologia Cristiana* в год выхода книги о Цроми, рецензия стала первой публикацией на кавказскую тему в этом

издании (*Kirsch* 1934: 170–172). Кирш отметил, что в интерпретации архитектуры церкви есть неясные вопросы. Чубинашвили еще долго работал над этим памятником и в 1969 г. издал последний вариант своего исследования о церкви Цроми. В конце своей долгой и плодотворной жизни грузинский ученый тепло вспоминает своего учителя, который когда-то порекомендовал ему изучить этот памятник. Смирнов, «как для него обычно, с первого взгляда, признал художественную ценность и древность памятника. Мой первый опыт был проведен Я. И. Смирновым с присущей ему многосторонностью и осторожностью, снабжен замечаниями на полях, которые затем были совместно обсуждены» (*Чубинашвили* 1969: 5–6). Важность Цроми в свое время верно оценила и Уварова: «Храм вполне величествен и напоминает лучшие и древнейшие памятники Грузии...» (*Уварова* 1894: 182–183).

Личность Я. И. Смирнова характеризует связи русской научной традиции со следующим этапом в изучении Грузии и Армении. Смирнов, как никто другой из русских исследователей, на протяжении свыше 20 лет поддерживал тесные связи с Йозефом Стриговским (1862–1941). Монография знаменитого венского историка искусства об архитектуре Армении, в значительной мере основанная на материалах Тороса Тораманяна (1864–1934), маркировала новый этап в изучении христианской архитектуры Кавказа (*Strzygowski* 1918). В этой книге Стриговский очень широко использовал фотографии Марра и Смирнова, выполненные в Армении (*Хрушкова* 2013б: 571–573; *Khrushkova* 2015б: 182). После публикации подробной рецензии на книгу Стриговского об архитектуре Армении (*Tschubinaschwili* 1922а: 217–237), Чубинашвили на протяжении всей

своей жизни постоянно полемизировал со Стриговским. Книга об архитектуре Армении была этапной и для венского ученого: ею он завершил обширный цикл своих исследований искусства христианского Востока, полагая, что его историко-культурные концепции полностью доказаны.

На Северном Кавказе под наблюдением Археологической комиссии началось изучение памятников на территории древней Алании (*Стеганцева, Рысин* 2009: 661–782). В 1886–1888 гг. художник и археолог Дмитрий Михайлович Струков (1827–1899) обследовал группу христианских памятников в Зеленчукском районе в верховьях реки Кубани. Его обширная кавказская коллекция чертежей и рисунков и в наши дни сохраняет свою ценность, потому что с тех пор многое утрачено (*Перфильева* 2013: 82–88). В 1898 и 1900 гг. художник А. П. Эйснер снимал копии с фресок в грузинских церквях и монастырях в Западной Грузии: в Сенакском, Зугдидском, Озургетском и Шорапанском уездах Кутаисской губернии (*Стеганцева, Рысин* 2009: 686). Художник И. А. Владимиров, археолог А. А. Миллер, археолог и историк Е. Д. Фелицын и другие исследователи внесли существенный вклад в изучение Северо-Западного Кавказа, в том числе и церквей (*Горожанина* 2012: 88–104; *Малахов* 2012: 193–210).

Дискуссии последних лет

Некоторые памятники, в свое время опубликованные П. С. Уваровой, и в наши дни остаются загадочными и продолжают вызывать дискуссии. К их числу относятся плиты из Цебельды с рельефами на библейские и евангельские сюжеты. Их необычная иконографическая программа не находит близких параллелей; в различных де-



Ил. 11. Цебельда, с. Ольгинское. «Первая» плита алтарной преграды, сцена Чуда св. Евстафия (фото Л.Г. Хрушковой)

талях видим сосуществование и раннехристианских элементов, и сасанидских черт, но в более поздних арабских версиях (Хрушкова 1980: 43–85; Khrushkova 2006a: 145–152; Khrushkova 2006b: 2008: 577–578; Iamanidze 2010: 115–129; 2016: 90–94). Плиты из Цебельды являются не только важным фактом истории местного искусства, но и историческим источником. На «первой» плите из Цебельды (так я называю плиту, которая лучше сохранилась), в нижнем регистре помещена сцена Чуда св. Евстафия Плакиды (ил. 11). Эта композиция, по моему мнению, отражает события, о которых сообщает византийский историк Феофан Хронограф. Сцена на плите связана с почитанием первого местного мученика апостола Евстафия, которого арабы предали смерти в 740 г. за отказ перейти в ислам. Имея другое мнение, А.Ю. Виноградов считает, что Евстафий и его отец Мариан (или Марин) были византийскими офицерами. Исторические источники не дают оснований для такого

вывода. Особое возражение вызывает тот прием, в котором Виноградов был замечен неоднократно:искаженное цитирование, когда на указанных страницах отсутствуют те сведения, на которые ссылается этот автор¹.

¹ В иных случаях фальсифицированная ссылка сочетается с присвоением Виноградовым чужого мнения, но уже без ссылки. На это указывалось не раз (Хрушкова 2017б: 222, прим. 43; 2017в: 158–160). Факты недобросовестных приемов полемики в его работах приводились также другими авторами: «Приемы, которыми пользовался Ю.А. Виноградов в своем сочинении, чтобы прийти к подобным выводам, — стяры и хорошо известны: цитаты, вырванные из контекста и превратно истолкованные, передержки, натяжки, ложь»; «В ряде случаев (чтобы не сказать в большинстве) А.Ю. Виноградов обнаруживает незнание литературы, имеющей отношение к тем памятникам, надписи на которых он берется читать»; «Следует отметить, что «сочинение» А.Ю. Виноградова написано языком, не принятом в научной среде, и изобилует некорректными и откровенно хамскими выпадами» (Залесская, Пятницкий 2017: 508–510).

Образ Н. П. Кондакова в современных зарубежных публикациях

Экспедиция Н. П. Кондакова в Западную Грузию в 1889 г., о которой сказано выше, недавно вновь привлекла внимание. Автор последней публикации на эту тему — чешский историк искусства Иван Фолетти, автор диссертации, книги и многочисленных статей об Н. П. Кондакове. Эти публикации производят двойственное впечатление. С одной стороны, Иван Фолетти знакомит западного читателя с научным наследием русского ученого, а с другой — читатель быстро замечает, что некоторые выводы этого автора Фолетти не соответствуют источникам и фактам (Khrushkova 2012b: 95–96; 2015b: 181, 187; Хрущкова 2013a: 556–557, 579; 2015a: 466–487; 2015b: 371–374). Новая статья Фолетти посвящена Кавказу: «Русский взгляд на “периферийный” район» (Folletti 2016: 21–34). Она напечатана в Приложении к журналу *Convivium*, который издается с 2014 г. университетом Лозанны (Швейцария), университетом им. Масарика (Прага) и Академией наук Чешской Республики. Иван Фолетти, основатель и главный редактор этого журнала, избрал для него в качестве подзаголовка *Seminarium Kondakovianum, Series Nova*. Сборник статей «Семинарий Кондакова» издавался в Праге после кончины Кондакова, использование этого названия делает новое издание узнаваемым в ученом мире. Англоязычный том Приложения, о котором пойдет речь, посвящен теме «Средневековый Южный Кавказ. Художественные культуры Албании, Армении и Грузии», в сборнике свыше двух десятков статей².

² В англо-саксонской традиции Южным Кавказом называется территория, которая в литературе на русском языке чаще именуется Закавказьем.

Первая фраза статьи Фолетти содержит неожиданное заявление о том, что Кондаков был «придворным историком искусства последних Романовых» [“...the court art historian of the last Romanovs”] (Folletti 2016: 21). Разумеется, Кондаков придворным не был: он не имел ни придворного звания, ни соответствующего мундира, не бывал на царских выходах и не танцевал на дворцовых балах. В течение нескольких лет, до начала 1891 г., Кондаков был членом Императорской Археологической комиссии, высшего археологического учреждения России, которое подчинялось Министерству Двора. Видимо, работы последних лет о системе археологических институций России (Императорская 2009; Khrushkova 2011: 246–252) осталось неизвестными Фолетти. Стремясь создать впечатление о тесных связях Кондакова с аристократическими кругами, Фолетти пишет, что граф Александр Алексеевич Бобринский (1852–1927), свыше тридцати лет возглавлявший Археологическую комиссию (Фолетти ошибочно считает его членом комиссии), был другом Кондакова (Folletti 2016: 23). Это прямо противоречит хорошо известным фактам. В 1891 г. Кондаков из-за конфликта вышел из Археологической комиссии. Годы спустя Кондаков продолжал относиться к Бобринскому очень отрицательно, называя его «этаким убожеством». О посвящении юбилейного сборника Бобринскому Кондаков заметил: «Отчего не посвятили сборника швейцару Комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее» (Медведева и др. 2009: 163, 230).

Фолетти считает «интересным», «парadoxальным» тот факт, что делом спасения грузинских культурных ценностей занялся именно русский исследователь, специалист по византийскому и русскому искусству (Folletti 2016: 24). И в этом пункте, и в освещении других вопросов

Фолетти автор настойчиво акцентирует, заостряет и политизирует национальный вопрос, придавая ему собственное освещение. Уже во Введении к сборнику *Convivium* сообщается, что научная деятельность Кондакова была «глубоко отмечена русской политической ситуацией в правление императора Александра III (1881–1894)». Рядом с именем Кондакова названо имя австрийского ученого Йозефа Стриговского (1862–1941), автора «расовых теорий» о преобладающей роли армянской архитектуры на Кавказе и в Европе. На той же странице Введение Стриговский назван «польско-австрийским историком искусства» (*Foletti, Thunø 2016: 13*). Утверждение новое, и неясно, на каких источниках оно основано. Изучение биографии Стриговского в последние годы, в связи с его юбилеем, было особенно активным. Среди прочих свидетельств официальные архивные документы Венского университета сообщают о том что Стриговский происходил из немецкой семьи (так считал он сам) и польским языком не владел³. Разумеется, дело не в том, какими были этнические корни Стриговского, но важен сам расово-этнический подход, которому следует Фолетти. Впрочем, согласно принципу Фолетти, сам Н.П. Кондаков мог бы считаться «украинско-русским» ученым, потому что его мать была украинкой. Но тогда как бы удалось связать деятельность Кондакова и политику русского императора?

Подчеркнутую политизацию, весьма упрощенное изложение событий, иногда в сочетании с незнанием фактов научной биографии Кондакова, мы встречали в других работах Фолетти. По его мнению, разделение Европы на два военно-политических блока (союз России

с Францией и 1897 г. и создание Антанты в 1907 г.) повлияло на византийские исследования в Западной Европе и в России. Эта схема явно противоречит реальности: византинистика развивались как в России, так и во Франции задолго до заключения союза этих стран. Так, в России трижды издали русский перевод книги Шарля Байе «Византийское искусство», и все три раза — до заключения союза с Францией. Еще одна неверная национальная теория Фолетти: французские, итальянские и англо-саксонские авторы больше занимались иконографическим анализом и всегда писали положительные рецензии на книги Кондакова, а немецкие и австрийские авторы (кроме Стриговского) применяли стилистический анализ, и их рецензии на книги Кондакова были прямо противоположными. Это утверждение тоже не согласуется с фактами. Так, немецкий историк искусства Жан-Поль Рихтер (1847–1937) первым написал положительную рецензию на книгу Кондакова о миниатюрах. Другой немецкий искусствовед, Антон Г. Шпрингер (1825–1891), опубликовал пространное введение к французскому переводу книги Кондакова о миниатюрах, высоко оценив это исследование. Два известных византиниста, остзейские немцы Эдуард Добберт (1839–1898) (*Dennert 2012a: 425–426*) и Оскар Вульф (1864–1946) (*Dennert 2012b: 1332–1333*), были тесно связаны с русской научной школой и отрицательных рецензий на труды Кондакова никогда не писали.

Нет сомнения, что научные дискуссии определялись идеями и взглядами их участников, а не этнической принадлежностью и не военно-политическими союзами их стран. Вспомним хотя бы двух непримиримых антагонистов, Йозефа Стриговского и Йозефа Вильперта (1857–1944). Оба родились в Австро-Венгерской империи, в тех областях,

³ "...Aus deutscher Familie und des Polnischen nicht mächtig" (*Zäh 2012a: 1200*). О Стриговском см. также: (*Zäh 2012b*).

которые сейчас находятся в Польше, но их научные взгляды не сходились ни в чем, и они вели ожесточенные дискуссии на протяжении многих лет. В эпоху Муссолини обращали большое внимание на этническое происхождение жителей Италии. Скончавшийся в Риме Вильперт получил посмертную справку о том, что он «гражданин арийской расы» (Khrushkova 2013а: 581, прим. 134). Что же касается Стриговского, читая *Convivium*, узнаем, что он был «польско-австрийским» ученым.

К сожалению, из статьи Фолетти об экспедиции Кондакова в Грузию читатель узнает очень немногое именно о самой поездке: какие населенные пункты он посетил, какие памятники обнаружил и опубликовал, какие предложил датировки и интерпретации, какое развитие получили его мысли в дальнейшем. Зато в краткой статье Фолетти находим рассуждения о колониальной политике царской администрации на Кавказе, о русификаторстве, о неовизантийском архитектурном стиле в России (Folletti 2016: 24–27, 30–32). Фолетти видит необычность «Описи памятников» Кондакова и Бакрадзе в том, что она не имеет ни введения, ни заключения (*Ibid*: 27). Но это объясняется просто: охранно-спасательный характер работы требовал срочной публикации, которая помогла бы быстро выявлять случаи криминальной торговли церковными ценностями и препятствовать им. Важную часть «Описи памятников» составляют эмали на золоте, именно ими восхищался Кондаков в приведенном выше письме к Помяловскому, их и нужно было, прежде всего, оградить от злоумышленников. Еще в 1859 г. жертвой грабежа стал знаменитый грузинский триптих из Хахули с коллекцией из 115 эмалей и самой большой в мире эмалевой иконой Богоматери. Затем череда хищений про-

должилась. «Опись памятников» была необходима, чтобы утвердить и закрепить подлинную историческую принадлежность бесценных предметов. Факты это подтверждают. 14 июля 1904 г. был ограблен Гелатский монастырь и похищены «археологические драгоценности». Экзарх Грузии, по запросу Археологической комиссии, прислал список похищенных вещей, и выяснилось, что два предмета из семи были учтены в «Описи памятников» Кондакова и Бакрадзе. Этот список был разослан в крупнейшие музеи мира, в том числе в Британский музей. Так «Опись памятников» оказалась у истоков формирования современной практики борьбы с музейными преступлениями.

По инициативе Кондакова тем же летом 1889 г. его ученик Яков И. Смирнов составил опись древностей Тифлисского музея (Медведева и др. 2009: 207). Приведем еще один важный факт. В 1923 г. советские власти вернули в Грузию большую группу эмалей из грузинских монастырей, которые оказались в коллекции Михаила П. Боткина. Несомненно, в отборе этих предметов и их идентификации важнейшую роль сыграли работы Кондакова: «Опись памятников» и книга о византийских эмалях 1892 г. Однако читатель не найдет этих фактов в статье Фолетти. Многие эмали современной коллекции Государственного музея искусств Грузии происходят именно из тех населенных пунктов: Гелати, Мартвили, Хоби, Шемокмеди и др., — которые когда-то обхеали Кондаков и Бакрадзе. Если бы не та давняя экспедиция, неизвестно, хранились ли бы сейчас все эти эмали в Грузии?

Как характеризуют эмали из Грузии современные представители грузинской школы истории искусства? Большую коллекцию эмалей, хранящихся в Государственном музее искусств Гру-

зии им. Шалвы Амиранашвили (более 200 произведений), Лейла З. Хускивадзе делит на две группы. «Этим памятникам грузинского эмальерного искусства, проявляющим целый ряд национальных черт, противопоставляются произведения, относящиеся к византизирующему направлению. Среди них в первую очередь следует назвать т. наз. крест царя и магистра Квирике, украшающий Хахульский триптих и датируемый X веком. Правда, грузинская надпись на кресте, а также греческая, в которой допущены ошибки, выдают руку грузинского мастера, однако весь стиль в целом подчинен принципам византийского искусства и именно в нем и находит ближайшие аналогии» (Хускивадзе 1984: 13, 37). Подобные мысли в свое время высказывал и Кондаков, Фолетти нашел в этом трактовку Грузии как «периферийного региона». Немалое число эмалей, в том числе Хахульского триптиха, Л.З. Хускивадзе считает византийской работой, опираясь на атрибуции Кондакова (Хускивадзе 1984: № 17–25, 28, 31, 32, 33–38, 39, 40–67, 72–83, 85–88, 111, 139–144, 167, 181–183, 188–191). Это и не удивительно: вспомним, что царь Квирике имел титул магистра — самый высший по византийской табели о рангах. Нет сомнения, что высшая грузинская аристократия была связана с константинопольским двором.

Цель статьи Фолетти — доказать связь кавказско-византийских изысканий Кондакова с политикой Александра III. Для этого автор использует цепь допущений, однако ни одно из которых не доказано. Ход мысли Фолетти следующий. Если Кондаков считал, что некоторые эмали с грузинскими надписями принадлежат к «византийскому стилю», это означает «абсолютное подчинение грузинского искусства Византии» и «представляет Грузию как периферийную зону визан-

тийского мира». А из этого, по мнению Фолетти, следует, что Кондаков смотрел на Грузию конца XIX в. как на периферийную территорию, подчиненную Российской империи. И следовательно, «придворный историк искусства» Кондаков был тесно связан с колониальной политикой Александра III на Кавказе. Фолетти приписывает Кондакову «византиоцентричный взгляд» на Кавказ, что соответствует, как кажется Фолетти, представлениям Александра III.

Затрагивая очень оживленную на рубеже XIX и XX вв. дискуссию «Восток или Рим», Фолетти высказывает мнение, что в этой дилемме Кондаков был на стороне Константинополя. Из этого следует вывод: признание ведущей роли византийской столицы «имплицитно» связывается с ролью Российской империи на Кавказе: "... the South Caucasus was a cultural periphery of Byzantium, as it was then a periphery of the Russian Empire" (Foletti 2016: 30). Конечно, в работах Кондакова подобных рассуждений не найти, однако Фолетти «читает между строк» ("Reading between the lines, we have the impression that the analysis of Kondakov...") и там находит, что Кондаков рассматривал средневековый Кавказ как «периферию» византийского мира, в соответствии с «русским взглядом» XIX в.: "We have no direct documents in this regard, however, considering the situation, it seems plausible to assume that, as in other cases, Russia's view determines that of Kondakov" (*Ibid*). Но если эту схему Фолетти применить к Стриговскому, инициатору и главному участнику дискуссии «Восток или Рим»?.. Как известно, этот уроженец и гражданин Австро-Венгерской империи всю свою жизнь вел энергичную борьбу против идеи приоритета римского имперского искусства.

К сожалению, Фолетти неверно передает взгляды Кондакова на роль

византийской столицы. Вот что в действительности писал Кондаков, и не «между строк», а в самих строках: «В вопросе о создании Константинополя и подавно пора было бы перестать говорить о новом направлении искусства, будто бы вызванном его постройкою»; «Мы не можем не примкнуть всецело» к идеи видеть развитие христианского искусства в Египте, Сирии, Малой Азии, Греции (Кондаков 1904: 9–10). Мысль о роли сиро-палестинской традиции в происхождении христианского искусства Кондаков высказывал значительно раньше выхода в свет знаменитой книги Стриговского *“Orient oder Rom”* (1901). Название концептуального доклада Кондакова, зачитанного в заседании Православного палестинского общества 13 марта 1892 г., не оставляет сомнений: «О восточно-палестино-сирийском происхождении византийского искусства» (Кондаков 1892: 144–160).

Вообще Кондаков был одним из немногих ученых того времени, которые подчеркивали вклад многих народов в формирование византийской культуры. В размышлениях о природе византийского искусства ученый опирался также и на свои обследования христианских памятников Грузии и Причерноморья. По мнению Кондакова, византийское искусство — это «цельный сплав», в котором «роль основного металла» играло «национальное греческое искусство» если не в самой Византии сначала, то в Малой Азии, Антиохии, Сирии и Александрии. Влияние Персии на Византию шло через Армению и Малую Азию, которая была «издревле в родстве с Персией» (Толстой, Кондаков 1891: 159). А вот мнение Кондакова о Кавказе: «Наш Кавказ представляет собою колоссальный некрополь древних народностей и разнообразных культур, склад из изделий мастерских Малой Азии и Сирии

и начала искусства и художественной промышленности средневековой Европы» (Кондаков 1899: 46). Уже на склоне лет, в Праге, занимаясь искусством народов Востока и Византии, Кондаков приходит к таким выводам: «...варвары принесли с собой такую восточную закваску от Персии, Тибета и Средней Азии, что она переработала Византию целиком» (Хрущкова 2013б: 555). Можно ли здесь усмотреть «византиоцентризм», мнение о руководящей роли Константинополя, которое, по логике Фолетти, прямо связано с ролью Российской империи? Приходится с сожалением сказать, что Иван Фолетти мало знаком со взглядами Кондакова по таким важнейшим проблемам, как «Восток или Рим», роль Константинополя, вклад различных народов в византийскую культуру.

Иван Фолетти касается вопросов истории грузинской архитектуры, но и здесь тоже не очень удачно. Он цитирует фразу Кондакова из 4-го тома «Русских древностей» (1891) о том, что грузинская архитектура, являясь одной из многочисленных ветвей византийского искусства, в то же время имеет право на «самостоятельное место в истории искусства». И вновь Фолетти видит в этой фразе отражение политической позиции России на Кавказе (Folletti 2016: 29–30). Как видим, Фолетти не стремится анализировать взгляды Кондакова в контексте своей эпохи, а скорее излагает собственные политические взгляды по поводу событий прошлого. Но обратим внимание на исторические факты. Как изучалась архитектура Византии и сопредельных стран? Вот первый обобщающий труд по истории византийской архитектуры Габриэля Мийе (1867–1953) — «Греческая школа в византийской архитектуре» (1916). В нем, согласно представлениям эпохи, архитектура Грузии и других стран Кавказа представлена как часть

общей истории византийской архитектуры (*Millet* 1916: 36–37, 43, 60–62, 73, 122, 132, 134, 135, 156, 169, 227–228, 276, 168). А вот труд недавнего времени — известный компендиум Рихарда Краутхаймера (1897–1994) «Раннехристианская и византийская архитектура». Краутхаймер рассматривает Грузию и Армению как составные части византийской традиции (*Krautheimer* 1975: 338–348) — так же, как полувеком ранее это сделал Габриэль Мийе. Добавим, что Краутхаймер на Кавказе не бывал. Используя оптику политического комментатора, которую Иван Фолетти применяет к работам Кондакова, можно поставить вопрос: в интересах какой империи работал Габриэль Мийе? Проводником чьих имперских взглядов был дважды эмигрант Краутхаймер, приехавший в Рим из Германии, скрывавшийся от нацистов в Риме, а затем, при Муссолини, вынужденный спасаться бегством в США? В книге Краутхаймера раздел об архитектуре Кавказа заканчивается такой фразой: из всех приграничных с империей стран только Армения стояла на одном уровне с Византией. Это идея Стриговского, который включал армян в число арийских (иранских) народов, которым отводил важнейшую роль в истории искусства. Если применить метод Фолетти, получим такой результат: идеи о превосходстве арийцев широко использовались в гитлеровской пропаганде, следовательно, Краутхаймер имплицитно транслировал гитлеровские идеи. Логика та же, что и в случае с Кондаковым, проводником идей Александра III. Заметим, что логика, подобная логике Фолетти, в иные времена в Советском Союзе имела конкретные последствия. Например, когда арестованного историка искусства Некрасова допрашивали следователи государственной безопасности, среди прочего ему предъявили обвинение и в связях

с «фашистом Стриговским» (*Khrushkova* 2013: 274).

Иван Фолетти подчеркивает, что в 1889 г. в Грузию отправился именно русский ученый, не имевший опыта работы на Кавказе, усматривая в этом русификаторские намерения Александра III (*Foletti* 2016: 24). То, что император поручил это важное дело лучшему византинисту России, не вызывает удивления. Но очевидно другое: здесь вновь видим, что Фолетти недостаточно знаком с трудами Кондакова. Ему осталась неизвестной одна из первых научных работ Кондакова — «Древняя архитектура Грузии». Молодому ученому не было еще и 30 лет, когда в 1873 г. он был приглашен Московским археологическим обществом обследовать памятники архитектуры в Абхазии и Западной Грузии. Научный отчет Кондакова о поездке был издан в Трудах МАО, а также в виде отдельного оттиска (*Кондаков* 1876: 211–268). В этой работе молодой историк искусства впервые поставил вопрос об отношении местной архитектуры к византийской традиции. Уже тогда он выдвинул идею, которая в советскую эпоху будет широко развита как в грузинской, так и в армянской историографии. Кондаков подчеркнул, что задача исследователя — выявлять местные особенности архитектуры, что не следует преувеличивать внешние влияния. В эпоху Кондакова в истории искусства широко применялся компаративный метод, заимствованный из филологии. Анализ во многом строился на сопоставлениях, на выявлении влияний, воздействий, передвижений художественных идей и форм. Поэтому мысль Кондакова об изучении не только общего, универсального, сходного, но и особенного, частного, местного — эта мысль была новой. Эта ранняя работа Кондакова об архитектуре Грузии отнюдь

не забыта. В. Ю. Клейнбауэр давно отметил ее пионерский характер (*Kleinbauer* 1995: 638, note 6), она часто приводится в публикациях последних лет (Хрущкова 2002: 14, прим. 10; 2013б: 108; 2015в: 605, прим. 205; *Khroushkova* 2006а: 97, 99, 100, 165; *Khruščkova* 2012в: 241–242). Парадоксально: когда Фолетти обратился к кавказской теме, именно эта важная работа Кондакова осталась ему неизвестной. Впрочем, библиография работ Кондакова в трудах Фолетти вообще довольно скромна: так, в диссертации — в своей главной работе о Кондакове, он приводит всего лишь около 50 названий, что составляет менее половины наследия ученого (Хрущкова 2015в: 483, прим. 23; *Кызласова* 2018: 532–542).

Иван Фолетти ставит себе цель нарисовать «интеллектуальный портрет» русского ученого. К сожалению, этот портрет мало схож с оригиналом: «придворный» искусствовед, атеист, западник, проводник колониальной политики Александра III на Кавказе, конформист, готовый сотрудничать с советской властью. Приемы, с помощью которых был создан этот «портрет», разнообразны. Помимо чтения между строк, в работах Фолетти встречаем обрывочное цитирование, искажающее смысл фразы. Например, вот что пишет в своем дневнике Кондаков: «Я лично со временем своего студенчества не христианин внутренне и христианства не исповедую. Но в то же время чувствую и сознаю себя искренне религиозным». Отсекая вторую фразу, Фолетти легко превращает Кондакова в атеиста: Кондаков объявляет, что «после очень благочестивого детства он потерял веру, став атеистом»: "...dopo un'infanzia molto devote, egli avrebbe perduto la fede diventando ateo" (*Foletti* 2011: 230–231). Но Кондаков был бесконечно далек от того, чтобы объявить себя атеистом. А вот название одной

статьи Фолетти: «Единственное, о чем я сожалею: о том, что родился в России» ("Mon seul regret: être né en Russie"). Эту фразу, взятую в кавычки, чтобы создать впечатление подлинной цитаты, Фолетти придумал сам и произносит ее от имени Кондакова. Еще одна вымышленная идея Фолетти: Кондаков, будучи в Одессе, незадолго до эмиграции, склонялся к моральному компромиссу с советской властью. Однако Дневник Кондакова свидетельствует о прямо противоположном. Всего через несколько дней после того, как большевистские войска заняли Одессу, Кондаков записал: «...и встать не хотелось, так лежа умереть бы!» (Хрущкова 2015а: 466–487). Для него ни о каком сотрудничестве с новой властью не могло быть и речи.

Или вот еще один способ «доказательства», с помощью которого Фолетти рисует Кондакова поклонником Запада. Во время своего первого путешествия за границу в 1865 г. он приобретает в Германии белье. Из этого ничтожного факта Фолетти делает очень широкие выводы. На примере белья Кондаков убедился, что западные товары явно лучше российских [...di qualità chiaramente superiore a quanto prodotto in Russia"]; а из этого следует, что он был убежден в индустриальной отсталости России от Европы; далее, это означает, что для Кондакова Запад во всем представлялся современным, «от историко-художественной науки до технического прогресса»: "dalla scienza storico-artistica ai progressi tecnici" (*Foletti* 2011: 176). Видя, как близко находится белье от историко-художественной науки, читатель может спросить: не пародия ли это Фолетти на свою собственную манеру чтения между строк?

Иван Фолетти разделяет мнение некоторых современных авторов, согласно которому выводы ученых «венской

школы», Франца Викхова и Алоиза Ригля, о ведущей роли римского имперского искусства в позднеантичную эпоху являются «энергичной защитой Австро-Венгерской империи». Такой же способ политизации Фолетти использует применительно к Кондакову (*Foletti 2016: 30–32, note 58*). Но политизированная и идеологизированная оптика вовсе не является новой, она широко практиковалась в СССР, в сталинскую эпоху. По-видимому, эти страницы историографии истории искусства остались неизвестными Фолетти. Вот, например, рассуждения советского искусствоведа Лазаря И. Ремпеля (1907–1992) по поводу издания на русском языке книги Генриха Вельфлина (1864–1845) «Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса» (1931)⁴. По мнению Л. Ремпеля, Вельфлин был «в известном смысле предвестником позднейшего развития фашизирующейся буржуазии»; «Его теоретические взгляды тесно связаны с судьбами буржуазной науки в империалистическую эпоху» (*Ремпель 1934: 5–6*). Вельфлин «во многом подошел вплотную к выводам, которые делают сейчас некоторые буржуазные теоретики, идущие к фашизму» (*Там же: 17*). Ремпель видит в идеях Вельфлина «мировоззрение германского империалистического национализма», «своего рода "Deutschland über Alles", немецкий национализм выше всего» (*Там же: 24–25*). Здесь Ремпель отсылает читателя к началу известной «Немецкой песни» ("Deutschland, Deutschland über Alles"), которая с 1922 г. стала гимном Германии.

В том же году и в том же издательстве вышел русский перевод нескольких статей Макса Дворжака (1874–1921),

другого представителя «венской школы». Этой книге предпослана обширная вводная статья искусствоведа-марксиста И. Мацы под названием «Макс Дворжак и история феодального искусства». В ней на первой же странице встречаем формулировку «придворный искусствовед фашизма Шульце-Наумбург» (*Маца 1934: 5*). Историк искусства — марксист так определяет идеи Дворжака: «...это прогрессивное когда-то наследие превращается в реакционную силу и в конечном итоге приводит в лагерь фашизма» (*Там же: 8*).

Один из разделов пространной статьи Ремпеля называется «Вельфлин и художественная политика фашизма». Полностью аналогичным образом Фолетти рассматривает вопрос «Кондаков и колониальная политика Александра III на Кавказе». Конечно, риторика искусствоведов сталинской эпохи значительно более энергичная, наступательная, решкая, нежели в работах Фолетти. Но в обоих случаях сходен принцип: стремление тесно связать историю искусства и политику, конкретного историка искусства и власть, настойчиво искать и находить политические коннотации, пытаться сделать историка искусства глашатаем политических идей. Так же сходен метод Фолетти и метод искусствоведов эпохи Сталина: домысливание того, чего нет в текстах автора, чтение между строк того, чего автор не писал. Но есть и важное различие между сталинскими искусствоведами, с одной стороны, и Фолетти — с другой. Первые писали статьи, предваряющие публикацию работ Вельфлина и Дворжака на русском языке, поэтому читатель мог составить свое собственное мнение. Публикации же Фолетти о Кондакове обращены к читателю, который, как правило, не владеет русским языком и всю информацию получает только со слов Фолетти.

⁴ В русском переводе оригинальное название слегка изменено: *Die Kunst der Renaissance. Italien und das deutsche Formgefühl* (Искусство Ренессанса. Италия и немецкое чувство формы).

Во введении к сборнику *Convivium* говорится, что его можно рассматривать как барометр направлений, по которым движется история искусства в целом и исследование Южного Кавказа в частности (*Foletti, Thunø 2016: 16*). Будем надеяться, что статья Фолетти не станет барометром. Ее автор не предлагает убедительных выводов, не знает в достаточной степени ни научной биографии, ни трудов Кондакова, ни новых публикаций о нем. Освещение фигуры Кондакова с позиций современных политических воззрений характеризует скорее взгляды самого Фолетти.

Недавно вышел английский перевод книги Фолетти о Кондакове. В английской версии нет изменений в сравнении с итальянской. В предисловии к английскому переводу Фолетти отмечает, что его книга вызвала отклики в разных странах (*Foletti 2017: 9*), однако не упоминает о серьезных критических замечаниях в ее адрес. В английском переводе видим те же ошибки, которые неоднократно отмечались нами ранее: неверное цитирование, искающее смысл фразы, ошибочный перевод некоторых понятий и др. Отметим изменение названия книги: в английской версии речь идет о «Кондакове и обретении иконы», а в итальянском оригинале — о Кондакове и «рождении истории искусства в России».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айналов 1895 — Айналов Д. В. Некоторые христианские памятники Кавказа // Археологические известия и заметки. 1895. № 7–8. С. 233–243.

Анучин 1916 — Анучин Д. Н. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического Общества // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. XI–XXIV.

Бакрадзе 1875 — Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства // Записки Общества любителей кавказской археологии Т. I. / под ред. А. Берже. Тифлис, 1875. С. 19–168.

Берже 1876 — Берже А. П. Записка об археологии Кавказа // Труды 2-го археологического съезда в Санкт-Петербурге. СПб., 1876.

Беридзе 1981 — Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981.

Горожанина 2012 — Горожанина М. Ю. Изучение истории Православной церкви на Северном Кавказе: основные этапы и их специфика // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Вып. 2. Материалы 4 Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 11–12 мая 2011 г. Ставрополь, 2012. С. 88–104.

Древности 1881 — Древности. Прибавления // Труды ИМАО. 1881. Т. 8–9.

Залесская, Пятницкий 2017 — Залесская В. Н., Пятницкий Ю. А. О рецензии как научном жанре (некоторые замечания по поводу публикации А. Ю. Виноградова в «Византийском временнике». 2009. Т. 68 (93). С. 243–249) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 89. Изд-во Гос. Эрмитажа / ред. В. Н. Залесская и др. СПб., 2017. С. 507–510.

Иловайский 1916 — Иловайский Д. Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. 1–4.

Императорская 2009 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

Казарян 2012 — Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. Т. 1. М.: Локус Станди, 2012.

Казарян 2016 — Казарян А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // ВВИА. Вып. 7 (2) / гл. ред. А. Ю. Казарян. М., СПб.: Нестор-История, 2016. С. 9–27.

- Кондаков 1876 — Кондаков Н.П. Древняя архитектура Грузии // Труды ИМАО. 1876. Т. VI. Вып. 3. С. 211–268.
- Кондаков 1892 — Кондаков Н.П. Доклад о восточно-палестинно-сирийском происхождении византийского искусства, читан 13 марта 1892 года // Сообщения ИППО. 1892. Т. 3. Вып. 2. С. 144–160.
- Кондаков 1899 — Кондаков Н.П. О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности и искусства. 1899. Т. 132. С. 1–47.
- Кондаков 1904 — Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Изд. Имп. Академии Наук, 1904.
- Кондаков, Бакрадзе 1890 — Кондаков Н.П. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии, составленная по высочайшему повелению. Грузинские надписи прочитаны и истолкованы Д. Бакрадзе. СПб., 1890.
- Кызласова 2018 — Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. СПб.: Алетейя, 2018.
- Кызласова 2000 — Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М.: Изд-во Академии горных наук, 2000.
- Лазарев 1947 — Лазарев В.Н. История византийской живописи. Т. 1. М.: Искусство, 1947.
- Ломтатидзе 1964 — Ломтатидзе Г.Е. С. Тахишвили // Советская археология. 1964. № 3. С. 165–169.
- Малахов 2012 — Малахов С.Н. Некоторые вопросы церковной археологии Северного Кавказа // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Вып. 2. Материалы 4 Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 1–12 мая 2011 г. Ставрополь, 2012. С. 193–210.
- Mapp 1907 — Mapp Н.Я. Ереруйская базилика, армянский храм V–VI вв. // ЗВОРАО. 1907. Т. 18, 1.
- Mapp 1908 — Mapp Н.Я. Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики // ЗВОРАО. 1908. Т. 19.
- Mapp 1909 — Mapp Н.Я. По поводу работ архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма» // ЗВОРАО. 1909. Т. 19.
- Mapp 1911 — Mapp Н.Я. Дневник поездки в Шавшетию и Кларджетию // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. 1911. Т. VII.
- Mapp 1914 — Mapp Н.Я. О датировке ктиторской надписи храма в Текоре // Христианский Восток. 1914. Т. 3, 1. С. 56–71.
- Mapp 1933–1937 — Mapp Н.Я. Избранные труды. Т. 1–5. М.; Л., 1933–1937.
- Mapp 1934 — Mapp Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934.
- Mapp 1995 — Mapp Н.Я. Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995.
- Mapp, Смирнов 1931 — Mapp Н.Я., Смирнов А.Я. Вишапы // Труды Государственной академии материальной культуры. 1931. Т. 1.
- Маца 1934 — Маца И. Макс Дворжак и история феодального искусства // Очерки по искусству средневековья / М. Дворжак. Л.: Огиз — Изогиз, 1934. С. 5–33.
- Медведева и др. 2009 — Медведева М.В. и др. Очерк истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917) / под ред. А.Е. Мусина, В.В. Носова. СПб: Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.
- Павлинов 1893 — Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. М., 1893 (Материалы по археологии Кавказа. Т. III). С. 1–91.
- Перфильева 2013 — Перфильева Л.А. Альбом рисунков художника и археолога Д.М. Струкова как исторический источник для изучения христианских древностей Северного Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе / ред. игум. Алексий (Смирнова) и др. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2013. С. 82–88.
- Покровский 1882 — Покровский Н.В. Археологические редкости Гелатского монастыря // Христианское чтение. 1882. Т. 1. С. 467–486.
- Покровский 1887 — Покровский Н.В. Миниатюры Евангелия Гелатского монастыря. СПб., 1887.

- Программа 1889 — Программа для исследования древностей Кавказа, составленная Императорским Московским Археологическим Обществом.** М., 1889.
- Пятницкий 2015 — Пятницкий Ю. А. Драгоценный переплет четвероевангелия из Вардзии // Византия в контексте мировой культуры. Труды Гос. Эрмитажа. Т. 74. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 133–179.**
- Ремпель 1934 — Ремпель Л. И. Вельфлин и либерально-буржуазная формально-объективистская наука // Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса / Г. Вельфлин. Л.: Огиз — Изогиз, 1934. С. 5–53.**
- Романов 1934 — Романов К. К. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни // Известия Государственной Академии материальной культуры. 1934. Вып. 100. С. 635–654.**
- Сборник 1916 — Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. 1885–1915.** М., 1916.
- Светлова, Тункина 2017 — Светлова Э. Ю. Тункина И. В. А. П. Берже // Русское Археологическое общество за 30 лет своего существования. 1897–1921. Исторический очерк / сост. и отв. ред. И. В. Тункина.** М.: Индрик, 2017. С. 210–211.
- Смирнов 1934 — Смирнов Я. А. Ахалгорийский клад.** Тифлис, 1934.
- Смирнов 1935 — Смирнов Я. А. Цромская мозаика.** Посмертное издание. Тифлис, 1935.
- Стеганцева, Рысин 2009 — Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская Археологическая Комиссия и исследования памятников кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917) / под ред. А. Е. Мусина, В. В. Носова.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 661–683.
- Толстой, Кондаков 1891 — Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства // Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.** 1891. Вып. IV.
- Такайшвили 1909 — Такайшвили Е. Христианские памятники. Экскурсия 1902 г. // Материалы по археологии Кавказа.** Вып. 12. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1909. С. 1–117.
- Такайшвили 1905–1915 — Такайшвили Е. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Т. 1–5.** Тифлис, 1905–1915.
- Такайшвили 1938 — Такайшвили Е. Археологическая экспедиция в Кала-Олтиси и Чанглы.** Париж, 1938 (на груз. яз.).
- Такайшвили 1952 — Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917-го года в Южные провинции Грузии.** Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1952.
- Уваров 1865 — Уваров А. С. О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу.** Вступительная речь // Древности. Труды МАО. 1865. Т. 1. Вып 1. С. I–IV.
- Уварова 1887а — Уварова П. С. Предисловие // Труды V археологического съезда в Тифлисе.** 1881 / под ред. П. С. Уваровой. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887.
- Уварова 1887б — Уварова П. С. Предисловие // Кавказ. Путевые заметки. Ч. 1.** М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887.
- Уварова 1888 — Уварова П. С. Губернские или областные музеи.** М., 1888.
- Уварова 1891 — Уварова П. С. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок // Путевые заметки. Ч. 2.** М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1891.
- Уварова 1894 — Уварова П. С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа.** Вып. 4 / под ред. гр. Уваровой. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1894.
- Уварова 1900 — Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа графини Уваровой // Материалы по археологии Кавказа.** Вып. 8. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1900.
- Уварова 1902 — Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея.** Т. 5: Археология. Тифлис, 1902.
- Уварова 1904а — Уварова П. С. Предисловие // Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию / Материалы по археологии Кавказа.** Вып. 10 / под ред. гр. Уваровой. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1904.
- Уварова 1904б — Уварова П. С. Рача, Горийский уезд, горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия // Путевые заметки. Ч. 3.** М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1904.
- Уварова 2005 — Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды Государственного исторического музея.**

- Т. 144 / под ред. Н. Б. Стрижова. М.: ФГУК «Государственный Исторический музей», 2005.
- Уварова, Кучук-Иоаннесов 1916 — Материалы по археологии Кавказа. Т. XIII / Ред. П. С. Уварова, Х. И. Кучук-Иоаннесов. М., 1916.*
- Филимонов 1876 — Филимонов Г.Д. Сванетия в археологическом отношении. М., 1876.*
- Хрушкова 1980 — Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V—X века. Тбилиси: Мецниереба, 1980.*
- Хрушкова 1998 — Хрушкова Л. Г. Лыхны. Дворцовый архитектурный комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998.*
- Хрушкова 2002 — Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII века). М.: Наука, 2002.*
- Хрушкова 2013а — Хрушкова Л. Г. Иозеф Стриговский и Иозеф Вильперт в России: идеи, дискуссии, сотрудничество // Византия в контексте мировой культуры. Труды Гос. Эрмитажа. Т. 69. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 544—585.*
- Хрушкова 2013б — Хрушкова Л. Г. Прасковья Сергеевна Уварова — выдающийся исследователь христианских памятников Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы 5 Международных Свято-Игнатиевых чтений. Ставрополь, 14 мая 2013 г. / ред. игум. Алексия (Смирнова) и др. Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2013. С. 100—116.*
- Хрушкова 2015а — Хрушкова Л. Г. Никодим Павлович Кондаков: новая монография // Византия в контексте мировой культуры. Труды Гос. Эрмитажа. Т. 74. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 466—487.*
- Хрушкова 2015б — Хрушкова Л. Г. Рецензия: Foletti I. Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844—1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia. Roma, 2011 // ВВ. 2015. Т. 74. С. 371—374.*
- Хрушкова 2015в — Хрушкова Л. Г. Христианская, церковная и византийская археология: историография XV — начала XXI в. // Введение в историю Церкви. Ч. 2. Обзор историографии по общей истории Церкви / под ред. В. В. Симонова. СПб.: Алетейя, 2015. С. 446—686.*
- Хрушкова 2017а — Хрушкова Л. Г. Два памятника архитектуры в Питиусе (Пицунда) в Абхазии (по материалам раскопок 2007—2009 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 86. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 225—243.*
- Хрушкова 2017б — Хрушкова Л. Г. Раннехристианский комплекс в Себастополисе в Абхазии: купольный октогон и базилика // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 89. Изд-во Гос. Эрмитажа / ред. В. Н. Залесская и др. СПб., 2017. С. 190—222.*
- Хрушкова 2017в — Хрушкова Л. Г. Распространение христианства в Колхиде: письменные источники и свидетельства памятников // Православие в истории и культуре Северного Кавказа: вопросы источниковедения и историографии. Материалы 7 Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 12 мая 2015 г. Вып. 1 / ред. Прот. М. Моздор и др. Ставрополь: Издательский центр СтДС; Дизайн-Студия Б, 2017. С. 126—173.*
- Хускиадзе 1984 — Хускиадзе Л. З. Средневековые перегородчатые эмали из собрания Государственного музея искусств Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1984.*
- Чубинашвили 1918 — Чубинашвили Г. Н. Отчет Анийского музея древностей за 1916 г. // Анийские древности. Вып. 3. Пг., тип. А. Ф. Дресслера, 1918.*
- Чубинашвили 1915 — Чубинашвили Г. Н. Саорбисская церковь // Христианский Восток. 1915. Т. 4 (2). С. 180—190.*
- Чубинашвили 1917 — Чубинашвили Г. Н. Церковь близ селения Болнис-Капанакчи // Христианский Восток. 1917. Т. 5 (3). С. 217—220.*
- Чубинашвили 1969 — Чубинашвили Г. Н. Црими. Из истории грузинской архитектуры первой трети VII в. Тбилиси: Наука, 1969.*
- Шуззи 1906—1907 — Шуззи О. История архитектуры. В 2 т. М.: Издание гр. П. С. Уваровой, 1906—1907.*
- Foletti 2011 — Foletti I. Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844—1925) e la nascita della Storia dell'arte in Russia. Roma: Vienne, 2011. P. 230—231.*
- Foletti 2016 — Foletti I. The Russian View of a 'Peripheral' Region. Nikodim Kondakov and the Southern Caucasus // Convivium.*

- Supplementum / eds. I. Foletti, E. Thunø. Turnhout: Brepols Publ., 2016. P. 21–34.
- Foletti 2017 — Foletti I. From Byzantium to Holy Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) and the Invention of the Icon / Translated by S. Melker. Roma: Viella, 2017.
- Foletti, Thunø 2016 — Foletti I. and Thunø E. The Artistic Cultures of the Medieval South Caucasus // Convivium. Supplementum / eds. I. Foletti, E. Thunø. Turnhout: Brepols Publ., 2016. 11–16.
- Iamanidzé 2010 — Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles). Turnhout: Brepols, 2010.
- Iamanidzé 2016 — Iamanidzé N. Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2016.
- Khrushkova 2006a — Khrushkova L.G. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles. Turnhout: l'association pour l'Antiquité Tardive, 2006.
- Khrushkova 20066 — Khrushkova L. Majestas Domini dans les programmes iconographiques des églises du Caucase, de l'Egypte, et de Cappadoce // Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient. Vol. 3. Ed. E. Kormysheva. Moscow: Institute of Oriental Studies Publ., 2006. P. 199–216.
- Khrushkova 2008 — Khrushkova L.G. Les dalles de chancel de Tsébélda en Abkhazie // La sculpture byzantine. VIe–XIe siècles. Actes du colloque international d'Athènes, 6–8 septembre 2000. Athènes, 2008. P. 577–587.
- Khrushkova 2011 — Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge) // Römische Quartalschrift. 2011. Bd. 106. S. 229–252.
- Khrushkova 2012a — Khrushkova L.G. Aleksej S. Uvarov // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie... II. Bd. S. 1259–1264.
- Khrushkova 20126 — Khrushkova L.G. Georgij D. Filimonov // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie... I. Bd. S. 497–499.
- Khrushkova 2012b — Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge and 3. Folge) // Römische Quartalschrift. 2012. Bd. 107. S. 74–119, 202–248.
- Khrushkova 2012r — Khrushkova L.G. Jakov I. Smirnov // Personenlexikon... 2. Bd. S. 1172–1173.
- Khrushkova 2012d — Khrushkova L.G. Nikodim P. Kondakov // Personenlexikon... 2. Bd. S. 751–755.
- Khrushkova 2012e — Khrushkova L.G. Nikolaj V. Pokrovskij // Personenlexikon... 2. Bd. S. 1030–1032.
- Khrushkova 2013 — Khrushkova L.G. Geschicichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (4. Folge) // Römische Quartalschrift. 2013. Bd. 108. S. 254–287.
- Khrushkova 2014 — Khrushkova L.G. Geschicichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (5. Folge) // Römische Quartalschrift.. 2014. Bd. 109. S. 134–165.
- Khrushkova 2015a — Khrushkova L.G. Geschicichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (6. Folge) // Römische Quartalschrift. 2015. Bd. 110. S. 117–135.
- Khrushkova 20156 — Khrushkova L.G. Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies // Cahiers Archéologiques. T. 56. 2015. P. 173–189.
- Khrushkova 2016 — Khrushkova L.G. Pityus en Abkhazie, centre épiscopal de l'époque constantinienne, et son développement (d'après les fouilles de 2007–2009) // O. Brandt, V. Fiocchi Nicolai (eds.). Acta XVI Congressus internationalis archaeologiae christiana. Romae (22–28.9.2013). Città del Vaticano 2016: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana. Pars II. P. 1641–1661.
- Kirsch 1934 — Kirsch G.P. Article review: Smirnov J., Tschubinaschwili G. Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik. Tiflis, 1934 // Rivista di Archeologia Cristiana. 1934. XIII, 3–4. S. 170–172.
- Kleinbauer 1995 — Kleinbauer W.E. Nikodim Pavlovich Kondakov: The First Byzantine Art Historian in Russia // Byzantine West, Latin West: Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann. Eds. Chr. Moss, K. Kiefer. Princeton, New Jersey: Department of

- Art and Archaeology, Princeton University, 1995. P. 637–642.
- Krautheimer 1975 — Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth; Baltimore: Penguin Books Ltd, 1975.
- [La] Comtesse Ouvaroff 1904 — [La] Comtesse Ouvaroff. Aperçu sommaire du développement des sciences archéologiques en Russie // Recueil de Mémoires publié par la Société des antiquaires de France à l'occasion de son Centenaire. Paris: Société nationale des Antiquaires de France, 1904. P. 1–11.
- Millet 1916 — Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris: Ernest Leboux, 1916.
- Museum Caucasicum 1899–1912 — Die Sammlungen des Kaukasischen Museums (Kollektii Kavkazskogo muzeia). Vols. 1–6. Ed. G. Radde. Tiflis: Kanzelei des Landeschefs, 1899–1912.
- Personenlexikon 2012 — Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. I–II Bde. / Hrsg. S. Heid, M. Dennert. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012.
- Smirnov 1934 — Smirnov J. Das Mozaik // Geographische Baukunst. Band 2: Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik. Tiflis: Verlag des Museums der Bildenden Künste "Metechi", 1934. S. 91–123.
- Strzygowski 1918 — Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Bd. 2. Wien: A. Schroll & Co., G.m.b.H., 1918.
- Tschubinaschwili 1922a — Tschubinaschwili G. Die christliche Kunst im Kaukasus und ihr Verhältnis zur allgemeinen Kunstgeschichte (Eine kritische Würdigung von Josef Strzygowski "Die Baukunst Armenier und Europa") // Monatshefte für Kunsthissenschaft. 1922. №. 7–9. S. 217–237.
- Tschubinaschwili 1922b — Tschubinaschwili G. Jakob Smirnow (1869–1918) // Bulletin de l'Université de Tiflis. 1922. № 2. S. 176–196.
- Virchow 1882 — Virchow R. Der archäologische Kongress in Tiflis // Zeitschrift für Ethnologie. 1882. Bd. 14. S. 73–111.
- Walter 2003 — Walter Chr. The warriors saints in Byzantine art and tradition. Aldershot: Ashgate, 2003.
- Zäh 2012a — Zäh A. Josef R. Th. Strzygowski // Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Bd. 2 / Hrsg. S. Heid, M. Dennert. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1200–1205.
- Zäh 2012b — Zäh A. Josef Strzygowski als Initiator der christlich-kunsthistorischen Orientforschung und Visionär der Kunswissenschaft // Römische Quartalschrift. 2012. Bd. 107. S. 249–292.

REFERENCES

- Ainalov D.V. Nekotorye khristianskie pamiatniki Kavkaza (Some Christian monuments of the Caucasus). *Arkheologicheskie izvestiya i zametki (Archaeological News and Notes)*, 1895, no. 7–8, pp. 233–243 (in Russian).
- Anuchin D.N. Grafina Praskov'ia Sergeevna Uvarova v ee sluzhenii nauke o drevnostiakh na postu predsedatelia Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Countess Praskovya Sergeevna Uvarova in her service to the science of antiquities as chairman of the Imperial Moscow Archaeological Society). *Sbornik statei v chest' grafini P.S. Uvarovo. 1885–1915 (Collection of articles in honor of Countess P.S. Uvarova)*. Moscow, 1916, pp. XI–XXIV (in Russian).
- Bakradze D.Z. Kavkaz v drevnikh pamiatnikakh khristianstva (Caucasus in the ancient monuments of Christianity). *Zapiski Obshchestva liubitelei kavkazskoi arkheologii (Notes of the Society of amateurs of Caucasian archaeology)*, vol. 1, ed. A. Berge. Tiflis, 1875, pp. 19–168 (in Russian).
- Berge A.P. Zapiska ob arkheologii Kavkaza (A note on the archeology of the Caucasus). *Trudy 2 arkheologicheskogo s"ezda v Sankt-Peterburge (Proceedings of the 2nd Archaeological Congress in St. Petersburg)*. St. Petersburg: Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo Publ, 1876 (in Russian).
- Beridze V. *Arkhitektura Tao-Klardzheti (Architecture of Tao-Klarjeti)*. Tbilisi, 1981 (in Russian).
- Gorozhanina M. Iu. Izuchenie istorii Pravoslavnoi Tserkvi na Severnom Kavkaze: osnovnye etapy i ikh spetsifikasi (A study of the history of the Orthodox Church in the North Caucasus: the main stages and their specificity). *Problemy i perspektivy issledovaniia tserkovnoi istorii Severnogo Kavkaza (Problems and prospects for the study of the*

- church history of the North Caucasus), vol. 2. Stavropol, 2012, pp. 88–104 (in Russian).*
- Drevnosti. Pribavleniiia (Antiquities. Additions). *Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society)*, 1881, vol. VIII–IX (in Russian).
- Zalesskaia V. N., Piatnitskii Iu. A. O retsenzii kak nauchnom zhanre... (About the review as a scientific genre...). *The State Hermitage Proceedings*, vol. 89. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2017, pp. 507–510 (in Russian).
- Ilovaiskii D. Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy (All-Russian archaeological congresses). *Sbornik statei v chest' grafini P. S. Uvarovo. 1885–1915 (Collection of articles in honor of Countess P. S. Uvarova. 1885–1915)*. Moscow, 1916, pp. 1–4 (in Russian).
- Imperatorskaia arkheologicheskia komissiia (1859–1917): K 150-letiyu so dnia osnovaniia. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo nasledia (The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage)*. Eds. E. N. Nosov and A. E. Musin. Sankt-Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2009 (in Russian).
- Kazarian A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakkavkazia VII veka: formirovaniye i razvitiye traditsii (Church architecture of the 7th century in Transcaucasian countries: Formation and development of the tradition)*, vol. 1. Moscow: Lokus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Kazarian A. Yu. Aniiskii arkheologicheskii institute. Diapazon deiatelnosti i osnovy dostizhenii uspekha (Ani archaeological institute. Range of activity and what achieving headway is based on). *QHWA*, 2016, vol. 7(2), pp. 9–27 (in Russian).
- Kondakov N. P. Drevniaia arkhitektura Gruzii (Ancient Architecture of Georgia). *Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society)*, 1876, vol. VI, no. 3, pp. 211–268 (in Russian).
- Kondakov N. P. Doklad o vostochno-palestino-siriiskom proiskhozhdenii vizantiiskogo iskusstva (Report on the Eastern-Palestinian-Syrian origin of Byzantine art). *Soobshcheniia Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva (Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society)*, 1892, vol. 3, no. 2, pp. 144–160 (in Russian).
- Kondakov N. P. O nauchnykh zadachakh istorii drevnerusskogo iskusstva (On the scientific problems of the history of Old Russian art). *Pamiatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva (Monuments of ancient writing and art)*, 1899, vol. 132, pp. 1–47 (in Russian).
- Kondakov N. P. *Arkheologicheskoe puteshestvie po Siri i Palestine (Archaeological tour of Syria and Palestine)*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1904 (in Russian).
- Kondakov N. P. *Opis' pamiatnikov drevnosti v nekotorykh khramakh i monastyriakh Gruzii, sostavленная по высохшим повелению (Inventory of ancient monuments in some churches and monasteries of Georgia, compiled according to the highest order)*. St. Petersburg, 1890 (in Russian).
- Kyzlasova I. L. Akademik N. P. Kondakov: poiski i sversheniia (Academician N. P. Kondakov: searches and accomplishments). St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2018 (in Russian).
- Kyzlasova I. L. *Istoriia otechestvennoi nauki ob iskusstse Vizantii i Drevnei Rusi. 1920–1930 gody. Po materialam arkhivov (History of national science on the art of Byzantium and Old Russia)*. Moscow: Academy of Mining Sciences Publ., 2000 (in Russian).
- Lazarev V. N. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi (History of Byzantine Art)*, vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ., 1947 (in Russian).
- Lomtadidze G. E. S. Takaishvili. *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archeology)*, 1964, no. 3, pp. 165–169 (in Russian).
- Malakhov S. N. Nekotorye voprosy tserkovnoi arkheologii Severnogo Kavkaza (Some Questions of Church Archeology of the North Caucasus). *Problemy i perspektivy issledovaniia tserkovnoi istorii Severnogo Kavkaza (Problems and Perspectives of the Study of Church History of the North Caucasus)*, vol. 2. Stavropol, 2012, pp. 193–210 (in Russian).
- Marr N. Ia. Ererukskaia bazilika, armianskii khram 5–6 vekakh (Yereruyk basilica, Ar-

- menian temple of the 5–6 centuries). *Zapiski Vostochnogo otdeleniiia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society), 1907, vol. 18, 1 (in Russian).
- Marr N. Ia. Novye arkheologicheskie dannye o postroikakh tipa Ereruiskoi baziliki (New archaeological data on buildings like the Yereruysk basilica). *Zapiski Vostochnogo otdeleniiia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society), 1908, vol. 19 (in Russian).
- Marr N. Ia. Po povodu rabot arkhitektora T. Toramiana "O drevneishikh formakh Echmiadzinskogo khrama" (About the works of the architect T. Toramyan "On the most ancient forms of the Etchmiadzin church"). *Zapiski Vostochnogo otdeleniiia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society), 1909, vol. 19 (in Russian).
- Marr N. Ia. Dnevnik poezdki v Shavshetii i Klardzhetii (Diary of a trip to Shavshetia and Klarjeti). *Teksty i razyskaniia po armiano-gruzinskoi filologii* (Texts and research on Armenian-Georgian philology), 1911, vol. VII (in Russian).
- Marr N. Ia. O datirovke ktitorskoi nadpisi khrama v Tekore (On the dating of the signature inscription in Tekor). *Khristianskii Vostok* (Christian East), 1914, vol. 3/1, pp. 56–71 (in Russian).
- Marr N. Ia. *Izbrannye trudy* (Selected works), vols. 1–5. Moscow–Leningrad, 1933–1937 (in Russian).
- Marr N. Ia. *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha* (Ani. Book history of the city and excavations on the site of the ancient settlement). Moscow; Leningrad, 1934 (in Russian).
- Marr N. Ia. *Kavkazskii kul'turnyi mir i Armeniia* (Caucasus cultural world and Armenia). Erevan, 1995 (in Russian).
- Marr N. Ia., Smirnov A. Ia. Vishapy. *Trudy Gosudarstvennoi akademii material'noi kul'tury* (Proceedings of the State Academy of Material Culture), 1931, vol. 1 (in Russian).
- Matsa I. Maks Dvorzhak i istoriia feodal'nogo iskusstva (Max Dvořák and the history of feudal art). *Ocherki po iskusstvu srednevekov'ia* (Essays on the art of the Middle Ages). M. Dvořák. Leningrad: Ogiz — Izogiz Publ., 1934, pp. 5–33 (in Russian).
- Medvedeva M. V. et al. *Ocherk istorii deiatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii v 1859–1917 godov* (An outline of the history of the activities of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917). *Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissia* (1859–1917) (The Imperial Archaeological Commission (1859–1917)), ed. A. E. Musin, V. V. Nosov. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 21–247 (in Russian).
- Pavlinov A. M. *Ekspeditsiia na Kavkaz 1888 goda. Putevye zametki* (Expedition to the Caucasus in 1888. Travel notes). Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus), vol. 3, ed. P. S. Uvarova. Moscow: tipografia A. I. Mamontova i K° Publ., 1893, pp. 1–91 (in Russian).
- Perfil'eva L. A. Al'bom risunkov khudozhnika i arkheologa D. M. Strukova kak istoricheskii istochnik dlja izucheniiia khristianskikh drevnostei Severnogo Kavkaza (Album of drawings of the artist and archaeologist D. M. Strukov as a historical source for the study of the Christian antiquities of the North Caucasus). *Aktual'nye voprosy istorii khristianstva na Severnom Kavkaze* (Actual questions of the history of Christianity in the North Caucasus), eds. A. Smirnova et al. Stavropol: Izdatel'skii tsentr StDS Publ., 2013, pp. 82–88 (in Russian).
- Pokrovskii N. V. Arkheologicheskie redkosti Gelatskogo monastyrja (Archaeological rarities of the Gelati Monastery). *Khristianskoe chtenie* (Christian reading), 1882, vol. 1, pp. 467–486 (in Russian).
- Pokrovskii N. V. *Miniatyury Evangelii Gelatskogo monastyrja* (Miniatures of the Gospel of the Gelati Monastery). St. Petersburg, 1887 (in Russian).
- Programma dlja issledovaniia drevnosti Kavkaza, sostavленная Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom (The program for the study of the antiquities of the Caucasus, compiled by the Imperial Moscow Archaeological Society). Moscow, 1889 (in Russian).

- Piatnitskii Iu. A. Dragotsennyi pereplet chetveroevangelia iz Vardzii (The precious binding of the Four Hierarchs from Vardzia). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury* (Byzantium in the context of world culture). *The State Hermitage Proceedings*, vol. 74. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2015, pp. 133–179 (in Russian).
- Rempel L.I. Vel'flin i liberal'no-burzhuaaznaia formal'no-ob"ektivistskaia nauka (Wölfflin and the liberal-bourgeois formal-objectivist science). *Iskusstvo Italii i Germanii epokhi Renaissance*. H. Wölfflin. Leningrad: Ogiz — Izogiz Publ., 1934, pp. 5–53 (in Russian).
- Romanov K.K. Razvaliny khrama rimskogo tipa v Bash-Garni (The ruins of a Roman temple in Bash-Garni). *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii material'noi kul'tury* (News of the State Academy of Material Culture), 1934, vol. 100, pp. 635–654 (in Russian).
- Sbornik statei v chest' grafini P.S. Uvarovo* (Collection of articles in honor of Countess P.S. Uvarova). 1885–1915. Moscow, 1916 (in Russian).
- Svetlova E. Iu., Tunkina I.V., A.P. Berzhe (A.P. Berge). *Russkoe Arkheologicheskoe Obshchestvo za 30 let svoego sushchestvovaniia. 1897–1921. Istoricheskii ocherk* (Russian Archaeological Society for 30 years of its existence. 1897–1921. Historical essay), ed. I.V. Tunkina. Moscow: Indrik Publ., 2017, pp. 210–211 (in Russian).
- Smirnov Ia. A. *Akhalgoriiskii klad* (The Akhalgori treasure). Tiflis, 1934 (in Russian).
- Smirnov Ia. A. *Tsromskaia mozaika. Posmertnoe izdanie* (Tsromskaya mosaic. Posthumous edition). Tiflis, 1935 (in Russian).
- Stegantseva V. Ia., Rysin M.B. Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissia i issledovaniia pamiatnikov Kavkaza i Predkavkaz'ia (The Imperial Archaeological Commission and studies of the monuments of the Caucasus and Ciscaucasia). *Imperatorskaia Arkheologicheskaiia Komissia (1859–1917)* (The Imperial Archaeological Commission (1859–1917)), ed. A.E. Musin, V.V. Nosov. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 661–683 (in Russian).
- Tolstoi I.I., Kondakov N.P. Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva (Russian antiquities in the monuments of art). *Khristianskie drevnosti Kryma, Kavkaza i Kieva* (Christian antiquities of the Crimea, the Caucasus and Kiev), 1891, vol. IV (in Russian).
- Takaishvili E. Khristianskie pamiatniki. Ekskursii 1902 goda (Christian monuments. Excursion, 1902). *Materialy po arkheologii Kavkaza* (Materials on the archeology of the Caucasus), vol. 12, ed. P.S. Uvarova. Moscow: tipografija A.I. Mamontova i K° Publ., 1909, pp. 1–117 (in Russian).
- Takaishvili E. *Arkheologicheskie ekskursii, razyskaniia i zametki* (Archaeological excursions, searches and notes), vols. 1–5. Tiflis, 1905–1915 (in Russian).
- Takaishvili E. *Arkheologicheskaiia ekspeditsia v Kola-Oltisi i Changly* (Archaeological expedition to Cola Oltisi and Changly). Paris, 1938 (in Georgian).
- Takaishvili E. *Arkheologicheskaiia ekspeditsia 1917-go goda v luzhnye provintsiy Gruzii* (Archaeological expedition of 1917 to the Southern provinces of Georgia). Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR Publ., 1952 (in Russian).
- Uvarov A.S. O deiatel'nosti, predstoishchey Moskovskomu Arkheologicheskому Obshchestvu. Vstupitel'naiia rech' (On the activities ahead of the Moscow Archaeological Society. Opening speech). *Drevnosti. Trudy MAO* (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society), 1865, vol. 1, no. 1, pp. I–IV (in Russian).
- Uvarova P.S. Predislovie (Introduction). *Trudy 5-go arkheologicheskogo s"ezda v Tiflise, 1881* (Proceedings of the 5th archaeological congress in Tiflis, 1881), ed. P.S. Uvarova. Moscow: tipografija A.I. Mamontova i K° Publ., 1887 (in Russian).
- Uvarova P.S. Predislovie (Introduction). *Kavkaz. Putevye zametki* (Caucasus. Travel notes), part. 1. Moscow: tipografija A.I. Mamontova i K° Publ., 1887 (in Russian).
- Uvarova P.S. *Gubernskie ili oblastnye muzei* (Provincial or regional museums). Moscow, 1888 (in Russian).
- Uvarova P.S. Abkhaziia, Adzhariia, Shavshetia, Poskhovskii uchastok (Abkhazia, Ajaria, Shavshetia, Poskhovsky region). *Putevye zametki* (Travel notes), part. 2. Moscow: tipografija A.I. Mamontova i K° Publ., 1891 (in Russian).

- Uvarova P.S. Khristianskie pamiatniki (Christian monuments). *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus)*, vol. 4, ed. P.S. Uvarova. Moscow: tipografia A.I. Mamontova i K° Publ., 1894 (in Russian).
- Uvarova P.S. Mogil'niki Severnogo Kavkaza grafini Uvarovo (Graveyards of the North Caucasus excavated by countess Uvarova). *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus)*, vol. 8, ed. P.S. Uvarova. Moscow: tipografia A.I. Mamontova i K° Publ., 1900 (in Russian).
- Uvarova P.S. *Kollektsii Kavkazskogo muzeia (Collections of the Caucasian Museum)*. Vol. 5: *Arkeologija (Archeology)*. Tiflis, 1902 (in Russian).
- Uvarova P.S. Predislovie (Introduction). *Poezda v Pshaviu, Khevsuretiu i Svanetiu (Trip to Pshavia, Khevsureti and Svaneti)*. *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus)*, vol. 10, ed. P.S. Uvarova. Moscow: tipografia A.I. Mamontova i K° Publ., 1904 (in Russian).
- Uvarova P.S. Racha, Goriiskii uezd, gory Osetii, Pshaviia, Khevsuretiia i Svanetia (Racha, Gori county, mountains of Ossetia, Pshavia, Khevsuretiya and Svanetia). *Putevye zameтки (Travel notes)*, part. 3. Moscow: tipografia A.I. Mamontova i K° Publ., 1904 (in Russian).
- Uvarova P.S. Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (Past. Long past happy days). *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)*, vol. 144, ed. N.B. Strizhova. Moscow: the State Historical Museum Publ., 2005 (in Russian).
- Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archeology of the Caucasus)*, vol. 13, eds. P.S. Uvarova and Kh. I. Kuchuk-loanesov. Moscow: tipografia A.I. Mamontova i K° Publ., 1916 (in Russian).
- Filimonov G.D. *Svanetia v arkheologicheskikh otnoshenii (Svaneti in archaeological terms)*. Moscow, 1876 (in Russian).
- Khrushkova L.G. *Skul'ptura rannesrednevekovoi Abkhazii. 5–10 veka (Sculpture of early medieval Abkhazia. 5–10 centuries)*. Tbilisi: Metsniereba Publ., 1980 (in Russian).
- Khrushkova L.G. *Lykhny. Dvortsovyj arkhitekturnyi kompleks v Abkhazii (Lykhny. Palace architectural complex in Abkhazia)*. Moscow: Nauka Publ., 1998 (in Russian).
- Khrushkova L.G. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomoria (4–7 veka) (Early Christian monuments of the Eastern Black Sea region (4–7 centuries))*. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Iozef Strigovskii i Iozef Vil'pert v Rossii: idei, diskussii, sotrudничество (Joseph Strzygowski and Joseph Wilpert in Russia: ideas, discussions, cooperation). *Vizantiija v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the context of world culture)*. *The State Hermitage Proceedings*, vol. 69. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2013, pp. 544–585 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Praskov'ia Sergeevna Uvarova — vydaiushchiisya issledovatel' khristianskih pamiatnikov Kavkaza (Praskov'ia Sergeevna Uvarova — an outstanding researcher of Christian monuments of the Caucasus). *Aktual'nye voprosy istorii khristianstva na Severnom Kavkaze (Actual questions of the history of Christianity in the North Caucasus)*, ed. A. Smirnov et al. Stavropol: Izdatel'skii tsentr StDS Publ., 2013, pp. 100–116 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Nikodim Pavlovich Kondakov: novaia monografija (Nikodim Pavlovich Kondakov: a new monograph). *Vizantiija v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the context of world culture)*. *The State Hermitage Proceedings*, vol. 74. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2015, pp. 466–487 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Review: Foletti I. Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia. Roma, 2011. BB, 2015, vol. 74, pp. 371–374 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Khristianskaia, tserkovnaia i vizantiiskaia arkheologija: istoriografija 15 — nachala 21 veka (Christian, church and Byzantine archeology: historiography of the 15 — beginning of the 21 century). *Vvedenie v istoriju Tserkvi. Chast' 2. Obzor istoriografii po obshchej istorii Tserkvi (Introduction to the history of the Church. Part 2. A review of historiography on the general history of*

- the Church).* St. Petersburg: Aleteia Publ., 2015, pp. 446–686 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Dva pamiatnika arkitektury v Pitiuse (Pitsunda) v Abkhazii (po materialam raskopok 2007–2009 godov) (Two architectural monuments in Bichvinta (Pitsunda) in Abkhazia (based on excavations in 2007–2009)). The State Hermitage Proceedings, vol. 86. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2017, pp. 225–243 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Rannekhristianskii kompleks v Sebastopolise v Abkhazii: kupol'nyi otogon i bazilika (Early Christian complex in Sebastopolis in Abkhazia: dome octon and basilica). *The State Hermitage Proceedings*, vol. 89, ed. V.N. Zalesskaia et al. St. Petersburg: The State Hermitage Publ., 2017, pp. 190–222 (in Russian).
- Khrushkova L.G. Rasprostranenie khristianstva v Kolkhide: pis'mennye istochniki i svidetel'stva pamiatnikov (Distribution of Christianity in Colchis: written sources and evidence of monuments). *Pravoslavie v istorii i kul'ture Severnogo Kavkaza: voprosy istochnikovedeniia i istoriografii (Orthodoxy in the history and culture of the North Caucasus: issues of source study and historiography)*, vol. 1, ed. M. Mozdor et al. Stavropol: Izdatel'skii tsentr StDS Publ.; Dizain-Studia B Publ., 2017, pp. 126–173 (in Russian).
- Huskivadze L.Z. *Medieval Cloisonné Enamels at Georgian State Museum of Fine Art*. Tbilisi: Helovneba Publ., 1984 (in Russian, Georgian, English).
- Tschubinaschwili G. Otchet Aniiskogo muzeia drevnostei za 1916 god (Report of the Ani Museum of Antiquities for 1916). *Aniiskie drevnosti (Antiquities of Ani)*, vol. 3. Petrograd: tipografia A.F. Dresslera Publ., 1918 (in Russian).
- Tschubinaschwili G. Saorbisskaja tserkov' (Saorbis Church). *Khristianskii Vostok (Christian East)*, 1915, vol. 4 (2), pp. 180–190.
- Tschubinaschwili G. Tserkov' bliz seleniia Bolnis-Kapanakchi (Church near the village of Bolnis-Kapanakchi). *Khristianskii Vostok (Christian East)*, 1917, vol. 5 (3), pp. 217–220 (in Russian).
- Tschubinaschwili G. *Tsromi. Iz istorii gruzinskoi arkitektury pervoi treti 7 veka (Cromy. From the history of Georgian architecture of the first third of the 7 century)*. Tbilisi: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Choisy A. *Histoire de l'architecture*. 2 vols. Moscow: Izdanie grafini P.S. Uvarovo Publ., 1906–1907.
- Foletti I. *Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della Storia dell'arte in Russia*. Roma: Vielle Publ., 2011, pp. 230–231.
- Foletti I. The Russian View of a 'Peripheral' Region. Nikodim Kondakov and the Southern Caucasus. *Convivium. Supplementum*, eds. I. Foletti, E. Thunø. Turnhout: Brepols Publ., 2016, pp. 21–34.
- Foletti I. *From Byzantium to Holy Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) and the Invention of the Icon*. Ed. S. Melker. Roma: Viella Publ., 2017.
- Foletti I. and Thunø E. The Artistic Cultures of the Medieval South Caucasus. *Convivium. Supplementum*, eds. I. Foletti, E. Thunø. Turnhout: Brepols Publ., 2016, pp. 11–16.
- Iamanidzé N. *Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles)*. Turnhout: Brepols, 2010.
- Iamanidzé N. *Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–Xle siècles*. Wiesbaden: Reichert Verlag Publ., 2016.
- Khrushkova L.G. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XVe siècles*. Turnhout: l'association pour l'Antiquité Tardive Publ., 2006.
- Khrushkova L. Majestas Domini dans les programmes iconographiques des églises du Caucase, de l'Egypte, et de Cappadoce. *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*, vol. 3, ed. E. Kormysheva. Moscow: Institute of Oriental Studies Publ., 2006, pp. 199–216.
- Khrushkova L.G. Les dalles de chancel de Tsébelda en Abkhazie. *La sculpture byzantine. VIIe–XIle siècles. Actes du colloque international d'Athènes, 6–8 septembre 2000*. Athènes, 2008. P. 577–587.
- Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge). *Römische Quatalschrift*, 2011, vol. 106, pp. 229–252.
- Khrushkova L.G. Aleksej S. Uvarov. *Personenlexikon...* vol. 2, 2012, pp. 1259–1264.

- Khrushkova L.G. Georgij D. Filimonov. *Personenlexikon ...* vol. 1, 2012, pp. 497–499.
- Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge and 3. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2012, vol. 107, pp. 74–119, 202–248.
- Khrushkova L.G. Jakov I. Smirnov. *Personenlexikon...*, vol. 2, 2012, pp. 1172–1173.
- Khrushkova L.G. Nikodim P. Kondakov. *Personenlexikon....*, vol. 2, 2012, pp. 751–755.
- Khrushkova L.G. Nikolaj V. Pokrovskij. *Personenlexikon...*, vol. 2, 2012, pp. 1030–1032.
- Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (4. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2013, vol. 108, pp. 254–287.
- Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (5. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2014, vol. 109, pp. 134–165.
- Khrushkova L.G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (6. Folge). *Römische Quartalschrift*, 2015, vol. 110, pp. 117–135.
- Khrushkova L.G. Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies. *Cahiers Archéologiques*, 2015, vol. 56, pp. 173–189.
- Khrushkova L.G. Pityus en Abkhazie, centre épiscopal de l'époque constantinienne, et son développement (d'après les fouilles de 2007–2009). *Acta XVI Congressus internationalis archaeologiae christiana. Romae (22–28.9.2013)*, pars II, eds. O. Brandt, V. Fiocchi Nicolai. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 2016, pp. 1641–1661.
- Kirsch G.P. Article review: Smirnov J., Tschubinaschwili G. Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik. Tiflis, 1934. *Rivista di Archeologia Cristiana*, 1934, vol. XIII, 3–4, pp. 170–172.
- Kleinbauer W.E. Nikodim Pavlovich Kondakov: The First Byzantine Art Historian in Russia. *Byzantine East, Latin West: Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann*, eds. Chr. Moss, K. Kiefer. Princeton, New Jersey: Department of Art and Archaeology, Princeton University Publ., 1995, pp. 637–642.
- Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth; Baltimore: Penguin Books Ltd Publ., 1975.
- [La] Comtesse Ouvaroff. Aperçu sommaire du développement des sciences archéologiques en Russie. *Recueil de Mémoires publié par la Société des antiquaires de France à l'occasion de son Centenaire*. Paris: Société nationale des Antiquaires de France Publ., 1904. P. 1–11.
- Millet G. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*. Paris: Ernest Leboux Publ., 1916.
- Die Sammlungen des Kaukasischen Museums (Kollektsii Kavkazskogo muzeia), vols. 1–6, ed. G. Radde. Tiflis: Kanzelei des Landeschefs Publ., 1899–1912.
- Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*, 1–2 vols, eds. S. Heid, M. Dennert. Regensburg: Schnell & Steiner Publ., 2012.
- Smirnov J. Das Mozaik. *Georgische Baukunst. Vol. 2: Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik*. Tiflis: Verlag des Museums der Bildenden Künste "Metechi" Publ., 1934, pp. 91–123.
- Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Vol. 2. Wien: A. Schroll & Co., G.m.b.H. Publ., 1918.
- Tschubinaschwili G. Die christliche Kunst im Kaukasus und ihr Verhältnis zur allgemeinen Kunstgeschichte (Eine kritische Würdigung von Josef Strzygowski "Die Baukunst Armenier und Europa"). *Monatshefte für Kunsthissenschaft*, 1922, no 7–9, pp. 217–237.
- Tschubinaschwili G. Jakob Smirnow (1869–1918). *Bulletin de l'Université de Tiflis*, 1922, no. 2, pp. 176–196.
- Virchow R. Der archäologische Kongress in Tiflis. *Zeitschrift für Ethnologie*, 1882, no. 14, pp. 73–111.
- Walter Chr. *The warriors saints in Byzantine art and tradition*. Aldershot: Ashgate Publ., 2003.
- Zäh A. Josef R. Th. Strzygowski. *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie*, vol. 2, eds. S. Heid, M. Dennert. Regensburg: Schnell & Steiner Publ., 2012, pp. 1200–1205.
- Zäh A. Josef Strzygowski als Initiator der christlich-kunsthistorischen Orientforschung und Visionär der Kunsthistorik. *Römische Quartalschrift*, 2012, bd. 107, s. 249–292.

Miljenko Jurković, Palmira Krleža

“ADRIO-BYZANTINISM” AND/OR BYZANTINE INFLUENCE ON CROATIAN CULTURAL HERITAGE — A RECONSIDERATION

The term Adrio-Byzantinism was popularised in the Croatian scientific literature after the publication of the book “History of Salonian Christianity” by the Danish architect and archaeologist Ejnar Diggve in 1951¹. Since then, the term is being used in various contexts and has, with time, acquired meanings that are inconsistent with Diggve’s original definition. We here re-examine it and propose the abandonment of the term, at least in the context of Late Antiquity. Furthermore, the term Adrio-Byzantinism is intervened with a much more complex and broader subject of the Byzantine presence/influence in the eastern Adriatic in Late Antiquity and Early middle ages. The aim of this paper is thus to reconsider the value of the term Adrio-Byzantinism and suggest it might, for the moment, be used only in the context of Byzantine influenced fresco painting of the Eastern Adriatic in 11th and 12th centuries.

Keywords: “Adrio-Byzantinism”, Salona, the Eastern Adriatic coast, Late Antique art, Byzantine art.

Миленко Юркович, Палмира Крлежа

«АДРИОВИЗАНТИНИЗМ» И/ИЛИ ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ХОРВАТСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ — НОВОЕ РАССМОТРЕНИЕ

Термин «адриовизантизм» распространился в хорватской научной литературе после публикации в 1951 г. книги датского архитектора и археолога Эйнара Диггве «История христианства в Салоне». С тех пор этот термин используется в различных контекстах, и со временем он приобрел значения, не соответствующие первоначальному определению Диггве. Мы вновь исследуем этот термин и предлагаем отказаться от него, по крайней мере в контексте поздней античности. Кроме того, термин «адриовизантизм» входит в гораздо более сложный и более широкий предмет византийского присутствия/влияния в позднеантичной и раннесредневековой восточной Адриатике. Таким образом, целью этой статьи является пересмотр значения термина «адриовизантизм» и предложение о его возможном применении только по отношению к охваченным византийским влиянием фресковым росписям Восточной Адриатики XI–XII вв.

Ключевые слова: «адриовизантизм», Салона, Восточное Адриатическое побережье, позднеантичное искусство, византийское искусство.

1.

In his famous book (famous at least in the context of Croatian historiography), Ejnar Diggve mentions the term Adrio-Byzantinism in four different places (Diggve 1951: 3, 31, 81, 137). First, when writing about Salona’s “sister town”, Ravenna, the author claims that “the two towns formed

together two foci of the flourishing culture by the Adriatic Sea”, calling this period Adrio-Byzantinism. He also adds that “towns like Aquileia, Grado, Milan, Sirmium, Dyrrachion, Nikopolis must be taken in consideration” (*Ibid*: 3). The term is mentioned again when analysing the 6th century phase of the Salonian baptistery, more precisely, its imported Byzantine marble capitals, whose parallels exist in Thessaloniki, but also in Ravenna, Grado, Poreč, “the towns at

¹ Although he forged it sometime earlier (Diggve 1933: 3; Diggve 1939: 51).

the Adriatic Sea which in the first line represent what I have called Adrio-Byzantinism" (*Ibid*: 31). He mentions it for the third time when emphasizing the period of fifth-sixth centuries as "particularly flourishing" in the cultural sense, and takes again the "sister town" Ravenna, in which favourable conditions influenced the preservation of its monuments, as an example of how Salona once looked like (*Ibid*: 81). Moreover, he writes that "the finds at Salona show that the decoration and inventory of the churches from this time were of exactly the same type of style as the buildings at Ravenna" and adds that they were made from the same materials, "stucco, wall paintings, and mosaic, Dalmatian limestone, and further many graceful imported goods from the marble workshops of Prokonnesos". When he mentions the term for the last time, Dyggve is using it to emphasize the importance of the continuity of the classical tradition in the early Croatian art, in this context the sculptural ornaments of the early Croatian architecture, which he considers neither as something typically Croatian, nor as Lombard, but originating in the local civilization (*Ibid*: 137). He claims that this style is "thus older than the time of the Longobards and the Slav immigration" calls it Adrio-Byzantinism, mentioning once again the political and cultural relations between the "sister towns" Ravenna and Salona.

It is clear from this brief overview that Dyggve was not particularly descriptive when writing about the term. His lack of detail in explaining it has spurred significant debate in Croatian scientific community. Researchers, trying to understand what Dyggve initially meant, usually added their own interpretations to the term, — the final result has caused even greater confusion².

² It is not our intention to analyse every single source in which the term was commented on, since that was already done in a significant detail by Željko Rapanić (*Rapanić* 2002: 172–182).

Ž. Rapanić aptly noted that most of the misunderstandings in earlier publications were caused by interpretations of Dyggve's term as a marker of a certain regional style in art and architecture, rather than a cultural phenomenon, "a spirit of that time" (*Rapanić* 2002: 175–176). Rapanić analyses, among other contributions to the debate, the commentaries of a distinguished Croatian researcher, N. Cambi, who, in his Prologue to the Croatian translation of Dyggve's book, has stated that the term is simply not correct (*Cambi* 1996: 147). Cambi correctly notes that the Byzantine influence on the eastern Adriatic coast is "problematic", at least when talking about the typology of churches: not commenting the central plans, he dismisses Dyggve's term in connection with churches of a longitudinal layout. He adds that the architecture in Dalmatia is certainly not uniform in its morphological characteristics; they vary a lot depending on the region. More importantly, in Cambi's opinion, they are not the product of Byzantine influence but of the changes, which have occurred in the northern Adriatic church building in the second half of the 5th century, both on its Eastern and on Western coasts.

Although Rapanić agrees with Cambi's arguments regarding the stylistic characteristics of the church building and sculpture, he claims that Dyggve's initial intention was not to speak about a certain style, but of an "artistic and cultural phenomenon" thus agreeing with the characterization of the term by B. Gabričević (*Gabričević* 1987: 308). He also comments the analysis of another notable Croatian art historian, M. Prelog, who has stated that similarities do exist between the sculpture of the 6th century in the Adriatic area and the eastern, Byzantine, centres, but they are not as visible in building practices (*Prelog* 1993: 92). Prelog stressed that the sculpture of the period was often

imported from the centres of the Empire and that the church building was more prone to the local traditions (*Prelog* 1954: 5). For the sake of further analysis, we need here to express our own opinion on the problem. Indeed, we do not see the spread of any artistic phenomenon as any possible general “influence”, either from the creative centres to the provinces, either from centres of power to their subordinate places, but as the will of the commissioners and policy makers, as the representation or exercising power, or the statement of belonging to a specific territorial or political entity.

2.

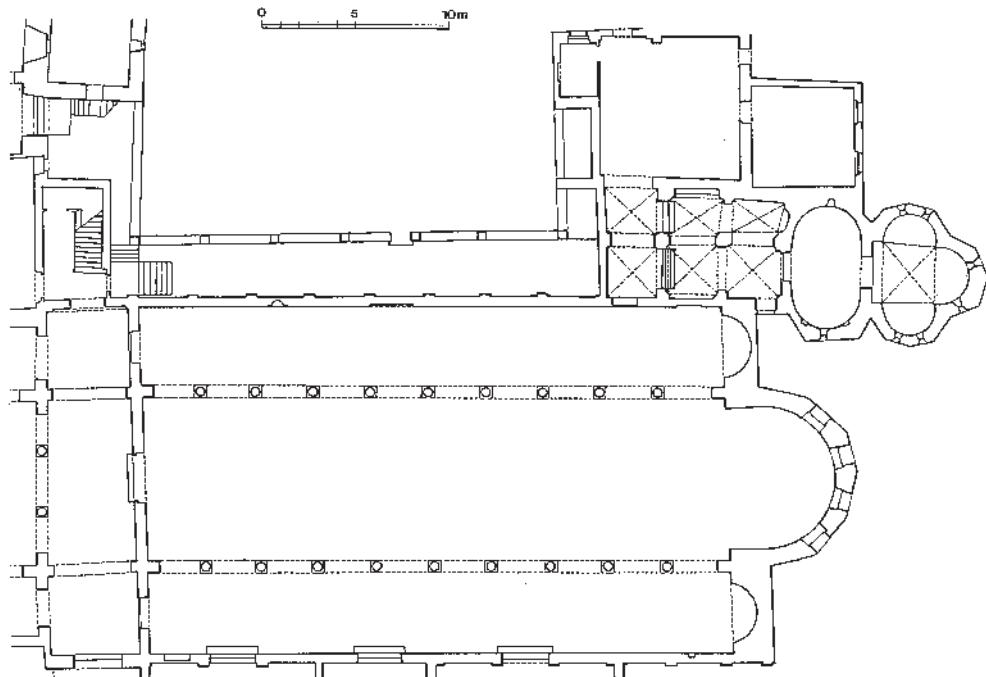
Rapanić suggests the continuation of the usage of the term Adrio-Byzantinism, in a revised sense, as the marker of cultural distinctions of the Adriatic area, conditioned by geopolitical and artistic reasons, from the periods of the fifth-sixth century, as Dyggve initially meant, to the Romanesque period (when dealing with the Byzantine influence in southern Adriatic fresco painting). The problem that occurs with using the term, as Rapanić suggested, in the cultural sense, is that it implies the existence of a distinguished cultural climate, specific to the Adriatic area, from the Late Antique period to the Romanesque. And, this is a statement that we cannot corroborate. The Adriatic area was certainly not isolated in the cultural sense, especially not in the 6th century, or, to be more precise, the period of Justinian's *reconquista*, when many of the buildings that Dyggve deemed Adrio-Byzantine, were erected. The most notable examples of those buildings are the Euphrasius' Basilica in Poreč (Parenzo) (il. 1), Santa Maria Formosa in Pula (Pola) (il. 2, 3), and the cruciform basilica in Salona (il. 4). Moreover, their decoration, made from Pro-

konnesian marble, is a product of eastern workshops, shipped throughout the Mediterranean (and wider), often as a complete set of liturgical furniture and/or architectural decoration (il. 5)³. In that sense, the Adriatic area was in no way “culturally” different from the rest of Justinian's empire. As M. Jurković has already noticed, Dyggve himself included Sirmium and Nicopolis in the Adrio-Byzantine circle, although those towns are not on the Adriatic shores, confirming in that way that the cultural flourishing was happening in the area much wider than the Adriatic (Jurković 2012: 262). Here again, we need to express our own opinion, connected to the other question raised in the title of this paper: are we talking here about influence or, more precisely, imported artistic creations, not only in sculpture, which is clear enough, but also in the choice of architectural plans? That choice was made by the commissioners, bishop Euphrasius in Poreč, bishop Honorius II in Salona, bishop (afterwards archbishop of Ravenna) Maximianus for Saint Mary Formosa in Pula. And, it was clearly a statement of belonging to Justinian's expanded realm. Those high ranking ecclesiastical officials were part of a network established during the *reconquista*, strengthening the central power of Constantinopolis.

3.

This leads us to another argument, the question of the chronological parameters used within the term Adrio-Byzantinism. As we have already mentioned, Ž. Rapanić has suggested, with a certain liberty, the usage of the term in a broad, cultural sense from the Late Antique period to the early Romanesque. Before we

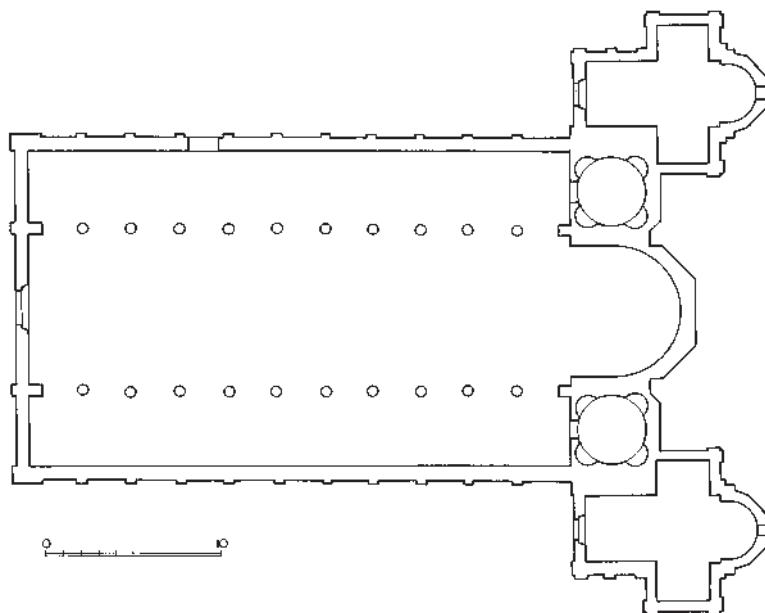
³ The literature on the subject of the 6th century marble sculpture trade is vast; for the Euphrasian Basilica, see (Terry 1988: 13–64).



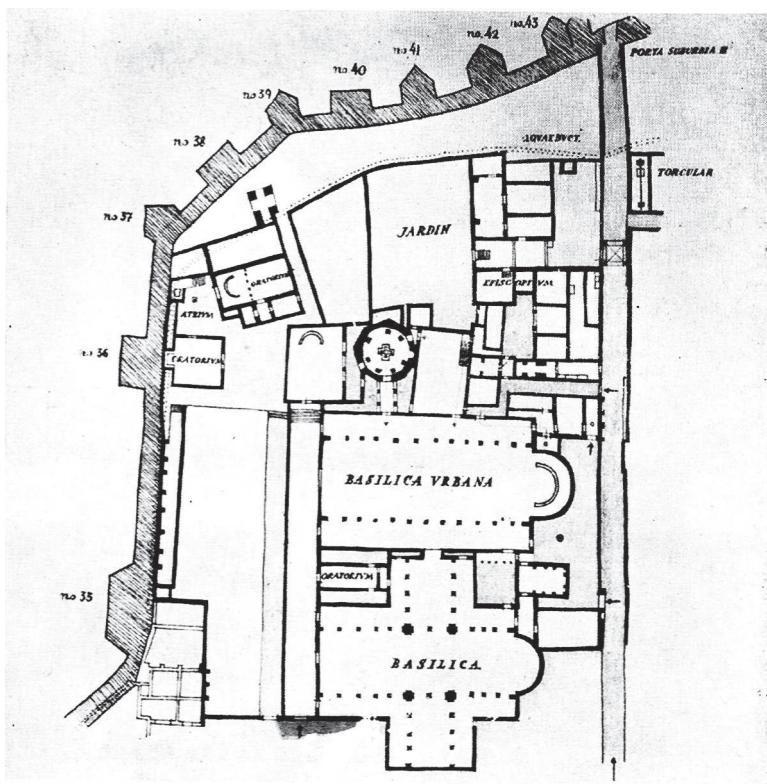
Il. 1. Poreč, Euphrasius basilica, 6th c., plan (after Prelog)



Il. 2. Pula, Saint Mary „Formosa“, south chapel, 6th c. (photo: M. Jurković)



Il. 3. Pula, Saint Mary „Formosa”, 6th c., plan (Institute of Art History, Zagreb)



Il. 4. Salona, Episcopal complex. The 6th century basilica of bishop Honorius II is the southern one. (from Dyggve 1996: II, 13)



Il. 5. Poreč, Euphrasius basilica, columns, capitals and stucco decoration on the arcades, 6th c. (photo: M. Jurković)

analyse the usage of the term in the context of the later southern Adriatic fresco painting, it is worth mentioning the opinion of E. Marin, who suggested, his research based on epigraphy, that in no way we can talk about Adrio-Byzantinism earlier than the 6th century (Marin 2013: 105–110). He argues that, in the course of the 5th century, Salona was part of the Western Roman Empire, and only from the 6th century and Justinian's wars, when the influence of the Eastern Empire in Salona became more noticeable. However, the question remains; can we consider

the 6th century church buildings and decoration, such as the cruciform basilica of bishop Honorius II and the capitals of the baptistery in Salona the products of some unique regional style that we can call Adrio-Byzantinism? Moreover, if we accept that in the 6th century a particular cultural flourishing called Adrio-Byzantinism engulfed the Adriatic area, we have to ask ourselves, how does this cultural flourishing differ from the rest of the Justinian's empire and does it deserve its own name? Again, we have to refer to our own position expressed above.



II. 6 Dubrovnik, The remains of the fresco painting in the fundaments of the cathedral, 11th c. (photo: M. Bijelić)

More recently, the use of the term has shifted from the Late Antique period to the early Romanesque 11th century. I. Fisković has used it on several occasions, when writing about Byzantine influences on the southern Adriatic fresco painting⁴. Fisković noted that the usage of Dyggve's term is not settled as the author himself was not explicative enough (Fisković 1996: 371). He uses the term to describe a particular style of fresco painting in the area of Dubrovnik (Ragusa): he analyses two fresco cycles, one in the remains of the 11th century basilica in the foundations of the Dubrovnik cathedral (il. 6), the other one in the church of Saint John the Baptist in Šilovo Selo on

the island Šipan (dated to mid-12th century). Recently, he added the fresco cycle in the church of St. Nicolas on the island Koločep (il. 7), also dated from the middle of the 12th century, to the same circle (Fisković 2009: 17–36). He uses the term of Adrio-Byzantinism when describing the Ragusean fresco painting as stylistically autonomous, with origins in Late Antique art and "with provincial overlapping of Latin iconography and Byzantine influenced stylistics" (Fisković 1996: 375). According to him, the Adrio-Byzantine painting is not yet Romanesque but neither any more Pre-Romanesque⁵, with its core being "the empiric development of the Late Antique tra-

⁴ (Fisković 1996: 371–387; Fisković 1998: 71–83; Fisković 2009: 17–36; Fisković 2010: 163–200).

⁵ He adds that the existence of the Pre-Romanesque fresco cycles in Croatia is nevertheless dubious (Fisković 1996: 382).



II. 7. Koločep, Saint Nicolas, 9–10th c (photo: I. Tomas)

ditions enriched by the contacts with the contemporary artistic notions from Byzantium" (*Ibid*: 382). However, the Ragusean painting should not be considered provincially Byzantine, because the Byzantine influence here is not as dominant and uniform as in the examples in other eastern Mediterranean and Balkan provinces; but it also cannot be disputed (*Ibid*). Fisković finds certain parallels to the Ragusean examples in southern Italy, in cave-churches of Calabria and Puglia, which are also representative of a certain, rustic style derivative from the Byzantine painting from 10th to 14th century. Those parallels are the result of cultural and artistic ties between the Eastern and Western Adriatic coasts, conditioned by the same political circumstances (as both were parts of the Byzantine *thema* governed from the centre of the Empire) (*Ibid*). The new use of the term Adrio-Byzantinism by I. Fisković could, in our opin-

ion, be useful at least at the moment, until further research. Hereby, the term has both geographical (the Eastern and Western Adriatic coasts) and chronological (the period of the 11th and 12th centuries) determinations, it is descriptive of a unique style of painting, derivative from both local traditions and outside influences. Moreover, it can also be perceived in a broader, cultural sense, as it reflects the cultural and artistic exchange throughout the southern Adriatic, a certain cultural flourishing, to use E. Dyggve's expression.

4.

The question of the presence of Byzantium in the Eastern Adriatic is a subject much broader than the problematic of the use of the term Adrio-Byzantinism and it cannot be avoided when writing about it, because it seems to lie within its core. Even

before E. Dyggve, researchers were trying to pinpoint the characteristics of the Byzantine influence in Late Antique and early Medieval Croatian heritage⁶. Writing about the subject of the origins of the Byzantine stylistic tendencies in the art of the Eastern Adriatic, Lj. Karaman has correctly noted that: "some of our writers have emphasized strongly the Byzantine influence in Dalmatian art, without specifying, whether those influences come from Byzantium in the strict sense, from the Slavic hinterland of the Balkans, or are they a reflex of Byzantine "emission" to the West" (Karaman 1958: 61).

Byzantium was present, at least in the political sense, in the Eastern Adriatic for approximately 600 years. I. Goldstein believes that the military actions are the most impressive demonstrations of the Byzantine presence in the Eastern Adriatic (Goldstein 2012: 223–236)⁷. Those military actions, as Goldstein concludes, have determined the political power in the area or have at least greatly influenced the power balance. The political presence of Byzantium is, as Goldstein claims, undisputed in the Eastern Adriatic from the sixth to the ninth century (although from the year 812 the Byzantine government was limited only to the coastal towns, while the

⁶ For example Frano Radić in the late 19th century, who writes about Croatian-Byzantine style (hrvatsko-bizantski slog) or sometimes Slavic-Byzantine style (slavensko-bizantski slog) (Radić 1892: 16–17; Radić 1890: 81–82). Also In 1930-es, Lj. Karaman and M. Abramić have been writing about the imported Byzantine sculpture and have tackled the problem of the contemporary Byzantine influence on the Croatian medieval heritage (Karaman 1932: 332–380; Abramić 1932: 317–331).

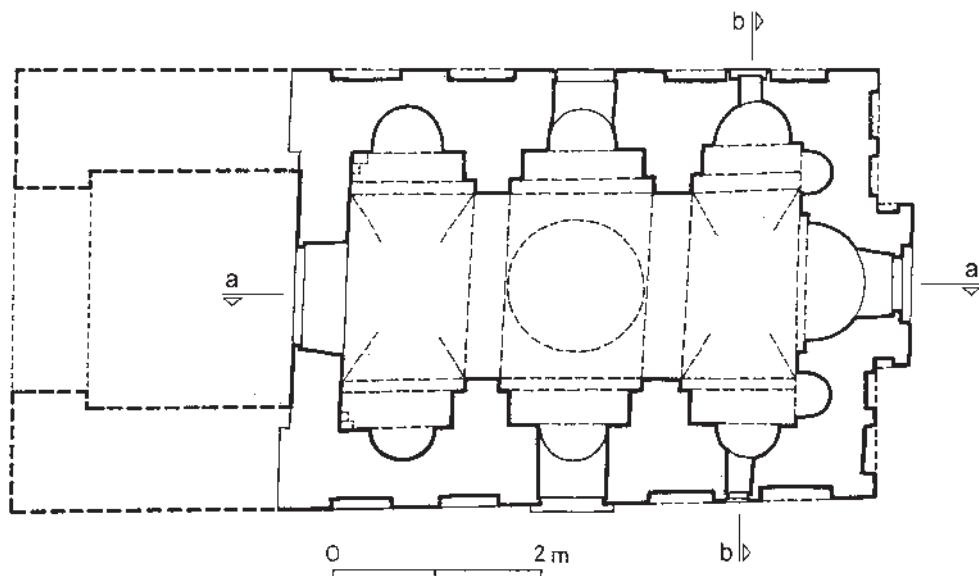
⁷ There were only four of them — one in the 6th century, during the reign of Justinian (527–565), the second one during the reign of Nikephoros I (802–811), the third one during the reign of Basil I (867–886) and the last one during the reign of Manuel I Komnenos (1143–1180), see (Goldstein 2012: 224).

hinterland was under the Frankish rule). He continues that this political presence is the most important form of influence, as it is the basis for all others and it resulted with the fact that in the mentioned period everybody knows and accepts the Byzantine rule in the Dalmatian coast. Moreover, Goldstein emphasizes that the Byzantine rule was not imposed on the coastal towns, it was in some way the result of the vulnerability of the citizens of Dalmatia and Istria, threatened by the "barbaric" tribes from the hinterland (Goldstein 2012: 229). The attachment to the idea of the Byzantine rule has prevented the imposition of any other government (*Ibid*).

Although historical and archaeological evidence⁸ speaks clearly for the Byzantine presence in the Eastern Adriatic area from Late Antiquity to the Middle Ages, this is not reciprocated in art and architecture. To be more precise, in the 6th century we can speak of the imported sculpture and the buildings such as already mentioned Euphrasian basilica, Santa Maria Formosa or the cruciform basilica of the bishop Honoriūs II (il. 1, 3, 4) as "Byzantine" in form, they being the results of strengthening the central power of the Empire by the choice of architectural forms and representations. The situation is not so clear when analysing the art and architecture of the later period. During the "dark" 7th and 8th centuries some morphological details of church building could be characterized as "Byzantine", but they are mostly the results of recycling of the elements inherited from the 6th century, deeply rooted within the local tradition and are not really following the contemporary solutions neither in the East, nor West⁹.

⁸ For the general history of the Byzantine presence in the Eastern Adriatic in the early Middle Ages, see (Goldstein 1992). For the archaeological evidence, see (Petrinec 2014: 64–98).

⁹ E. Dyggve in *History of Salonian Christianity* introduced the problem of the continuity of forms



Il. 8. Stonsko polje, Church of St. Michael, plan, 9th–10th c (Institute of Art History, Zagreb)

In the 9th century this process continues, but on a smaller scale and on a very reduced territory, with some of the contemporary Byzantine "impulses" visible on the examples of the so-called Byzantine basilica in Dubrovnik or in a very specific architectural form — the southern Dalmatian single-nave domed type of the church (Jurković 1988–1989: 45) (il. 7, 8, 9). However, those "impulses" are provincial and they do not correlate with the solutions in contemporary Byzantine centres (*Ibid.*).

But, when we come to the 11th century, discussed here only because of the extension of the use of the term Adrio-Byzantinism to that period, the Byzantine presence on the Adriatic is better documented, both in political and diplomatic activities as well as in art. There is firm evidence of the

between the Antique and Medieval period in the Eastern Adriatic area. M. Prelog has written extensively on this subject (Prelog 1954: 5–14) and M. Jurković later revised and complemented his views (Jurković 1988–1989: 41–48).

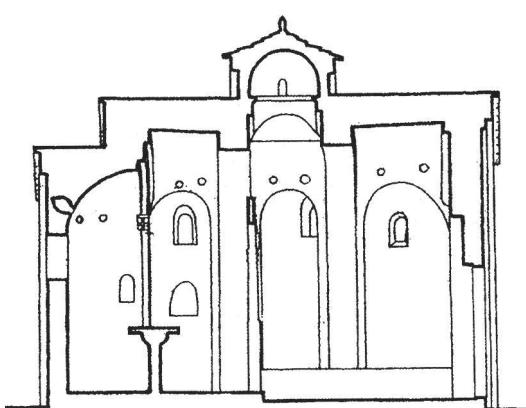
Byzantine commercial activities on the Adriatic. We are mentioning them for the sole reason that they throw more light on the architectural type of the single nave church with dome discussed above. Indeed, in a number of churches of the type in southern Dalmatia, acoustic vases were inserted to the walls and vaults (il. 10) to enhance the dramaturgy of the voice. All the vases that could have been analysed are globular amphorae of Byzantine origin (Jurković 2017: 59). Nevertheless, Byzantium was at that time a vanishing Empire in Dalmatia. However, that period is the last remnant of a cultural landscape that could, even on a very reduced territory of southern Dalmatia, still be referred to as to Adrio-Byzantinism.

5.

To conclude, we hope that this discussion has shown that the term Adrio-Byzantinism, in its original definition by E. Dygwe has lost its relevance. Even in the cases



Il. 9. Stonsko polje, Church of St. Michael, 9th–10th c. (photo: I. Tomas)



Il. 10. Lopud, Saint John the Baptist, longitudinal section and interior, 11th c (Marasović 2008: 315)

when art and architecture of the fifth and sixth centuries show certain elements of a regional style (and in that sense we can speak of Ravenna and Salona as "sister towns"), those were, as N. Cambi has just-

ly noted, more local in character and were not being generated from the centre of the Empire. On the other hand, when considering the heritage from the time of Justinian on the Eastern Adriatic coast, especial-

ly the imported sculpture and the architectural types, we have to bear in mind that they were the results of a specific political situation, not limited only to the Adriatic area, and that they were a strong statement of a large *reconquista* by the protagonists, high-ranking individuals. However, we do not want to suggest the total abandonment of the usage of the term Adrio-Byzantinism. Over the course of time, the term has acquired a new meaning, and can for the moment be used the way I. Fisković did¹⁰, when characterising certain elements of Byzantine influence in the southern Adriatic fresco painting of the 11th and 12th century. In this manner, we hope we have expanded the ideas presented in an article a few years earlier (Jurković 2012: 259–271). The question of the Byzantine presence in the Eastern Adriatic remains very much open for discussion and revaluation.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Abramić 1932 — Abramić M. Quelques reliefs d'origine ou d'influence. Byzantine en Dalmatie // L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky. Vol. 2. Paris, 1932. P. 317–331.
- Cambi 1996 — Cambi N. Pogovor // Dyggve E. Povijest salonitanskog kršćanstva / Ed. N. Cambi, T. Marasović. Split: Književni krug, 1996. P. 135–156.
- Gabričević 1987 — Gabričević B. Kršćanstvo u Iliriku do dolaska Slavena // Gabričević, B. Studije i članci o religijama i kultovima antičkog svijeta. Split, 1987. P. 278–314.
- Dyggve 1933 — Dyggve E. Eigentümlichkeiten und Ursprung der frühmittelalterlichen Architektur Dalmatiens // Actes du XIII Congrès international d'histoire de l'art. Stockholm: le Comité organisateur du Congrès, 1933.
- Dyggve 1939 — Dyggve E. Forschungen in Salona. Bd. 3: Der altchristliche Friedhof Marusinac. Wien: Wien Hölder, 1939.
- Dyggve 1951 — Dyggve E. History of Salonian Christianity. Oslo: H. Aschehoug, 1951.
- Goldstein 1992 — Goldstein I. Bizant na Jadranu od Justinijana I do Bazilija I. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1992.
- Goldstein 2012 — Goldstein I. Što je to Bizant na hrvatskom prostoru? Reminiscencije na temu (1986–2012) // Munuscula in honorem Željko Rapanić / Ur. M. Jurković. Zagreb, Motovun, Split: International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages, University of Zagreb, 2012. P. 223–236.
- Fisković 1996 — Fisković I. Adriobizantski sloj zidnog slikarstva u južnoj Hrvatskoj, Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža. Zagreb: Exegi Momentum, 1996. P. 371–387.
- Fisković 1998 — Fisković I. Un contributo al riconoscimento degli affreschi "Adriobizantini" sulla sponda croata meridionale // Hortus Artium Medievalium. 1998. Vol. 4. №4. P. 71–83.
- Fisković 2009 — Fisković I. O freskama 11. i 12. stoljeća u Dubrovniku i okolicu // Radovi Instituta za povijest umjetnosti. 2009. Vol. 33. №33. P. 17–36.
- Fisković 2010 — Fisković I. Zapažanja o srednjovjekovnim freskama u Dubrovniku i okolini // Časopis za književnost i znanost. 2010. Vol. 21. P. 163–200.
- Jurković 1988–1989 — Jurković M. Problem kontinuiteta između antike i romanike u umjetnosti istočnog Jadrana // Journal of the Institute of History of Art. 1988–1989. Vol. 12–13. P. 41–48.
- Jurković 2012 — Jurković M. "Spomenici nepotpune biografije". Skice za teorijska promišljanja ranosrednjovjekovne umjetnosti // Munuscula in honorem Željko Rapanić / Ur. M. Jurković. Zagreb, Motovun, Split: International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages, University of Zagreb, 2012. P. 259–271.
- Jurković 2017 — Jurković M. Les voies Adriatiques: transferts des formes, fonctions et

¹⁰ With other researchers accepting and using the term in this new context (Maraković, Turković 2016: 7–20).

- idées en Dalmatie au XIème siècle // *Les cahiers de saint Michel de Cuxa*. 2017. Vol. XL-VIII. P. 57–70.
- Karaman* 1932 — *Karaman Lj.* Notes sur l'art byzantin et les Slaves catholiques de Dalmatie // *L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky*. 1932. Vol. 2. P. 332–380.
- Karaman* 1958 — *Karaman Lj.* O putovima bizantskih crta u umjetnosti istočnog Jadran-a // *Starohrvatska povijest*. 1958. Vol. 3. P. 61–76.
- Marin* 2013 — *Marin E.* L'«Adriobyzantinisme» à reconsiderer // «Ars auro gemmisque prior». *Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet / Eds. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Boucherat, P. Volti*. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. P. 105–110.
- Maraković, Turković* 2016 — *Maraković N., Turković T.* Liturgical Vestments in the Eleventh and Twelfth Century Mural Paintings of Dubrovnik and Elaphiti Islands — a Contribution to the Study of "Adrio-Byzantinism" on the Eastern Adriatic // *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*. 2016. Vol 40. № 1. P. 7–20.
- Marasović* 2008 — *Marasović T.* *Dalmatica Praermanica*. Rano-srednjovjekovno graditeljstvo u Dalmaciji. Vol. 1. Split — Zagreb: Književni krug, 2008.
- Petrinec* 2014 — *Petrinec M.* O pojedinim predmetima bizantske provenijencije na istočnoj obali Jadrana // *Starohrvatska povijest*. 2014. Vol. 41. P. 64–98.
- Prelog* 1954 — *Prelog M.* Između antike i romanike. Prilog analizi historijskog položaja "predromaničke" arhitekture u Dalmaciji // *Peristil*. 1954. Vol. 1. P. 5–14.
- Prelog* 1993 — *Prelog M.* "Međurazdoblje" (305. — 1105. g.) i bizantski faktor u umjetnosti istočne obale Jadrana // Djela 2. *Povjesnoumjetničke studije I*. Između antike i romanike / Ed. R. Ivančević. Zagreb, 1993. P. 93.
- Radić* 1892 — *Radić F.* Ulomak nadvratnika sa natpisom i uresom hravacko-bizantinskoga sloga u Trogiru // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. 1892. Vol. 14. P. 16–17.
- Radić* 1890 — *Radić F.* Slavensko-bizantinski spomenici u Korčuli // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. 1890. Vol. 12. P. 81–82.
- Rapanić* 2002 — *Rapanić Ž.* Ima li dvojbe oko termina "adriobizantizam"? // *Zbornik Tomislava Marasovića / Urednici I. Babić, A. Milošević, Ž. Rapanić*. Split, 2002. P. 172–182.
- Terry* 1988 — *Terry A.* The Sculpture at the Cathedral of Eufrasius in Poreč // *Dumbarton Oaks Papers*. 1988. Vol. 42. P. 13–64.
- ### REFERENCES
- Abramić M. Quelques reliefs d'origine ou d'influence. Byzantine en Dalmatie. *L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky*, vol. 2. Paris, 1932, pp. 317–331.
- Cambi N. Pogovor. *Dygge E. Povijest salonitanskog kršćanstva*, ed. N. Cambi, T. Marasović. Split: Književni krug Publ., 1996, pp. 135–156.
- Gabričević B. Kršćanstvo u Iliriku do dolaska Slavena. *Gabričević, B. Studije i članci o religijama i kultovima antičkog svijeta*. Split, 1987. P. 278–314.
- Dygge E. Eigentümlichkeiten und Ursprung der frühmittelalterlichen Architektur Dalmatien. *Actes du XIII Congrès international d'histoire de l'art*. Stockholm: le Comité organisateur du Congrès Publ., 1933.
- Dygge E. *Forschungen in Salona*. Bd. 3: *Der altchristliche Friedhof Marusinac*. Wien: Wien Hölder Publ., 1939.
- Dygge E. *History of Salonian Christianity*. Oslo: H. Aschehoug Publ., 1951.
- Goldstein I. *Bizant na Jadranu od Justinijana I do Bazilija I*. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta Publ., 1992.
- Goldstein I. Što je to Bizant na hrvatskom prostoru? Reminiscencije na temu (1986–2012). *Munuscula in honorem Željko Rapanić*, ed. M. Jurković. Zagreb, Motovun. Split: International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages Publ., 2012, pp. 223–236.
- Fisković I. *Adriobizantski sloj zidnog slikarstva u južnoj Hrvatskoj*. Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža. Zagreb: Exegi Momentum Publ., 1996, pp. 371–387.
- Fisković I. Un contributo al riconoscimento degli affreschi "Adriobizantini" sulla sponda croata meridionale. *Hortus Artium Medievalium*, 1998, vol. 4, no 4, pp. 71–83.
- Fisković I. O freskama 11. i 12. stoljeća u Dubrovniku i okolicu. *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*, 2009, vol. 33, no. 33, pp. 17–36.

- Fisković I. Zapažanja o srednjovjekovnim freskama u Dubrovniku i okolini. *Časopis za književnost i znanost*, 2010, vol. 21, pp. 163–200.
- Jurković M. Problem kontinuiteta između antike i romanike u umjetnosti istočnog Jadran-a. *Journal of the Institute of History of Art*, 1988–1989, vol. 12–13, pp. 41–48.
- Jurković M. "Spomenici nepotpune biografije". Skice za teorijska promišljanja ranosrednjovjekovne umjetnosti, *Munuscula in honorem Željko Rapanić*, ed. M. Jurković. Zagreb, Motovun, Split: International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages Publ., 2012, pp. 259–271.
- Jurković M. Les voies Adriatiques: transferts des formes, fonctions et idées en Dalmatie au XIème siècle. *Les cahiers de saint Michel de Cuxa*, 2017, vol. XLVIII, pp. 57–70.
- Karaman Lj. Notes sur l'art byzantin et les Slaves catholiques de Dalmatie. *L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky*, 1932, vol. 2, pp. 332–380.
- Karaman Lj. O putovima bizantskih crta u umjetnosti istočnog Jadrana. *Starohrvatska prosvjeta*, 1958, vol. 3, pp. 61–76.
- Marin E. L'«Adriobyzantinisme» à reconsidérer. «Ars auro gemmisque prior». *Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet*, eds. C. Blondeau, B. Boissavit-Camus, V. Boucherat, P. Volti. Turnhout: Brepols Publishers Publ., 2013, pp. 105–110.
- Maraković N, Turković T. Liturgical Vestments in the Eleventh and Twelfth Century Mu-ral Paintings of Dubrovnik and Elaphiti Is-lands — a Contribution to the Study of "Adrio-Byzantinism" on the Eastern Adriatic. *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*, 2016, vol 40, no. 1, pp. 7–20.
- Marasović T. *Dalmatia Praeromanica. Rano-srednjovjekovno graditeljstvo u Dalmaciji (Dalmatia praeromanica. The Early Medieval Construction in Dalmatia)*, vol. 1. Split — Zagreb: Književni krug Publ., 2008 (in Croatian)
- Petrinec M. O pojedinim predmetima bizantske provenijencije na istočnoj obali Jadra-na. *Starohrvatska prosvjeta*, 2014, vol. 41, pp. 64–98.
- Prelog M. Između antike i romanike. Prilog analizi historijskog položaja "predromaničke" arhitekture u Dalmaciji. *Peristil*, 1954, vol. 1, pp. 5–14.
- Prelog M. "Međurazdoblje" (305. — 1105. g.) i biza-nčki faktor u umjetnosti istočne obale Jadrana. *Djela 2. Povijesno-umjetničke studije I. Između antike i romanike*, ed. R. Ivančević. Zagreb, 1993. P. 93.
- Radić F. Ulomak nadvratnika sa natpisom i ure-som hrvacko-bizantskoga sloga u Trogiru. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1892, vol. 14, pp. 16–17.
- Radić F. Slavensko-bizantski spomenici u Kor-čuli. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1890, vol. 12, pp. 81–82.
- Rapanić Ž. Ima li dvojbe oko termina "adriobi-zantizam"? *Zbornik Tomislava Marasovića*, eds. I. Babić, A. Milošević, Ž. Rapanić. Split, 2002, pp. 172–182.
- Terry A. The Sculpture at the Cathedral of Eufra-sius in Poreč. *Dumbarton Oaks Papers*, 1988, vol. 42, pp. 13–64.

АРХИТЕКТУРА ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Stefan Heid

WERE THERE “HOUSE CHURCHES”? THE CRUCIAL QUESTION ABOUT THE PLACES OF LITURGY BEFORE CONSTANTINE (1ST–3RD CENTURIES)

*Our picture of Christian community development in the first three centuries is still dominated by the idea of the so-called house churches. In this view, the first christian mission, especially in the cities, had been successful among wealthy citizens: they converted to the new faith and made their city residences available for Christian gatherings. As a result, it had come within the cities to a multiple, fragmented christianity with many house-centers. This extremely popular view is very weak. It has no basis in the New Testament. The entire patristic literature of the first three centuries knows no house churches. The same negative result comes from archaeology: The only verified “house church” of Dura Europos is simply a church-building (*domus ecclesiae*), not any more a private residence. Therefore, it is not surprising that in all the cities of antiquity, including Rome, until well into the fourth century, only one place of the Eucharistic celebration can ever be found. Historically, therefore, what Ignatius of Antioch establishes at the beginning of the 2nd century is to be taken seriously: the basic principle of ecclesiology is that in a city there is always only one bishop, one altar and one Eucharistic celebration.*

Keywords: early christianity, church buildings, church organisation

Штефан Хайд

СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ «ДОМАШНИЕ ЦЕРКВИ»? ВАЖНЕЙШИЙ ВОПРОС О МЕСТАХ ЛИТУРГИИ ДО КОНСТАНТИНА (I–III ВЕКА)

*В наших представлениях о развитии христианского общества на протяжении его первых трех веков по-прежнему доминирует идея о так называемых домашних церквях (дома собраний). С этой точки зрения первая христианская миссия, особенно в городах, имела успех среди богатых граждан: они обращались в новую веру и делали свои городские резиденции доступными для христианских собраний. В результате новая религия проникла в города многократно, фрагментированно рассредоточиваясь во многих домашних центрах. Это чрезвычайно популярное мнение совершенно неубедительно. Оно не имеет оснований в Новом Завете. Вся святоотеческая литература первых трех столетий не знает домашних церквей. К такому же отрицанию приводят данные археологии: единственная достоверная «домашняя церковь» (*domus ecclesiae*) в Дуре-Европос — результат просто церковного строительства, а не обустройства частной резиденции. Поэтому неудивительно, что во всех античных городах, в том числе в Риме, вплоть до четвертого века обнаруживается только одно место для евхаристической службы. Следует серьезно отнестись к утверждению Игната Антиохийского начала II в.: основной принцип экклесиологии состоит в том, что в городе присутствуют только один епископ, один престол и одна евхаристическая служба.*

Ключевые слова: раннее христианство, церковные постройки, церковная организация.

1. The Phantom of “House Churches”

Even up to today, our understanding of the development of the Christian community in the first three centuries is domi-

nated by the image of the so-called “house churches” (Heid 2016). According to this notion, the mission of the Apostles began especially in cities and was successful among prosperous citizens. These prosperous persons converted to the new faith

and placed their residences at the disposal for the meetings of the Christians. The head of the family (*paterfamilias*) thus became also the presider of the Liturgy (Meyer 1989: 79; Ebner 2012: 179–186). In this way, a plurality of communities is said to have developed in the cities with a decentralized construction of buildings. The “house churches” theory therefore assumes a pluralism in Christendom which developed from private circles. The notion of “house church” is also associated with domesticity, familiarity and privacy, as well as with the architectural images of a *domus romana*. It is important to note that the city residences had been established as Christian meeting places, above all, without having been architecturally altered for the sake of their additional religious use. In other words, the residences remained profane places. The Holy Eucharist was supposedly offered in the triclinium (a room containing a dining table with couches along three sides used in ancient Rome) or in a similar room of the *domus*. The “house church” theory also has significant consequences for the type and number of the pre-Constantinian places for religious worship. Moreover, it suggests rather a late beginning of distinct places for religious worship (Harnack 1924: 612; Süßenbach 1977: 108–117; de Blaauw 2008: 283f.). It was only toward the end of the 3rd or the beginning of the 4th century that sacred church buildings supposedly began to replace house churches.

This position is very weak. If the early house churches were not architecturally changed on account of their combined profane and sacred use, then it is in principle archeologically impossible to prove their existence. Thus, the representatives of the “house-church” theory liberate themselves of the ability to provide proof. Everything remains pure theory: proofs are missing. This poor result admittedly raises serious questions about a historical narra-

tive which is practically considered to be canonical and which can be found in numerous handbooks and encyclopedias of Church history and archeology. Nevertheless, it remains true: house churches are a classic phantom of science. The fundamental critics of Georg Schöllgen, and especially the strong position of Edward Adams have established that there is no serious proof of church houses at all (Schöllgen 1988; Adams 2013).

How can such an image of the earliest history of the Church, which, in the end, is indemonstrable and even false, have pervaded so strongly? The point of departure was and is the Acts of the Apostles of the New Testament, which suggests that the Christian mission began in “houses” in Jerusalem, in which the Holy Eucharist was offered at the same time as the evening meal (Acts 2:46) (Wieland 1906: 28–31). The text itself, however, in no way states that. Luke, the author of the Acts of the Apostles, seeks to communicate rather the ideal image of a community which gathers harmoniously “in one house” (*kat’oikon*), just as all meet in the Temple (Acts 2:46 and 5:42), even if such a meeting is unrealistic because there were thousands of newly converted Christians (Acts 2:41). This “one house” in Jerusalem could possibly refer to the Upper Room (Acts 1:13; 2:1), which could hold 120 persons (Acts 1:15). In any event, Luke proceeds from the assumption of one central see of the Apostles in Jerusalem. It is in this sense that he speaks of “the Church in Jerusalem” to which “all,” including the Apostles belonged (Acts 8:1), just as there was only the local community in the missions in the various cities of the Diaspora (Acts 13:1; 14:21–23; 14:27; 16:4f.; 18:22; 20:17). Ephesus, in which Paul meets “the elders of the [local] Church,” (Acts 20:17) is a notable parallel to Jerusalem. Paul recalls that he taught in Asia Minor “in public and from house to house” (*kat’oikous*) (Acts

20:20). The houses referred to are not at all meant in the sense of house churches, and there is no question of a plurality of houses in Ephesus. It is rather to be assumed that Paul is speaking about all the cities of Asia Minor he visited and that he preached in their local Church buildings. All told, it remains true that the Acts of the Apostles mentions "houses" (Acts 2:46; 12:12; 16:15; 20:7–12), but it is uncertain whether it refers to private residences and whether the Eucharist was truly offered there. The referred to "breaking of bread" (in the houses) is not in the least as clear a reference to the Eucharist as is often supposed.

The "houses" mentioned in the Acts of the Apostles must be distinguished from the "house churches" in the Pauline Epistles. Here the outcome is just as negative. The concept of "house church" occurs neither in Paul nor in any other book of the New Testament. The absence of the term means that the referent does not exist: there are no house churches in the New Testament! The term "house church" (Hauskirche, chiesa domestica, etc.), which sounds so scientific, is only a technical academic term of recent times. In addition, the term is a most free translation of the formula repeatedly used by Paul: *he kat'oíkon ekklesía* (Rom 16:5; 1 Cor 16:19; Col 4:15; Philem 2). Instead of "house church" others translate the Pauline formula, "the church in the house." Both variants, however, mistakenly assume that Paul always uses the word *ekklesía* to refer to the Christian community. One thing is certain: when Paul speaks of *ekklesía* in the sense of community/Church, he refers to the entire Christian community in a city (Rom 16:1; 1 Cor 1:2; 10:32; 16:1, 19; Phil 1:1; 1 Thess 1:1). It would be very strange if he were to refer also to subgroups within a city as "community/Church." From a philological point of view, there is no need for such use of the term, because in profane parlance *ekklesía*

simply means "gathering." The neutral and obvious translation of the Pauline house church formula is thus: "house assembly" or "house community." *Ekklesía* here refers to the members of a private house. It is not even clear whether all these members are Christian. For this reason, it is not surprising that Paul never associates the *ekklesía kat'oíkon* with the celebration of the Holy Eucharist (Schöllgen 1988: 79). There is no mention of autonomous community centers, each with its own Eucharistic celebration.

Not only do we fail to find evidence of "house churches" in the New Testament, but we also fail to find mention of them among the pre-Constantine ecclesial writers. Perhaps Origen († around 254)¹, but certainly Eusebius of Caesarea († 339) speak of *oíkos ekklesías / domus ecclesiae* as a religious building, but that is not a "house church" in the sense discussed above, but simply a "church house" or "church building"². It is certainly not the case that there continues in this word-use a more ancient way of speaking or even a remembrance of factual "house churches" of Apostolic times. Neither Origen nor Eusebius, despite their vast biblical and historical knowledge, know of anything like "house churches". Even though it is only a matter of the transposition of two words, there is a great difference between "house church" and "church house"! No "house churches" ever existed, and it is not even possible to prove a historical evolution from "house churches" to the later church houses. Eusebius writes of believers in ore mines of Palestine who transformed "houses" (*oíkoi*) into "church" (*ekklesíai*)³, but such expressions in no way refer to the supposed "house churches" of the New Testament. In addition, the "house" terminology used from Paul

¹ Orig. in Ex. hom. 2,2.

² Euseb. hist. eccl. 7,30,19; 8,13,13; 9,9,11.

³ Euseb. mart. Palaest. 13,1.

to Eusebius in no way permits us to draw conclusions about architecture. "House" is no way restricted to the typical design of a private Roman residence in the city (*domus romana*) because the frequently used word *oikos / domus* means only "building."

Archeology does not provide any proof for the community structure based on many individual "house churches" (Cantino Wataghin 2014; Sessa 2009). There is no proof of a number of private houses within a city which were used in both a profane and sacred manner, nor is their proof of a number of private houses used exclusively for sacred ends. There is an example of the second category, namely the Christian building complex of *Dura Europos* on the Euphrates (between the years of 232/33 and 256/57). It is the sole archeologically clear case of a "house church" in the sense of a *domus romana* which was converted for sacred use. Even here, however, it is not a case of a "house church" in the usual sense, since a Christian use is only evident after the house was renovated to serve exclusively as a church building, having no longer any private or official residential function. It is also the only Christian church in the city, namely the episcopal church, as the baptistry indicates. Thus, all Christians of the approximately 6,000–8,000 inhabitants of *Dura Europos* gathered there for worship. The large hall could accommodate about 65–100 people.

In no city is there indication of multiple "house churches." Nevertheless, Edward Adams assumes that there are several places of worship in each city, even if he does not maintain that they must have the shape and social structure of a Roman house (Adams 2013: 137–156). In a similar manner, Georg Schöllgen asks why one cannot assume that the growing metropolitan communities soon rented, bought or received larger rooms (Schöllgen 1988: 80). In such suppositions, the idea of plu-

rality is retained from the "house church" theory: urban Christianity remains divided into several Eucharistic communities. On closer inspection, however, such a position is untenable. For it is to be noted that all the texts of the first three centuries which mention the gathering places of the Christians speak of but one Eucharistic place of worship in a city. When they mention several places of worship, it is always the case that they refer to a province or the universal church. This fact, which will be applied to individual church regions in what follows, seems to have been largely overlooked. Many were so caught up in the "house church" theory that they read all the texts with the preconception of a plurality of meeting places.

If there were no "house church" and, consequently, there was no plurality of churches in cities, how is one to conceive the mission and development of the Church from Apostolic times through Constantian times? Everything points to one general principle: the principle of the unity of the local Church, which means that ideally all the Christians of a given city met at only altar with the presbyterate and the bishop to celebrate the Eucharist. This ecclesial principle is not a modern construct; it was expressly formulated by Ignatius of Antioch (at the beginning of the 2nd century). According to him there is in a given city only one bishop, one presbyterate and one altar for the (Sunday) Eucharist.⁴ We must take Ignatius seriously because the historic facts confirm what he states. Up to the 4th century, each city had but one large hall (within a larger building complex) for the celebration of the Eucharist. At the latest since the 2nd century, such a hall served exclusively as a sacred space and was furnished with an altar (Heid 2017). In princi-

⁴ Ign. ad Philad. 4; ad Trall. 7,1–2; ad Magn. 7,1–2.

ple, each episcopal see had but one altar. It is only after the Constantinian times that this principle became obsolete.

One objection against the principle of unity which arises immediately is that it is unrealistic to maintain that, even into the 3rd or 4th century, Christians of a given city could gather in one single place of worship. Are the basic presuppositions of such an evaluation correct? First, all data about inhabitants, about the percentage of Christians and the number of faithful who assisted at the Eucharist is highly speculative. From that point alone, it would be dubious to rule out that in the 3rd century a single place of worship would not be sufficient for all the Christians of a given city. For the sake of prudence in arriving at conclusions, we should also weigh the following considerations. If it is alleged that the church-goers of a given city did not fit into a single place of worship, how many (smaller) churches or even "house churches" should one expect to find, if they offer space for at best one or two dozen people? Why is it that there is not a single city of late antiquity in which we find at least two or three such sacred meeting places? When one finds anything at all, it is always only one church, and always that of the bishop. According to Eusebius, such churches could hold many hundreds and possibly up to a thousand persons.⁵ Why should such a church not suffice for the Sunday Eucharist? Everything also depends on the estimated number of church-goers in a given city. According to a thesis of Ramsay MacMullen, only a small number of Christians participated in the episcopal Eucharist, maybe only 5% (*MacMullen 2009: 111–114*). In a city of 5,000 inhabitants, in the 2nd century perhaps 10% of them were Christians, that is, 500 people. That means that only 25 people would have come to the Holy Mass!

The central presupposition for the principle of unity is the expansion of Christendom in the context of the urban culture of late antiquity. The city is the narrow and all determining social context of the early Christian mission. Christendom was organized in the city and can therefore be understood as a territorially circumscribed administrative unit. The social unity of a city forms, at the same time, the ecclesial matrix of the Christian community. There was nothing more obvious than to regard the Christians of a city as a single Christian community, with a single altar for the celebration of the Eucharist. It is the case that the city wall unites the Christians, and their corporate unity in the city is established by the bishop. Until the middle of the 3rd century, at latest, every small city with Christian inhabitants in most of the provinces of the Roman Empire had their own bishop. Monepiscopacy existed since the 2nd century: it was already the case in Antioch around 100; in Asia Minor in the first half of the 2nd century; in Rome and in other cities only in the second half of the 2nd century. The just-mentioned time periods do not mean that, before that time, Christianity in the cities had first fallen into autonomous and independent units. It is not only a monepiscopacy that led to the formation of a strictly defined local Church. On the contrary, in the time before the monoepiscopate, it is to be assumed that the priests formed the governing body of a local Church (cf. *Acts 14:23*, *Titus 1:5*). There is every indication that the priests acted as a united body, responsible for the entire city and ensuring an effective (juridical and liturgical) unity of urban Christianity. In any case, the presbyterian constitution by no means implies a plurality of places of worship, as if every priest were the head of a "house church."

The most important consequence of the principle of the unity of the Church is the sin-

⁵ Euseb. hist. eccl. 8,1,5.

gle place of Eucharistic worship: one city — one altar. The unity of the urban Christians, the limitation to one place and one altar are important means for assuring the authority of the presbyteral college and the bishop. The priests and bishop did not exercise their pastoral care through an ever-expanding number of churches; rather, they sought to retain one Christian community at one altar, no matter how large the church became. The monepiscopacy is defined topographically. In one city there is but one bishop whose ecclesial jurisdiction extends to the entire city. It is interesting that the size of the city was irrelevant: even in very large cities such as Rome or Alexandria there were not additional bishops. If such a rule of unity applied to bishops, why would it be otherwise with altars? Would one not necessarily expect that, no matter how large a city is, there be but one altar for the episcopal Eucharist?

Before the principle of unity is proven according to topographical and chronological sources in the next section, two fundamental exceptions to the principle must be addressed. These exceptions are a negative impression, as it were, which confirms the validity of the principle. First, there is the evident case of a plurality of churches in certain cities which suffered from a schism. The inverse of the principle of unity is the splitting off into schismatic groups. Historically, the Novatians and Donatists were the first groups to build a counter-hierarchy with its own altar in each city. Such breaks do not take place because the worshiping community would have become too large and there would be the right, so to speak, to begin a separate parish church, but they take place because groups rejected the local bishop and chose their own bishop. Significantly, they also build only a single altar, so there were at most two churches in a city. Referring to such cases, Bishop Cyprian of Carthage simply states that heretics

have neither a church nor an altar. Heretics do have them, of course, but he denies sacerdotality to illegitimate altars: they are just tables to him, and the schismatic's churches do not deserve the name "church".

The second exception is the cemetery churches. Since around the year 200, the bishops exercised ecclesiastical jurisdiction not only over the city, but also over the suburbs (*suburbium*), insofar as ecclesiastical cemeteries were located there. According to Roman law, the "city of the living" (inner city) was separated from the "city of the dead" (necropolis) by the city wall, but both areas belonged together. The single church principle only applies to the city itself, not to the suburbium. While in the city there was only the episcopal church, many cities had cemeteries which were several kilometers away (e.g. Rome, Carthage, Milan, Sirmium, etc.). Since the 3rd century, at the latest since the time of Constantine, such areas had their own churches, primarily because the graves of the martyrs were there. This exception confirms that the city wall constituted an ecclesial principle. Probably since the 3rd century, the Eucharist was also celebrated in the cemeteries, primarily, if not exclusively, at the feasts of the martyrs buried there (of the Decian, Valerian or Diocletian persecution).

2. The Unity of the Community in the City

In what follows, we will examine in topographical order all available textual sources from the 1st to the 4th century which speak of the Christian places of worship in single cities or regions and which texts, until now, have been understood in research as if they naturally assume a plurality of places of worship within a single city. The above-outlined validity of the principle of unity can be shown to apply with good probability in nearly every case, and some

particular cases can be explained by local circumstances.

For *Asia Minor*, we have the witness of the writings of the visionary John and the letters of Paul. John (at the end of the 1st century?) assumes that there is but one "(local) Church" (*ekklesia*) in Ephesus, Smyrna, Pergamon, Thyatira, Sardes, Philadelphia and Laodicea (Rev 1:4; 2:1; 8:12; 18:3; 1:7; 14). Nothing points to there being more than one community in one of the seven cities to which John addresses his letters. These letters were read in the local Church in question for the local Christians (Rev 1:3; 1:4; 2:7, 11, 17; 29:3:6. 13.22). The obvious assumption is that there is only one place of worship and that John addresses that audience.

Paul follows the same ecclesiology, according to which each city has but one "(local) Church". In his letters, he never addresses a part of the community, but always the entire community of the city (Rom 16:1; 1 Cor 1:2; 10:32; 16:1,19; Col 4:16; Phil 1:1; 1 Thess 1:1)⁶. His description of the Lord's Supper in Corinth is significant. At Corinth, "the whole church assembly" (1 Cor 14:23), that is, the "Church of God which is in Corinth" (1 Cor 1:2), meets "in the same place" (*epi tō autó*) (1 Cor 11:20; 14:23) "in the church assembly" (*en ekklesia*) (1 Cor 11:18, 22; see Acts 11:26), expressly not in private dwellings (1 Cor 11:22 34: *oikía, oíkos*). Each one rather leaves his private residence to participate in the liturgical assembly. Apparently, there are not six or more "house churches" in Corinth, as has been speculated, but only this one gathering of the entire township. Six further observations support this interpretation. (1) The letter is dated around the year 55. It is more likely that in the first 20 years of Christianity a central Christian community developed than that there were a multitude

of small, uncoordinated house churches. (2) The long list of Christian charisms in Corinth (1 Cor 12:28–31) presupposes a large congregation that is believed to comprise 100–200 people. (3) Paul expressly says that the charisms, such as prophesy and speaking in tongues, disturb the "gathering of the entire church in one place" (1 Cor 14:23). (4) Moreover, the tensions in the Church between different groups ("I belong to Paul — I to Apollos — I to Cephas" [1 Cor 1:12]) are by no means the tensions between house churches. If it were, one would simply have avoided the other! Rather, the tensions persist and are painfully perceived because all people come together in the same Liturgy. Paul says clearly, "when you assemble as a church, I hear that there are divisions among you" (1 Cor 11:18). (5) Moreover, Paul would not have written such a detailed and fundamental treatise as First Corinthians to a tiny "house church." In it he authoritatively sets the order of the already large and proud church in Corinth as an apostolic foundation. (6) The letter is not a mere admonition of fractious and ultimately autonomous "house churches"; otherwise, Paul would have had to add, at the very least: "Please show this letter to all the other house churches!" (1 Thess 5:27; Col 4:16).

The First Letter of Clement, sent from Rome to Corinth (around the year 96 or around 64–70), also assumes that all the faithful of a given city, be it Rome or Corinth, form the one community of the local Church, which is thus defined topographically. The unity of the Church in a city is realized in the Liturgy. For that reason, "conscientiously gathering together in harmony in the same place (*epi tō autó*)," they sing to Him as with one mouth⁷. The Letter thus adopts a formula used by Paul, who referred to the meeting of worshipers

⁶ (Schöllgen 1988: 79).

⁷ 1 Clem. 34,7.

at Corinth "in the same place" (1 Cor 11:20; 14:23). Thus, around the year 100, there is only one place of worship in a given city. It is well known that the Letter of Clement presupposes a prebyteral constitution, since a monepiscopacy did not yet seem to exist. The presbyteral constitution does not mean that each priest had his own "house church" in a district of Corinth. It is rather the case that the priests form a college which offers the Holy Mass in common. In the building referred to in the letter, there are apparently permanent seats for the clergy. The Letter of Clement speaks of an "established place" for the priest-bishops from which they could not be expelled⁸. This seat was probably an elevated seat in the church building. The letter does not mention seats in the plural, but only one seat for the clergy. The priests in Corinth offer the Holy Mass together in a single meeting place of the municipality.

Bishop Ignatius of Antioch, at the beginning of the 2nd century, is even clearer. According to him, in the cities of Asia Minor, to which he directs his letters (Ephesus, Magnesia, Tralles, Smyrna), and also in his Syrian home of Antioch and in Rome there is but one ecclesial community⁹, one Holy Mass with one Bishop celebrant, one "temple of God," and one altar. It is important that the entire presbyterate belongs at the Holy Mass of the bishop¹⁰. When Ignatius has occasion to call for unity, he never addressed priests who could have been directing independent "house churches" and who had to be placed under episcopal authority. Ignatius rather addressed the faithful who are in danger of succumbing to external influences. He tells the common as-

sembly (*epi tò autó*)¹¹, that they should do everything in common with the bishop and with the presbyterate¹², rather than meeting privately. The faithful are reprimanded for absenting themselves from the episcopal Liturgy. If the faithful had assisted at a priest's Holy Mass instead of the bishop's, Ignatius undoubtedly would have reprimanded such action explicitly. Ignatius does refer to a Eucharistic celebration offered by a priest one time, but it is clear that the priest did not have standing authority to offer the Holy Mass, but that it was an emergency measure in the case of the absence of the bishop. The permission of the bishop is needed for a priest to offer "the Eucharist of the faithful," at which the bishop normally presides. Nothing that happens in "the church gathering" (*eis tèn ekklésian*, singular!) may be done without the bishop or without his permission. The faithful must gather wherever the bishop is (or, in exceptional cases, his representative)¹³. Ignatius even wanted to let the participants of the (Eucharistic) assemblies be checked by name: everyone should come, without exception¹⁴. Such a demand makes sense only if there is but one place of worship and there is no opportunity to choose this or that "house church." There is not even the slightest need for presbyteral "house churches," because even the *agape* meal may be celebrated only in the presence of the bishop¹⁵. Ignatius is the Church Father who makes the ecclesial principle of unity appear to be a genuine ecclesiastical norm. Thus, in the expansive regions from Antioch to Italy, there was only one episcopal altar per city.

Around the year 235, an earthquake is the occasion for a persecution of Christians

⁸ 1 Clem. 44,4f.

⁹ Ign. ad Eph. prooem.; ad Magn. prooem.; ad Trall. prooem.; ad Rom. prooem.; ad Polyc. 7,1; Polyc. ad Phil. prooem.

¹⁰ Ign. ad Eph. 2,2; ad Magn. 6,1f.; ad Trall. 2,2; 13,2; ad Smyrn. 8,1.

¹¹ Ign. ad Eph. 5,3.

¹² Ign. ad Magn. 7,1; ad Trall. 7,2; ad Philad. 7,1.

¹³ Ign. ad Smyrn. 8,1.

¹⁴ Ign. ad Eph. 20,2; ad Polyc. 4,2.

¹⁵ Ign. ad Smyrn. 8,2.

in some places of Cappadocia and Pontus. The Christians' "churches" are sought and burnt¹⁶. Precisely the use of the double meaning of the word "church" in the sense of local Church that was persecuted and its building which was set on fire reveals that each city had only one church. This corresponds to a statement of Bishop Firmilian of Caesarea in Cappadocia, who wrote to Bishop Cyprian of Carthage, in the year 256, that there can be no forgiveness in the meetings of those who are re-baptized, but there is only forgiveness in the episcopal churches. But the heretics, in opposition to the one Catholic Church of the bishops, admit men to the priesthood¹⁷ and establish "unholy altars"¹⁸. Firmilian opposed Pope Stephen in his recognition of the validity of the baptism of heretics which would necessarily lead the Pope to build many churches (with baptistries) in Rome¹⁹. This does not necessarily describe the real situation in Rome, which Firmilian hardly knew, but he only drew the necessary conclusion of the fatal consequences of Roman dogmatics. In Firmilian's judgement, the acknowledgment of the validity of heretical baptism destroys what applies in Cappadocia and what should also apply to Rome: the principle of ecclesial unity with only "one Catholic church" and one altar in each episcopal city.

During the period of the Diocletian persecution (303–305) Lactantius attests to one single (episcopal) church in Nicomedia (Bithynia)²⁰ and in Heraklea (Thrace)²¹.

¹⁶ Orig. comm. ser. in Matth. 39: *in locis quibusdam [...] persecutio[n]es passae sunt ecclesiae et incensae sunt.*

¹⁷ Cypr. [Firmilian.] ep. 75,16.

¹⁸ Cypr. [Firmilian.] ep. 75,16: *altaria profana.*

¹⁹ Cypr. [Firmilian.] ep. 75,17: *multas alias petras inducat et ecclesiarum multarum nova aedificia constituant, dum esse illic baptisma sua auctoritate defendit.*

²⁰ Lact. mort. pers. 12,2f.; instit. 5,2,2.

²¹ Passio Philippi 3f.

When the senator Eugenius was Bishop of Laodikeia (Phrygia), around 315–340, he re-built "the whole church again from its foundation" (Calder 1920). There was apparently only this one church in the city. It is the episcopal church whose predecessor was probably destroyed during the Diocletian persecution.

In a sermon in honor of the Martyr Gordius, Basil of Caesarea mentions of the destruction of the Christian "prayer houses" and "altars" of Caesarea²². Some have wished to conclude from these terms that there were multiple churches in Caesarea. Such a conclusion does not follow necessarily, because Basil preached in the suburban Church of Gordius, and he therefore included the martyr churches in his calculations. Thus, even at Basil's time, there may have been a single altar within the city itself. At the time of the Emperor Julian the Apostate (361–363), martyr churches with altars were built near the Temple of Apollo in Didyma in a suburb of Milet²³. These churches are also obviously outside the city.

Around the year 370, Gregory of Nazianzen († 390) delivered a sermon, clearly in the episcopal church of Iconium, for his deceased sister Gorgonia. He said that his sister, in her distress over her serious illness, had "pleaded before the altar" at night. She then placed her head on the altar and was healed²⁴. Given the nocturnal hour, some conclude that this prayer must have taken place in her private oratory. It may be the case that there were already private chapels in the late 4th century, but such private chapels do not affect the principle of ecclesial unity. Nevertheless, careful interpretation helps to better understand the place at which she prayed. Again, everything suggests that there was

²² Basil. Caes. hom. 18,2.

²³ Sozom. hist. eccl. 5,20,7.

²⁴ Greg. Naz. or. 8,18.

only the episcopal church in Iconium. In a private chapel, Gorgonia could have placed her head on the altar at any time of the day, so why she should do so at night? In addition, it seems that the community was praying for her health publicly, that is, in a church²⁵. What set Gorgonia apart is that she, unlike the community, visited the same church at night to pray alone at the altar. As a person of public interest, she may have been permitted to enter the church even at night. In addition, Gregory mentions that Gorgonia offered gifts for the dedication of many “temples,” but especially for the church in which he was offering the sermon for her funeral²⁶. She surely gave offerings for this church because she had been healed there. Thus, everything suggests that “the altar” of her healing was in the only church in Iconium, the episcopal church in which her brother preached. Even in the Cilician Sebaste, there was but one church and one altar in the year 375²⁷.

Even in Constantinople, there was solely the episcopal church *Hagia Eirene*, which probably dated from a pre-Constantinian period and was subsequently renovated. Located in the residential vicinity and consecrated in the year 360, the *Hagia Sophia* is a palace church or co-cathedral. Built as a sepulcher church by Constantine, the Apostle church contains the graves of martyrs. Even though it is located within the city walls of Constantinople, it is close to the wall and far from the center of the city. The site was chosen for the church because it is the point of highest elevation in the city. Apparently, the church was consecrated only after Constantine’s death († 337) and on that occasion was furnished with a fixed altar. It is an altar donated by the Emperor with the restriction that, after his

death, it be used solely to offer Holy Masses for him²⁸. Eusebius’ explicit mention of the altar and its purpose could mean that he considers a permanently installed second altar—besides the cathedral altar—to be extraordinary. On the whole, this conclusion corresponds with Eusebius’ statement that Constantine enriched Constantinople with several oratories and large churches in honor of the martyrs, both in the suburbs and in the city itself²⁹. The Church of Saint Paul (named thus only at a later period) built in the beginning of the year 340 in an unknown location, was actually built by the followers of the Arian Macedonius. In that church, Macedonius was elected an anti-bishop. The church therefore had a cathedra and an altar and belonged to a schismatic community. It is not a coincidence that the church was later the burial place of the Orthodox Bishop Paulos and thus became their episcopal church³⁰. Gregory of Nazianzus, who was a kind of Catholic counter-bishop in Constantinople in 379–381, only had an emergency chapel in a private residence. The martyr’s Church of Acacius existed before 359, also far outside the city.

There are a number of testimonies for Syria and Palestine, although the location cannot always be determined with certainty. The Didaché (around the year 100) is based on a local or urban Christianity (in Syria)³¹, for which in each location there was apparently only one common Sunday Eucharist³². The Chronicle of Eddessa (from the 6th century), reports, on the basis of older documents, that, in the year 201, a great flood “destroyed the sanctuary of

²⁵ Euseb. vit. Const. 4,60,2.

²⁶ Euseb. vit. Const. 3,48,1.

²⁷ Socr. hist. eccl. 2,12,2; 5,9,2; Sozom. hist. eccl. 7,10,4.

²⁸ Did. 12,2–3.

²⁹ Did. 4,3; 4,14; 9,5; 14,1.

²⁵ Greg. Naz. or. 8,17.

²⁶ Greg. Naz. or. 8,11.

²⁷ Basil. Caes. ep. 244,7; 250f.

the Christian church"³³. It follows that there was only one church in Edessa. In any case, only from the year 379 are other churches mentioned in that city. The community of the so-called *Traditio Apostolica*, at the beginning of the 3rd century, which perhaps also was located in Syria, mentions only one church in the city. In this one church all the faithful, priests and deacons met for catechesis and there the bishop celebrated the Eucharist³⁴. The Syrian *Didaskalia* describes the conditions of a township in the middle of the 3rd century. There was only the one episcopal church. On the one hand, this "house" was so large that it offered ample space for laymen and numerous clerics, but, on the other hand, there was cramped space for the faithful to sit or stand when the Holy Mass was well attended³⁵.

As far as Syrian Antioch is concerned, Bishop Ignatius' statements are again pertinent for the 2nd century. Until the middle of the 3rd century, there is mention of but one "church," also called "church building" (*ho tés ekklesías oikos*), in Antioch. Until the imperial decision of 270, the Bishops Domnus and Paul of Samosata disputed about this church³⁶. It may be the case that a text of the Pseudo-Clement also belongs to the same time period. This text speaks of a certain Theopilus who transformed his own villa in the city of Antioch into a very large basilica, which is called a "church." In this church, a cathedra was erected for Peter, so that the people could meet there daily³⁷. Thus, there was but one single church in Antioch in which there was room for all the Christians of the city, even though this

church was originally a private villa. This legend probably concerned what was then the episcopal church of the city. In fact, the so-called Old Church of Antioch is said to have dated from Apostolic times. It was destroyed during the Diocletian persecution and was rebuilt after 313. It was evidently the episcopal church. Constantine replaced it with a larger church which had the same episcopal function.

In Palestinian Caesarea, there seems to be only the episcopal church in the middle of the 3rd century³⁸. In Tyre, too, evidently there was only the altar of the episcopal church³⁹. In any case, the new cathedral church, consecrated in 315, was built over the ruined earlier building. Cyril of Jerusalem's catechesis to catechumens in the year 348 is important. He instructs them, when they visit other cities, to ask not for "the mansion" (*tò kyriakón*) or "the church" (*he ekklēsía*), since the heretics also refer to their buildings using those terms, but to ask for "the Catholic church"⁴⁰. He suggests that each city has only one church building for the Catholic Church, even if there may be other "churches" of other Christian groups. Cyril's own episcopal church is the complex of the Holy Sepulcher donated by Constantine. Another statement by Cyril, however, has given the impression that there was another Catholic church in Jerusalem at the time. He says that "here in Jerusalem" there is the "upper church" where the Holy Spirit descended upon the Apostles⁴¹. One could understand the term "upper church" as a designation in the sense of "the higher church." Accordingly, there would be two churches in Jerusalem: the episcopal church in the city center, the "lower" one, and one on Mount Sion, the "upper" one. If a later statement of Epiphanius († 403) is to be trusted, there was only

³³ Chron. Edess.: *in templum* (h.e. partem ecclesiae ubi populus locum habebat) *aedis sacrae Christianorum*.

³⁴ Trad. Apost. 8; 39; 41.

³⁵ Didasc. Syr. 12.

³⁶ Euseb. hist. eccl. 7,30,10; 7,30,19.

³⁷ Ps.-Clem. recogn. 10,71,2f.

³⁸ Euseb. hist. eccl. 7,15,1-5.

³⁹ Euseb. hist. eccl. 10,4,68.

⁴⁰ Cyrill. Hier. cat. 18,26.

⁴¹ Cyrill. Hier. cat. 16,4.

a small church on Mount Sion, possibly only on the upper floor of a building⁴². If that were the case, it would be strange for Cyril, in view of his own large episcopal church, to call such a little chapel “the upper church.” In addition to the word *kyriakón*, Cyril also uses *ekklesia* to designate the church building. But *ekklesia* also means, as he explains in detail, “assembly”⁴³. He must have had this sense in mind in the case of the alleged church on Mount Sion, because, according to the Acts of the Apostles, the permanent gathering place for the Apostles after the Ascension was an “upper room” in Jerusalem (Acts 1:13f.). Indeed, Cyril speaks of “the upper assembly place (*ekklesia*) of the Apostles.” If one were to translate *ekklesia* with “church” in this case, it would be the “Church of the Apostles”. However, no church in Jerusalem ever had that title. “Upper” refers to the Upper Room, where the Apostles regularly gathered (Acts 1:13). Only later was the Upper Room made into a small church, as Egeria observes (381–384). Around 350, however, Jerusalem, like all the other cities in Palestine, had one single Catholic church.

A meaningful image emerges in *Northern Africa* already for the 2nd/3rd century. Here, too, historical researchers like to play with the cliché of private houses or “house churches,” in which the ecclesial communal life is said to have taken place. It is claimed that Tertullian of Carthage († after 220) is said to have known the Eucharist only as an evening communal meal (*Agape* meal). Such a personal event must naturally have been divided among numerous *Agape* meals in private homes. The textual sources, however, do not permit us to make such an assumption. Tertullian makes a clear distinction between two types of Christian events, namely, first, the evening *Agape* meals⁴⁴,

which obviously took place only in a smaller circle (it is not clear who organized them); secondly, the Eucharist (*eucharistiae sacramentum*), which could take place either in the evening or in the morning⁴⁵, and which was celebrated by the entire ecclesial community (*ecclesia*)⁴⁶. This description corresponds to a practice that was already observed in Asia Minor at the beginning of the 2nd century⁴⁷. Tertullian does not state where the *Agape* meals are held and whether they possibly take place at different locations. The “church assemblies” (*ecclesiae*), however, take place in the “house of God” (*domus Dei*)⁴⁸. In the church, the assembly meets under the guidance of the presider (*antistes*), and there is also a baptistry⁴⁹. There was clearly only one location for worship, even when the ecclesial community increases. Tertullian, at whose time the number of Christians in Carthage is estimated to have been several thousand (about 100,000 inhabitants), mentions the concern of some Christians that the Gentiles could easily attack them, because they gather at the same time and in large numbers “to the church meeting”⁵⁰. Tertullian’s assertion supports one central Catholic Holy Mass.

Even half a century later, Bishop Cyprian of Carthage († 258) assumed that the entire local community meets in one location for Holy Mass⁵¹. The priests participate in the Holy Mass offered by the bishop. It is noteworthy that Cyprian mentions that

⁴⁵ Tert. cor. 3,3: *Eucharistiae sacramentum [...] etiam antelucanis coetibus.*

⁴⁶ Tert. cor. 3,3.

⁴⁷ Plin. ep. 10,96,7.

⁴⁸ Tert. ux. 2,8,3: *Sordent talibus ecclesiae: difficile in domo dei dives. Idol. 7,1: in ecclesiam venire, de adversaria officina in domum dei venire.*

⁴⁹ Tert. cor. 3,2.

⁵⁰ Tert. fug. 3,2: *simul convenimus et complures concirrimus in ecclesiam.*

⁵¹ Cypr. or. dom. 4: *in unum cum fratribus convenimus et sacrificia divina cum Dei sacerdote celebramus.*

⁴² Epiph. mens. et pond. 14

⁴³ Cyrill. Hier. cat. 18,22–26.

⁴⁴ Tert. ux. 2,4,2: *convivium dominicum. Apol. 39,16f. and spect. 13: cena Dei.*

the new priests are to "serve the altar and the sacrifice"⁵². Such a service can only refer to the bishop's altar. It is true that there are multiple references to priests who offer the Eucharist without the bishop, but clearly they did so only in cases of emergency, such as in case of a prison⁵³. During the persecution of Valerian, gatherings were prohibited, so that no Holy Masses could take place, even in prison. There is never mention of churches which are administered independently by the priests. Cyprian speaks of but one church building in his episcopal city and in the cities of his area. All candidates for baptism come to the one church building. This is the episcopal church with the baptistry. Those who are baptized outside this one church need to be baptized anew⁵⁴. One could maintain that, even though Cyprian mentioned but one church with a baptistry, there could be additional churches without a baptistry. Another statement of his makes clear that there are no additional churches. In addition to the baptisms "outside the church" Cyprian complains of sacrilegious sacrificial ceremonies "outside (the church)". He emphasizes that there is only one altar on which sacrifice may be offered⁵⁵. Therefore, there is only one church in each city, namely, the episcopal church. In a letter to his congregation in Carthage, he also states clearly and succinctly that there is only one church, only one cathedra and only one altar⁵⁶. Cyprian was defending a traditional ecclesial principle,

⁵² Cypr. ep. 1,1.

⁵³ Cypr. ep. 5,2.

⁵⁴ Cypr. ep. 72,1: *eos qui sunt foris extra ecclesiam tincti [...], quando ad nos adque ad ecclesiam quae est una venerint, baptizari oportere.*

⁵⁵ Cypr. ep. 72,2: *contra altare unum adque divinum sacrificia foris falsa ac sacrilega offerre.*

⁵⁶ Cypr. ep. 43,5: *Deus unus est et Christus unus et una ecclesia et cathedra una [...]. aliud altare constitui aut sacerdotium novum fieri praeter unum altare et unum sacerdotium non potest.* Ep. 66,5: *sit*

which is also relevant with respect to schismatic movements. The schismatic priest and anti-bishop Novatian erected a separate altar (*altare conlocare*) contrary to ecclesiastical norms⁵⁷. According to Cyprian, however, there may be only one altar, the construction of which belongs to the bishop alone. It is not known whether Cyprian had authorized a second altar in Carthage. Since he asked rhetorically whether he had to withdraw from his altar and his cathedra⁵⁸, after Novatian had erected his altar and cathedral in Carthage, then it is obvious that he had but one cathedra and one altar. His remarks that not all the brothers could participate in the episcopal dinner, which was a quasi-ritual meal with mixed wine, is also instructive. For this reason, they celebrated the Eucharist in the morning⁵⁹. From this, one must conclude that the dinner (the *agape* meal) took place in a large dining room in the episcopal house. Here space was limited, especially when the participants at the *agape* meal reclined at table. For the Eucharist, in which ideally the "whole brotherhood" is present, a larger space was needed, namely, the episcopal church. In addition, it is difficult to offer the Holy Mass directly after a dinner at which wine is taken. The communal Mass is therefore displaced to the morning hours. This confirms Tertullian's statements. What is new is only that by Cyprian's time there were also heretical houses of worship (with altars/cathedras), which Cyprian does not recognize as places of worship⁶⁰. Around 303, the *Basilica Novarum* already existed in Carthage. This church lies outside the city proper, however, at the "new cemeteries" (*novae areae*) (Saxer 1980: 186). Optat

antistes et rector altari eorum pariter et plebi restitutus.

⁵⁷ Cypr. ep. 73,2.

⁵⁸ Cypr. ep. 73,2.

⁵⁹ Cypr. ep. 63,16.

⁶⁰ Cypr. ep. 68,2; 69,8; 73,2.

of Mileve, who wrote about the episcopal consecration of Caecilianus in 312/13 a long time after the event, seems to be aware of only one church in Carthage, the episcopal church, which he calls *basilica* and *ecclesia*⁶¹.

Two consular and administrative documents from the period around 315–320 which deal with the Donatist dispute, mention the church buildings in the North African episcopal cities of Cirta and Abthugni⁶². They refer to the conditions during the Diocletian persecution (303). Researchers like to mention these texts in support of "house churches", because they mention the *domus* in Cirta, and to compare it to the church complex of Dura Europos. It could be the case that Cirta and Abthugni had extended buildings with an integrated or independent church space. What is important is that in Cirta and also in Abthugne there was but one church (*basilica, ecclesia*), namely the episcopal church⁶³. The case is certain for Cirta, because the Donatists had successfully occupied the "Basilica of the Catholic Church," so that there was no other choice for Constantine but to finance the Catholic's own "basilica" in the year 330. Furthermore, the destruction of the "basilicas" in the episcopal cities of Furnos and Zama is reported⁶⁴. These "basilicas" were surely the episcopal churches. In any case, there is no mention of decentralized parish buildings or "house churches".

⁶¹ Opt. Mil. 1,19,2f.

⁶² The Acts of Cirta/Gesta apud Zenoph. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum 26, 185–197) were written around 310; those of Abthugni/Acta purgat. Felic. (ibid. 197–204) around 315.

⁶³ Gesta apud Zenoph.: *semper civitas nostra unam ecclesiam habet*. Ibid. (193): *in basilica. Acta purgat. Felic.* (ibid. 199): *mittunt in domo episcopi Felicis [...]. sic Galatius nobiscum perrexit ad locum, ubi orationes celebrare consueti fuerant. inde cathedralm tulimus.*

⁶⁴ Acta purgat. Felic.

The Synod of Elvira took place in *Spain*, at the beginning of the 4th century, and was attended by numerous bishops and priests of the peninsula. The Synod makes mention several times of *ecclesia* in the singular in the sense of church buildings⁶⁵. The singular indicates that there is only the episcopal church (*ecclesia catholica*⁶⁶) with the *cathedra*⁶⁷ and the baptismal font⁶⁸ in each respective city. In fact, Canon 21 speaks of the city church, whose clerics supervise the regular church attendance of the faithful and catechumens⁶⁹.

For the area of *Gaul* only Irenaeus of Lyon is to be mentioned. He speaks in the singular of the "altar" (in the "house of God") and refers this to the priestly ministry of the Disciples of Jesus, i.e., the Apostles⁷⁰. Elsewhere, he deals with the bishops appointed by the Apostles, with whom one must be in communion. The heretics, on the other hand, separate from them and "gather in whatever place." They carry foreign fire, i.e., foreign teachings, to the "altar of God"⁷¹. One might think that the deviants set up their own altars at their meeting places. But Irenaeus intends, rather, that they separated from their Mother the Church where there is the only true "altar of God," after they had tried in vain to spread their teachings there.

The persecution edict of the Emperor Diocletian in 303 called for the demolition of the "churches" (*ekklesíai*)⁷². The corresponding decree of Constantius Chlorus in the west called for the demolition of the *conventicula*⁷³. The word "conventicle" could

⁶⁵ Can. 29, 36, 38, 52, 52, 56.

⁶⁶ Can. 22.

⁶⁷ Can. 58.

⁶⁸ Can. 48.

⁶⁹ Can. 21; 45; 46.

⁷⁰ Iren. adv. haer. 4,8,3.

⁷¹ Iren. adv. haer. 4,26,2: *Et haeretici quidem alienum ignem afferentes ad altare Dei.*

⁷² Euseb. hist. eccl. 8,2,4.

⁷³ Lact. mort. pers. 15,7.

lead one to think of small "house churches." What is meant are the "meeting places" of Christians, which had long been called "churches." Nothing is mentioned about the type and size of the buildings. Galerius' Edict of Tolerance of 311 and 313 permit the re-establishment of the *conventicula* throughout the empire and speak of the *loca ad quae antea convenire consueverant*⁷⁴. None of these decrees implies a plurality of city churches, because the measures refer to the provinces as a whole and not only to the city churches, but also to the churches at cemeteries. Also, in Eusebius' sermon on the occasion of the consecration of the church in Tyre in 315, there is nothing to indicate that there are or have been other "churches" in addition to this episcopal church⁷⁵. On the contrary, the episcopal church had been destroyed during the persecution and was rebuilt at the same location so that all Christians in the city could gather again "in the same place" (*epi taútōn*)⁷⁶.

If ideally there was only one meeting place in each city, it is likely that these buildings would have had to be enlarged in the course of the third century, at the latest, when there was a long period of peace from 260 to 303. In fact, Eusebius of Caesarea, with a view to the eastern half of the empire in particular, says that thousands of people attended the services, that countless Christians gathered in every town, and that wonderful gatherings were celebrated in the houses of prayer. Since the old buildings were no longer sufficient because of the growing number of believers, new spacious churches were built in all cities from the ground up. Eusebius does not say that new churches were built in each city, so that the number of churches increased. In fact, it is hard to imagine that even in the 3rd century the cities were filled with churches. In

this case, several smaller churches would have been sufficient to remedy the lack of space. Eusebius, however, thinks of huge church rooms that could possibly hold a thousand people and replace the earlier buildings⁷⁷. This is also what Rufin sees in his translation of the church history of Eusebius (ca. 401), when he adds that the size of the churches was so vast that their dimension has reached those of cities⁷⁸. It is hardly conceivable that in one city several churches of such enormous size were built. Specifically, Rufin must have had in mind the episcopal twin church of his hometown of Aquileia. Thus, Eusebius will be understood in such a way that in a city there was and could only be the episcopal church in which there was room for all the Christians in the city.

The development of adapting the episcopal church to the growing cities continued during the Constantinian period, as is evident in the examples of Aquileia, Milan, Verona, Geneva and Trier, all of which have very large churches. In fact, Eusebius mentions Constantine's Decree of 324, which legislated that the existing churches in the eastern provinces should be renovated, enlarged or, if necessary, rebuilt⁷⁹. Accompanying letters must have been sent to all the bishops. There is no mention of increasing the number of churches, but it is to be assumed that the emperor had in mind the episcopal churches which were either damaged, were too small or were destroyed during the Diocletian persecution⁸⁰, and therefore had to be rebuilt. Constantine appears to take it for granted that the Christians of a given city gather around the bishop for the Holy Mass and that there is now a greater

⁷⁷ Euseb. hist. eccl. 8,1,5.

⁷⁸ Rufin. hist. eccl. 8,1,6: *cottidie orationum domus dilatarentur, ita ut amplitudo earum concludere instar urbium videretur.*

⁷⁹ Euseb. vit. Const. 2,45,1; 2,46,3.

⁸⁰ Euseb. vit. Const. 1,13,2; 3,1,4; hist. eccl. 8,2,4; theoph. syr. 3,20.

⁷⁴ Lact. mort. pers. 34,4; 48,7.

⁷⁵ Euseb. hist. eccl. 10,4,14.

⁷⁶ Euseb. hist. eccl. 10,4,28.

need for space, which is particularly taken into account in the measures of the Decree.

Furthermore, Constantine's Decree on Heretics of 25 September 326 indicates that in various cities the Novatians, Valentinians, Marcionites, Paulites, and Montanists meet in their own churches. The Decree expropriates their "houses of prayer," which are granted to the respective Catholic bishops⁸¹. It is also said that the sectarians, rather than going to their own meetings, should rather go to the "true worship" of the "Catholic Church," which is certainly the bishop's church. This speaks for a single place of worship in a city. However, it was the use of former sect churches by the Catholics that would begin to change the ecclesial unity principle.

3. The Metropolitan Cities of Rome and Alexandria

Research assumes that in larger cities gathering all Christians in one place was virtually impossible from the beginning. For this very reason, it is assumed that, especially in Rome, the Christians met in the various "house churches". In any case, the scientific hypothesis of a fragmented house-church Christianity seems to be particularly plausible for Rome because of the social and ethnic differences and the presence of sectarian groups. And yet, the evidence suggests the contrary, namely, that in Rome and Alexandria there was an effort, even into the 4th century, to maintain the principle of common episcopal Eucharistic celebration.

a. Rome

In his Letter to the Romans of the year 55 A.D., Paul testifies to the special closeness and unity of the Roman Christian community. He addresses all the Christians

in Rome (Rom 1:7). In his final greeting, he mentions also the "assembly" (*ekklesia*) in the house of Prisca and Aquila (Rom 16:5) as well as other "houses" and communities in Rome (Rom 16:10f.; cf. 16:14ff.). It is completely natural and understandable that, in such a large city, there were a number of family circles of Christians. The presence of such groups in no sense proves the presence of "house churches" in the sense of autonomous Eucharistic services. The Letter to the Hebrews could have been written in Rome around the year 70 and probably was addressed to a local Church. The local Church does not have group meetings, but only the entire congregation meets, even if not all can attend (Heb 10:25). Since the letter mentions one altar (Heb 13:10), there was only one sanctuary in the relevant local Church. All must have partaken from this one altar, no matter how large the assembly may have been. The aforementioned First Letter of Clement, which was certainly written in Rome, supports the one Eucharist celebration for the entire Roman community. The "Shepherd of Hermas," which was also composed in Rome around the year 140 or 150 also speaks in the singular of the "sanctuary" (*hagiasma*), which is connected to the Temple in Jerusalem (Ex 25:7; 1 Chron 22:19; 18:10 LXX). The priests (who are probably identical to the "bishops" mentioned elsewhere) sit in this sanctuary on a common bench⁸² from which they "preside" over the "church" in the city of Rome⁸³. It becomes clear that this must be a type of sigma-shaped synthronon in the place of worship of the Christians because the individual places are distributed to the priests on the right and on the left side according to rank (cf. Rev 4:4; 8:3). Accordingly, the priests of Rome offer the

⁸¹ Euseb. vit. Const. 3,64f.

⁸² Past. Herm. 9,7–10,4.

⁸³ Past. Herm. 8,3.

Eucharist collegially and not in alleged "house churches."

The Christian philosopher Justin, who knew Palestine, Asia Minor and Rome from his own experience, wrote in his *Apology* in the year 160: "On the so-called Sunday, the gathering of all who live in the cities or in the countryside takes place in the same place"⁸⁴. Noteworthy here is the reference to the city. He mentions a general practice that applies to all cities. The "countryside" probably refers to the surroundings of the cities (*suburbium*). The Eucharistic celebration always takes place on Sunday and always "in the same place" in a city. The phrase "in the same place" (*epi tō autō*) in Christian usage refers to the (liturgical) assembly of all Christians in a city. Justin undoubtedly refers to a single location and meeting for the celebration of the Eucharist within a city. He certainly does not want to assert that the meeting places of Christians never change their location, but he wants to emphasize that all Christians, even those of the surrounding area, come together in one place (wherever this may be concretely). To leave no doubt as to his statement, Justin adds that on Sunday Christians "hold the assembly together"⁸⁵. That expression would make little sense if several Holy Masses were offered in one city. Justin emphasizes that there is a single congregation, surely in order to dispel any impression of the pagan readers of his *Apology* that Christians, like the heretics, hold secret liturgical services, at which they could be doing immoral things⁸⁶. Although Justin does not specifically mention Rome, he certainly does not exclude the city in which he is staying at the time of his writing. This is all the more significant since in Rome, because of its size, one would not be surprised to find more than one Eucharistic

service. Although the Acts of the Martyrdom of Justin, who was executed in Rome, seem to be aware of a number of Christian gathering places, the dates and textual accuracy of the Acts are so uncertain that, for methodological reasons, the authentic *Apology* must be given greater importance in interpretation. The Acts have little significance, because, even though they mention meeting places, they do so without any connection to the Eucharistic celebration (Heid 2016: 273–275).

Nevertheless, there were probably decentralized meeting places for the Christians of Rome under the guidance of the Church governance at the time of Justin. It seems, however, that the Holy Eucharist was not offered in these meeting places. According to Justin, at the end of the Sunday Eucharistic celebration, which was offered by the "presider," the Eucharistic gifts (bread, wine and water) were carried by the deacons to the "absent"⁸⁷. The distribution of food items from sacrificial offerings to those absent was common during antiquity, and included the sending of both food (bread, meat) and drink (wine). In an analogous way, the practice of distributing Holy Communion to the absent developed in Rome. Even if the practice did not remain limited to Rome, it had particular import in that city. As long as there was but one place for the Holy Mass, then in such a large city as Rome it must be made possible for more people to participate. The distribution of Holy Communion is ideal for such a purpose. Such distribution would be difficult to achieve individually, because how could the deacons have known from Sunday to Sunday who was absent and where he lives? Justin also gives the impression that the deacons left the central Holy Mass immediately after Communion on Sunday and went into the city to distribute Holy

⁸⁴ Iustin. apol. 1, 67,3.

⁸⁵ Iustin. apol. 1, 67,7.

⁸⁶ Cf. Iustin. apol. 1, 26,7.

⁸⁷ Iustin. apol. 1, 65,5; 67,5.

Communion. It hardly would have been possible to visit all the absentees in their houses within a few hours. It is more reasonable, therefore, to assume that the deacons would go to certain determined places where they would distribute Holy Communion, perhaps in the context of a short prayer service for the assembled believers.

Even if there were decentralized meeting places, therefore, there was no Holy Mass in these places (and therefore also no baptisms), because only deacons served these satellite places. The whole procedure of the distribution of Holy Communion was subject to the supervision of the presider (bishop)⁸⁸. In addition, only one collection was taken up at the central Sunday Holy Mass. Consequently, those meeting places at which Holy Communion was distributed were financially dependent on the main church, since they did not have their own collection outside of Holy Mass. The decentralized meeting places were therefore entirely dependent institutions, unlike the suggested autonomous "house churches." Most certainly, the meeting places did not have their own churches with altars. In any case, the principle seems to hold that there was but one Holy Mass and one altar in Rome.

Even in the year 200, there seems to be only the episcopal church in Rome, as several texts suggest. The Muratorian Fragment is a list of those books of Scripture which may be read in the Church of Rome. The canonical Scriptures are read "to the people in the church." Since there is mention of the cathedra immediately before the just-quoted phrase, the context must be that of an episcopal church⁸⁹. Even if there had been other churches, the text would have had to mention them, to assure

that no unauthorized Scriptures would be read in them. In addition, Irenaeus of Lyons writes around the year 200 that Bishop Anicet (ca. 155–166) authorized Bishop Polycarp of Smyrna, who was present in Rome, "to celebrate the Eucharist in the church"⁹⁰. "Church" in this case certainly is not a simple reference to the local Roman Church, as if Bishop Anicet could have forbidden another bishop from offering the Holy Mass in his Diocese, especially given that Rome and the local Churches of Asia Minor were in communion⁹¹. The permission rather involved something very particular, namely, that Polycarp was permitted to preside at the Holy Eucharist at Bishop Anicet's episcopal church. This means that there is (only) the episcopal church of Rome which comes into question. Lastly, in his commentary on the book of Daniel, Hippolytus, writing of Rome around the years 200–204, generally speaks of the Christians' persecutors waiting for all Christians to gather in prayer in the "house of God" to drag some of them to the court⁹². Hippolytus assumes that in one city — even in Rome — there is only one church. A few years later, Hippolytus, then the anti-bishop, speaks of Victor (ca. 189–199) as "the bishop of the Church"⁹³, referring to the Roman local Church. He juxtaposes the "school" (of the unrecognized Bishop Callist [217–222]) with the "sects" of the (one) "church" (Rome)⁹⁴. He does not mention the church building as such, but he writes that the followers of the (pseudo-) Bishop Callist refer to themselves as the "Catholic Church" and some prefer to meet with them instead of him⁹⁵. It is also said that some former members of the sect went over to Callist and filled his

⁸⁸ Euseb. hist. eccl. 5,24,17.

⁸⁹ Euseb. hist. eccl. 5,24,15.

⁹⁰ Hippol. comm. in Dan. 1,21.

⁹¹ Hippol. ref. 9,12,10.

⁹² Hippol. ref. 9,12,20f.

⁹³ Hippol. ref. 9,12,25.

⁹⁴ Euseb. hist. eccl. 5,24,15.

⁹⁵ H. Lietzmann (ed.). Das Muratorische Fragment und die monarchianischen Prologen zu den Evangelien. Bonn, 1921. Pp. 8–10.

"school"⁹⁶. The word *didaskaleíon* as used here means the place where the students gather around the teacher and "fill" the hall. Thus, Hippolytus is aware of the one and only episcopal church in Rome, which he certainly does not recognize. As anti-bishop, he has his own church building⁹⁷.

The community of Christians in Rome was well provided for financially due to its many members, and, since the middle of the 3rd century, it was divided into seven administrative districts. At that time, the city had 46 priests, 7 deacons and 7 subdeacons who were financed by the bishop⁹⁸. Some researchers maintain that these priests were ordained for service in the supposed "house churches" — about 20 in number — whether or not these "house churches" were in structural continuity with the later titular churches. It is true that the Roman Church in the middle of the 3rd century had a unified administration under the guidance of the bishop. The bishop was responsible for the "entire Church" in the city as well as the suburbs with the cemeteries⁹⁹. For this reason, there would have been one central Church. An anonymous text about the Roman past of the priest Novatian intends to show that the rigorist was at one time not as harsh with sinners. He himself had experienced many and serious crimes which had happened in the past "in the Church," in "the house of God"¹⁰⁰. At the time, he had wept with sorrow "in the one House, that is, the Church of Christ" over the transgressions which others had committed, as though their

transgressions were his own¹⁰¹. At that time, therefore, there existed but one single church building in Rome. The text is generally dated around the middle of the 3rd century and located in Rome.

Archaeological traces of alleged "house churches" in Rome are completely absent: Pre-Constantinian Christian assemblies and places of worship are not archaeologically detectable. The very place at which one would most likely suspect to find "house churches," namely, below the later titular churches, they are not to be found. It can be assumed that what Justin describes about the central Sunday Eucharist and the distribution of Holy Communion by deacons continued to be valid for the 3rd century: Christians may have met in prayer and charity on weekdays in decentralized places, whenever possible, but for the Sunday Mass they went to the episcopal church. If it was not possible for them to go to the episcopal church, they received Holy Communion (*fermentum*) at the place they gathered on weekdays. These centers were obviously not sacred spaces in the sense of churches with altars; for this reason, they are not archaeologically detectable. It is possible that these places were under the supervision of a priest who had limited sacramental authority outside of the celebration of the Holy Mass. The 46 priests undoubtedly acted collegially, that is, in close contact with the bishop without having independent roles as liturgists¹⁰².

But where did the Sunday episcopal Mass take place? The question of whether there was a central see for the bishop in pre-Constantinian Rome (on the

⁹⁶ Hippol. ref. 9,12,21.

⁹⁷ Hippol. ref. 9,12,21.

⁹⁸ Euseb. hist. eccl. 6,43,11.

⁹⁹ [Cypr.] ep. 8,3: *corpora martyrum [...] constituantur super decem civitates [...] tota ecclesia.*

¹⁰⁰ Anon.ad Novat.14,1 (Corpus Christianorum, Series Latina 4, 148): *haeretice Novatiane, qui post tot et tanta in ecclesia a quibusdam retro voluntarie commissa crimina, quae et tu ipse in domo Dei priusquam apostata essem cognoveras.*

¹⁰¹ Anon. ad Novat. 13,8: *iste Novatianus [...], qui semper in domo una, id est Christi ecclesia, proximorum delicta ut propria fleverit, onera fratrum, sicut apostolus hortatur, sustinuerit, lubricos in fide caelesti allocutione corroboraverit.*

¹⁰² [Cypr.] ep. 8,3: *et presbyteri et tota ecclesia.*

Aventine?) or whether each bishop chose his official residence at his own discretion, remains an open question (Harnack 1924: 836–840). There is only agreement that since the 3rd century there was such a central See with a church. The *Historia Augusta* quotes a letter from the Emperor Aurelian (270–278) to the Roman Senate, in which it juxtaposes the “Temple of All Gods” with the “Church of Christians”¹⁰³. Apparently, the Emperor had in mind two particular buildings in Rome as main cultic sites of the two religions.

For the state of the Liturgy in Rome at the beginning of 4th century, it is noteworthy that Emperor Constantine built only the Lateran church within the city, if one leaves out of consideration the church of *S. Croce in Gerusalemme* which was rather a private palace church (see below). The Lateran Basilica was the new episcopal church. The Lateran Basilica is also very large, probably because it was intended for the entire Christian population of Rome. Probably, even at that time, there was still but one episcopal Mass on Sundays. This is all the more surprising because the Lateran is located on the outskirts of the city and requires a cumbersome walk for those who live within the city proper. Precisely because the Lateran is built on the outskirts, some speculate that there must have been additional churches in the city center. But the sources do not support such a supposition. The textual sources mention neither existing decentralized “house churches”, which could have lost their function due to the Lateran, nor a call for new decentralized church buildings. In fact, even in other cities, the representative episcopal church can be found in peripheral locations, with no evidence of other churches in the city

center (e.g. the cities of Arles, Aosta, Barcelona, Geneva, Trier). The Lateran Basilica has seven side altars to receive the offerings of the seven urban districts, because apparently the seven deaneries did not have their own Sunday Masses in their part of the city.

It is all the more surprising that Constantine build only the Lateran Basilica because he did not lack funds to build other churches. He and his successors built several martyr churches at cemeteries at the city gates (St. Peter, St. Paul, St. Sebastian, St. Agnes, St. Lawrence, Sts. Peter and Marcellinus). These churches are of considerable size, but they are not parish churches for the rural population. Rather, they served the urban population on the occasion of the martyr feast days. And they serve not only the Christians of the nearest neighborhoods, but all Christians in Rome, because the martyrs belonged to all, so to speak. Even though the route to such a church could be a distance of several kilometers, long routes were not uncommon for Romans, because the Lateran, too, was in a peripheral location. While the location of the episcopal church general depends on coincidence — donations, ownership, etc. — the suburban martyr churches obey a firm law: they are always near martyrs’ graves, i.e., cemeteries. Therefore, too, their number corresponds to the number of holy places. Martyr churches are *lieux de mémoire*, and indeed they serve the memory of specific heroes of Christianity, whose tombs, according to Roman law, are immovable. Therefore, a martyr can only be celebrated at his grave. Every martyr’s church is unique and indispensable. Their exclusive right is reflected in the bishop coming to offer the Mass (stational Mass) on the feast day in question — the day of the death or the burial of the martyr concerned.

¹⁰³ Hist. Aug. vit. Aurel. 20,5: *Miror vos, patres sancti, tamdiu de aperiendis Sibyllinis dubitasse libris, proinde quasi in Christianorum ecclesia, non in tempore deorum omnium tractaretis.*

It remains to discuss palace chapel of *S. Croce in Gerusalemme*. As a palace chapel it does not break the principle of a single episcopal church. On the other hand, Constantine donated an altar to the chapel¹⁰⁴, just as in some of the cemetery churches. All this took place very early on. In the East, at least, altars of martyrs are documented only several decades later. The fact that Rome stands out is surely due to the high number of imperial interventions. These imperial interventions happened, even when they in part violated ecclesiastical norms, by virtue of the authority of a man who considered himself to be a "bishop" in his own right (*epískopos ton ektós*). Even the Bishop of Rome could not do anything contrary to the Emperor. Constantine donated even two altars in the church of Sts. Marcellinus and Peter, one in the basilica and another in the adjacent mausoleum of his mother. Similarly, he had an altar built in his church of the Holy Sepulcher in Constantinople, even though it lies within the city walls.

b. Alexandria

Perhaps the most comparable to Rome is the Egyptian city of Alexandria. Clement (around 150–215), is controversial depending on whether one understands him to use the term "church" to refer to a building or the assembly. Since Clement sometimes speaks of "churches" in the plural, this could indicate a plurality of such buildings. In fact, Clement knows the parlance in which "church" refers to a building¹⁰⁵. He himself uses "church," however, primarily in the sense of "(church) assembly". This usage is to be assumed even in those passages in which he uses the term "churches" in the plural¹⁰⁶. His statement that heretical leaders ("sophists") prefer to "preside over

a school rather than a church"¹⁰⁷ might suggest that there were many priest-run Catholic church buildings in Alexandria, but the context makes the meaning clear: Only the sectarians have such fragmentation. In contrast, there is but one true Church, the truly ancient Church in which the righteous are gathered. The unicity of the Church belongs to its essence¹⁰⁸. Although Clement gives no explicit indication that there was only one Catholic church assembly in Alexandria, it is obvious that his polemic against the sectarians is based on the well-known and therefore tacitly presupposed fact that the Church in Alexandria met in only one place and that the local community referred back to this place since time immemorial, back to Apostolic times. In fact, Clement's image of the Church is urban: in one city there is a single parish ("church") and a bishop with a unified clergy; the bishop presides over the church assembly¹⁰⁹. There, the Eucharist is celebrated in accord with the Church's ordinances¹¹⁰, while the local gathering of heretics is not called "church"¹¹¹ and its "presiders" are not such¹¹². In contrast to the many altars of the gentiles, Clement speaks in the singular of "the altar here with us"¹¹³. When he mentions, shortly after, the only immaculate altar in Delos on which no bloody sacrifices are made, this confirms the assumption that in Alexandria there is only the altar of the episcopal church¹¹⁴. If Clement asserts that the true Gnostics, i.e., the Christians, do not pray in a "selected sanctuary" but everywhere, this does not sug-

¹⁰⁷ Clem. Alex. strom. 7,15,92,7.

¹⁰⁸ Clem. Alex. strom. 7,17,107,3–5.

¹⁰⁹ Clem. Alex. quis div. salv. 42,2f.; strom. 3,18,108,2.

¹¹⁰ Clem. Alex. strom. 1,19,96,1.

¹¹¹ Clem. Alex. strom. 1,19,96,1f.

¹¹² Clem. Alex. strom. 7,15,92,7.

¹¹³ Clem. Alex. strom. 7,6,31,8.

¹¹⁴ Clem. Alex. strom. 7,6,32,5.

¹⁰⁴ Lib. Pont. 34.

¹⁰⁵ Clem. Alex. strom. 1,15,66,2.

¹⁰⁶ Clem. Alex. paed. 3,11,80,1; 3,11,81,2.

gest a multitude of meeting places, since he is obviously engaged in a polemic against pagan temples and festivals. What it means is: The Christians do not pray *like the Gentiles* in a "chosen sanctuary."

Origen (1st half of the 3rd century) generally uses "church" to refer to all the Christians in a city, that is, the local Church (for example, in Corinth, Ephesus, Pergamon)¹¹⁵. The Christians gather "in the same place" (*epi tō autó*) for prayer¹¹⁶, namely in the church¹¹⁷. When Origen uses the word "churches" in the plural, he refers to the whole world. In that sense Jerusalem and its altar were destroyed, and churches and altars were "built" instead¹¹⁸. Likewise, he says that the whole world is full of "churches" (*domus ecclesiae*)¹¹⁹. He certainly does not refer to private meeting rooms, but to actual church buildings, which he also calls "prayer houses" (*domus orationis*). He uses these terms to refer to the selected location at which the local Church meets. In a sermon, Origen speaks of the "holy places" entrusted to the priests in the cities and suburbs¹²⁰. But in this context, he is referring to the Old Testament (Num. 35:1f.?), not to the organization of the Church.

Dionysius, a disciple of Origen, was Bishop of Alexandria from 248 until about 265. We have fragments of his letters according to which the state authorities knew of the meetings of the bishop and his clergy, both in the city and on the cemeteries¹²¹. All meeting places were subject to the jurisdiction of the bishop¹²². In the city proper, there was apparently only the

¹¹⁵ Orig. c. Cels. 3,30.

¹¹⁶ Orig. orat. 31,5; 31,7.

¹¹⁷ Orig. in Jesu Nav. hom. 10,3: *ut ad ecclesiam veniant [...], ad ornatum quoque altaris vel ecclesiae aliquid conferant.*

¹¹⁸ Orig. in Jesu Nav. hom. 2,1.

¹¹⁹ Orig. in Ex. hom. 2,2.

¹²⁰ Orig. in Lev. hom. 11,1.

¹²¹ Euseb. hist. eccl. 7,11,10.

¹²² Euseb. hist. eccl. 7,13.

episcopal church, because during his exile, as it is said, Dionysius organized even more stably the visible assembly of the faithful in the city of Alexandria. This is undoubtedly the meeting for Holy Mass. Likewise, in the city of his exile he gathers a new "church" around him. A letter from Dionysius to Bishop Sixtus II of Rome points in the same understanding. According to the letter, there was in Alexandra only the episcopal church with altar and baptistry, in which the "brothers" gathered for the Eucharist and baptism¹²³.

Alexandria probably had an episcopal church (the location of which is unknown) already under the just-mentioned Dionysius. This church was supposedly already replaced by a larger church (Church of Theonas, on the northwestern outskirts) by Theonas, the later bishop (282–300), during the reign of Emperor Aurelian (270–275). Under Bishop Alexander (312–328) this church was enlarged. This is certainly the church at which the faithful saw the Desert Father Anthony debate with the Arians (around 337/38). "Everyone from the city came together to see Anthony," and they came "to the church"¹²⁴. It follows that the church must have already been significant in size. Nevertheless, it is obvious that soon the church was not able to hold the entire community, so that a much larger church was built around 340, but again in a peripheral location (Kaisareion, opposite the eastern harbor) (Seeliger, Krumeich 2007: 45–55; 1984: 213f., 217f.; Martin 1989: 1136f.). Between 351 and 353, Athanasius (Bishop 328–373) celebrated Easter with all the Christians in the city in the still unfinished "Great Church." Athanasius claims to justify the "Great Church" by explaining that the city at that time — in the middle of the 4th century — had but a few, extremely nar-

¹²³ Euseb. hist. eccl. 7,9.

¹²⁴ Athan. vit. Anton. 70,1–2.

row church rooms¹²⁵. None of them can be safely traced back to the pre-Constantinian era. Athanasius does not seem to count the two episcopal churches mentioned above. Even though they were modest in size, the number of Christians must have increased considerably during the first decades of the fourth century. In any case, Athanasius assumes that the entire community celebrated the Liturgy with the bishop, certainly not only at Easter. The fact that three successive episcopal churches were built in ever larger dimensions also points to the tradition of episcopal worship. Even if there were smaller churches with their own clergy at the beginning of the episcopate of Athanasius, this does not mean that the priests were celebrating the Eucharist independently there on Sunday. Much more likely is something similar to what happened in Rome, in which the sacramental authority of the priests was extended only in the 4th century.

The so-called Canons of Hippolytus from the years 336–340 are controversial, since it is not clear whether they assume the conditions of the Egyptian province or whether they are to be located in the city of Alexandria. At any rate, it is clear that the church ordinance refers to a township with bishop and clergy¹²⁶. It speaks of the (episcopal) "Church" in every place¹²⁷ and of the "whole people," namely the local faithful¹²⁸. The faithful gather, for example, on the occasion of the consecration of a bishop, to a single Holy Mass with the bishop and priests¹²⁹. It follows that there must be only one church building which could accommodate the entire local Church. The Canon also mentions that candidates for

baptism "come to church"¹³⁰, by which is meant the church building. There is apparently but one "church" in which the clerics and the "whole people" daily gather for morning prayers¹³¹ and in which the believers offer their (votive) sacrifices¹³². It goes without saying that there is no mention of a parish structure anywhere. The priests, like the bishops, are ordained for the local Church¹³³. They must participate in the bishop's Holy Mass every Sunday¹³⁴.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Adams 2013 — Adams E. *The Earliest Christian Meeting Places. Almost Exclusively Houses?* London, New Delhi, New York, Sidney: Bloomsbury T&T Clark, 2013.
- Calder 1920 — Calder W.M. *Studies in Early Christian Epigraphy // The Journal of Roman Studies.* 1920. № 10. P. 42–59.
- Cantino Wataghin 2014 — Cantino Wataghin G. *Domus ecclesiae, domus orationis, domus dei: la chiesa, luogo della comunità, luogo dell'istituzione // Settimane di Studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo.* 2014. № 61. P. 565–604.
- de Blaauw 2008 — de Blaauw S. *Kultgebäude (Kirchenbau) // Reallexikon für Antike und Christentum.* 2008. № 22. P. 227–393.
- Ebner 2012 — Ebner M. *Die Stadt als Lebensraum der ersten Christen. Das Urchristentum in seiner Umwelt 1.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012.
- Harnack 1924 — Harnack A. *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten.* Leipzig, 1924.
- Heid 2016 — Heid S. *Le origini della Chiesa Romana e la questione delle cosiddette Domus Ecclesiae // Rivista die Archeologia Cristiana.* 2016. № 92. P. 259–283.
- Heid 2017 — Heid S. *Der frühchristliche Altar als Sakralobjekt // Heilige und geheiligte Dinge. Formen und Funktionen,* ed. A. Beck. Stuttgart, 2017. P. 43–63.

¹²⁵ Athan. apol. ad Const. 14, 16.

¹²⁶ Can. Hipp. 9; 23.

¹²⁷ Can. Hipp. 3.

¹²⁸ Can. Hipp. 2.

¹²⁹ Can. Hipp. 3.

¹³⁰ Can. Hipp. 10.

¹³¹ Can. Hipp. 21.

¹³² Can. Hipp. 32; 36.

¹³³ Can. Hipp. 4.

¹³⁴ Can. Hipp. 37 and 30.

- MacMullen 2009 — MacMullen R. The second church. Popular Christianity A.D. 200/400. Leiden: Society of Biblical Literature, 2009.*
- Martin 1989 — Martin A. Topographie et liturgie. Le problème des “paroisses” d’Alexandrie // Actes du Xle congrès international d’archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986. Rome: École Française de Rome, 1989. P. 1133–1144.*
- Meyer 1989 — Meyer H. B. Eucharistie: Geschichte, Theologie, Pastoral. Regensburg: Pustet, 1989.*
- Saxer 1980 — Saxer V. Mort — martyrs — reliques en Afrique chrétienne aux premiers siècles. Paris: Éditions Beauchesne, 1980.*
- Schöllgen 1988 — Schöllgen G. Hausgemeinden, OIKOC-Ekklesiologie und monarchischer Episkopat // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1988. № 31. P. 74–90.*
- Seeliger, Krumeich 2007 — Seeliger H.R., Krumeich K. Archäologie der antiken Bischofssitze I. Spätantike Bischofssitze Ägyptens. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2007.*
- Sessa 2009 — Sessa K. Domus Ecclesiae. Rethinking a Category of Ante-Pacem Christian Space // Journal of Theological Studies. 2009. № 60. P. 90–108.*
- Süßenbach 1977 — Süßenbach U. Christuskult und kaiserliche Baupolitik bei Konstantin. Bonn, 1977.*
- Wieland 1906 — Wieland F. Mensa und Confessio. Studien über den Altar der altchristlichen Liturgie. Bd. 1. Der Altar der vor konstantinischen Kirche. München: Lentner, 1906.*
- REFERENCES**
- Adams E. *The Earliest Christian Meeting Places. Almost Exclusively Houses?* London, New Delhi, New York, Sidney: Bloomsbury T&T Clark Publ., 2013.
- Calder W.M. Studies in Early Christian Epigraphy. *The Journal of Roman Studies*, 1920, no. 10, pp. 42–59.
- Cantino Wataghin G. Domus ecclesiae, domus orationis, domus dei: la chiesa, luogo della comunità, luogo dell’istituzione. *Settimane di Studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull’Alto Medioevo*, 2014, no. 61, pp. 565–604.
- de Blaauw S. Kultgebäude (Kirchenbau). *Reallexikon für Antike und Christentum*, 2008. No. 22, pp. 227–393.
- Ebner M. *Die Stadt als Lebensraum der ersten Christen. Das Urchristentum in seiner Umwelt* 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2012.
- Harnack A. *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*. Leipzig, 1924.
- Heid S. Le origini della Chiesa Romana e la questione delle cosiddette Domus Ecclesiae. *Rivista die Archeologia Cristiana*, 2016. No. 92, pp. 259–283.
- Heid S. Der frühchristliche Altar als Sakralobjekt. *Heilige und geheiligte Dinge. Formen und Funktionen*, ed. A. Beck. Stuttgart, 2017, pp. 43–63.
- MacMullen R. *The second church. Popular Christianity A.D. 200/400*. Leiden: Society of Biblical Literature Publ., 2009.
- Martin A. Topographie et liturgie. Le problème des “paroisses” d’Alexandrie. *Actes du Xle congrès international d’archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986. Rome: École Française de Rome, 1989*, pp. 1133–1144.
- Meyer H.B. *Eucharistie: Geschichte, Theologie, Pastoral*. Regensburg: Pustet Publ., 1989.
- Saxer V. *Mort — martyrs — reliques en Afrique chrétienne aux premiers siècles*. Paris: Éditions Beauchesne Publ., 1980.
- Schöllgen G. Hausgemeinden, OIKOC-Ekklesiologie und monarchischer Episkopat. *Jahrbuch für Antike und Christentum*, 1988. № 31, pp. 74–90.
- Seeliger H.R., Krumeich K. *Archäologie der antiken Bischofssitze I. Spätantike Bischofssitze Ägyptens*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag Publ., 2007.
- Sessa K. Domus Ecclesiae. Rethinking a Category of Ante-Pacem Christian Space. *Journal of Theological Studies*, 2009, no. 60, pp. 90–108.
- Süßenbach U. *Christuskult und kaiserliche Baupolitik bei Konstantin*. Bonn, 1977.
- Wieland F. *Mensa und Confessio. Studien über den Altar der altchristlichen Liturgie*. Bd. 1. Der Altar der vor konstantinischen Kirche. München: Lentner Publ., 1906.

Армен Казарян

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУПОЛАХ ХРАМОВ АНИ. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата*

Статья открывает серию публикаций по вопросам, связанным с купольными главами на храмах Ани, средневековой столицы Армении. Отсутствие достаточного фактологического материала по этим постройкам, плохая сохранность купольных глав, их спорные реконструкции и, наконец, опыт работы автора в Ани и Восточной Турции обеспечивают актуальность таких исследований в контексте пересмотра имеющихся стереотипов на развитие всеобщей истории архитектуры. Статья посвящена наиболее раннему, наиболее монументальному и известному сооружению — кафедральному собору Ани, возведенному зодчим Трдатом в последние два десятилетия X в. Проведен критический анализ имеющихся реконструкций барабана этого храма на основе знаний о развитии анийской школы армянского зодчества и натурного изучения постройки. Уточнено количество звеньев аркатуры на разрушившемся барабане и подтверждена вероятность присутствия резного орнаментированного фриза между аркатурой и карнизом. Фриз содержал вереницу крупных цветков, а карниз состоял из двух рядов блоков разной профилировки: фрагменты этих элементов, которые наверняка были известны Шарлью Тексье, опубликовавшему реконструкцию собора в 1842 г., сейчас обнаружены автором на восточном русле здания.

Создание барабана архитектором Трдатом явилось творческим актом и отражало направленность анийской архитектурной школы на интерпретацию форм классической античности и их применение в деталях церквей. Такой вывод связан с аналогией отмеченного фриза диадеме античного типа, словно возложенной на главу собора, а также небесному созвездию, в которое преобразовался венец Ариадны из древнегреческого мифологии. Барабан Анийского собора послужил образцом при возведении нескольких больших монастырских храмов XIII–XIV вв.

Ключевые слова: армянская архитектура, Ани, Багратиды, архитектор Трдат, реконструкция купольной главы, орнаментальный фриз, аркатура.

Armen Kazaryan

NEW DATA ON THE CUPOLAS OF ANI'S CHURCHES. PART FIRST. THE CATHEDRAL BY AN ARCHITECT TRDAT

The article opens the series of publications on issues related to the cupolas of the temples of Ani, the medieval capital of Armenia. The lack of sufficient factual material on these buildings, the poor condition of the domes, controversial reconstruction they have undergone and, finally, the author's working experience in Ani and Eastern Turkey, provide relevance of such studies in the context of the revision of existing stereotypes on the development of the world history of architecture. The article is devoted to the earliest, most monumental and famous building — the Cathedral of Ani, built by the architect Trdat in the last two decades of the 10th century. The critical analysis of the existing reconstruction of the church's drum on the basis of knowledge about the development of Ani school and the site study of the building is made. The number of links of the blind arcade on the destroyed drum is specified and the probability of the carved ornamented frieze between the blind arcade and the cornice presence is confirmed. The frieze contained the string of large flowers, and the cornice consisted of two rows of blocks with different profiles: fragments of these elements, which were probably known to Charles Texier, who published the reconstruction of the Cathedral in 1842, have been now found by the author on the Eastern arm of the building. The creation of the tholobate by architect Trdat was a creative act and reflected the orientation of the Ani's architectural school on the interpretation of the forms of classical antiquity and their application in the details of churches. This conclusion is

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААЧ, тема 1.2.1. «Концептуальные основы развития всеобщей истории архитектуры: пересмотр стереотипов».

connected with the analogy of the mentioned frieze to the diadem of an ancient type, as if laid to the head of the Cathedral, as well as to the celestial constellation from ancient Greek mythology, into which the crown of Ariadne has been transformed. The tholobate of the Ani Cathedral served as a model for the construction of several large monastic churches of the 13th–14th centuries.

Keywords: Armenian architecture, Ani, Bagratids, architect Trdat, reconstruction of cupola, ornamental frieze, blind arcade.

Укоренившиеся представления о памятниках Ани связаны с той информацией о них, которая восходит к первому этапу исследований средневековой армянской столицы в конце XIX и первые два десятилетия XX в.¹, а также с представлениями о развитии анийской школы зодчества, формировавшимися столетие назад и обраставшими впоследствии теоретическими реконструкциями. Причиной тому явилось отсутствие возможности изучения городища на месте ввиду политico-географических изменений 1918–1920 гг. и вхождения правобережья реки Ахурян (Арпачай) в пограничную зону Турции.

Открытие Турцией территории Ани в нашем столетии для посещений стимулировало перспективы экспедиций и натурных исследований памятников, результаты которых публикуются в виде отдельных статей. Настоящая работа подводит предварительный итог изучения куполов самых больших храмов Ани, возведение которых относится к эпохе Багратидов, а точнее — к периоду расцвета Анийского царства. Осуществлявшиеся автором статьи с 2001 г. частные поездки, посещения городища в качестве консультанта группы реставраторов церкви Сурб Прkich (Спасителя) и в составе экспертных групп по международным программам, нацеленным на оценку состояния памятников архи-

тектуры Ани и всего правобережья Ахуряна, позволили накопить ценный и во многом новый материал, часть которого касается вопросов истории строительства и реконструкции купольных глав анийских церквей, что открывает новые возможности для широкого анализа куполостроения в средневековой Армении. Начинающийся этап изучения основывается и на обновленном осмыслении архивного и научного наследия. Следует отдать должное исследованиям коллег по архитектуре Ани за последние пару десятилетий (*Marancı 2000; Marancı 2011; Гулян 2005; Асратян 2011*) и отметить значение новой серии публикаций исследований и чертежей анийских памятников, подготовленных в начале XX в. Торосом Тораманяном (*Тораманян 2008; Тораманян 2012*).

Работы на церкви Спасителя, осуществлявшиеся с 2012 г. под руководством И. Явуза Озкая, пока не завершены (*Kazaryan, Özkaya, Pontioğlu 2016*). Археологическая расчистка кровель кафедрального собора под руководством Фариие Байрам начата в 2018 г., а работы на церкви Апостолов планируются ею в ближайшие годы. Несомненно, после осуществления всех этих мероприятий, наряду с прочими архитектурными формами уточняются конструктивные и композиционные особенности купольных глав отмеченных построек. Однако уже сейчас, в рамках серии статей, можно поделиться целым рядом собственных чисто визуальных наблюдений и сделать во многом новые выводы по вопросам строительства, облика и образов ку-

¹ О работе экспедиции Императорской археологической комиссии под руководством Н.Я. Марра см.: Казарян 2016. Основные труды Т. Тораманяна этого времени собраны в: *Торамян 1942; Торамян 1948*.



Ил. 1. Ани, кафедральный собор. Общий вид с юго-востока. Фото А. Казаряна, 2013

полов в период наивысшего расцвета средневековой армянской архитектуры. Решение их способствует корректировке застоявшихся представлений и поддержке отдельных, высказывавшихся до сих пор мнений.

В центре внимания окажутся три больших храма — кафедральный собор, собор Апостолов и церковь Спасителя, каждый из которых ярко характеризует один из трех периодов анийской архитектурной школы эпохи Багратидов². Последний из этих памятников, как выявил анализ его барабана, демонстрирует также два периода эпохи Закаридов, а именно начальный и завершающий из них, которые, как представляется, исследованы крайне поверхностно.

Главы — наименее сохранившиеся части купольных церквей. Поэтому каждая

новая деталь, каждое новое замечание или предположение исключительно ценные с точки зрения наших представлений о структуре и образе храма, о развитии строительных технологий и эстетических вкусов создателей этих памятников. Не менее важны вопросы изучения купольных глав в сфере консервации и реставрации памятников архитектуры. Рассмотрим эти постройки в хронологической последовательности их возведения. Первым в этой последовательности оказалось наиболее монументальное и известное сооружение, самое выдающееся произведении эпохи, если не всей армянской архитектуры, — кафедральный собор Армянской церкви (ил. 1). Он был сооружен в годы расширения города и строительства его второй линии фортификаций, названных Смбатовыми стенами в честь шахиншаха Смбата II Багратуни (977–990). Недостроенный при нем на территории так называемого

² О периодизации архитектуры этой эпохи см.: Казарян 2017.

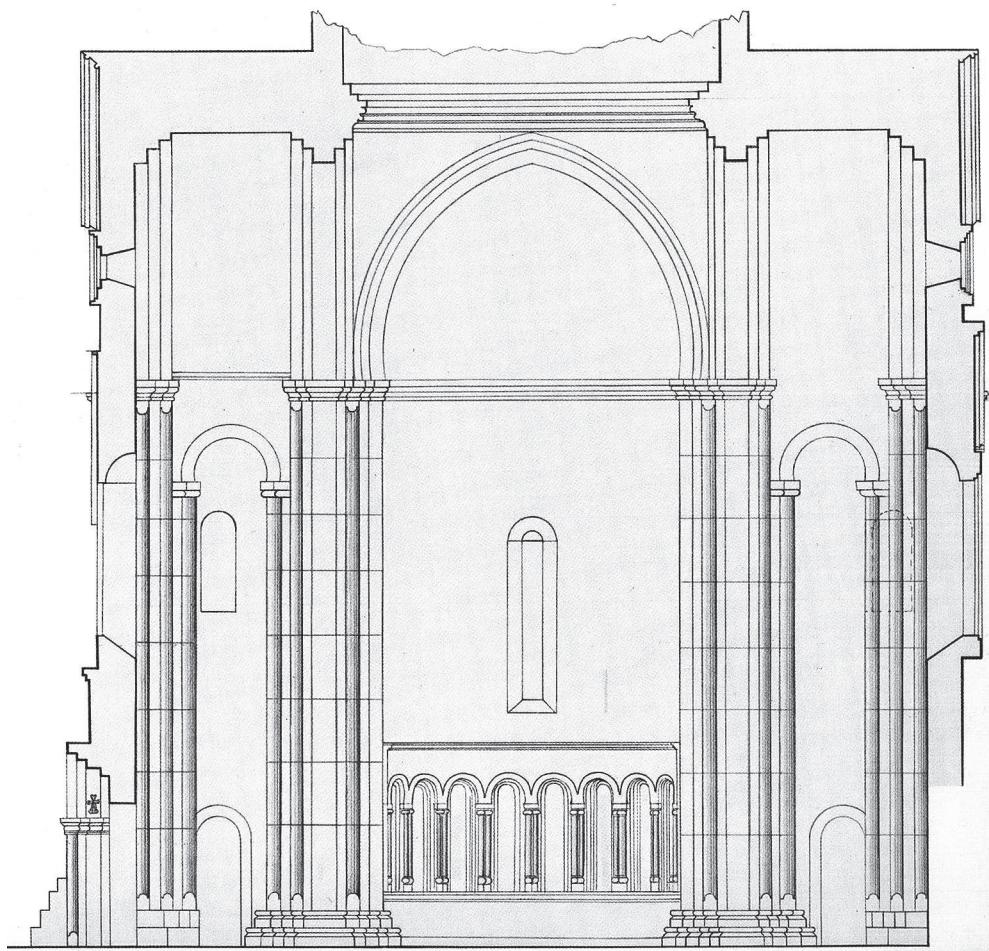
Нового города, собор был завершен царицей Катрамиде в 992–1001 гг. — начальные годы правления шахиншаха Гагика Багратуни. История создания³ и особенности архитектуры Анийского собора, созданного знаменитым в Армении и Византии зодчим Трдатом, неоднократно анализировались (Тораманян 2008; Марутян 1989; Marancı 2011; Казарян 2017; Казарян 2009). Среди прототипов композиции этого храма или предшественников, повлиявших на сложение архитектурной идеи Трдата, ученые отмечали грандиозные соборы VII в. в Мрени и Аруче. Пользуясь преимуществами каркасной конструктивной системы, мастер преобразовал стилистику храма настолько, что устремленностью вертикально членящихся опор и перспективных стрельчатых арок храм приблизился к выразительности возводимых через два столетия готических соборов Европы (Lynch 1901: 371–373; Strzegowski 1918: 187; Казарян 2009). При этом идея центральности звучит в композиции Анийского собора отчетливо и даже сильнее, чем в отмеченных позднеантичных армянских церквях. Купольная глава — безусловная доминанта объемно-пространственной композиции собора, венчала его основной объем габаритными размерами 21,9 × 34,0 м снаружи и 20,1 × 32,2 м по осям изнутри, начинаясь с высоты 20,5 м от уровня оснований столбов, практически равной ширине постройки. Изнутри барабан был цилиндрическим, снаружи 24-гранным, с чередованием глухих полей с 12-ю оконными проемами, причем основная зона барабана, начиная с карниза, была оформлена аркатурой на спаренных полулюнках. Остатки этих форм содержатся

на участках стен барабана, сохраняющихся до сих пор, спустя 700 лет после обрушения главы: согласно распространенному мнению, это событие произошло при землетрясении 1319 г.⁴ Сопоставление фрагментов стены барабана на старых фотографиях с нынешним их видом обнаруживает утраты, но в целом эти хрупкие остатки содержат всю необходимую информацию о формах основания и половины высоты барабана.

На чертеже плана центральной части здания и на всех вариантах чертежей разрезов, выполненных Тораманяном, видны ступени, уложенные под стенной барабана с ее внутренней стороны (ил. 2) (Тораманян 1942: ил. 249; Тораманян 2008: ил. 4, 8–10). Столь необычная форма требовала проверки на месте, тем более что отмеченных ступеней нет на опубликованном в 1842 г. разрезе церкви (Texier 1842: pl. 18, f. II), а во время последнего обмера собора методом цифрового сканирования, осуществленного турецкими коллегами под руководством И. Явуза Озкая в 2012 г., эта зона оказалась вне поля видимости аппарата, перемещавшегося понизу, в зоне человеческого роста. Счастливая возможность подняться на кровли собора представилась нам вместе с Озкая и группой международных экспертов из Всемирного фонда памятников (WMF) и других организаций, посетивших Ани 1 июня 2015 г. Наблюдения и фотографии, сделанные при этом восхождении с помощью подъемника, послужили прояснению сразу нескольких вопросов,

³ О строительстве собора Трдатом при царе Смбате см.: Степанос Таронский 1864. Кн. 3, XI: 128–129, XI: 130. О завершении строительства царицей Катрамиде см.: Там же. Кн. 3, XXX: 184.

⁴ Эта версия, зафиксированная в первом путеводителе по Ани (Орбели 1910), а также альтернативное, но необоснованное мнение об обрушении купола в 1840 г. (Акопян 1980: 298–299) приведены в: Тораманян 2008: 26. Следует заметить, что на гравюре Ш. Тексье, датированной 1839 г., глава собора изображена в разрушенном состоянии (Texier 1842: pl. 20).



Ил. 2. Анийский собор. Разрез по поперечной оси церкви на восток. По: Тораманян 2008: ил. 8

связанных с формами купольной главы этого центрального памятника эпохи Багратидов. Оказалось, что две ступени в основании барабана действительно существуют. Их кольца опираются на широкий карниз, созданный из двух рядов профилированных блоков, нижний из которых проходит по границе сферических парусов и вершинам подкупольных арок (ил. 3). Совершенно уверенно можно утверждать, что Тораманян поднимался на этот уровень собора в начале XX в. во время детального обмера со-

хранявшихся остатков барабана⁵. Поднявшись на кровли тогда, впрочем, как и сейчас, с большим трудом можно было по внутристенным проходам южного пастофория и через пространства, существующие над ним.

Восхищает идеальная геометрия парусов и кольцевого карниза, который в осевых направлениях выдвинут от линии

⁵ Оригиналы чертежей кафедрального собора не датированы, но, по сообщению Арама Вруйра, Тораманян работал над ними летом 1903 г. (Тораманян 2008: 9, 66).



Ил. 3. Анийский собор. Вид на западную часть оснований барабана. Фото А. Казаряна, 2015

верхних слоев подкупольных арок всего лишь на величину собственного профиля. В то же время барабан сильно раздвинут от края карниза, так что реальный пролет купола — 10,75 м — значительно превышает сторону подкупольного квадрата. Таким образом, нагрузка от купольной главы приходится на тыльные зоны подкупольных арок и, частично, на примыкающие к ним своды. В диагональных направлениях очевидно освобождение от этой нагрузки хрупкой передней зоны парусов и пересечение проекции барабана ближе к массивным и надежным столбам. Художественный эффект такого решения, обеспечивающего присутствие особо широкого купола, тоже бесспорен.

Этот прием расширения барабана по отношению к границе подкупольного перехода, столь необычный для построек развитого средневековья, восходит к храмам с самыми большими куполами, строившимися в период предшество-

вавшего расцвета армянской архитектуры в VII в. и свидетельствует о пристальном изучении Трдатом этой традиции, а не только соборов в Мрене (639) и Аруче (660-е гг.) — композиционных прототипах Анийского кафедрала, в которых нет подобных расширенных куполов. Такие купола были характерны, прежде всего, для больших построек эпохи католикоса Комитаса — церкви Св. Рипсиме (613) и Эчмиадзинскому собору (купольная глава около 620 г.) (Казарян 2012b, т. 1: 332–333, ил. 302–303). В храме Св. Рипсиме при стороне купольного квадрата в 9,5 м пролет купола составляет более 10,5 м, и, вероятно, как и в Анийском соборе, эта величина ориентировалась строителями на 40 футов (1 арм. фут = 0,2664 м). Примечательно, что и в Аручском соборе пролет купола был таким же и примерно соответствовал размерам подкупольного квадрата ($10,50 \times 10,58$). Зодчий Трдат, в отличие



Ил. 4. Анийский собор. Общий вид кровель и руинированного барабана с востока. Фото А. Казаряна, 2015

от несомненно известного ему решения в Св. Рипсиме и Эчмиадзине, не стал сохранять широкий проход над карнизом, а воспользовался образовавшимся пространством для конструктивного укрепления основы барабана ступенями.

Анийский архитектор, опираясь на достижения позднеантичного армянского зодчества, работал со значительно более высокими формами и, кажется, на грани возможностей материалов того времени. Отсюда могли проистекать его опасения и предпринимаемые мероприятия по укреплению главы, которые, однако, осуществлены исключительно деликатно и не видны взорам находящихся в храме людей. Толщина стены барабана десятикратно уступает его внутреннему диаметру. Это соотношение, практически не встречающееся в практике средневекового строительства, сви-

детельствует об инженерном и техническом мастерстве создателей собора.

Нам неизвестна высота окон и пилasters аркатур: ныне в одном месте сохранилось пять рядов кладки на высоту более 3 м от внутреннего карниза. На существующих реконструкциях храма барабан пропорционируется исходя из представлений о гармоничных соотношениях в эпоху его возведения. В отличие от основного объема, с одиночными полуколоннами его аркатурь, барабан структурировали пилasters в виде спаренных полуколонок (ил. 4).

Имея истоки в армянской архитектуре VII в., такая форма была переосмыслена мастерами второй половины X в. (Казарян 2004; Казарян 2011), причем на кафедральном соборе представлена исключительно оригинальная, разработанная именно анийцами узкая,



Ил. 5. Фрагменты карниза и аркатуры барабана. Фото А. Казаряна, 2015

исключительно стройная пучковая пилястра, которая состоит из двух полукононок и промежуточного элемента с сечением в виде выступающего острого угла. Это характерная для эпохи и выработанная, вероятно, именно анийскими мастерами форма пилястры, которая ранее возведения собора применена в обрамлении юго-восточного окна церкви Абугамренц, предположительно построенной тем же зодчим Трдатом (Казарян 2017: 91, ил. 3а). Подобные пилястры присутствуют и на портале так называемой Уникальной церкви Ани (Токарский 1973: ил. 3, 6, 17). В соборе тот же тип пилястр можно встретить на аркатуре с нишами, огибающей апсиду (Тораманян 2008: ил. 23–24), а его вариацию с исключительно вытянутой пропорцией — в обрамлениях алтарного окна по фасаду

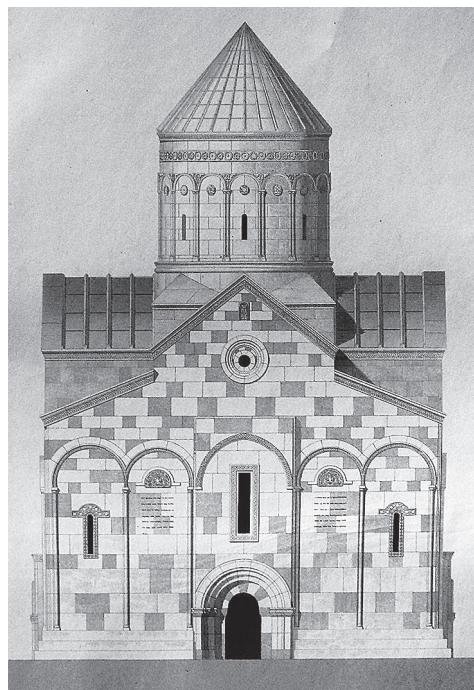
и с внутренней стороны апсиды (Казарян 2017: 91–92, ил. 3б). Вскоре после возведения собора такие пилястры появляются в композициях рельефных крестов и на южном окне церкви Сурб Геворг (начало XI в.) монастыря Оромос, некрополя Багратуни (Kazaryan 2015: fig. II–43а, 43б, II–49б). Пилястры исследуемого барабана имеют традиционное решение баз и капителей в виде приплюснутых шарообразных эхинов каждой полуколонки и общих для пучка кубовидных абак.

Аналогичный профиль из двух валов и остроугольного элемента имеет карниз, с которого начинается внешняя поверхность барабана и на который поставлены базы пилястр. Только здесь иные пропорции между профилями: средняя тяга своей шириной не уступает валам (ил. 5).

Пилястры барабана Анийского собора, несомненно, поддерживали вереницу архивольтов, как это представлено во всех реконструкциях храма, начиная с самой первой, опубликованной еще Шарлем Феликсом Мари Тексье в 1842 г. (*Texier 1842: pl. 19–20*). Это — одна из редчайших и успешных попыток реконструкции средневекового армянского храма на протяжении всего XIX в., периода постепенного накопления знаний. Купольная глава с цилиндрическим барабаном и каменным коническим шатром, а также ее детали выглядят гармонично, в полном соответствии с основным объемом сооружения, хотя на первый взгляд формы могут казаться немного приземистыми. Причиной тому являются широкие поля аркатуры из-за представления ее всего лишь 16-частной (ил. 6).

Внутри полей аркатуры — невысокие окна, а на уровне капителей — розетки в виде многолепестковых цветков и крестов. За аркатурой следует три ряда кладки, средний из которых представляет собой орнаментальную ленту из вереницы розеток: чередующихся колец и многолепестковых фигур. Чертеж послужил основой перспективного рисунка Вильгельма Любке (*Outlines 1881: 440; Zeitlian Watenpaugh 2014: 466*), в котором карниз барабана необоснованно изображен структурированным зубцами.

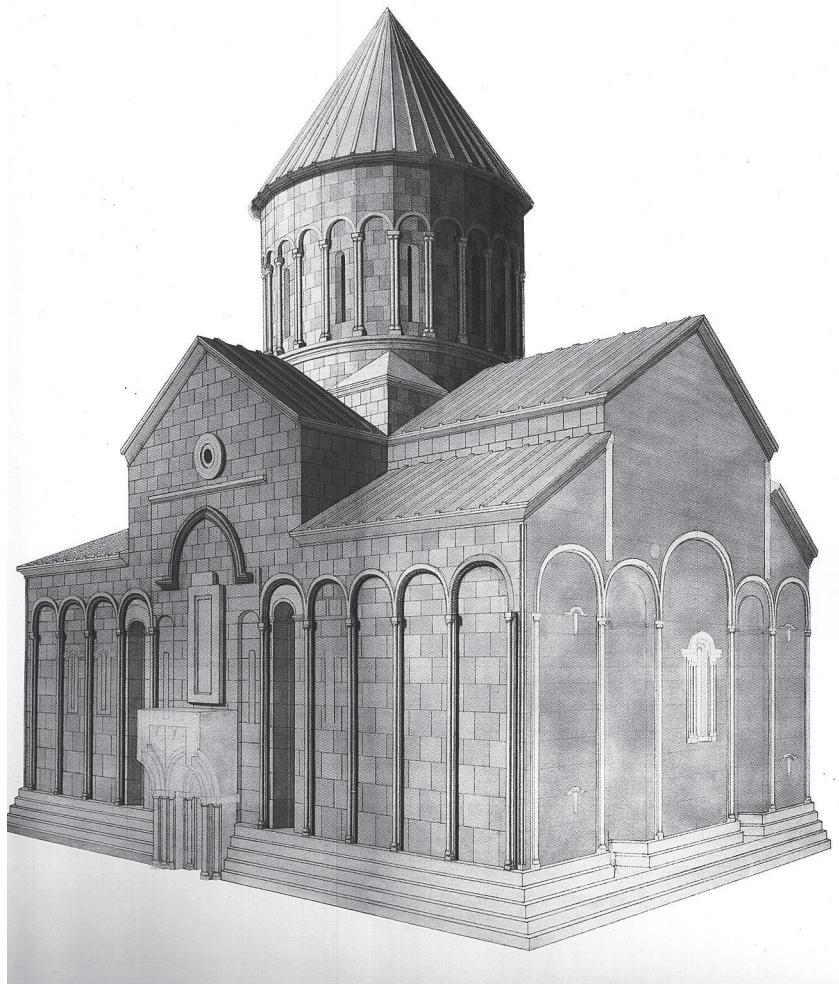
Каковы же были основания у Тексье для подобного изображения барабана центрального памятника армянской столицы, а именно: насколько правомерно изображение розеток в полях аркатуры, орнаментов в антравольтах и фриза? Очевидно, этот вопрос волновал еще Тораманяна, и, возможно, не найдя оправданий представленным Тексье формам, он избрал гораздо более строгий вариант, исключив одиночные розетки и фриз, т.е. оставил пространство



Ил. 6. Анийский собор. Реконструкция, по: *Texier 1842: pl. 19*

тех же трех рядов кладки над аркатурой пустым (ил. 7). При этом Тораманян исправил число граней на 24, с 12-ю очень высокими окнами, благодаря чему глава воспринимается болеестройной (Тораманян 2008: ил. 25). Так же реконструирует Анийский собор Николай М. Токарский (Токарский 1961: рис. 65). Осевые грани на его рисунке не очень четко относятся с осями постройки, из-за чего количество изображенных граней может трактоваться по-разному. Сергей А. Маилов, оценивая его равным 20-ти (на взгляд автора — 16-ти), реконструирует свою версию барабана с 28-арочкой аркатурой. Фриз над ней также отсутствует (Маилов 1986: 182, рис. 4, 7)⁶.

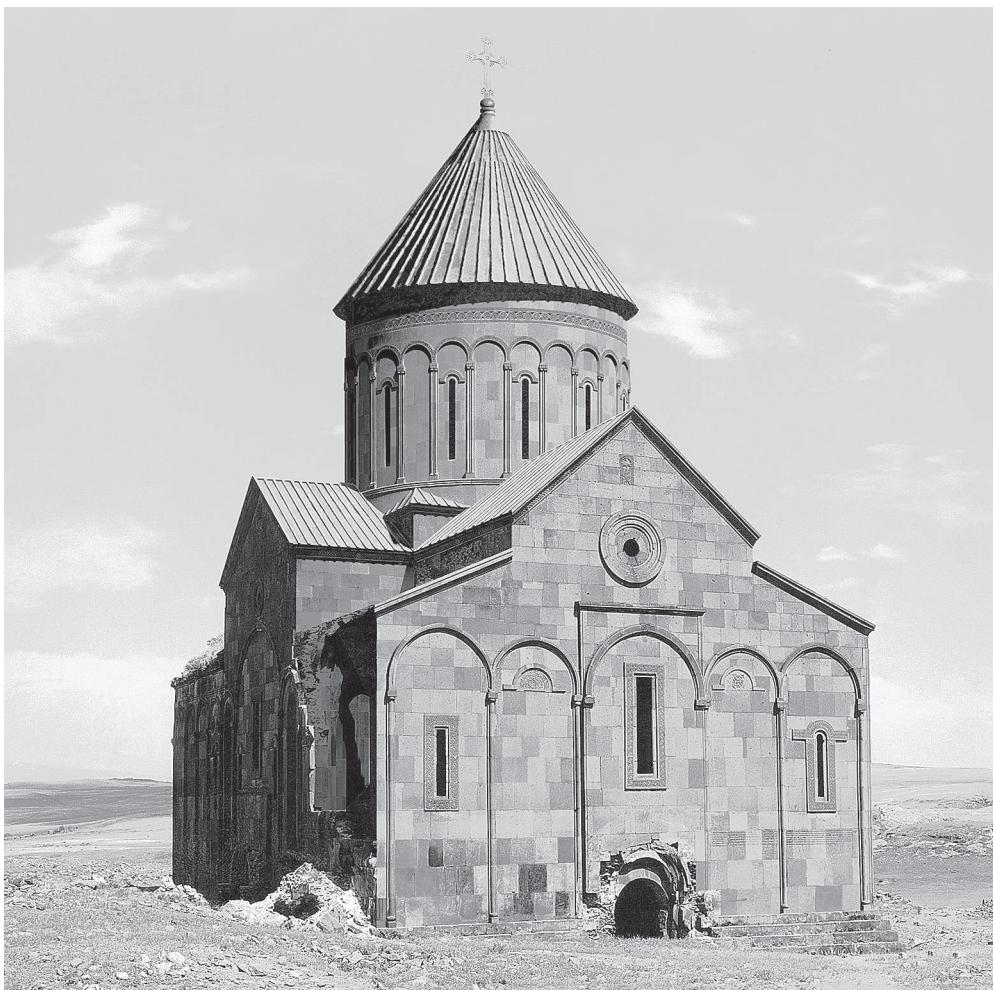
⁶ В некоторых исследованиях просто отмечается существование разных мнений о количестве граней барабана (Асратьян 2011: 14).



Ил. 7. Анийский собор. Реконструкция, по: Тораманян 2008: ил. 25

Токарский — один из тех немногих ведущих историков архитектуры середины прошлого века, которые имели возможность обследовать памятник в натуре, поскольку успел в свое время поработать в экспедиции Николая Я. Марра. Тем не менее он ничего не сообщает о резных деталях барабана, присутствовавших на чертеже южного фасада Тексье. Очевидно, что как Тораманян, так и Токарский опирались на широко распространенный в эпоху Багратидов, да

и ранее, вариант с гладким завершением барабанов с аркатурой, какие известны по собору Аракелоц (Апостолов) в Карсе (930-е гг.), где над архивольтами висят рельефы, и церкви в Огузлу (890–914, ремонт 1001 г.). Фриз на барабанах не применялся. В то же время церковь Сурб Минас (или первая церковь Сурб Ованнес) Оромоса (930-е гг.) имеет обод из двух крученых валов в верхней части гладкого цилиндрического барабана, который может восприниматься намеком



Ил. 8. Анийский собор. Реконструкция по Гуляну. Публикуется с разрешения автора

на фриз, однако этот образец лишен аркатуры (Kazaryan 2015: fig. II–31, 32).

Новые реконструкции собора, с барабаном, сочетающим аркатуру с фризом, известным по Тексье, осуществились через полвека после издания книги Токарского. Таковы формы барабана на чертежах Грачия Гаспаряна⁷, чертеже восточного фасада, исполненного Арменом

Аброяном в 2004 г. (Карапетян 2011: ил. 209; Аброян 2004) и на пространственных перспективных рисунках Артака Гуляна (Гулян 2005: ил. 1–4; Карапетян 2011: ил. 207–208). На чертежах Гуляна особенно отчетливо виден фриз, состоящий из венерицы розеток с орнаментальными лентами, проходящими понизу и поверху (ил. 8). Фактически, современные исследователи архитектуры Ани уверенно возвращаются к идеи фриза, запечатленного в первой реконструкции барабана

⁷ Созданный эскизный проект реконструкции собора представлен на странице Гаспаряна в Сети «Фейсбук».



Ил. 9. Анийский собор. Знак мастера на колонке аркатуры. Фото А. Казаряна, 2015

кафедрального собора, но при этом сблюдают 24 звена аркатуры, примененные Тораманяном.

Что же смог увидеть автор статьи, кратковременно оказавшись на кровлях собора в июне 2015 г.? Прежде всего — вблизи рассмотреть основание барабана, которое с внешней стороны представляет собой тоже кладку в две кольцевых ступени, с выносом нижней из них сантиметра на три по отношению к верхней. На этих ступенях, выполненных из чисто отесанных низких блоков, устроен еще один ряд кладки, более чем вдвое превышающий их по высоте (предположительно, только он после застеклки кровель оставался местами видимым), на который установлен кольцевой

карниз, служащий основой барабана. Сохранившиеся участки кладки убеждают в том, что он имел многогранную форму, или, иными словами, стены внутри каждого поля аркатуры были плоскими.

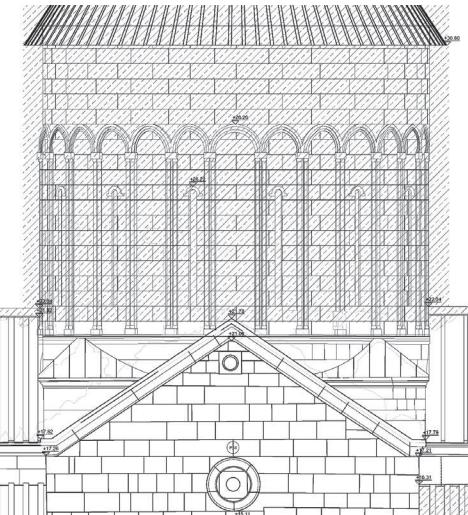
Удалось вблизи оценить формы пилонов аркатуры и заметить во многих местах кладки выгравированные острым предметом метки,ставленные мастерами (ил. 9). Примечательно, что на основном объеме таких меток не видно. Как правило, геометрическими и буквенными знаками каменщики метили блоки или зоны кладки для фиксации объемов в условиях сдельной оплаты их труда. Во всяком случае, именно к такому выводу пришли ученые, исследовавшие каменотесные знаки на армянских храмах VII в. (Тораманян 1942: 267–269; Казарян 2012а). В постройках более поздних эпох метки на камнях ставились периодически и, возможно, только в некоторых регионах страны. Можно предположить, что в промежутке между возведением основного объема кафедрального собора и его купольной главы произошел переход от одной формы оплаты к другой и в очередной раз был возрожден метод сдельной оплаты. И хотя никаких оснований для существенного перерыва в строительстве собора не было, незначительное прерывание работ могло произойти во время отсутствия Трдата, т.е., в связи со смертью царя Смбата Багратуни (989), с одной стороны, и восстановлением Трдатом купола Константинопольской Софии (992), известного по хронике Степаноса Таронеци, с другой.

Обойти и посчитать количество граней разрушенного барабана не пришлось, но сделанные фотографии, в том числе старые, исполненные снизу, позволяют высчитать основания 28-ми пилонов (от некоторых практически ничего не сохранилось). Это означает, что и Тораманян, и повторившие вслед за ним

24 грани на барабане собора Гаспaryan, Аброян и Гулян оказались неточны в подсчете граней и в предположении о количестве окон в барабане. Прав только Маилов, хотя на его чертеже изображено явно меньше граней, чем он упомянул в тексте.

В таком случае, барабан собора был прорезан четырнадцатью окнами, которые начинались со второго ряда кладки и имели высоту, сопоставимую как минимум с тремя рядами. Такое количество окон допускает расположение по главным осям постройки только двух проемов. Остатки барабана в виде двух наиболее крупных фрагментов в его восточной и северной зонах содержат притолоки окон. Рассмотрение их убеждает в том, что осевые окна были направлены на запад и восток, тогда как южная и северная грани должны были оставаться глухими. Именно 28 граней и направленность частично сохранившегося северного окна немного к востоку от оси, с допуском существования глухой южной грани, показывают и обмерные чертежи и реконструкция Озкая (ил. 10)⁸.

Вопрос о существовании фриза и о форме фриза и карниза, венчавшего барабан, решается с учетом анализа некоторых блоков, находящихся на восточном рукаве собора. Этот рукав содержит наибольшее количество разнообразных фрагментов, включая крупные, соединяющие в себе по несколько камней. Скорее всего, в результате сейсмического толчка купольная глава собора — эта огромная ротонда — упала в восточном направлении, обрушившись в первую очередь на повышенный рукав. Разборка завалов наверняка выявит камни с капителями и архивольтами аркатуры,



Ил. 10. Анийский собор. Реконструкция барабана по И. Я. Озкая. Публикуется с разрешения автора

которые ныне не лежат на поверхности. Однако очень отчетливо среди груды осколков камней и бутобетона выделяются блоки фриза и карниза, оказавшиеся лицевой поверхностью кверху. О том, что все они принадлежали барабану купола, свидетельствует их нынешнее местоположение. Более неоткуда было взяться этим камням на нынешней высотной отметке их расположения (частично сохранившиеся карнизы прибарабанных тумб находятся на несколько метров ниже). Подход к ним с целью обмера был рискованным, поэтому пришлось ограничиться фотографированием. Блок, предполагаемый от кольца фриза, содержит две большие розетки и полоски плетеного орнамента, ограничивавшего фриз понизу и поверху (ил. 11). Один цветок розетки имеет шесть лепестков, второй — восемь, что допускает чередование этих двух мотивов (может быть, еще какого-то) по всему поясу.

И многолепестковые цветы, и плетенка такого вида особо характерны для

⁸ Progress Report for the Conservation of Ani Cathedral Ani Archaeological Site, Kars, Turkey February 2013. P. 2 (Reconstruction by PROMET's architects).



Ил. 11. Анийский собор. Блок фриза барабана.
Фото А. Казаряна, 2015

других деталей собора, хорошо сохранившихся на его основном ярусе. В частности, плетенка из двух волнообразных лент такого же вида проходит по полке карнизов рукавов здания и по импостам южного портала, а цветки в такой же стилистике присутствуют на импостах того же портала, на квадратной орнаментальной вставке под щипцом северного фасада и в тромпах ниш восточного фасада, причем во многих случаях в сочетании с той же плетенкой (ил. 12–14).

Существование этой вставки посреди гладкой стены дает повод задуматься над предложением Тексье о размещении многолепестковых розеток в полях аркатуры барабана. Не исключено, что исследователь видел среди груды упавших камней обломки не только фриза, но и одиночных розеток аналогичной стилистики.

Возвращаясь к реконструкции Тораманяна, следует озадачить самих себя вопросом, встречал ли он блоки от фриза среди многочисленных камней собора. Скорее всего, он их не за-

метил на кровлях, но он, видимо, обнаружил и обмерил один такой блок вблизи южной стены памятника. Этот схематический обмер недавно опубликован, причем в таблице, на которой самим Тораманяном собраны чертежи камней «в окрестностях церкви», относимые, по его предположению, к другим постройкам (ил. 15). Судя по размерам, этот, ныне утраченный блок, высотой 56 см, первоначально принадлежал фризу барабана. Несколько таких блоков было зафиксировано на фотографии марровской экспедиции. На них в последнее время обратил свое внимание А. Гулян. Предполагая, что именно они являлись фрагментами разрушившегося фриза, он смонтировал из них вереницу камней, визуально восстановив, таким образом, значительный участок этого пояса. На той же фотографии фрагменты колонок с капителями были оценены Гуляном элементами аркатуры барабана и совершенно справедливо применены в его реконструкции (ил. 16–17)⁹.

На восточном рукаве имеются карнизные блоки двух видов. Часть осколов позволяет реконструировать карниз, аналогичный тем, которые присутствуют над формами основного объема и содержат по нижней линии вал, а на основном склоненном поле — сетчатый резной орнамент из зигзагообразных трехжильных лент, наиболее близкое подобие чему находится на карнизах тумб. Полка на этих фрагментах не сохранилась. Второй тип карниза имеет совершенно простую

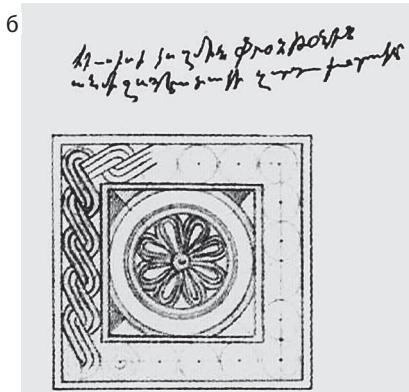
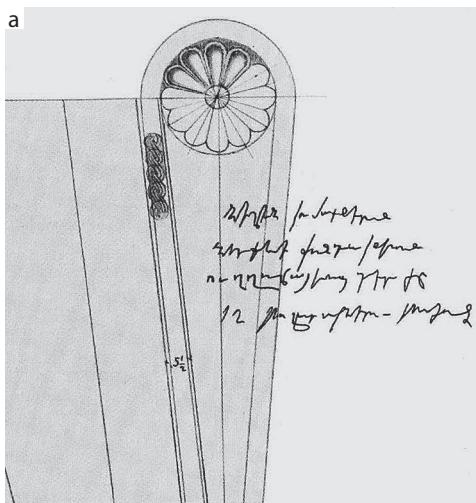
⁹ Благодарю А. Гуляна за рекомендации при прочтении настоящей статьи и за любезно предоставленные для нее свои графические материалы и имеющиеся у него архивные фотографии. Хочется надеяться на продолжение сотрудничества уже в рамках планируемого совместного исследования проблемы реконструкции этого храма, вероятно, в соавторстве с архитектором-реставратором Анийского собора И. Я. Озкая.



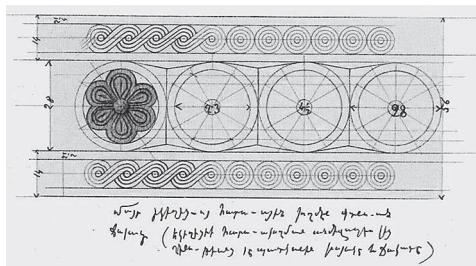
Ил. 12. Анийский собор. Карниз западной стороны южного рукава. Фото А. Казаряна, 2015



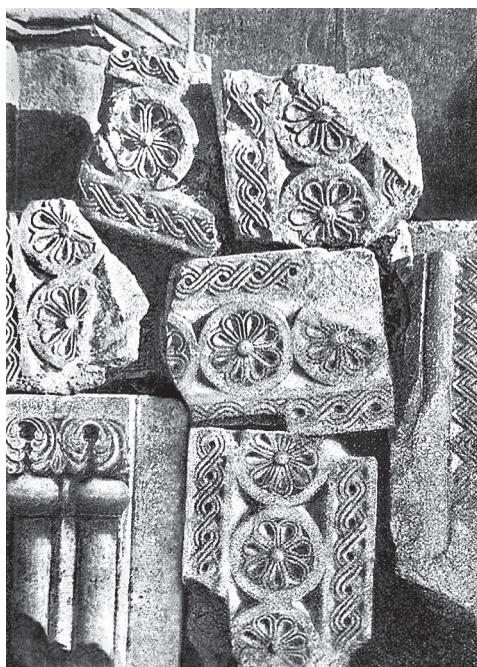
Ил. 13. Анийский собор. Импост южного портала. Фото А. Казаряна, 2015



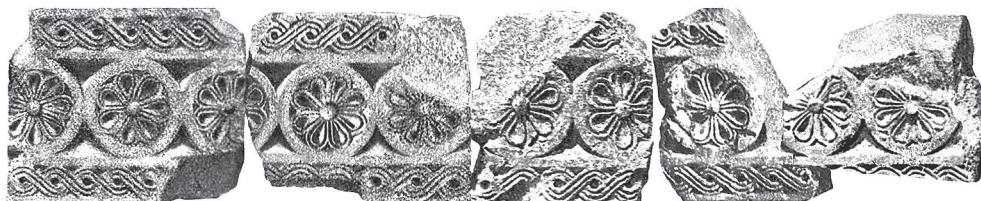
Ил. 14. Анийский собор: а) розетка в тромпе ниши восточного фасада; б) розетка под щипцом северного рукава, по: Тораманян 2008: ил. 18, 20



Ил. 15. Обмер орнаментированного блока, по:
Тораманян 2008: ил. 27



Ил. 16. Выделенный и графически обработанный
А. Гуляном фрагмент фотографии начала XX в.
с деталями декора барабана



Ил. 17. Реконструкция орнаментированного фриза Анийского собора. Фотомонтаж фрагментов
А. Гуляна. Публикуется с разрешения автора



Ил. 18. Анийский собор. Два типа карнизных блоков среди груды камней над восточным рукавом.
Фото А. Казаряна, 2015

форму, состоящую из гладкой выкружки и полки (ил. 18).

Самостоятельное значение такой карниз на огромном здании собора нести не мог, и тем более непонятно присутствие двух типов карнизов на высоте, где может быть обнаружен единственный карниз барабана. Возможный вариант реконструкции с учетом блоков обоих типов подсказывает пример церкви у станции Арагац, датируемой 630–640 гг. и находящейся чуть ниже по тече-

нию реки Ахурян, на которой расположено городище Ани. На барабане этой оригинальной шестиэкседровой церкви, по образцу которой до Анийского собора в армянской столице было построено два других храма — тот, что у цитадели, и Аbugamrenç, — и поныне присутствует сдвоенный карниз с орнаментированными блоками в верхней части и гладкими, похожими на описанные анийские карнизные камни, в нижней (Казарян 2012b, т. 2: 184–198; Kazaryan



Ил. 19. Церковь у станции Арагац. Карниз барабана. Фото А. Казаряна, 2003

2016) (ил. 19). Роль последних заключается в придании карнизу большего выноса, особо важного при формировании завершения барабана — венчающей части постройки. Косвенным доказательством того, что карниз собора был именно такого типа, служит применение аналогичного карниза внутри него, над парусами. Причем и здесь нижний слой состоит из выкружки и широкой полки.

Наконец, те же фрагменты нижних блоков карниза над барабаном прямолинейные, что доказывает многогранность главы в зоне, расположенной выше аркатуры.

При реконструкциях и исследований вопросов генезиса форм иногда полезно заглядывать не только в пластику культуры, предшествующие интересую-

щему явлению, но и в следующие этапы развития традиции. В них обнаруживаются новые интерпретации многих форм, в том числе тех, образцы которых полностью или частично утрачены. После кафедрального собора в армянской столице было построено еще несколько храмов, в том числе такие величественные, как Гагкашен, собор Апостолов, которые дошли до нашего времени в руинах. Для понимания куполов багратидского Ани очень интересно ознакомление с многочисленными и неплохо сохранившимися главами церквей эпохи Закаридов, причем не только с теми, которые возведены были в самом Ани при его втором расцвете, но и теми, которые украшают монастырские храмы в близких и дальних по отношению к Ани областях. В случае

с реконструируемым барабаном кафедрального собора конца X — XI в. в роли вероятных его аналогов выступают полностью сохранившиеся купольные главы столичных церквей Сурб Григор Тиграна Оненца (1215) и Сурб Пркич (Спасителя) или Аменапркич (исследование барабана, зоны которого принадлежат 1035–1342 гг., будет представлено в одной из ближайших статей автора), а также монастырских построек — большой церкви Макараванка (1205) и церкви Сурб Григор Лусаворич (Просвesителя) Гегарда (1215)¹⁰ и др. Представленный в них барабан с аркатурой, фризом и горизонтальным карнизом, наряду с другим распространенным типом — барабаном с пристенными пучковыми колоннами и зигзагообразным карнизов, — являются характерной чертой самых престижных монастырских церквей XIII в. Оба эти типа должны восходить к архитектуре анийской школы зодчества, первый этап которой приходится на период строительства Анийского собора.

Скорее всего, именно на этом соборе, в сочетании с опоясывающей барабан аркатурой впервые появляется мотив резного фриза. Если так, то это можно расценивать творческой новацией, преобразившей традиционный, известный еще по архитектуре середины и второй половины VII в. образ купольной главы с аркатурным оформлением (реконструкция храма Звартноц, соборы в Аруче, Талине, Сисаване и др.). Колонки и пропорции полей аркатуры стали значительно более вытянутыми, увеличилось количество ее звеньев и, наконец, благодаря применению фриза был, вероятно, повышен барабан этой осо-

бо широкой и поставленной на особой высоте купольной главы. На нее будто возложена была диадема из крупных цветков, ближайшую аналогию которым встречаем в искусстве далекой классической античности.

Главе Эчмиадзинского собора (около 620 г.) благодаря необычной зигзагообразной форме карниза, словно увенчанной символическим царским венцом-короной, были посвящены исследования, в которых делалась попытка объяснения присутствия такого мотива в надстройке церкви в виде ротондообразной кувуклии (Казарян 2012б, т. 1: 325–356; и др.). В Ани спустя три с половиной столетия рождается новый тип главы, который, кажется, также совмещает образы ротонды и короны, на сей раз — в виде диадемы. Имеются в виду диадема и тиара, в формах которой древнегреческие ювелиры обыгрывали тему цветочно-го венка с представлением ряда крупных цветков с симметрично расходящимися от среднего круга лепестками. Примером может служить диадема из Келермесского кургана №3 (Гос. Эрмитаж). Более ранними образцами диадем, украшенных розетками в виде многолепестковых цветков, являются древнеегипетские изделия из Египетского музея в Каире: диадемы царицы Сети II (около 1190 г. до н.э.) и царевны Сат-Хатхор-Иунит (около 1800 г. до н.э.). Этот тип присутствует на диадемах классической Греции наряду с лавровым венком, но иногда два мотива совмещаются, как в образце, происходящем предположительно из Северной Греции и недавно обнаруженном в британском городе Тонтон (300 г. до н.э.). В другом венце более сложной конструкции, происходящем из Одрийского царства (территория современной Болгарии), основным мотивом служит ветвь оливы, а цветки составляют дополнительные свисающие

¹⁰ Широко известные, но не ставшие до сих пор объектами серьезных монографических работ, эти храмы представлены в альбомах и очерках по армянской архитектуре (Арутюнян 1992; и др.).



Ил. 20. Аруч, собор 660-х гг. Бровки центральных окон северного фасада. Фото А. Казаряна, 2008

гилянды (IV в. до н.э.)¹¹. Аналогичные ряды многолепестковых розеток присутствуют в древнегреческой вазописи (Коллинский 1970: ил. 85), на расписном метопе храма Аполлона в Терме (3-я четверть VII в. до н.э.) (Там же: ил. 89).

В архитектуре ряды таких розеток применялись редко, но именно в древневосточных монументальных постройках сохранились любопытные образцы, доказывающие развитие этого мотива как в самой Армении, так и на территориях соседних с ней древнейших государств. Хронологически ближайшими к Анийскому собору примерами являются орнаменты оконных бровок на северном фасаде Аручского собора (ил. 20) и на западном фасаде Талинского (670–680-е гг.) (Токарский 1973: табл. VIIa–б; Казарян 2012b, т. 3: ил. 1388, 1507). Пример этот интересен и тем, что присутствует на одном из памятников той группы сооружений, с интерпретаций композиций и декора которых начиналось послеарабское возрождение армянского зодчества и которые продолжали оставаться важнейшими композиционными ориентирами в эпоху расцвета анийской школы зодчества. Однако эти одиноч-

ные примеры не играли большой роли в архитектуре храмов в Аруче и Талине. Вереницами цветков, похожих на ромашки, обрамлены некоторые сцены в росписях Эребуни эпохи Урарту (IX–VII вв. до н.э.). Вдоль цоколя ряд белых ромашек на синем фоне проходит на одном из древнейших памятников Востока — воротах Иштар в Вавилоне, построенных при царе Навуходоносоре в 575 г. до н.э. и демонстрируемых ныне в реконструированном виде в Пергамском музее Берлина. Включенные в плетенку цветки присутствуют на базе колонны Внутренних ворот хеттской цитадели Сам-ал (Зиндирли) на территории современной Турции (X–VIII вв. до н.э.).

Именно такого, строгого и подчеркнуто геометрического характера придерживались мастера, создававшие фриз и другие фрагменты с розетками на Анийском соборе. Однако сама идея венчания главы соборного храма согласуется с антропоморфностью восприятия сооружения зодчим и, скорее всего, была подсказана знаниями о существовании символических диадем в античном мире. Ведь это вполне согласуется с контекстом развития анийской или столичной школы армянской архитектуры с ее откровенным воспеванием мотивов античности, прежде всего, греческой (Азатян 1972; Казарян 2013; Kazaryan 2017).

¹¹ Информация частично приведена в размещенных в Интернете статьях: Greek Jewelry. URL: http://www.langantiques.com/university/Greek_Jewelry; Диадема. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Такое предположение согласуется и с трактовкой диадемы как не просто украшения, а символического знака. Е. М. Малкова рассматривает сюжеты, по мотивам которых в древнегреческом искусстве изображались женские образы с диадемами, и обращает особое внимание на миф об афинском царе Тесее и Ариадне, дочери царя Миноса. Ариадну, увезенную Тесеем на Наксос и покинутую там спящей, сделал своей супругой Дионис, надев ей на голову венец, подаренный некогда Тесею нереидой Фетидой и изготовленный Гефестом «из огненного золота и красных индийских камней, вставленных в оправу. Впоследствии Дионис поместил венец Ариадны на небо как созвездие, которое стало называться Северной Короной... Отчетликая коннотация погребального смысла брачного венца прослеживается при анализе этого мифа, и, таким образом, на мифологическом материале подтверждается мысль о том, что диадема была не просто свадебным украшением, но символом священного брака, заключенного между смертной женщиной и божеством» (Малкова 2013: 41).

Вполне очевидно, что вознесенное под карниз купола цветочное ожерелье перекликается с небесным созвездием, в которое преобразовался венец Ариадны. Обращения к античным мотивам строителями анийских храмов не могли носить формального характера. Они были связаны с интересом к древнегреческой культуре и литературной традиции, в том числе и к мифологии. Только проникновением этого богатства в среду армянской аристократии, городской столичной элиты и в высшие слои церковной иерархии объяснимо появление на христианских церквях эллинистического типа порталов, антиклизированных капителей, античных по происхождению орнаментов, масок и даже разработка

зодчими своеобразного ордера на фасадах этих храмов. К этому ряду античных по своей природе деталей и принципов структурирования монументального здания, кажется, принадлежит и фриз на барабане Анийского собора. Возможно, размышления раскроют и более конкретные причины его появления, связав их с ролью ктиторов собора. Но это — задача другой статьи.

Несомненным недостатком проведенного исследования является отсутствие чертежа авторской реконструкции Анийского собора. Это тоже является делом будущего, когда появятся обмеры обнаруженных и, возможно, других деталей его величественной купольной главы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Progress Report 2013 — Progress Report for the Conservation of Ani Cathedral Ani Archaeological Site, Kars, Turkey February 2013. World Monument Fund, 2013.

Аброян 2004 — Аброян А. С. Անիի մայր տաճարի ճարպապատկերությունը. PhD thesis. Ереван: Ереванский гос. ун-т архитектуры и строительства, 2004.

Азатян 1972 — Азатян Ш. Р. Армянские порталы с элементами античной декорации // Лрабер (Вестник общественных наук АН Армении). 1972. № 4. С. 39–43.

Акопян 1980 — Акопян Т. Անիի պատմությունը (История Ани). Т. 1. Ереван: Изд. Ереванского ун-та, 1980.

Арутюнян 1992 — Հայկական ճարպապատկերության պատմություն (История армянской архитектуры). Ереван: Луйс, 1992.

Асратьян 2011 — Асратьян М. М. Անիի ճարպապատկերությունը (Архитектура Ани) // Историко-филологический журнал. № 3. 2011. С. 3–27.

Грейвс 1992 — Грейвс Р. Мифы Древней Греции / под. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992.

Гулян 2005 — Гулян А. Ղուլյան Ա. Անիի Մայր տաճարի հազարամյա խորհուրդը (1001–

- 2001 թթ.) (Гулян А. Тысячелетняя тайна Кафедрального собора Ани (1001–2001) // Հոլղարձի (Памятник). Вып. 3. Ереван, 2005. С. 29–30.
- Казарян 2004** — Казарян А.Ю. Фасадная аркада армянских и грузинских церквей VII–XI вв. Структурные отличия и взаимосвязь традиций // Armenian Studies Today and Development Perspectives. International Congress. Yerevan, September 15–20, 2003. Collection of papers. Yerevan: Yerevan University, 2004. Р. 453–463.
- Казарян 2009** — Казарян А.Ю. Образы «Майр екелеци» (Матери-церкви) в армянской архитектуре // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства / Ред-сост. А.Л. Баталов, Э.С. Смирнова. М.: Северный паломник, 2009. С. 9–28.
- Казарян 2011** — Казарян А.Ю. Фасадная аркада в средневековом зодчестве Армении и других стран Востока // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 3. М.; СПб., 2011. С. 27–59.
- Казарян 2012a** — Казарян А.Ю. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М.: ЛЕНАНД, 2012.
- Казарян 2012b** — Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. В 4 т. Т. 1–3. М.: Locus Standi, 2012.
- Казарян 2013** — Казарян А. Античное наследие в армянской архитектуре конца X — начала XI века. К проблеме «ренессансов» в средневековой культуре // Архитектура. Сборник научных трудов Белорусского национального технического университета. 2013. № 6. С. 21–26.
- Казарян 2016** — Казарян А.Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 7. М.; СПб., 2016. С. 9–27.
- Казарян 2017** — Казарян А.Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8. 2017. С. 87–116;
- Карапетян 2011** — Карапетян С. Ани — 1050. Иллюстрированный альбом. Ереван:
- Фонд изучения армянской архитектуры, 2011. (На арм., англ. и рус. языках.)
- Коллинский 1970** — Коллинский Ю.Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М.: Искусство, 1970.
- Майлова 1986** — Майлова С.А. К вопросу о крестово-купольных храмах Армении IX–XIII веков // Архитектурное наследство. Вып. 34. 1986. С. 176–185.
- Малкова 2013** — Малкова Е.М. Украшение или символ: диадема в произведениях древнегреческого искусства // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 3 / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2013. С. 30–42.
- Марутян 1989** — Марутян Т. Архитектурные памятники: Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери и другие. Ереван: Хорурдаин грох, 1989.
- Орбели 1910** — Орбели И.А. Краткий путеводитель по городищу Ани (Анийская серия, 4). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1910.
- Степанос Таронский 1864** — Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. и объяснения Н. Эммина. М.: Лазаревский ин-т восточных языков, 1864.
- Токарский 1961** — Токарский Н.М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван: Армгосиздат, 1961.
- Токарский 1973** — Токарский Н.М. По страницам истории армянской архитектуры. Ереван: Айастан, 1973.
- Тораманян 1942** — Тораманян Т. Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության (Тораманян Т. Материалы по истории армянской архитектуры). Т. 1. Ереван: АРМФАН, 1942.
- Тораманян 1948** — Тораманян Т. Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության (Тораманян Т. Материалы по истории армянской архитектуры). Т. 2. Ереван: АРМФАН, 1948.
- Тораманян 2008** — Тораманян Т. Кафедральный собор в Ани. Ереван: Служба историко-архитектурных музеев-заповедников и охраны исторической среды, 2008. (На арм., рус. и англ. языках.)

- Тораманян 2012 — Тораманян Т. Ани. Церкви рода Пахлавуни. Ереван: Служба историко-архитектурных музеев-заповедников и охраны исторической среды, 2012. (На арм., рус. и англ. языках.)
- Kazaryan 2015 — Kazaryan A. The Architecture of Hořomos Monastery // Hořomos Monastery: Art and History / Ed. by E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 55–205.
- Kazaryan 2016 — Kazaryan A. The Seventh-Century Six-foil Church of Aragats in Armenia: Origin of the Plan and its Role in the Architectural Development // Antiquité Tardive. T. 24. Brepols Publishers, 2016. P. 443–459.
- Kazaryan 2017 — Kazaryan A. Chapter 44: "Classical" Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th — 11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art // A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe / Eds. Z. Martirosova Torlone; D. LaCourse Munteanu; D. Dutsch. John Wiley & Sons, 2017. P. 528–540.
- Kazaryan, Özkaya, Pontioğlu 2016 — Kazaryan A., Özkaya İ.Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation // RIHA Journal 0144, 15 November 2016. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0143-kazaryan-ozkaya-pontioglu> (дата обращения: 15.07.2017).
- Lynch 1901 — Lynch H.F. B. Armenia. Travels and Studies. London, New York: Longmans, Green, 1901.
- Marancı 2000 — Marancı Ch. Early European Travelers and Their Contribution to the Study of Armenian Architecture // Journal of the Society for Armenian Studies, vol. 10, 2000, pp. 7–28.
- Marancı 2011 — Marancı Ch. The Architect Trdat: From the Great Church at Ani to the Great Church at Constantinople // Armenian Kars and Ani / Ed. R.G. Hovannian. Costa Mesa, California: Mazda publishers, 2011. P. 101–126.
- Outlines 1881 — Outlines of the History of Art, vol. 1. Eds. by Lübke W., Cook C. New York: Dodd, Mead, and Company, 1881.
- Strzygowski 1918 — Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Bd. 1–2, Wien, 1918.
- Texier 1842 — Félix Marie Charles Texier, Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie, Paris, 1842. Plate 20.
- Zeitlian Waterenpaugh 2014 — Zeitlian Waterenpaugh H. The Cathedral of Ani, Turkey: From Church to Monument // Sacred Precincts: The Religious Architecture of Non-Muslim Communities across the Islamic World / Ed. M. Gharipour. Leiden: E.J. Brill, 2015. P. 460–473 (text), 528–530 (bibliography).

REFERENCES

- Abroyan A. Anii Mair tatkari tcartaratutuniune (*The architecture of the Cathedral of Ani*). PhD thesis. Yerevan: Yerevan State University of Architecture and Construction Publ., 2004 (in Armenian).
- Azatian Sh. R. Armianskie portaly s elementami antichnoi dekoratsii (Armenian portals with the elements of classical decoration). Lraber, no. 4, 1972, pp. 39–43 (in Russian).
- Hakobyan T. Anii patmutiune (*History of Ani*), vol. 1. Yerevan: Yerevan University Publ., 1980 (in Armenian).
- Harutyunyan V. Haikakan tcartaratutyan patmutyun (*History of Armenian architecture*). Yerevan: Luis Publ., 1992 (in Armenian).
- Hasratian M. Anii tcartaratutuniuny (Architecture of Ani). Historical-Philological Journal, no. 3, 2011, pp. 3–27 (in Armenian).
- Greivs R. Mify Drevnei Gretsii (The Myths of Ancient Greece), ed. A.A. Takho-Godi. Moscow: Progress Publ., 1992.
- Ghulyan A. Anii Mair tatkari hazaramia khorhurdy (1001–2001) (Thousand year enigma of the Cathedral of Ani (1001–2001)). *Hushartdzan (Monument)*, 2005, vol. 3, pp. 29–30 (in Armenian).
- Kazaryan A. Yu. Fasadnaia arkatura armianskikh i gruzinskikh tserkvei VII–XI vv. Strukturnye otlichii i vzaimosviaz' traditsii (The blind arcade of the Armenian and Georgian churches of the 7th–11th centuries. Structural differences and the relations of the traditions). *Armenian Studies Today and Development Perspectives. International Congress*. Yerevan, September 15–20, 2003.

- Collection of papers. Yerevan: Yerevan University, 2004, pp. 453–463 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. *Obrazy „Mair ekeletsi” (Materitservi) v armianskoi arkitekture* (The images of „Mair ekeletsi” (Mother-Church) in the Armenian architecture). *Drevnerusskoe iskusstvo. Ideia i obraz (Old Russian Art. Idea and Image)*. Eds. A. Batalov, E. Smirnova. Moscow: Northern Pilgrim, 2009, pp. 9–28 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. *Fasadnaia arkatura v srednevekovom zodchestve Armenii i drugikh stran Vostoka* (Façade blind arcade in the medieval architecture of Armenia and other countries of the Orient). *Voprosy vseobshchey istorii arkitektury (Questions of the general history of architecture)*. Vol. 3. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2011, pp. 27–59 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. *Avtografy masterov-kamenshchikov VII veka. Armenija, Iverija, Kavkazskaja Albanija* (Mason's Autographs of the 7th century. Armenia, Iberia, Caucasian Albania). Moscow: LENAND Publ., 2012.
- Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkitektura stran Zakavkaz'ja VII veka: formirovaniye i razvitiye traditsii* (Church architecture of the 7th century in transcaucasian countries: Formation and development of the tradition), in 4 vols., vols. 1–3. Moscow: Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Antichnoe nasledie v armianskoi arkitekture kontsa X — nachala XI veka. K probleme „renaissansov” v srednevekovoi kul'ture (Ancient heritage in the Armenian architecture of the end of the 10th — beginning of the 11th century. To the problem of „renaissances” in the medieval culture). *Arkitektura. Sbornik nauchnykh trudov Beloruskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta* (Architecture. Collection of scientific works of the Belarusian National Technical University), 2013, no 6. pp. 21–26 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Aniiskii arkheologicheskii institut. Diapazon deiatel'nosti i osnovy dostizheniya uspekha (Ani Archaeological Institute. Range of activities and the basis for success). *Voprosy vseobshchey istorii arkitektury (Questions of the general history of architecture)*, vol. 7, 2016, pp. 9–27 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. Stolichnaia shkola armianskoi arkitektury epokhi Bagratidov. Novyi obzor razvitiia (Metropolitan school of Armenian architecture of the Bagratid period. A new survey of the development). *Voprosy vseobshchey istorii arkitektury (Questions of the general history of architecture)*, vol. 8, 2017, pp. 87–116.
- Karapetyan S. Ani — 1050. Illustrated album. Yerevan: Research on Armenian Architecture Foundation Publ., 2011 (in Armenian, English and Russian).
- Kolpinskii Yu. D. *Iskusstvo Egeiskogo mira i Drevnei Gretsii* (Art of the Egean world and Ancient Greece). Moscow: Iskusstvo Publ., 1970.
- Mailov S. A. K voprosu o krestovo-kupolnykh khramakh Armenii IX–XIII vekov (On the problem of the cross-domed churches of Armenia of the 9th–13th centuries). *Architectural Heritage*, 34, 1986, pp. 176–185.
- Malkova, E.M. Ukrashenie ili silvol: diadema v proizvedeniakh drevnegrecheskogo iskusstva (A decoration or a symbol: Diadem in the Ancient Greek art). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles*, vol. 3, eds. S.V. Maltseva, E.Yu. Stanyukovich-Denisova. St. Petersburg: NP-Print Publ., 2013, pp. 30–42.
- Marutian T. *Arkhitekturnye pamiatniki: Zvartnots, Avan, sobor Aniiskoi Bogomateri i drugie* (Architectural monuments: Zvartnots, Avan, the Cathedral of the Ani Mother of God and others). Erevan: Khorhrain grogh Publ., 1989 (in Russian).
- Orbeli I. A. *Kratkii putevoditel' po gorodishchu Ani (Aniiskaia seriiia, 4)* (A short guide to Ani ancient settlement (Ani series, 4)). Saint-Petersburg: Tipografija imperatorskoi akademii nauk Publ., 1910 (in Russian).
- Vseobshchaya istoriya Stepanosa Taronskogo, Asoghika po prozvaniju, pisatelia XI stoletiya* (World history by Stephanos of Taron, Asoghik, a writer of the 11th century), ed. N. Emin. Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages, 1864.
- Tokarskii N. M. *Arkhitektura Armenii IV–XIV vv.* (The Architecture of Armenia of the 4th–14th Centuries). Yerevan: Armgosizdat Publ., 1961 (in Russian).
- Tokarskii N. M. *Po stranitsam istorii armianskoi arkitektury* (On the pages of the history of

- Armenian architecture). Erevan: Haiastan Publ., 1973.
- Toramanian T. *Niuter haikakan tcartarapetutian patmutian (Materials on the history of Armenian architecture)*. Vol. 1. Yerevan: ARMFAN Publ., 1942 (in Armenian).
- Toramanian T. *Niuter haikakan tcartarapetutian patmutian (Materials on the history of Armenian architecture)*. Vol. 2. Yerevan: ARMFAN Publ., 1948 (in Armenian).
- Toramanian T. *The Cathedral Church of Ani*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2008 (in Armenian, English and Russian).
- Toramanian T. *Ani. Pahlavuny-founded churches*. Yerevan: Agency of historical-cultural museums and the preservation of historical environment, 2012 (in Armenian, English and Russian).
- Kazaryan A. The Architecture of Horomos Monastery. *Horomos Monastery: Art and History*. Ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015, pp. 55–205.
- Kazaryan A. The Seventh-Century Six-foil Church of Aragats in Armenia: Origin of the Plan and its Role in the Architectural Development. *Antiquité Tardive*, vol. 24. Brepols Publishers, 2016, pp. 443–459.
- Kazaryan A. Chapter 44: „Classical“ Trend of Armenian Architectural School of Ani (10th–11th centuries): the Greco-Roman Model and the Conversion of Medieval Art. *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe*. Eds. Z. Martirosova Torlone; D. LaCourse Munteanu; D. Dutsch. John Wiley & Sons: 2017, pp. 528–540.
- Kazaryan A., Özkaya İ.Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation. *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016, URL: RIHA Journal 0144, 15 November 2016. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0143-kazaryan-ozkaya-pontioglu> (date of access: 15.07.2017).
- Lynch H.F. B. *Armenia. Travels and Studies*. London, New York: Longmans Publ., Green Publ., 1901.
- Maranci Ch. Early European Travelers and Their Contribution to the Study of Armenian Architecture. *Journal of the Society for Armenian Studies*, vol. 10, 2000, pp. 7–28.
- Maranci Ch. The Architect Trdat: From the Great Church at Ani to the Great Church at Constantinople. *Armenian Kars and Ani*. Ed. R.G. Hovannissian. Costa Mesa, California: Mazda Publ., 2011, pp. 101–126.
- Outlines of the History of Art*, vol. 1, eds. W. Lübke, C. Cook. New York: Dodd, Mead, and Company Publ., 1881.
- Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier und Europa*. Bd. 1–2, Wien: Anton Schroll & co G.M.B.H. Publ., 1918.
- Texier F.M. Ch., *Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie*. Paris, 1842.
- Zeitlian Watenpaugh H. The Cathedral of Ani, Turkey: From Church to Monument. *Sacred Precincts: The Religious Architecture of Non-Muslim Communities across the Islamic World*, ed. M. Gharipour. Leiden: E.J. Brill Publ., 2015, pp. 460–473, 528–530.

В. Е. Науменко, Д. В. Иожица (Корзюк)

ЦЕРКОВЬ НА ГОРЕ ИЛЬКА В ОКРУГЕ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ). АРХИТЕКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И ОБЪЕМНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАМЯТНИКА

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Одним из важнейших итогов современного этапа изучения памятника является формирование представлений о нем как о центре обширной округи, на территории которой ныне известна группа разноплановых архитектурно-археологических объектов, в том числе шесть средневековых храмовых комплексов. Статья посвящена публикации результатов раскопок одного из них — придорожной часовни на горе Илька на южной периферии Мангупа, которая датируется концом XIV — первой половиной XV в. Рассматриваются вопросы архитектурной композиции и объемной реконструкции храма. Церковь на горе Илька представляет собой однонефную одноапсидную часовню с прямоугольным наосом и подковообразной апсидой. Общая ориентация постройки по оси северо-запад — юго-восток. Храм имел стропильную конструкцию крыши, перекрытую черепицей. Его особенностью является южный вход в здание. Этот композиционный прием характерен для многочисленных однонефных одноапсидных церквей XIV—XV вв. на территории Южного берега Крыма.

В ходе раскопок внутри церкви обнаружен алтарный престол типа «престол-стол» с одной опорой, который характерен для византийской архитектуры X—XI вв., но продолжает встречаться и на памятниках более позднего времени.

Часовня на горе Илька функционировала короткий промежуток времени и имела только один строительный период. Значительных следов ремонтов и перестроек во время раскопок обнаружено не было. Финальный этап истории храма связан с пожаром.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, княжество Феодоро, часовня, алтарный престол.

V. E. Naumenko, D. V. Jozhitsa (Korziuk)

THE CHURCH ON THE MOUNTAIN ILKA IN THE DISTRICT OF MANGUP FORTRESS (SOUTH-WEST CRIMEA). ARCHITECTURAL ANALYSIS AND BULK RECONSTRUCTION OF A MONUMENT

Mangup is the largest medieval fortress from the group of “cave cities” of the South-Western Crimea. One of the most important results of the modern stage of the study of the monument is the formation of ideas about it as a center of an extensive district, on the territory of which a group of diverse architectural and archaeological objects is now known, including six medieval temple complexes. The article is devoted to the publication of the results of excavations of one of them — a roadside chapel on mountain Ilka on the southern periphery of Mangup, which dates back to the late 14th — first half of the 15th centuries. The questions of architectural composition and bulk reconstruction of the temple are considered.

The church on mountain Ilka is a one-nave one-apse chapel with rectangular naos and a horseshoe apse. The general orientation of the construction along the axis is north-west — south-east. The temple had a roof truss structure, covered with tiles. Its prominent feature is the southern entrance to the building. This compositional technique is characteristic of numerous one-nave one-apsidal churches of the 14th–15th centuries on the territory of the Southern coast of Crimea. During the excavations inside the church, an altar throne of the “throne-table” type with one support was found. This type of altar is typical for Byzantine architecture of the 10th–11th centuries, but continues to occur on monuments of a later time.

The chapel on mount Ilka functioned for a short time and had only one construction period. Significant traces of repairs and rebuilding were not found during excavations. The final stage of the history of the temple is connected with total destruction due to a fire.

Keywords: Crimea, Mangup, principality of Theodoro, chapel, altar throne.

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Археологическое изучение памятника было начато еще в середине XIX в., однако только с 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (руководитель — А.Г. Герцен), его раскопки прибрели систематический характер¹. Раскопки Мангупа последних десятилетий позволили получить необходимый массив материальных источников для установления объективной периодизации истории городища (Герцен, Науменко 2015; 2016). Другим итогом современного этапа его изучения является формирование представлений о Мангупском городище как о центре обширной округи, исследования памятников которой давно превратилось в особое направление работы экспедиции.

На сегодняшний день археологическая карта округи Мангупа включает 18 разноплановых и разновременных объектов исследований, в том числе шесть средневековых христианских храмовых комплексов — пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю, Карапеская базилика, крестообразный храм на юго-восточном склоне Мангупского плато, храмы на г. Илька и г. Бабулган, «базилика Маркевича» в Адым-Чокракской долине (ил. 1). Безусловно, все картографированные христианские церкви имеют различные обстоятельства открытия, качество проведенных на них работ и, соответственно, степень изученности (Герцен, Науменко 2017: 41, 47–50). Лишь три из них — крестообразный храм (Мыц 1990), церковь на г. Илька (Науменко, Дущенко, Корзюк 2016) и «базилика Маркен-

вича» (Науменко, Иожица, Набоков 2017), были подвергнуты полноценным археологическим исследованиям на широкой площади. При этом важно отметить, что раскопки на месте Илькинского храма и «базилики Маркевича» носили целенаправленный характер в рамках многолетнего научного проекта по систематическому изучению южной периферии Мангупа с целью составления ее археологической карты (руководители проекта — А.Г. Герцен и В.Е. Науменко).

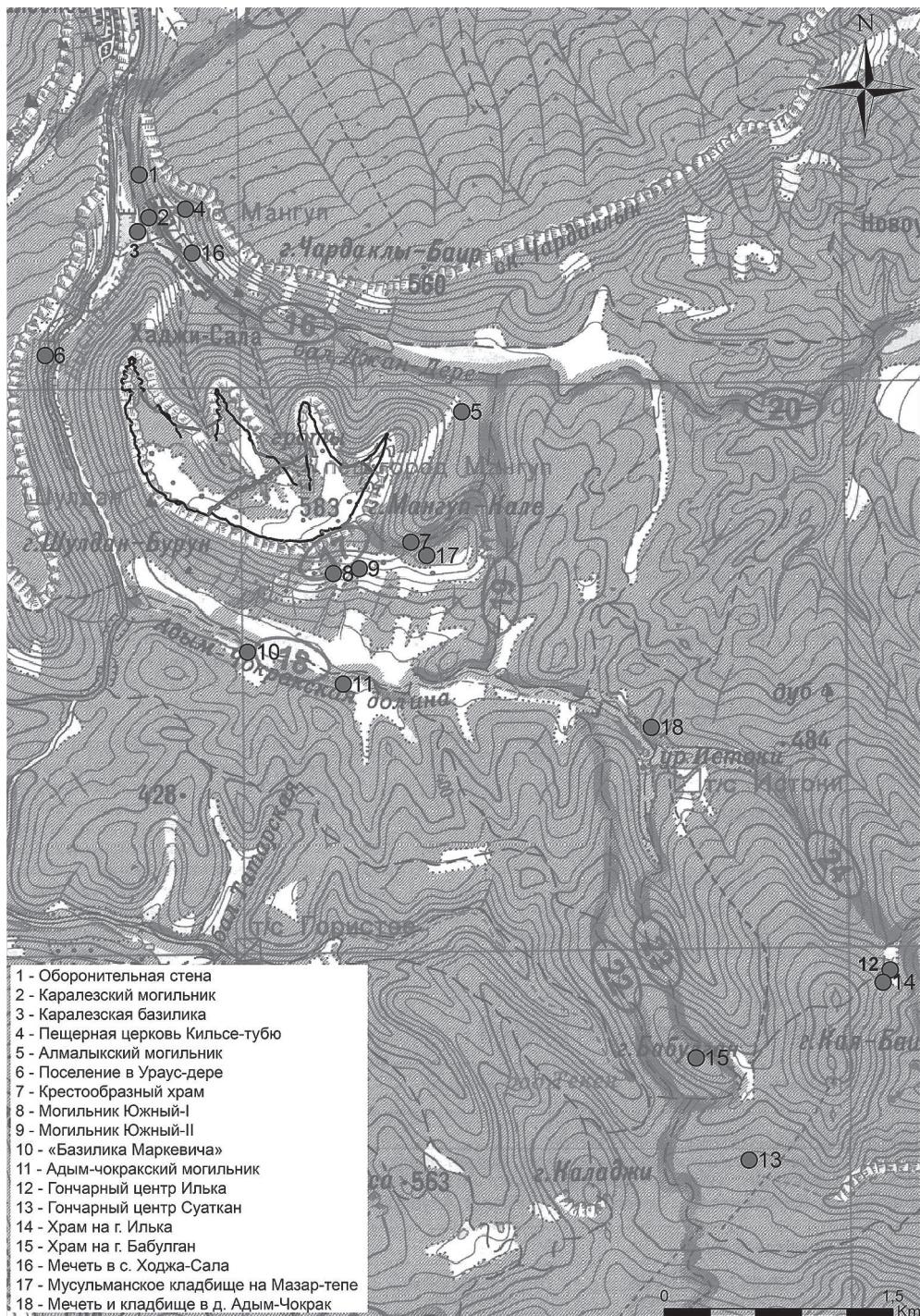
Статья посвящена основным результатам раскопок церкви на склоне г. Илька. При этом, с учетом ограниченного объема публикации, мы сосредоточимся лишь на вопросах общего архитектурного анализа сохранившихся руин памятника и проблемах его объемной реконструкции. Полная публикация итогов исследования храмового комплекса в настоящий момент готовится к изданию.

Архитектурный анализ церкви на г. Илька

Илькинский храм расположен на водоразделе Адым-Чокракской, Бельбекской, Байдарской и Ай-Тодорской долин Крымских предгорий, на перекрестке грязевых дорог, идущих к г. Кая-Баш и в с. Богатое Ущелье, приблизительно в 5 км к югу от Мангупского плато. В литературе он впервые упомянут в документации, связанной с разработкой охранных зон Мангупского городища, где обозначен как «руины постройки, расположенной на развилке дорог XV–XVIII вв.» (Воронин, Герцен 1994: 74). Только в 2012 г. церковь стала предметом археологических исследований, была полностью раскопана, что позволило установить ее объективную хронологию и атрибуцию.

На основе стратиграфических наблюдений и анализа полученного комплекса

¹ Об истории изучения Мангупского городища см.: (Герцен 1990: 89–102; 2008; 2017; Герцен, Науменко 2017).



Ил. 1. Археологическая карта памятников округи Мангупского городища. Составлена В. Е. Науменко и А. А. Душенко

вещественных находок выяснено, что памятник функционировал короткий промежуток времени и имел только один строительный период. По крайней мере, значительных следов ремонтов и перестроек во время раскопок обнаружено не было. Финальный этап истории храма связан с пожаром, следы которого хорошо фиксируются при зачистке его внутренней поверхности. Из «слоя пожара» и «слоя функционирования» церкви происходит группа датирующих находок — черепица, в том числе с рельефными метками в виде букв греческого алфавита (*Мусеев 2014*), бытовая неглазурованная и глазурованная керамика. Среди последней наиболее важной для установления хронологии церкви является монохромная и полихромная поливная посуда группы «Юго-Западный Крым» («Monochrome (Yellow) Glazed Ware» и «Polychrome (Yellow and Green) Glazed Ware»), позволяющая отнести время использования Илькинского храма к концу XIV — первой половине XV в. К сожалению, в числе находок отсутствуют нумизматические и эпиграфические материалы, которые позволили бы сузить эту датировку. Однако среди археологических материалов нет и артефактов, характерных для памятников округи Мангупа и самого городища середины — третьей четверти XV в., что делает возможным настаивать на такой хронологии (*Науменко, Душенко, Корзюк 2016: 81–82*).

Планографически церковь на г. Илька представляет собой однонефную, одноапсидную часовню с прямоугольным наосом и выступающей с востока подковообразной в плане апсидой (ил. 2–4). Ее общие внешние размеры — 5,90 × 3,90 м, по внутреннему обводу — 4,50 × 2,10 м. Ширина северо-восточного и юго-восточного плеч храма равна, соответственно, 0,31 м и 0,13 м, внутренних

заплечий — в пределах 0,23–0,24 м. Толщина стен наоса составляет 0,85–0,90 м, апсиды — 0,80–1,00 м; сохранность в высоту достигает 0,84 м. Вход, шириной до 1,15 м, расположен в южной стене здания, почти в ее западном конце. Постройка ориентирована с запада на восток, с легким смещением к направлению северо-запад — юго-восток.

Плановая схема здания имеет значительную кривизну линий стен. Южная стена незначительно (до 0,15 м) изгибается вовнутрь здания, делая тем самым дверной проем трапециевидным, несколько суженным наружу. Излом северной стены также направлен во внутреннюю часть храма, что привело к увеличению ее ширины в центре до 1,00 м. Кривизна в западной стене церкви образовалась в результате разрастания мощной корневой системы дерева в углу здания (ил. 2).

Стены Илькинского храма сложены вперевязь, в технике трехслойной двухпанцирной с забутовкой кладки, из разномерного камня. Фундамент наоса поставлен на поверхность материкового суглинка, фундаментом апсиды является мощная каменная субструкция, которая, на наш взгляд, является конструктивным элементом здания, предположительно выполняющим функцию крепиды. Эта крепида сооружена из больших естественных каменных глыб (максимальные размеры 0,73 × 0,56 м), без особых следов обработки, в технике однопанцирной кладки, на грязевом растворе. Ее длина составляет 2,40 м, ширина — от 0,33 до 0,70 м. Важно отметить, что крепида не ограничивалась границами церкви, продолжаясь в южном направлении. Вероятно, в связи с расположением храма фактически в водосливной балке, наличие такого конструктивного элемента было настоятельной необходимостью



Ил. 2. Церковь на г. Илька. Общий план участка археологических исследований 2012 г.



Ил. 3. Церковь на г. Илька. Общий вид с северо-запада. Фото В. Е. Науменко



Ил. 4. Церковь на г. Илька. Общий вид с юго-востока. Фото В. Е. Науменко



Ил. 5. Церковь на г. Илька. Общий вид с юга. Фото В. Е. Науменко

для удерживания грунта от вымывания или сползания вниз по склону (ил. 2, 4, 6).

Характерной особенностью конструкции стен является применение нескольких видов строительного материала. Основным являлись необработанные блоки песчаника и аргиллита серовато-зеленого и темно-коричневого цветов. Кроме того, в стенах церкви применялись хорошо обработанные блоки известняка, взятые, очевидно, из какой-то более ранней постройки (ил. 2). В кладке изредка встречаются отдельные блоки природного конгломерата. Порядовка стен выражена слабо, но визуально все-таки определяется с помощью условного выравнивания горизонтальной линии рядов кладки мелким бутовым камнем и крупными фрагментами строительной керамики (ил. 5).

Снаружи к южной стене часовни вплотную пристроена кладка, конструк-

тивно отличающаяся от ее основных стен, но точно повторяющая внешний контур здания. Она возведена из необработанных с незначительной лицевой подтеской разномерных блоков известняка и песчаника, в технике двуслойной однопанцирной кладки; ширина стены составляет 0,45–0,64 м, сохранность в высоту — до одного ряда кладки (до 0,30 м). В качестве связующего материала между ее панцирями использован мелкий бутовый камень, который был густо залит известняковым раствором с примесью мелкой речной гальки. Назначение стены остается до конца не ясным (ил. 2, 7). Стратиграфически она, безусловно, возведена уже после строительства церкви и, скорее всего, свидетельствует о попытках ремонта часовни в процессе ее функционирования. Как уже отмечалось, памятник использовался недолго, в период конца XIV —



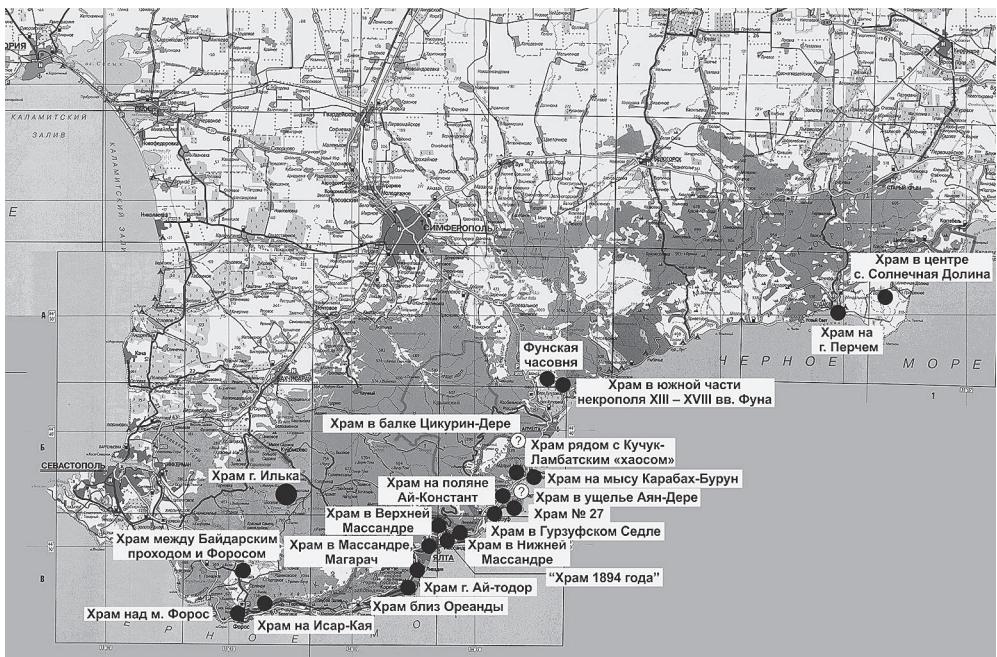
Ил. 6. Церковь на г. Илька. Стена-крепида под алтарной частью храма, фрагмент. Вид с юга, сверху.
Фото В. Е. Науменко



Ил. 7. Церковь на г. Илька. Стена, пристроенная снаружи к юго-западной стене храма. Общий вид
с юго-запада. Фото В. Е. Науменко



Ил. 8. Церковь на г. Илька. Дверной проем в южной стене храма. Общий вид с юга. Фото В. Е. Науменко



Ил. 9. Топографическая карта горной и южнобережной части Крымского полуострова с указанием местонахождения однонефных христианских храмов XII–XV вв. с южным входом

середины XV в., и сгорел в пожаре. При зачистке его дверного проема выявлен крупный фрагмент обугленного деревянного порога (ил. 2, 8).

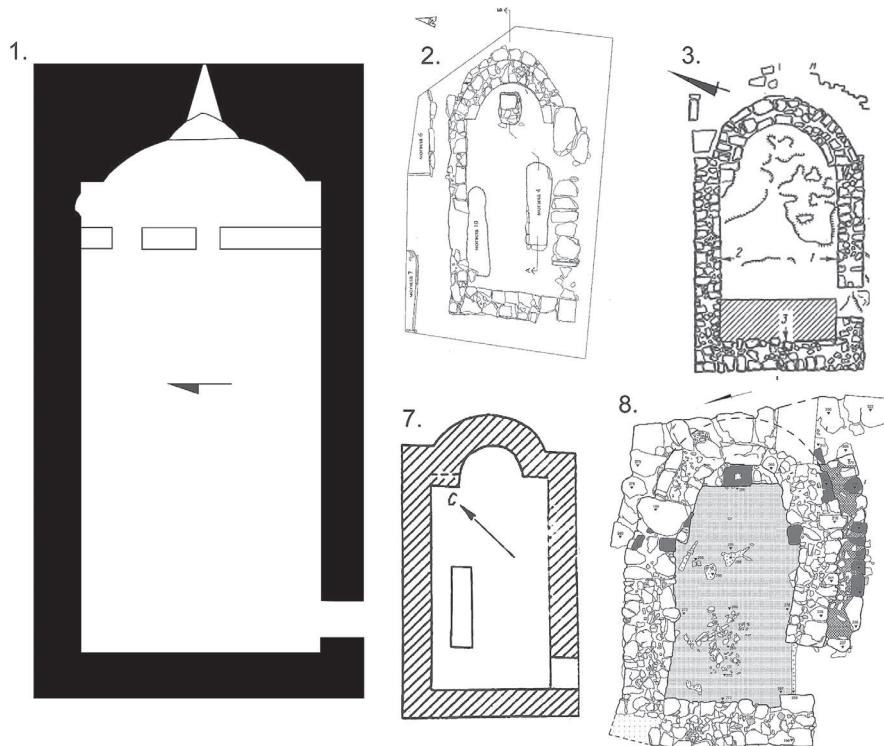
Внутри Илькинского храма, при выборке его «слоя разрушения», обнаружены многочисленные фрагменты штукатурки стен; их большая часть зафиксирована в алтарной части. На некоторых фрагментах сохранились граффити, выполненные остроугольным предметом по сырой поверхности. Кроме обычных геометрических узоров, которые слабо поддаются реконструкции, встречаются изображения животных и людей (голова человека и лошади, контуры собаки и вооруженного всадника), а также граффити с остатками 2-строчной греческой надписи — Κ(ύρι)ε, βο(ήθει)... («Господи, помоги...»; чтение А.Ю. Виноградова). Отметим, что зоо- и антропоморфные изображения выполнены «твердой» рукой, пропорциональность и реалистичность сюжетов полностью соблюдены, в то время как контуры букв надписи не имеют такой точности.

Поиск аналогий Илькинскому храму среди других однотипных церковных комплексов региона заставил обратить особое внимание на нетрадиционное (южное) расположение его входа. По мнению О.И. Домбровского, такое планировочное решение характерно для большинства южнобережных церквей Крымского полуострова в эпоху средневековья (Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 116).

По планировочной структуре, композиции и хронологии наиболее близкими аналогами церкви на склоне г. Илька являются часовня укрепления Исар-Кая, у горного прохода Шайтан-Мердвен (Мыц, 1979; 1987; Фирсов 1967: 94–107), храм на поляне Ай-Констант на г. Аю-Даг (Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 116; Адаксина 1994: 11–13; Зилибинская

2014: 75–92; Лысенко, Тесленко 2002: 59–89), одноапсидная часовня № 27 укрепленного поселения на г. Аю-Даг (Лысенко, Тесленко 2002: 79–80; Бочаров 2004: 43–57), церковь XII–XIV вв. на склоне горы Ай-Тодор (Паршина 1972: 253–257, рис. 1), средневековый храм в с. Солнечная Долина (Майко, Джанов 2015: 130, рис. 51), церковь на г. Перчем (Майко, Джанов 2015: 148, рис. 60–61; Баранов, Майко, Кузьминов 2007: 23), Фунская часовня (Кирилко 2010: 312, рис. 2), храм в южной части некрополя XIII–XVIII вв. близ Фуны (Бочаров, Кирилко 2017: 301–302), храмы близ Ореанды (Фирсов 1990: 227–229, рис. 72) и рядом с Ку chuck-Ламбатским «хаосом» (Там же: 91), одноапсидные храмы между Байдарским проходом и Форосом (Там же: 401–402) и над мысом Форос (Там же: 403), несколько церквей, обнаруженных в разное время в окрестностях п. Массандра (Домбровский 1968: 72–73; Фирсов 1990: 194–195, рис. 55; Бочаров 2002: рис. 2; Бочаров, Кирилко 2017: 288–290, № 40–43), храм на месте античного святилища Гурзуфское Седло (Бочаров, Кирилко 2017: 291–292), церковь на мысу Карабах-Бурун (Фирсов 1990: 94, 98, рис. 23; Бочаров, Кирилко 2017: 297). Для полноты историографического обзора отметим также два однонефных храма, исследователи которых предполагают наличие в них боковых входов — церковь Св. Иоанна в ущелье Аян-Дере (Тесленко, Лысенко 2005: 292; Бочаров, Кирилко 2017: 299) и храм в балке Цикурин-Дере (Тесленко, Лысенко 2005: 292) (ил. 9).

Все перечисленные церкви являются одноапсидными однонефными часовнями, ориентированными на восток либо северо-восток. Внешняя ширина колеблется в пределах 3,3–6,4 м, длина — 6,0–12,5 м. Апсиды храмов снаружи и внутри полуциркульные, в единичных случаях снаружи не выражены. Стены сложены из местного бутового камня, на известковом или

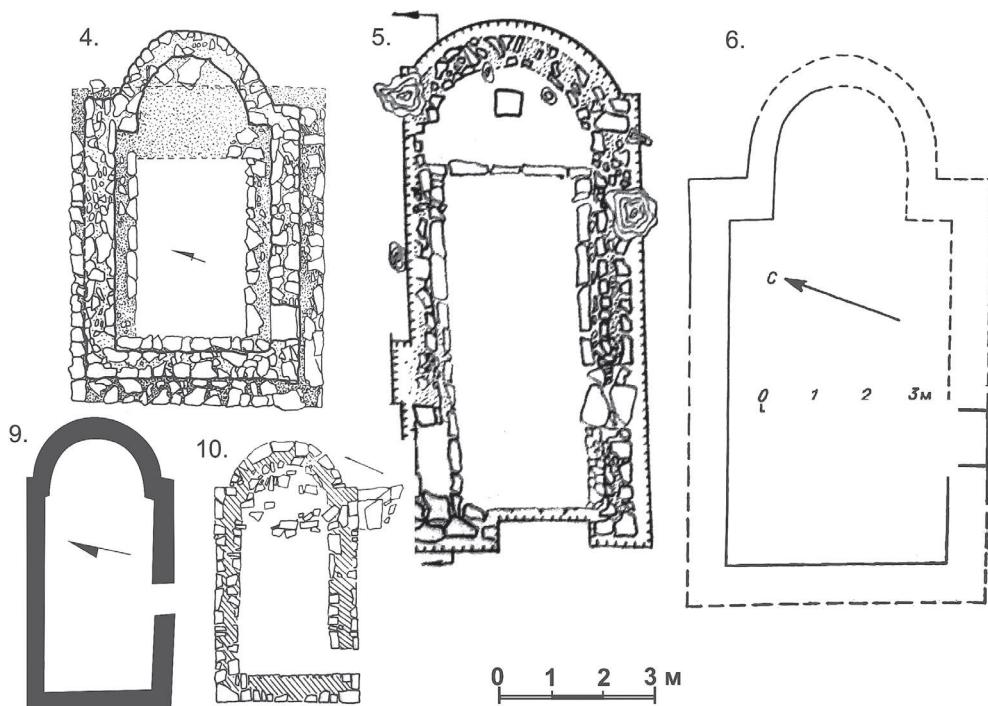


Ил. 10. Однонефные храмы XII–XV вв. с южным входом горной и южнобережной части Крымского полуострова: 1 — «храм 1894 года» в Массандре (по: Бочаров 2002: 164, рис. 2, с дополнениями Д. В. Иожицы (Корзюк)); 2 — Фунская часовня № 1 (по: Кирилко 2010: 312, рис. 2); 3 — церковь на поляне Ай-Констант (по: Домбровский, Столбунов, Баранов 1975: 116); 4 — храм на г. Ай-Тодор (по: Бочаров 2004: 54, рис. 8); 5 — храм в Верхней Массандре (по: Домбровский 1968: 72, а); 6 — церковь над м. Форос (по: Фирсов 1990: 403, рис. 144); 7 — церковь вблизи Ореанды (по: Фирсов 1990: 229, рис. 72); 8 — Илькинский храм (по: Науменко, Душенеко, Корзюк 2016: 79, рис. 2); 9 — средневековый храм на г. Пахкал-Кая (по: Кирилко 2015: 292, рис. 1, с дополнениями Д. В. Иожицы (Корзюк)); 10 — часовня укрепления Исаар-Кая (по: Мыц 1987: 230, рис. 3)

глиняном связующем растворе. Их толщина 0,60–0,70 м, редко до 0,75 м. Вход в церкви расположен, подобно Илькинскому храму, в южной стене построек, в непосредственной близости к их юго-западному углу. Его ширина колеблется от 0,62 до 1,15 м (ил. 10). Наличие южного входа характерно для многочисленных однонефных одноапсидных церквей XIV–XV вв. Южного берега Крыма (Кирилко 2015: 38).

В процессе раскопок в апсиде церкви на г. Илька, на расстоянии 1,20 м от ее за-

плечий, в положении *in situ* зафиксирована нижняя плита основания алтарного престола (размеры 0,51 × 0,42 × 0,13 м). Остальные конструктивные элементы престола — столб в виде четырехгранной колонны высотой 0,54 м и покровная плита размерами 0,46 × 0,47 × 0,13 м, выявлены в каменном завале внутри памятника (ил. 11–12). Обнаруженный алтарный престол соответствует так называемому типу «престол-стол» с одной опорой, что в целом характерно для ви-



зантийской архитектуры X–XI вв. (Wessel 1963: 113), но продолжает встречаться и в более поздних памятниках. Внизу колонны, на ее тыльной стороне, расположено небольшое прямоугольное углубление размерами $0,04 \times 0,03 \times 0,02$ м. В верхней части столба зафиксировано еще одно небольшое сужение с углублением (размеры $0,14 \times 0,14 \times 0,05$ м), на которое сверху укладывалась покровная плита. Наконец, на западной грани столба престола, обращенной к наосу, вырезана неглубокая прямоугольная ниша (размеры $0,07 \times 0,04 \times 0,04$ м). Все указанные углубления и ниши, вероятно, предназначались для помещения мощей. Однако частичек их в процессе наших работ не обнаружено.

Обряд закладывания мощей святых в различные конструктивные эле-

менты алтарной части храмовых комплексов восходит к раннехристианской традиции (так называемый обряд *katathesis*). Со временем он превратился в торжественную церемонию в рамках общей христианской литургии. Согласно церковным правилам, окончательно утвержденным на VII Вселенском соборе в Никее 787 г., в основании престола любого храма должны были находиться святые мощи (Деяния 1891: 306; Никольский 1907: 9–12; Wortley 1982: 253–279; Parenti, Velkovska 1995: 336; Лидов 2000: 8; Желтов 2000: 111–126). Традиционно их закладывали либо под верхнюю покровную плиту, либо в крипте под алтарем (Kieckhefer 2004: 75–96). Однако известны и иные места размещения мощей-реликвий — под полом храма, в полускрытых или специальных помещениях (криптах, пещерах),

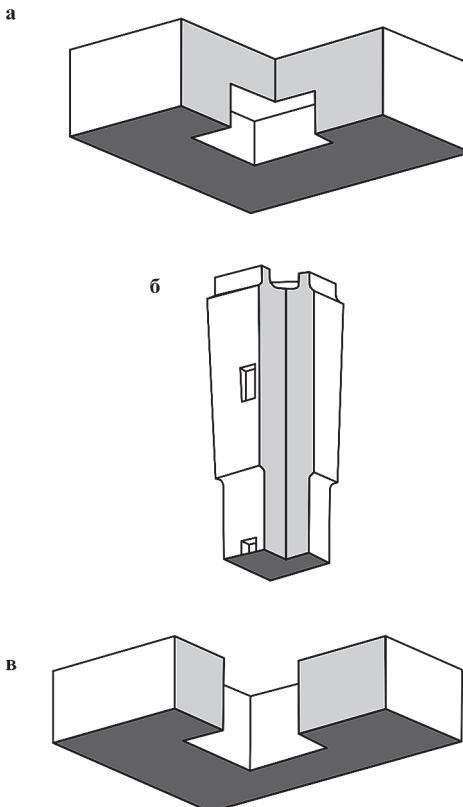


Ил. 11. Илькинский храм. Алтарный престол.
Рабочая реконструкция в ходе археологических
исследований. Фото В.Е. Науменко

внутри церкви или на уровне ее пола (Brown 1981; Сорочан 2015: 143–148).

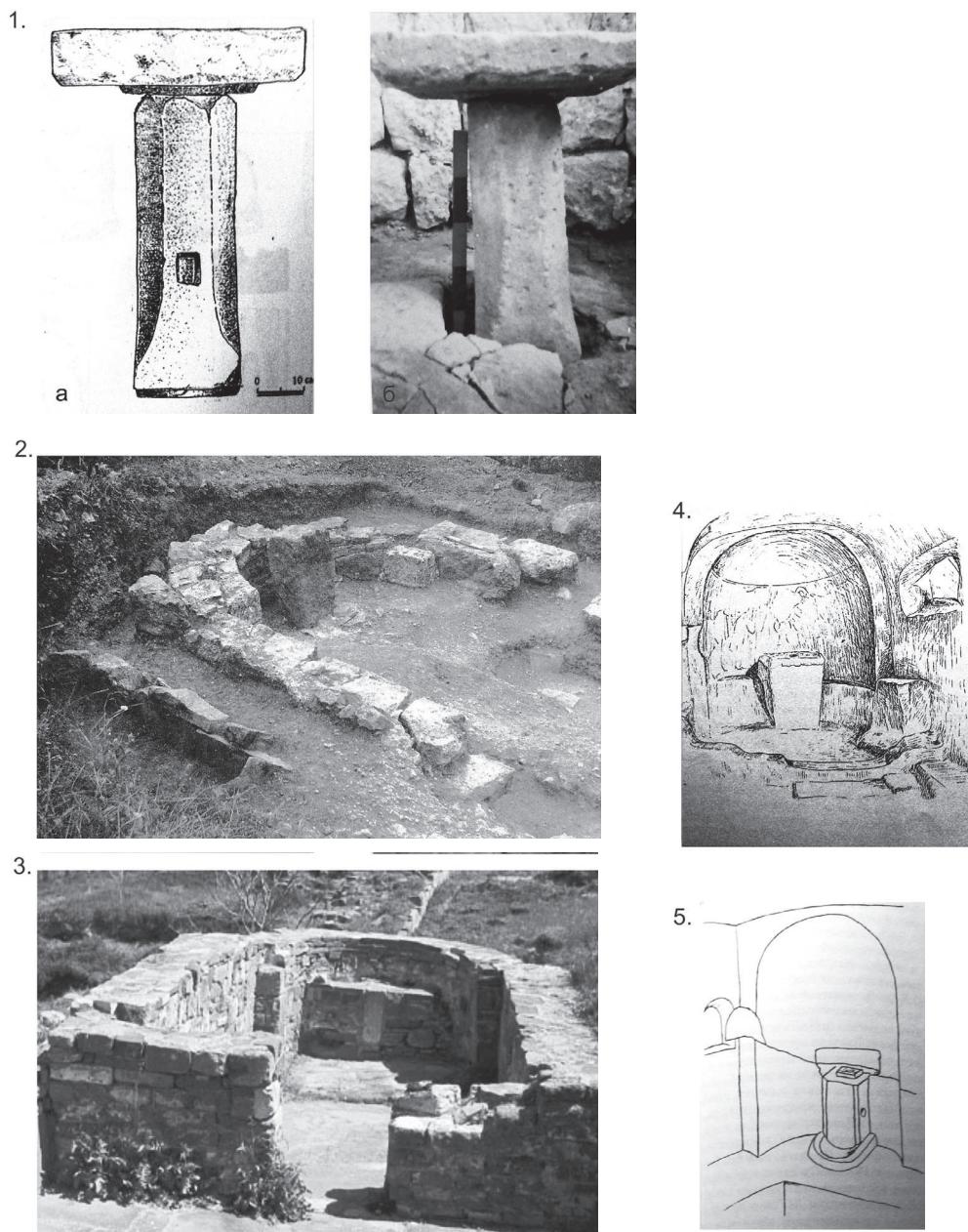
Среди крымских аналогов алтарному престолу Илькинского храма конструктивно близок сохранившийся *in situ* престол одноапсидного храма Баклинского городища. Принципиальное отличие между ними, пожалуй, лишь одно: на Бакле престол находился в центре апсиды храма, вероятно, для возможности совершения циркумамбуляции², в то время как в церкви на г. Илька движение вокруг алтаря было совершенно невозможно. В колонне престола Баклинского храма также имеется ниша для мощей, обращенная на восток (Юрочкин 2009: 275–311; Юрочкин, Виноградов, Гайдуков, Неневоля 2003; Юрочкин, Гайдуков 2005).

² Подробнее об этом элементе церковной литургии см.: (Bowker 1999: 224; Подосинов 2009: 55–65).



Ил. 12. Церковь на г. Илька. Алтарный престол.
Реконструкция Д. В. Иожицы (Корзюк):
а — покровная плита;
б — столб-колонна;
в — плита основания престола

Аналогичную литургическую особенность можно наблюдать и в одненефной часовне на г. Перчем. Здесь престольный камень, изготовленный из песчаника, был вмурован в монолитное заполнение апсиды (Майко, Джанов 2015: 148, рис. 60–61). Стоит отметить, что среди опубликованных алтарных престолов средневековых церквей Крыма не прослеживается закономерность расположения ниш для святых мощей (Гайдуков, Карнаушенко, Джанов 2002: 115; Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72–80; Гайдуков, Желтов 2006) (ил. 13).



Ил. 13. Алтарные престолы средневековых христианских церквей Крыма: 1 — Баклинский храм (реконструкция и фото по: Юрочкин 2009: 303, рис 6, 5); 2 — Фунская часовня № 1 (по: Кирилко 2010: 317, рис. 8); 3 — храм на г. Перчем (фото Д. В. Иожица (Корзюк)); 4 — графическая реконструкция алтарной части с престолом «храма Донаторов» в округе Эски-Кермена (по: Гайдуков, Карнаушенко, Джанов 2002: 126, рис. 13); 5 — графическая реконструкция алтарной части с престолом храма «Успения Богородицы» на Эски-Кермене (по: Гайдуков, Карнаушенко, Джанов 2002: 117, рис. 3)

Объемная реконструкция Илькинского храма

Однонефные церкви являются наиболее распространенным типом христианских культовых сооружений и одновременно наиболее вариативным среди них (Иоаннисиан 2013: 64–116; Winfield, Wainwright 1962: 131–161). Тем не менее даже в небольших по размерам храмах прослеживаются некоторые закономерности пропорционирования (Кузнецов 1977: 98; Оустерхаут 2005: 52–79). Считается, что длина и ширина прямоугольной в плане формы основного объема церковного здания должны соотноситься между собой в пропорции 5:3 (Кирилко 2015: 38). Однако в Илькинском храме соотношение длины к ширине близко к пропорции 4:3. Из этого, скорее всего, следует заключение о том, что часовня возводилась не профессиональными зодчими и мастерами-строителями, а обычными сельскими жителями, не имеющими специальной архитектурной подготовки (Полевой 1973: 269, 344; 1975: 45).

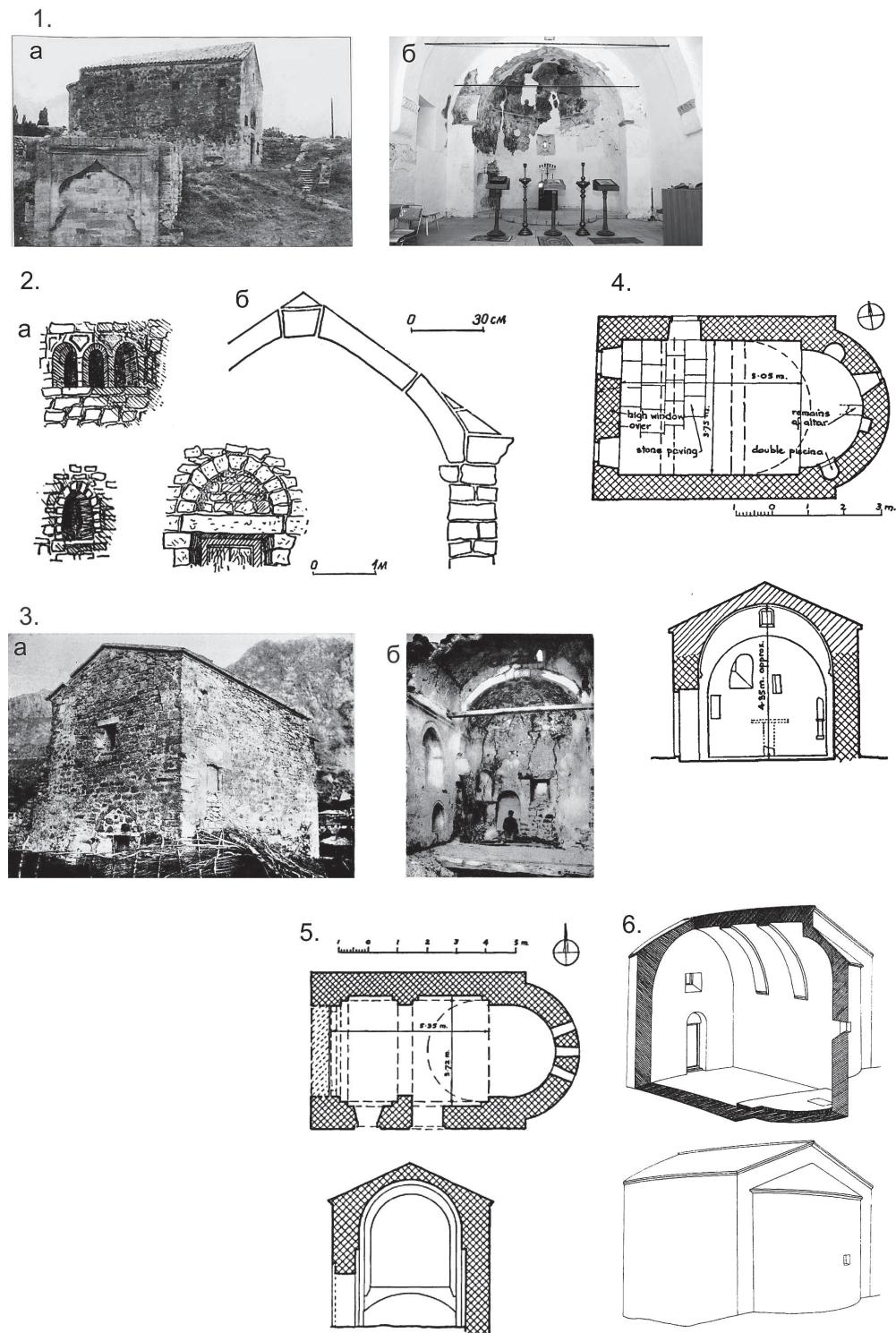
Традиционно перекрытие основного объема культового христианского здания было стропильным либо сводчатым; его алтарное полукружие завершалось конхой (Иоаннисиан 2013: 64–116; Шуази 1935: 7; Ballance 1960: 141–175, fig. 5, 9, 21, 23; Winfield, Wainwright 1962: 131–161; Oikonomou 2014). Ю. Г. Лосицкий, разрабатывая модульную систему крымских средневековых храмов, выявил некоторую закономерность в строительной

схеме сооружений. Так, в однонефных храмах небольших размеров и высотой свода до пят соотношение толщины стен к пролету фиксируется в пределах 1:4 — 1:6 (Лосицкий 1990: 37). В Илькинском храме эта пропорция также определяется как 1:4, следовательно, перекрытие памятника должно быть сводчатым. В вопросе реконструкции зданий следует помнить, что разным архитектурным школам были присущи некоторые модификации объемно-пространственных решений культовых сооружений, особенно если речь идет о провинциальной архитектурной традиции и практике (Милонов 1966: 161–196; Шуази 1935: 8–22; Mango 1985; 1986: 272).

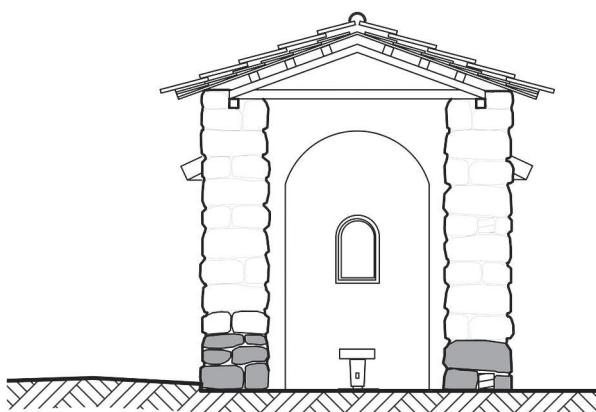
Сохранились достоверные данные о форме перекрытия церкви Свв. Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Феодосии, где свод был, вероятно, стрельчатым (Домбровский 1968: 70–74; 1974: 36, рис. 24, 2; Айбабина, Бочаров 2002: 158–168, рис. 12–13). Нужно также упомянуть двухэтажную церковь Фунского укрепления 1459 г. со сводчатым перекрытием (Домбровский 1974: 37; Кирилко 2005: 151–183) (ил. 14).

При изучении разновидностей сводчатых перекрытий храмов средневековой Таврики О. И. Домбровский подчеркивал, что их конструктивное разнообразие во многом происходит из-за взаимодействия в регионе византийского, армяно-малоазийского и романского архитектурных стилей (Домбровский 1974: 35–37). Подобной точки зрения придерживается

Ил. 14. Однонефные храмы XIII–XV вв. средневекового Крыма и Трапезунда. Виды перекрытий: 1 — церковь Св. Димитрия в Феодосии: а — экстерьер; б — алтарная часть после современной реконструкции; 2 — церковь в Верхней Массандре. Реконструкция О. И. Домбровского (Домбровский 1968: 72, а): а — конструктивные элементы; б — сводчатое перекрытие; 3 — надвратная церковь замка Фуны: а — фото внешнего вида храма (А. Л. Бертье-Делагард, 1889 г.); б — фото алтарной части (по: Кирилко 2005: 30, рис. 26); 4 — «храм Д» (Chapel D) в Трапезунде: план и поперечный разрез (по: Ballance 1960: 151, fig. 5); 5 — церковь Орта Махалле в Трапезунде: план и поперечный разрез (по: Ballance 1960: 166, fig. 19); б — церковь Свв. Феодора Тирона и Феодора Стратилата в Феодосии — аксонометрия (по: Айбабина, Бочаров 2002: 158–168, рис. 12–13).

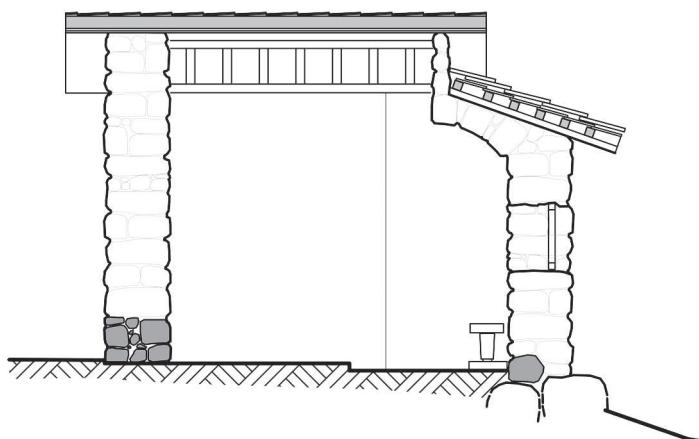


1.



Ил. 15. Илькинский храм.
Объемно-пространственная
реконструкция памятника.
Выполнена Д. В. Иожицей
(Корзюк). Продольный
и поперечный разрезы. Серым
цветом отмечен уровень
сохранившихся стен храма

2.



и С. Балланс (*Ballance* 1960: 174–175). В качестве примеров одненефных сводчатых храмов она приводила «храм Д» (*Chapel D*) в Трапезунде, где изначальная деревянная конструкция кровли была переделана в сводчатую, и церковь Орта Махалле в Аккаабате (Турция) (*Ibid*: 151, fig. 5). Описывая одненефные храмы Западной Алании, В.А. Кузнецов отмечал доминирование восточно-византийского влияния в регионе, при посредничестве соседней Абхазии. Он реконструировал

их как невысокие и тесные сооружения, с двускатной кровлей, покрытые досками или песчаными плитами, и соглашался с графической реконструкцией таких церквей О.И. Домбровским на основе средневековой церкви в Массандре (Кузнецов 1977: 112–114).

Предлагаемая нами объемно-пространственная реконструкция церкви на г. Илька опирается в первую очередь на результаты ее археологических исследований (ил. 15). В связи с тем, что

во время раскопок не были выявлены каменные блоки сводчатой конструкции храма, а также с учетом деформаций осей его стен, вызванных, вероятно, внутренним пожаром, мы придерживаемся версии стропильного перекрытия церкви. Важно отметить, что на начальном этапе сооружения здания строители использовали усиливающие конструкции из дерева, которые играли решающую роль в устойчивости постройки (Ousterhout 2005: 206). Конечно, при возведении сводчатой конструкции храма могли также применяться деревянные балки, но тогда следы сгоревшего дерева были бы точечного характера, что противоречит археологическим данным, указывающим на распространение пожара на большой площади.

Византийская строительная практика переняла многие приемы из античного инженерно-архитектурного наследия (Милонов 1966: 163). К ним относится в том числе и широкое использование в строительстве конструкций из дерева. Процесс перекрытия большепролетных зданий деревянными фермами был достаточно трудоемким (Шуази 1935: 290–294, 511). Для обеспечения их прочности еще римские зодчие усовершенствовали греческую стропильную систему (Adam 1999: 428–439, fig. 491–496, 502). О. Шуази отмечает наличие двух новых конструктивных элементов в архитектуре Древнего Рима — затяжка и «бабка». Первый элемент (затяжка) обеспечивал равномерное распределение веса кровли на стены постройки (Шуази 1935: 511, рис. 367). Второй являлся подпорным элементом. Таким образом, кровля располагалась непосредственно на двух стропильных ногах, упertenых в затяжку, которая подвешивалась на «бабке» (вертикальная затяжка). Ю.К. Милонов, описывая строительные приемы, заимствованные византийскими зодчими у своих

предшественников, отмечает применение затяжки и ригеля, если здание имело пролет размерами до 9,00 м; в случае 10-метровой конструкции добавлялись подбаки и подмоги (Милонов 1966: 161–196, 179). О ригеле говорит В.Г. Залесский, называя конструкцию «висячей системой деревянных стропил» (Залесский 1904: 27; Лосицкий, Паршина 2002: 99–113). Один из наиболее удачных примеров деревянных ферм в византийской архитектуре сохранился в церкви монастыря Св. Екатерины на Синайском полуострове (Forsyth 1968: 8–9, fig. 21; Mango 1986: 22, fig. 21).

В византийской архитектуре основным кровельным материалом служила черепица, хотя иногда использовались изделия из камня и свинца (Ousterhout 2005: 163). Уклон кровлиарьировался в том числе в зависимости от используемого материала покрытия. В нашем случае крыша церкви была черепичная, следовательно, уклон кровли был в пределах 15–30 градусов (Лосицкий 1988: 35; Танаков, Нагорная 2008: 14–33). Невозможно уверенно сказать, какая именно раскладка черепицы использовалась при перекрытии храма. Известно несколько систем устройства кровли (Ousterhout 1999: 147–151). На наш взгляд, наиболее вероятным вариантом раскладки черепицы была система, когда каждый последующий горизонтальный ряд керамид укладывался поверх предыдущего, а калиптеры — на стыках керамид. Расчеты показали, что на основной объем крыши Илькинского храма необходимо около 325–361 керамид и 102–124 калиптера; 12 калиптеров предназначались для устройства гипотетического конька кровли. Для перекрытия апсидной части церкви, по нашим подсчетам, требовалось приблизительно 37–41 калиптера и 22 керамиды. Таким образом, всего для покрытия крыши

храма на г. Илька нужно было приблизительно около 427–485 единиц строительной керамики.

К сожалению, в ходе раскопок храма на г. Илька не были выявлены его декоративные архитектурные элементы, за исключением небольшого фрагмента известнякового оконного наличника (?) общими размерами 0,57 × 0,89 м. Апсида, скорее всего, освещалась одним окном, что, как правило, бывало в храмах, использовавшихся для проведения крупных литургий лишь несколько раз в год (Potamianos 1996; Jabi, Potamianos 2006: 798–803). Одиночные окна могли быть расположены и на других стенах храма, в частности на западной, как в случае с церковью Св. Ильи в Солнечной Долине в юго-восточной части Крымского полуострова. К сожалению, для Илькинского храма точное установление места нахождения и количества окон вряд ли возможно.

По археологическим данным, главной причиной разрушения и гибели храма на г. Илька был пожар. При детальном осмотре его стен можно отчетливо увидеть деформации контура здания, направленные вовнутрь постройки. Известно, что при изменении температуры конструкции изменяется соответственно и ее напряженное состояние (Марков 2012: 45–46). Если учесть, что произошел температурный перегрев каменной конструкции, то, исходя из существующих схем деформации стен здания, источник возгорания, вероятно, находился внутри храма (Там же: 46, рис. 9).

После гибели Илькинского храма, вероятно, была предпринята попытка его восстановления, на что указывает появление новой кладки, приложенной снаружи к южной стене часовни, о которой мы уже говорили. Однако эта попытка восстановления храма, видимо, не дала результата, и поэтому памятник рассмат-

ривается нами как сооружение, имевшее только один строительный период.

В заключение несколько слов о функциональном назначении церкви на г. Илька. Здесь следует обратить внимание на два момента. Во-первых, храм расположен на пересечении дорог, связывающих округу Мангупа с перевалами Главной гряды Крымских гор (ил. 1). Во-вторых, он находится в отдалении от известных поселенческих структур в данном районе Крымских предгорий. Кроме того, обследования территории вокруг церкви не выявили следов ее некрополя и вообще каких-либо указаний на постройки или хозяйствственные комплексы, которые возможно было бы связать с функционированием комплекса. Все это позволяет рассматривать Илькинский храм как отдельную придорожную церковь-часовню, которая использовалась в относительно небольшой промежуток времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мыц 1979 — Мыц В. Л. Отчет об археологических раскопках средневекового укрепления на г. Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен в 1979 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1979/ 8-«Г».

Юрочкин, Виноградов, Гайдуков, Неневоля 2003 — Юрочкин В. Ю., Виноградов А. В., Гайдуков Н. Е., Неневоля И. И. Отчет об охранно-археологических работах на городищах Бакла и Тепе-кермен в Бахчисарайском районе АРК в 2003 г. // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инвентарная книга № 5. И nv. №. 867. Папка № 1312.

Юрочкин, Гайдуков 2005 — Юрочкин В. Ю., Гайдуков Н. Е. Отчет об археологических работах Бахчисарайского отряда Горно-крымской экспедиции в 2005 г. Т. II. Работы на городище Бакла и в ущелье Глубокий Яр // Научный архив Бахчиса-

- райского историко-культурного и археологического музея-заповедника.
- Адаксина 1994 — Адаксина С.Б. Исследование монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь: Сонат, 1997. С. 11–13.*
- Айбабина, Бочаров 2002 — Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие церкви средневековой Кафы // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 159–168.*
- Баранов, Майко, Кузьминов 2007 — Баранов И.А., Майко В.В., Кузьминов А.В. Археологические исследования на территории средневековой Сугдеи и ее посада // АИК. 1995 год. Симферополь, 2007. С. 21–23.*
- Бочаров 2002 — Бочаров С.Г. Средневековый Массандровский «храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 161–166.*
- Бочаров 2004 — Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена). Киев: Стилос, 2004. С. 43–57.*
- Бочаров, Кирилко 2017 — Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Т. 32. 2017. С. 279–304.*
- Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005 — Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. № 1. 2005. С. 72–80.*
- Воронин, Герцен 1994 — Воронин Ю.С., Герцен А.Г. Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский район. Научно-производственные работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т. 6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии города Мангуп и памятников его окружги. Симферополь, 1994.*
- Гайдуков, Карнаушенко, Джанов 2002 — Гайдуков Н.Е., Карнаушенко Э.Н., Джанов А.В. Новые данные по храмовым росписям Эски-кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 114–132.*
- Гайдуков, Желтов 2006 — Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. С. 76–85.*
- Герцен 1990 — Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. 1990. С. 87–166, 242–271.*
- Герцен 2008 — Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 2008. С. 212–256.*
- Герцен 2017 — Герцен А.Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. 2017. С. 12–45.*
- Герцен, Науменко 2015 — Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Керчь, 2015. С. 88–100.*
- Герцен, Науменко 2016 — Герцен А.Г., Науменко В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 247–258.*
- Герцен, Науменко 2017 — Герцен А.Г., Науменко В.Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам*

- комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Деяния* 1891 — Деяния Вселенских соборов. Казань, 1891.
- Домбровский 1968 — Домбровский О. И. Средневековый храм в Массандре // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 70–74.
- Домбровский 1974 — Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
- Домбровский, Столбунов, Баранов 1975 — Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг — «Святая» гора. Симферополь: Таврия, 1975.
- Желтов 2000 — Желтов М. С. Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000. С. 111–126.
- Залесский 1904 — Залесский В. Г. Архитектура. Краткий курс. Построение частей зданий. М., 1904.
- Зилибинская 2014 — Зилибинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014.
- Иоаннисиан 2013 — Иоаннисиан О. И. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // ТГЭ. Византия в контексте мировой культуры. Вып. 69. 2013. С. 64–118.
- Кирилко 2005 — Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: Стилос, 2005.
- Кирилко 2010 — Кирилко В. П. Фунская часовня № 1 // Археологический альманах. № 22. Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. С. 311–322.
- Кирилко 2015 — Кирилко В. П. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. № 32. Киев: ИД «Антвар», 2015.
- Кузнецов 1977 — Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: ИР, 1977.
- Лидов 2000 — Лидов А. М. Священное пространство реликвий // Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуга, 2000. С. 3–18.
- Лосицкий 1988 — Лосицкий Ю. Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 27–36.
- Лосицкий 1990 — Лосицкий Ю. Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. № 2. Київ, 1990. С. 33–46.
- Лосицкий, Паршина 2002 — Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.
- Лысенко, Тесленко 2002 — Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский район с древних времен и до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 59–89.
- Майко, Джанов 2015 — Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь: Ариал, 2015.
- Марков 2012 — Марков А. И. Анализ прочности строительных конструкций. Запорожье, 2012.
- Милонов 1966 — Милонов Ю. К. Строительная техника Византии // Всеобщая история архитектуры. Т. III. Архитектура Восточной Европы. Л.-М., 1966. С. 161–193.
- Моисеев 2014 — Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в окресте горы Илька // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIX. 2014. С. 278–310.
- Мыц 1987 — Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исаар-кая // Советская археология. № 2. 1987. С. 228–245.
- Мыц 1990 — Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. № 1. 1990. С. 224–242.
- Науменко, Душенко, Корзюк 2016 — Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В. Новый христианский культовый комплекс в окресте Мангупского городища. Храм на горе Илька // VIII Международный Визан-

- тийский семинар «ХЕРСΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Материалы конференции. Севастополь, 2016. С. 77–83.
- Науменко, Иожица, Набоков* 2017 — Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Материалы конференции. Севастополь, 2017. С. 50–55.
- Никольский* 1907 — Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907.
- Оустерхаут* 2005 — Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л. А. Беляев; редакция и комментарии Л. А. Беляев, Г. Ю. Иванкин. Киев; М.: «КОРВИН ПРЕСС», 2005.
- Паршина* 1972 — Паршина О. О. Середньовічне укріплення на горі Ай-Тодор // Археологічні дослідження України в 1969 р. Київ, 1972. С. 254–257.
- Подосинов* 2009 — Подосинов А. В. Литургическое движение в сакральном пространстве: Об античных истоках восточнохристианской обрядности // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 50–65.
- Полевой* 1973 — Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973.
- Полевой* 1975 — Полевой В. М. Искусство Греции. Новое время. М.: Искусство, 1975.
- Сорочан* 2015 — Сорочан С. Б. О мощах и типах их местоположения в византийском Херсоне V–X вв. // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. С. 143–148.
- Танаков, Нагорная* 2008 — Танаков В. В., Нагорная В. В. Архитектурное конструирование: в 3 книгах. Симферополь, 2008.
- Тесленко, Лысенко* 2005 — Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Археологические разведки на территории Маломаяцкого сельсовета (APK) 2004 г. // Археологические исследования в Украине 2003–2004 гг. (ред. Н. А. Гаврилюк). Киев; Запорожье: ИА НАН, 2005.
- Фирсов* 1967 — Фирсов Л. В. Археологические разведки на Исар-кая и Шайтан-Мердве-не в 1967 г. // Феодальная Таврика. Мате-риалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 94–108.
- Фирсов* 1990 — Фирсов Л. В. Исары. Очерки ис-тории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск: Наука, 1990.
- Шуази* 1935 — Шуази О. История архитектуры [в 2 т.] / общ. ред. Ю. К. Милонова, А. А. Си-дорова. М.: Академия архитектуры, 1935.
- Юрочкин* 2009 — Юрочкин В. Ю. Новые хри-стианские памятники «пещерного горо-да» Бакла в Крымской Готии // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековые. Симферополь: Таврия, 2009. С. 275–311.
- Adam* 1999 — Adam J. P. Roman Building. Mate-rials and Techniques. London: Routledge, 1999.
- Ballance* 1960 — Ballance S. The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. Vol. 10. Ankara, 1960. P. 141–175.
- Bowker* 1999 — Bowker J. The Oxford Dictionary of World Religions. Oxford : Oxford University Press, 1999.
- Brown* 1981 — Brown P. The Cult of the Saints: Its Raise and Function in Latin Christianity. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Forsyth* 1968 — Forsyth G. H. The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai // Dumbarton Oaks papers, vol. 22, 1968. P. 45–60.
- Jabi, Potamianos* 2006 — Jabi W., Potamianos I. Interactive parametric design and the role of light in Byzantine churches // Proceed-ings of the 24th Conference on Education in Computer Aided Design in Europe. Volos, 2006. P. 798–803.
- Kieckhefer* 2004 — Kieckhefer R. Theology in Stone: Church Architecture from Byzantium to Berkeley. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Mango* 1985 — Mango C. Byzantine Architec-ture. Milano; New York, 1985.
- Mango* 1986 — Mango C. The Art of the Byzan-tine Empire 312–1453: Sources and Docu-ments. Toronto; London: University of To-ronto Press in association with the Medi-eval Academy of America, 1986.

- Oikonomou 2014 — Oikonomou A. Documentation and Restoration of Hagios Nikolaos in Vevi, Florina // 9th International Symposium on the Conservation of Monuments in the Mediterranean Basin. Ankara, 2014. P. 1–12.
- Ousterhout 1999 — Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999.
- Parenti, Velkovska 1995 — Parenti S., Velkovska E. L'Eucologio Barberini gr. 336. Roma: Liturgiche, 1995.
- Potamianos 1996 — Potamianos I. Light into Architecture: The Evocative Use of Natural Light as Related to Liturgy in Byzantine Churches. Ph. D. dissertation. Michigan, 1996.
- Wessel 1963 — Wessel K. Altar // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1963. S. 111–120.
- Winfield, Wainwright 1962 — Winfield D., Wainwright J. Some Byzantine churches from the Pontus // Anatolian studies. Vol. 12. 1962. P. 131–161.
- Wortley 1982 — Wortley J. Iconoclasm and Leipsoiconoclasm: Leo III, Constantine V and the Relics // Byzantinische Forschungen. Bd. 8. 1982. P. 253–279.
- REFERENCES
- Adaksina S.B. Issledovanie monastyrskogo kompleksa na iugo-vostochnom sklonie g. Ai-Dag (Research of the monastic complex on the south-eastern slope of the city of Ayu-Dagh). *Arkeologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god. (Archeological Researches in Crimea. 1994)*. Simferopol: Sonat Publ., 1997, pp. 11–13 (in Russian).
- Aibabina E.A., Bocharov S.G. Grecheskie tservi srednevekovoi Kaffy (Greek churches of medieval Kaffa). Pravoslavnje drevnosti Tavriki (Orthodox antiquities of Taurica). Kiev: Stilos Publ., 2002, pp. 159–168 (in Russian).
- Baranov I.A., Maiko V.V., Kuzminov A.V. Arkheologicheskie issledovaniia na territorii srednevekovoi Sugdei i ee posada (Archaeological research on the territory of medieval Sughdia and its land). *Arheologicheskie issledovaniia v Kryimu. 1995 god (Archeological Researches in Crimea)*. Simferopol: Sonat Publ., 2007, pp. 21–23 (in Russian).
- Bocharov S.G. Srednevekovii Massandrovskii «Khram 1894 goda». Odin epizod nauchnoi deiatelnosti K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha (Medieval Massandra 'Church of 1894'. One episode of KK Kosciusko-Valyuzhinich's scientific work). *Tserkovnaia arkheologija Yuzhnoi Rusi (Church Archeology of Southern Russia)*. Simferopol, 2002, pp. 161–166 (in Russian).
- Bocharov S.G. Opisanie srednevekovykh khramov regiona Alushty v arkhivnykh materialakh P.I. Keppena (Description of the medieval churches of the Alushta region in the archival materials of P.I. Keppen). *O drevnostiakh luzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (po materialam konferentsii v chest' 210-letiia so dnia rozhdeniya P.I. Keppena)* (On the Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauride Mountains (based on the materials of the conference in honor of the 210th anniversary of the birth of P.I. Keppen)). Kiev: Stylos, 2004, pp. 43–57 (in Russian).
- Bocharov S.G., Kirliko V.P. Srednevekovye tservi luzhnogo berega Kryma (materialy k arkheologicheskoi karte) (Mediaeval Churches of the South Bank of Crimea (Materials to the Archaeological Map)). *Dobrudzha*, vol. 32, 2017, pp. 279–304 (in Russian).
- Vinogradov A. Iu., Gaidukov N.E., Zheltov M.S. Peshchernye khramy Tavriki: k probleme tipologii i khronologii (Cave churches of Taurica: The problem of typology and chronology). *Rossiiskaia Arkheologija*, no. 1, 2005, pp. 72–80 (in Russian).
- Voronin Iu. S., Gercen A. G. Pamiatniki arkhitektury i arkheologii. Bakhchisaraiskii raion (Monuments of architecture and archeology. Bakhchisaray district). Nauchno-proizvodstvennie raboty po obsledovaniiu territorij i podgotovke predlozenij po organizacii zon ohrany pamiatnikov (Scientific and industrial works on the survey of territories and preparation of proposals for the organization of monuments protection zones), vol. 6. Simferopol, 1994 (in Russian).
- Gaidukov N.E., Karnaushenko Eh. N. Dzhanov A.V. Novye dannye po khramovym rospis-

- siam Eski-Kermen i ego okrugi (New data on the church paintings of Eski-Kerman and its district). Pravoslavnye drevnosti Tavriki. Kiev: Stylos Publ., 2002, pp. 114–132 (in Russian).
- Gaidukov N.E., Zheltov M.S. Prestoly peshchernykh khramov Iugo-Zapadnogo Kryma. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy III Sudakskoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Black Sea, Crimea, Russia in history and culture. Materials of the III Sudak International Scientific Conference). Kiev; Sudak, 2006, pp. 76–85 (in Russian).
- Gertsen A.G. Krepostnoi ansambl' Mangupa (Fortress ensemble of Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria), vol. 1. Simferopol', 1990, pp. 87–166, 242–271 (in Russian).
- Gertsen A.G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX v.) (Mangup through the eyes of researchers and travelers (XVI — early XX century.)). BIAS. Vyp. 3. Simferopol': AntikvA Publ., 2008, pp. 212–256 (in Russian).
- Gertsen A.G. K 50-letiiu vozobnovleniya arkheologicheskogo izuchenija Mangupa: nachal'nyi etap (To the 50th anniversary of the resumption of the archaeological study of Mangup: the initial stage). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria), vol. 22, Simferopol', 2017, pp. 12–45 (in Russian).
- Gertsen A.G., Naumenko V.E. Stratigrafia Mangupskogo gorodishcha: antropogennii i prirodno-geograficheskii kontekst (Stratigraphy of the Mangup Mountains: anthropogenic and natural geographic context). XVI Bosporskie chteniia «Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaiia sreda i sozium» (XVI Bosphorus readings "Bosporus Cimmerian and barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society"). Kerch, 2015, pp. 88–100 (in Russian).
- Gertsen A.G., Naumenko V.E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Iugo-Zapadnom Krymu (On the issue of the allocation of the Golden Horde period in the history of the Mangup fortress in the South-Western Crimea). *Golden Horde civilization. № 9. 2016. S. 247–258* (in Russian).
- Gertsen A.G., Naumenko V.E. Istorija izuchenija i topografija khramovykh kompleksov i nekropolei Mangupskogo gorodishcha (History of the study and topography of the temple complexes and the necropolis of the Mangup hillfort). *Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkheologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (4–17 veka)* (The population of Doros-Theodoro by the results of a complex archaeological and anthropological analysis of the necropolises of the Mangup hillfort (4–17 centuries)). Eds. A.G. Gercen, V.E. Naumenko, T. Iu. Shvedchikova. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2017 (in Russian).
- Deianiai Vselenskikh soborov* (Acts of Ecumenical Councils). Kazan, 1891 (in Russian).
- Dombrovskii O.I. Srednevekovyi khram v Massandre (Medieval temple in Massandra). *Arheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1967 godu* (Archaeological research in Ukraine in 1967). Kiev, 1968, pp. 70–74 (in Russian).
- Dombrovskii O.I. Srednevekovie poselenija i "isary" Krymskogo Yuzhnoberezh'ya (Medieval settlements and "isary" of the Crimean South Coast). *Feodal'naya Tavrika (Feudal Tavrika)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1974, pp. 5–56 (in Russian).
- Dombrovskii O., Stolbunov A., Baranov I. Ayu-Dag — «Sviataia» gora (Ayu-Dag — "Holy Mountain"). Simferopol: Tavriia Publ., 1975 (in Russian).
- Zheltov M.S. Chin osviashchenija khrama i polozenija sviatykh moshchei v vizantiiskikh Evhologiiaj 11 veka (The consecration of the temple and the position of holy relics in the Byzantine Euchologies of the 11 century). *Relikvii v iskusstve i kul'ture vostochnokristianskogo mira* (Relics in the art and culture of the Eastern Christian world). Moscow, 2000, pp. 111–126 (in Russian).
- Zalesskii V.G. Arkhitektura. Kratkii kurs. Postroenie chastei zdaniij (Architecture. Short course).

- Building parts of buildings).* Moscow, 1904 (in Russian).
- Zilivinskaia E. D. *Arkhitектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество (Architecture of the Golden Horde. Part I. Religious architecture).* Kazan: Otechestvo Publ., 2014 (in Russian).
- Ioannisyan O. I. *Odnonefnye khramy v arkitekturě Armenii i Vizantii (Konstantinopol', Malaia Aziia, Pont, Greciya, Kipr). Funkcii i tipologija (One-nave temples in the architecture of Armenia and Byzantium (Constantinople, Asia Minor, Pont, Greece, Cyprus). Functions and typology).* *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of the State Hermitage). Vizantia v kontekste mirovoi kul'tury (Byzantium in the context of world culture),* 2013, issue 69, pp. 64–118 (in Russian).
- Kirilko V. P. *Krepostnoi ansambl' Funyi. (1423–1475 gody) (Fortress ensemble of Funa (1423–1475)).* Kiev: Stilos Publ., 2005 (in Russian).
- Kirilko V. P. *Funnskaya chasovnia №1 (Funksa Chapel №1). Archaeological Almanac. Ancient and medieval Taurica,* 2010, no. 22, pp. 311–322 (in Russian).
- Kirilko V. P. *Drevnosti Semidvoria I. Srednenevskoyi dvukhapsidnyi khram v urochische Edi-Evler (Alushta, Kryim): issledovaniya i materialy (Antiquities of Semidvorye I. Medieval two-hapsid temple in the tract Edi-Gevler (Alushta, Crimea): research and materials).* *Archaeological Almanac,* 2015, no. 32 (in Russian).
- Kuznecov V. A. *Zodchestvo feodal'noi Alanii (Architecture of feudal Alanya).* Ordzhonikidze: IR Publ., 1977 (in Russian).
- Lidov A. M. *Sviashchennoe prostranstvo relikvii (Sacred space of relics). Christian relics in the Moscow Kremlin.* Moscow: Radunica Publ., 2000, pp. 3–18 (in Russian).
- Losickii Iu. G. *Opyt rekonstrukcii krestooobraznykh khramov Khersonesa (Experience of reconstruction of cruciform temples of Chersonesos).* *Architectural and archaeological research in the Crimea.* Kiev, 1988, pp. 27–36 (in Russian).
- Losickii Iu. G. *Do pitannia tipologichnoi evoliucii monumental'noi arkitekturi seredn'ovichnogo Krimu (On the issue of the typological evolution of the monumental architecture of the medieval Crimea).* *Archeology,* 1990, no. 2, pp. 33–46 (in Russian).
- Losickii Iu. G., Parshina E. A. *Eski-Kermenskaya bazilika (Eski-Kermen basilica).* *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Orthodox antiquities of Tauris).* Kiev: Stilos Publ., 2002, pp. 99–113 (in Russian).
- Lysenko A. V., Teslenko I. B. *Antichnye i srednevekovye pamiatniki gory Ayu-Dag (Antique and medieval monuments of Mount Ayu-Dag).* *Alushta i Alushtinskii rajon s drevnikh vremen i do nashikh dnei (Alushta and Alushta district from ancient times to our days).* Kiev: Stilos Publ., 2002, pp. 59–89 (in Russian).
- Maiko V. V., Dzhanov A. V. *Arkheologicheskie pamiatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym (Archaeological monuments of the Sudak region of the Republic of Crimea).* Simferopol: Arial Publ., 2015 (in Russian).
- Markov A. I. *Analiz prochnosti stroitel'nykh konstrukcii (Strength analysis of building structures).* Zaporizhia, 2012 (in Russian).
- Milonov Iu. K. *Stroitel'naya tekhnika Vizantii (Construction technique of Byzantium).* *Questions of the history of architecture, vol. III: Architecture of Eastern Europe.* Leningrad — Moscow: 1966, pp. 161–193 (in Russian).
- Moiseev D. A. *Kompleks stroitel'noi keramiki 14 veka iz raskopok khristianskogo khrama v okruse gory Il'ka (Complex of building ceramics of the 14 century from the excavations of a Christian church in the vicinity of Mount Il'ka).* *Materials on archeology, history and ethnography of Tavria,* 2014, issue XIX, pp. 278–310 (in Russian).
- Myts V. L. *Srednevekovoe ukreplenie Isar-kaia (Medieval fortification of Isar-kaya).* *Soviet archeology,* 1987, no. 2, pp. 228–245 (in Russian).
- Myts V. L. *Krestoobraznyi khram Mangupa (The cruciform church of Mangup).* *Soviet archeology,* 1990, no. 1, pp. 224–242 (in Russian).
- Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V. *Novyi khristianskii kul'tovy kompleks v okruse Mangupskogo gorodishcha. Khram na g. Il'ka (A new Christian cult complex in the area of the Mangup Mountains. Church in the city of Il'ka).* *VIII International Byzantine seminar "ХЕРΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire*

- and policy". Conference proceedings. Sevastopol, 2016, pp. 77–83 (in Russian).*
- Naumenko V.E., lozhica D.V., Nabokov A.I. «Bazilika Markevicha» na iuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovanii 2012–2016 godov) ("Markevich's Basilica" on the southern periphery of the Mangup hillfort (based on research in 2012–2016)). *International Scientific Conference "Archeology of the Medieval Temple", to the 170th birthday of K. K. Kostyushko-Valyuzhinich. Conference materials.* Sevastopol, 2017, pp. 50–55 (in Russian).
- Nikolskii K. *Posobie k izucheniiu Ustava bogosluženiiia pravoslavnoi tserkvi (A Handbook for Studying the Charter of the Orthodox Church Service).* Saint Petersburg, 1907 (in Russian).
- Ousterhout R. *Master Builders of Byzantium.* Trans. by L.A. Beliaev. Kiev–Moscow: «KORVIN PRESS» Publ., 2005 (in Russian).
- Parshina O.O. Serednovichne ukrplennya na gori Ai-Todor (Medieval fortification on Mount Ai-Todor). *Archaeological research of Ukraine in 1969.* Kiev, 1972, pp. 254–257 (in Ukrainian).
- Podosinov A.V. Liturgicheskoe dvizhenie v sakral'nom prostranstve: Ob antichnykh istokakh vostochnokhristianskoi obriadnosti (Liturgical Movement in the Sacred Space: On the Antique Origins of the Eastern Christian Rituality). *Hierotopia. Comparative studies of sacred spaces,* ed. A. Lidov. M.: Indrik Publ., 2009, pp. 50–65 (in Russian).
- Polevoi V.M. *Iskusstvo Grecii. Srednie veka (The art of Greece. Middle Ages).* Moscow: Iskusstvo Publ., 1973 (in Russian).
- Polevoi V.M. *Iskusstvo Grecii. Novoe vremia (The art of Greece. Modern history).* Moscow: Iskusstvo Publ., 1975 (in Russian).
- Sorochan S.B. O moshchakh i tipakh ikh mestopolozheniya v vizantiiskom Khersone 5–10 vekakh (About the relics and types of their location in Byzantine Kherson during 5–10 centuries). *Laurea I. Antique World and the Middle Ages.* Harkov: OOO «NTMT» Publ., 2015, pp. 143–148 (in Russian).
- Tanakov V.V., Nagornaya V.V. *Arkhitekturnoe konstruirovaniye (Architectural construction).* Simferopol, 2008 (in Russian).
- Teslenko I.B., Lyisenko A.V. Arkheologicheskie razvedki na territorii Malomaiatskogo selsoveta 2004 goda (Archaeological Intelligence in the Maloymayatsky Selsoviet 2004). *Archeological researches in Ukraine 2003–2004,* ed. N.A. Gavrilyuk. Kiev; Zapozhze, 2005 (in Russian).
- Firsov L.V. Arkheologicheskie razvedki na Isarkaia i Shaitan-Merdvene v 1967 godu (Archaeological Intelligence on Isar-kaya and Shaitan-Merdven in 1967). *Feudal Tavrika. Materials on the history and archeology of the Crimea.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1974, pp. 94–108 (in Russian).
- Firsov L.V. *Isary. Ocherki istorii srednevekovykh krepostei luzhnogo berega Kryma (Isars. Essays on the history of medieval fortresses of the Southern coast of Crimea).* Novosibirsk: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Choisy A. *The history of architecture (in 2 volumes).* Moscow: Akademiiia arhitektury Publ., 1935 (in Russian).
- Iurochkin V. Iu. Novye khristianskie pamiatniki «peshchernogo goroda» Bakla v Krymskoi Gotii (New Christian monuments of the "cave city" Buckle in the Crimean Gothia). *Northern and Western Black Sea coast in the ancient era and the Middle Ages.* Simferopol: Tavriya Publ., 2009, pp. 275–311 (in Russian).
- Adam J.P. *Roman Building. Materials and Techniques.* London: Routledge Publ., 1999.
- Ballance S. The Byzantine Churches of Trebizond. *Anatolian Studies,* 1960, vol. 10, pp. 141–175.
- Bowker J. *The Oxford Dictionary of World Religions.* Oxford : Oxford University Publ., 1999.
- Brown P. *The Cult of the Saints: Its Raise and Function in Latin Christianity.* Chicago: University of Chicago Publ., 1981.
- Forsyth G.H. The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai. *Dumbarton Oaks papers,* vol. 22, 1968, pp. 45–60.
- Jabi W., Potamianos I. Interactive parametric design and the role of light in Byzantine churches. *Proceedings of the 24th Conference on Education in Computer Aided Design in Europe.* Volos, 2006, pp. 798–803.
- Kieckhefer R. *Theology in Stone: Church Architecture from Byzantium to Berkeley.* Oxford: Oxford University Publ., 2004.
- Mango C. *Byzantine Architecture.* Milano; New York, 1985.

- Mango C. *The Art of the Byzantine Empire 312–1453: Sources and Documents*. Toronto; London: University of Toronto Publ. in association with the Medieval Academy of America Publ., 1986.
- Oikonomou A. Documentation and Restoration of Hagios Nikolaos in Vevi, Florina. *9th International Symposium on the Conservation of Monuments in the Mediterranean Basin*. Ankara, 2014, pp. 1–12.
- Ousterhout R. *Master Builders of Byzantium*. Princeton, New Jersey: Princeton University Publ., 1999.
- Parenti S., Velkovska E. *L'Eucologio Barberini gr. 336*. Roma: Liturgiche Publ., 1995.
- Potamianos I. *Light into Architecture: The Evocative Use of Natural Light as Related to Liturgy in Byzantine Churches*. Ph.D. dissertation. Michigan, 1996.
- Wessel K. Altar. *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst*. Stuttgart, 1963, pp. 111–120.
- Winfield D., Wainwright J. Some Byzantine churches from the Pontus. *Anatolian studies*, vol. 12, 1962, pp. 131–161.
- Wortley J. Iconoclasm and Leipsanoclasm: Leo III, Constantine V and the Relics. *Byzantinische Forshungen*, vol. 8, 1982, pp. 253–279.

Р. Г. Мурадов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ КАРАВАН-САРАЕВ В КАРАКУМАХ

Средневековые караванные пути из Поволжья через Хорезм и из Китая через Мавераннахр в Иран до сих прослеживаются на отдельных отрезках в пустыне Каракум. Вдоль этих трасс в IX–XII вв. выросли цепочки караван-сараев, которые функционировали достаточно долго, до полного отмирания сухопутной трансконтинентальной торговли в XV в. Некоторые из них обследованы по старым трактам из Дехистана, Ниси и Мерва в двух направлениях: к Гурганджу (Куня-Ургенчу) и Бухаре. Степень их сохранности варьируется от едва заметных руин, по которым может быть восстановлен только план, до вполне читаемых объемных структур с важными конструктивными узлами. Лишь некоторые из них подвергались архитектурным обмерам и фрагментарным археологическим раскопкам. В статье предлагается типологическая классификация этих памятников, основанная, прежде всего, на морфологических свойствах, т. е. на особенностях не только их планировочной, но и объемно-пространственной структуры. Они сгруппированы по следующим признакам: внутренний прямоугольный двор в обводе помещений с внешними глухими стенами (как с прямоугольным, так и с круглым внешним абсидом); наличие высокой сигнальной башни на одном из углов здания; пластическое оформление фасадов массивными сомкнутыми полуцилиндрами (гофрами); двухчастная структура плана; многокамерный крытый замок (кёшк); вход через осевую башню. Деление это исключительно условное, т. к. нет ни одного памятника, который не совмещал бы в себе признаки двух и даже трех типов, что показано на конкретных примерах. Смысл этой классификации только один: выявить те свойства караван-сараев, которые присущи данному региону и могут считаться характерной чертой архитектуры Северного Хорасана.

Ключевые слова: исламская архитектура, караван-сарай, рабат, типология, Туркменистан, Каракумы.

R. G. Muradov

REGIONAL FEATURES OF THE CARAVANSARAI IN THE KARAKUM DESERT

Medieval caravan routes from the Volga region through Khorezm and from China through Maverannahr to Iran are still traced on separate stretches in the Karakum Desert. Along these routes in the 11th – 12th centuries grew chains of caravansarais, which functioned long enough, until the perennial transcontinental trade died off in the 15th century. Some of them were examined along the old tracts from Dehistan, Nisa and Merv in two directions: to Gurganj (Kunya-Urgench) and Bukhara. The degree of their safety varies from barely noticeable ruins, according to which only the plan can be reconstructed, to fully readable volumetric structures with important constructive nodes. Only a few of them were subjected to architectural measurements and fragmented archaeological excavations. The article proposes a typological classification of these monuments, based primarily on morphological properties, that is, on the features not only of their planning, but also of the three-dimensional structure. They are grouped according to the following features: an inner rectangular courtyard in the outskirts of rooms with external blind walls (with rectangular or circular outline); The presence of a high signal tower at one of the corners of the building; plastic decoration of facades with massive semi-cylinders (corrugations); two-part structure of the plan; multi-chambered castle (köşk); entrance through the axis tower. The division is purely conditional, since there is not any monument that does not combine the signs of two or even three types, as shown by specific examples. The meaning of this classification is only one: to identify those properties of caravanserais that are inherent in this region and can be considered a characteristic feature of the architecture of North Khorasan.

Keywords: Islamic architecture, caravansarai, rabat, typology, Turkmenistan, Karakum desert.

Одним из основных структурных типов средневековой архитектуры Центральной Азии является многочисленная, но наименее изученная группа сооружений, находящихся ныне в разрушенном состоянии или вовсе в виде аморфных и безымянных археологических объектов. Это караван-сараи, когда-то игравшие чрезвычайно важную роль в политической, экономической и культурной жизни народов, населявших ареал так называемого Шелкового пути. Но их архитектурное выражение в строительной практике не часто получало монументальную интерпретацию и художественную ценность. Все-таки это были слишком утилитарные и массовые постройки с однотипным объемно-планировочным решением, которые по безликости можно сравнить с современными мотелями. Не случайно арабский автор X в. Ибн Хаукал в своей «Книге путей и стран», описывая базары Нишапура, замечает, что в нем мало какая гостиница не походит на другую (Камолиддин 2018: 85). Тем не менее, несмотря на заурядность и широчайшую распространенность, в каждом регионе исламского мира эти сооружения обладают явной самобытностью.

Обзор этого типа зданий и терминов, которые с ним связаны, содержится в нескольких работах общего характера (см., например: Müller 1920; Sims 1978: 80–111; Hillenbrand 1994: 331–376). В XX в. велось много дискуссий по терминологии в связи с тем, какие слова употреблялись в региональной лексике для обозначения данной категории сооружений. Синонимами в целом являются распространенные в разных областях исламского мира термины *хан*, *рабат*, *фундук*, *дар ал-вакала*, *кайсариа*, *манзил*, *шабистан*, *испене*, имеющие разную этимологию, но означающие, в сущности, одно и то же: придорожный постоянный двор,

гостиничное подворье или, точнее, хостел — недорогое или вовсе бесплатное место для ночлега путешественников. В частностях же каждый из приведенных терминов имеет свою дефиницию. Например, караван-сараи чаще называли одинокие станции в пустыне, а их городским эквивалентом считался *хан* (Sims 1978: 97; Elisséeff 1978). В этой статье я в основном использую более распространенный сегодня термин *караван-сарай*, тем более что объекты, о которых пойдет речь, расположены в пустынной зоне вдоль старых караванных дорог. При этом нельзя забывать, что в средневековом Иране и Мавераннахре был все-таки более распространен арабский термин *рабат*, а точнее — *рибат*, почти полностью утраченный в процессе тюркизации этого региона¹.

С другой стороны, до сих пор фактически не было и специальных исследований по этому типу сооружений. Исключение составляют Турция, где в пятидесятые годы прошлого века было положено начало изучению анатолийских караван-сараев XIII в. (Erdmann 1961–1976; Yavuz 1997), и Иран, где еще с тридцатых годов велась работа по выявлению и публикации памятников этого типа (Siroux 1949; Kleiss 1996–2002; Kleiss, Kiani 1995). В 1998 г. участники международного симпозиума, организованного под эгидой ЮНЕСКО в иранском Язде, рекомендовали осуществить проект составления на основе компьютерных данных «Аналитического, систематического и регионального перечня караван-сараев в Центральной Азии». Одной из заявленных целей было «углубление знаний об архитектурном наследии (которое имеет большое значение и отличается своим единством) путем проведения

¹ Об этимологии термина *рабат* см.: (Бартольд 1963: 202–204; Стародуб 2004: 89).

специализированных исследований как каждого сооружения, так и их ансамблей². В течение нескольких лет ЮНЕСКО и Парижская архитектурная школа Валь-де-Сены поддерживали проект, получивший название «Инвентаризация караван-сараев в Центральной Азии». Его вела исследовательская группа EVCAU³. В Туркменистане аналогичная программа начала осуществляться в 2009 г. в рамках проекта Копенгагенского университета «Karakum Routes Survey» при поддержке Лондонского университетского колледжа (UCL) и Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры⁴.

Литература по караван-сарам на территории бывших республик советской Средней Азии крайне скучна. Исключение составляют отдельные крупные сооружения, ставшие объектами многолетних археологических работ, тщательных архитектурных обмеров и научных интерпретаций⁵. Еще ряд караван-сараев в этом регионе на протяжении XX в. был зафиксирован. Они ча-

стично раскапывались и очень кратко публиковались. Имеется их общий обзор (Лугаченкова 1967: 106–111; Хмельницкий 1992: 179–204; 1996: 288–316). Эти публикации в той части, которая касается караван-сараев, во многом опираются на работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Ее создатель и многолетний руководитель М.Е. Массон в свое время организовал рекогносцировочное обследование старых караванных путей, главным образом в археолого-топографическом аспекте. Результаты этих работ представлены в серии публикаций сотрудников экспедиции, как обобщающих (Лугаченкова 1958), так и посвященных отдельным отрезкам караванных путей (Адыков 1959; 1960).

Названия многочисленных стоянок Северного Хорасана⁶ можно найти в средневековых арабских и персидских географических сочинениях, но их локализация на местности нередко затруднена, потому что существует значительный разрыв культурной традиции между той эпохой, когда эти постройки функционировали, и современностью. Иначе говоря, народные топонимы, употребляемые на протяжении как минимум двух или трех последних столетий, сложились через несколько веков после того, как прежние названия были полностью утрачены. Наиболее весомым вкладом в изучение данной темы стала очень информативная монография самого инициатора (Массон 1966). Именно в ней, опираясь на исторический нарратив и собственные полевые изыскания, он показал выявленные цепочки памятников вдоль основных торговых

² См.: веб-сайт ЮНЕСКО по караван-сарам (*le site web de l' UNESCO sur les caravansérails*). URL: www.unesco.org/culture/dialogue/eastwest/caravan/fr/page1.htm (дата обращения: 01.02.2018).

³ См.: веб-сайт «Виртуальное пространство архитектурного и городского дизайна». URL: www.evcau.archi.fr/ (дата обращения: 01.02.2018). Проект координировал французский архитектор, проф. Пьер Лебигр. После его кончины в 2013 г. фактически свернулся.

⁴ См.: веб-сайт «Materiality in Islam Research Initiatives», University of Copenhagen. URL: miri.ku.dk/projekts/krsp/ (дата обращения: 01.02.2018).

⁵ Прежде всего, это относится к таким памятникам, как Рабат-и Малик (Немцева 2009), Пайкенд (Мирзаахмедов 1988), Даяхатын (Прибылкова 1953), Чалдывар (Кожемяко 1968), Ташрабат (Бернштам 1950: 109–116; Перегудова 1989; Lebigre 2011).

⁶ Эта историческая область примерно соответствует современной территории Туркменистана от восточной части Копетдага до левобережья Амударьи, включая Центральные и Юго-Восточные Каракумы.

путей в условном треугольнике между Мервом, Бухарой и Хазараспом (рядом с Хивой), который до монгольского нашествия был крупнейшим торговым городом на юге Хорезма. В 60–70-е гг. XX в. были обследованы некоторые караванные пути, соединявшие Хорезм с Ираном (Юсупов 1970; 1972), с Южной и Юго-Западной Туркменией (Дурдыев 1980), а также Мерв с Балхом ориентировано вдоль трассы современного Каракумского канала (Ляпин 1992). С учетом всех идентифицированных караван-сараев и прочих придорожных сооружений, к которым относятся многочисленные колодцы, *сардобы* — подземные резервуары для хранения воды и так называемые *миле* — путевые ориентиры для караванов в форме башен⁷, а также опираясь на указания средневековых путеводителей-дорожников, составлена схематическая карта караванных трасс домонгольского периода (ил. 1).

Конечно, выявлены лишь магистральные направления из Поволжья через Хорезм и из Китая через Мавераннахр в Иран. Они известны по целому ряду письменных источников, самыми ранними из которых являются сочинения арабских географов конца IX — первой половины X в. ибн Хордабеха, ал-Йа'куби, Кудамы ибн Джрафа, ал-Истахри и Ибн Хаукала (МИТТ 1939). Но и в средневековых *травелогах* даны только наиболее важные пути, второстепенные же оставались за пределами внимания их авторов. Эту мысль в свое время

высказал в устном сообщении археолог А.А. Марущенко — наиболее компетентный в XX в. знаток каракумских древностей (Ляпин 1992: 33). Действительно, достаточно посмотреть на британские и русские карты Закаспия XIX в., чтобы увидеть паутину троп, соединяющих многочисленные колодцы по всей пустыне. Надо полагать, что и средневековые караванные пути не укладывались в отдельные магистрали, а составляли сложную сеть разнонаправленных дорог.

Караванные пути в Каракумах имеют достаточно выраженную в рельефе колею, протоптанную за много веков и глубоко врезанную в ландшафт. Несмотря на то что местами древние верблюжьи тропы полностью занесены песчаными барханами, четкость и большая площадь сечения дорожной борозды, с узким «дном» и пологими откосами, позволяет проследить их на общедоступных спутниковых изображениях земной поверхности, размещенных в Интернете картографическими сервисами Google Планета Земля и Bing maps. Они также хорошо видны на местности и вполне проходимы внедорожниками. Вдоль этих трасс в IX–XII вв. выросли цепочки караван-сараев, многие из которых функционировали достаточно долго, до полного отмирания сухопутной трансконтинентальной торговли и почтовой службы в XV в. Все они, по словам автора конца IX в., «представляют собой крепости в пустыне», «где укрываются люди, чтобы защитить себя от тюрков, часто совершающих набеги на эти поселения» (ал-Йа'куби 2011: 51). В ряде случаев отмечено их вторичное использование в качестве временных военных укрытий и прочие следы эпизодического обживания вплоть до XIX в. Некоторые обследованы по старым трактам из Нишапура, Нисы и Мерва в двух направлениях: к Хорезму и Мавераннахру. Отсутствие каких-либо упоми-

⁷ Арабский термин *миль*, *миле* в средневековой Персии означал межевой столб, верстовой указатель, обелиск, кирпичную башню и меру длины (СГТИ 1971: 151). Миле ставились для указания направления как в высокогорьях, так и на равнинных участках пустыни. Наиболее известным примером является Мил-е Надери на маршруте от Бама до Захедана на юго-востоке Ирана (Kleiss 2016: 93).



Ил. 1. Схематическая карта караванных путей и караван-сараев в Каракумах

наний о большинстве из них в исторических источниках, а также их фактическая безымянность в современной топонимии иногда создает почву для споров об атрибуции отдельных памятников, которые выходят за рамки стереотипных представлений о караван-салях.

Более ста лет назад швейцарский арабист Адам Мец, ссылаясь на ал-Истахри,

отмечал: «Содержание заезжих дворов на пустынных дорогах шло за счет благочестивых пожертвований. Больше всего их было в религиозном Туркестане, где таких приютов для странников насчитывалось более десяти тысяч» (Мец 1996: 446). Странники — это, прежде всего, паломники в Мекку и другие святые места на Аравийском полуострове,



Ил. 2. Даяхатын. Эпиграфические панно на левой стороне главного фасада. Фото Р.Г. Мурадова. 2010 г.

т.е. мусульмане, которые со всех концов исламского мира отправлялись в хадж и зиярат, считавшиеся высшей причиной путешествия. Коран предписывает паломничество всем, у кого есть такая возможность (Сура 3: 97–98). Однако религиозная и коммерческая деятельность ни в коем случае не являются взаимоисключающими (Сура 2: 199), и поэтому с ранних исламских времен мусульмане во время хаджа перевозили с собой товары, чтобы покрыть расходы на проезд. Кроме того, определенное число людей ездили для учебы и практики в крупные города, где были сосредоточены медресе и библиотеки — подобия современных университетов. Таким образом, в коммерческих, религиозных или образовательных целях значительная часть мусульман была постоянно в пути (Sims 1978: 97). Не в последнюю очередь для

их обслуживания и строились постоянные дворы. Вот почему наиболее яркие сооружения такого рода имели не просто роскошный декор, но и монументальную эпиграфику религиозного содержания.

Таков, в частности, фасад караван-сарая Даяхатын на восточной окраине Каракумов, у самого берега Амударьи, возведенный (или реконструированный) в XI–XII вв. при Сельджуках Ирана в центре рабата Тахирия (внешнее укрепление начала IX в.). На шести больших прямоугольных панно рельефной кирпичной кладкой сильно геометризованным почерком *куфи* были выведены имена Бога, Пророка и первых четырех халифов: Аллах, Мухаммед, Али, Омар, Абу-Бекр и Осман — по одному в каждой раме (ил. 2). Есть немало и других указаний на паритетную связь караван-сараев с коммерцией и исламом (Yavuz 1997: 81).

Диапазон имеющихся фактов *in situ* и многочисленные свидетельства, найденные в литературных источниках, охватывающих IX–XII вв., показывают достаточно ясно, что возведение таких зданий действительно было очень широко распространено в этот период. И тому есть как минимум две причины: одна связана с благосостоянием государства, другая, как показано выше, с исламской верой (Hillenbrand 1994: 339). Именно громадные ресурсы державы Великих Сельджуков и их претензии на духовную власть в Аббасидском халифате стали движущей силой их масштабной архитектурной деятельности. Обзор основных памятников огромного района, простирающегося от границ Китая и Индии до Анатолии, выявил тот факт, что самый активный период строительства караван-сараев в Иране начался около 1080 г. и закончился около 1160 г. (Ettinghausen, Grabar 1994: 278). Исследователи усматривают в сельджукских караван-сараях, объединивших черты крепостей, жилых, гражданских и культовых зданий, концентрацию основных черт исламской архитектуры и воплощение технических, инженерных и художественных достижений той сложной эпохи (Стародуб 2010: 121).

Но сегодня караван-сараи и даже их следы в живых исторических городах Средней Азии в значительной степени исчезли, став жертвами городской экспансии. Аналогичным образом большинство рабатов, построенных в пустыне вдоль старых трасс, постепенно были заброшены и пришли в негодность после отмирания их функциональной роли. Некоторые из них объявлены памятниками и в этом качестве взяты на государственный учет, но большинство просто поглощено песками, иной раз вместе с целыми поселениями. Лишь наиболее монументальные, как отмечалось выше, все еще

остаются в виде сильно оплывших руин. То же самое можно видеть и в соседних странах, особенно там, где караванный трафик был достаточно интенсивным до сравнительно недавнего времени — XVII–XIX вв., — в Иране, Афганистане, Пакистане, Индии (Begley 1983: 167).

В пустынной зоне Восточного Туркменистана и на окраинах Мервского оазиса, а также на севере страны в Заунгусских Каракумах на отрезках караванных путей между Дехистаном, Нисой, Серахсом, рекой Амударьей и Южным Хорезмом к настоящему времени зарегистрировано около ста караван-сараев с точной фиксацией их географических координат. В основном это прямоугольные в плане сооружения с центральным двором (реже с двумя дворами), окруженным жилыми кельями или галереями, как правило в одном уровне, с конюшнями и складскими помещениями. Их габариты варьируют от 15 до 150 м в длину. Пропорции планов — либо квадрат, либо прямоугольник, точно соответствующий популярным на Среднем Востоке отношениям $1 \times \sqrt{3}$ или $1 \times (\sqrt{3}:2)$. Основной строительный материал — сырцовый кирпич, типичный для доконгольского периода, — от мелкоформатного ($25 \times 25 \times 4,5\text{--}5$ см) до крупного ($32 \times 32 \times 8$ см). Разумеется, нет четких хронологических различий в употреблении кирпича разного формата. Очень часто в одном и том же сооружении можно видеть разные типы кирпичей, что говорит не только о какой-то поздней ремонтной кладке, но и об изначальном применении разных по габаритам кирпичей в разных частях сооружения. Нередко сырцовая кладка сочетается с прослойками из жженых кирпичей, а фундаменты и цокольные части сложены из пахсовых блоков. Впрочем, есть определенная закономерность в их изготовлении по локальным зонам и в пределах больших

исторических периодов. Так, в Северном Хорасане XI–XII вв. чрезвычайно широко распространился стандарт 30–32 × 30–32 × 6–8 см, сложившийся в более раннее время и продолжавший применяться позже.

Применение жженого кирпича в каракумских караван-сараях было крайне ограниченным — его использовали, как правило, лишь для армирования стен, кладки сводчатых перекрытий, арок и для декоративной облицовки. Но этот высококачественный кирпич в ряде случаев стал и главной причиной разрушения средневековых зданий в XIX–XX вв., т.к. они становились источниками добычи бесплатного строительного материала. Вот почему сохранность сырцовых сооружений в Средней Азии значительно лучше — они страдают в основном лишь из-за эрозии от атмосферных осадков, ветровой дефляции и засоления почвы вследствии повышения уровня грунтовых вод⁸.

Типология этой категории сооружений для Средней Азии в целом была достаточно убедительно разработана Л.Ю. Маньковской, которая выделила три группы плановых структур. Во-первых, это многокамерные крытые караван-сараи, напоминающие раннесредневековый замок-кёшк. Во-вторых, работы дворового типа (самая многочисленная группа), которые, в свою очередь, различаются по двум ведущим планировочным приемам: с галереями по периметру двора (галерейный тип) и с рядом примыкающих торцами к двору сводчатых помещений (секционный тип). Сочетание двух этих приемов

она назвала галерейно-секционной композицией. В-третьих, это многодворные рабаты, которые делятся на три композиционные схемы: с четырьмя равновеликими дворами; с центральным проездным двором и малыми дворами по периметру; многодворный с Т-образным внутренним членением (Маньковская 1980: 57–67). Однако не все эти типы представлены в зоне Каракумов, а некоторые их характерные особенности, напротив, не учтены, поэтому возникла необходимость подкрепить научно документированное описание этих сооружений их более корректной таксономией.

Предлагаемая типологическая классификация этих памятников основана, прежде всего, на морфологических свойствах, т.е. на особенностях не только их планировочной, но и объемно-пространственной структуры. Расположив все выявленные разновидности караван-сараев этого региона в порядке убывания (от самых распространенных к редким), выделим их в группы по следующим признакам:

Внутренний прямоугольный двор в обводе помещений с внешними глухими стенами:

а) с прямоугольным внешним аbrisом;

б) с круглым внешним аbrisом.

Наличие высокой сигнальной башни на одном из углов здания.

Пластическое оформление фасадов массивными сомкнутыми полуцилиндрами.

Двухчастная структура плана.

Многокамерный крытый кёшк.

Вход через осевую башню.

Деление это исключительно условное, т.к. нет ни одного памятника, который не совмещал бы в себе признаки двух и даже трех типов, что показано ниже на конкретных примерах. Вот почему невозможно говорить об этих со-

⁸По мнению проф. Джорджины Херрманн, инициатора и руководителя Международного проекта по Мерву (IMP), осуществленного в 1990-е гг., «то, что сооружения из сырцового кирпича сохранились до настоящего времени, это настоящее чудо: в исламской культуре такие постройки встречаются обычно не старше 100–200 лет» (Herrmann 1999: ix).

оружениях, строго придерживаясь той или иной типологии, — гораздо удобнее дать их обзор по отрезкам путей, которыми они были связаны. Смысл данной классификации только один: выявить те свойства караван-сараев, которые присущи именно этому региону и могут считаться характерной чертой архитектуры Северного Хорасана.

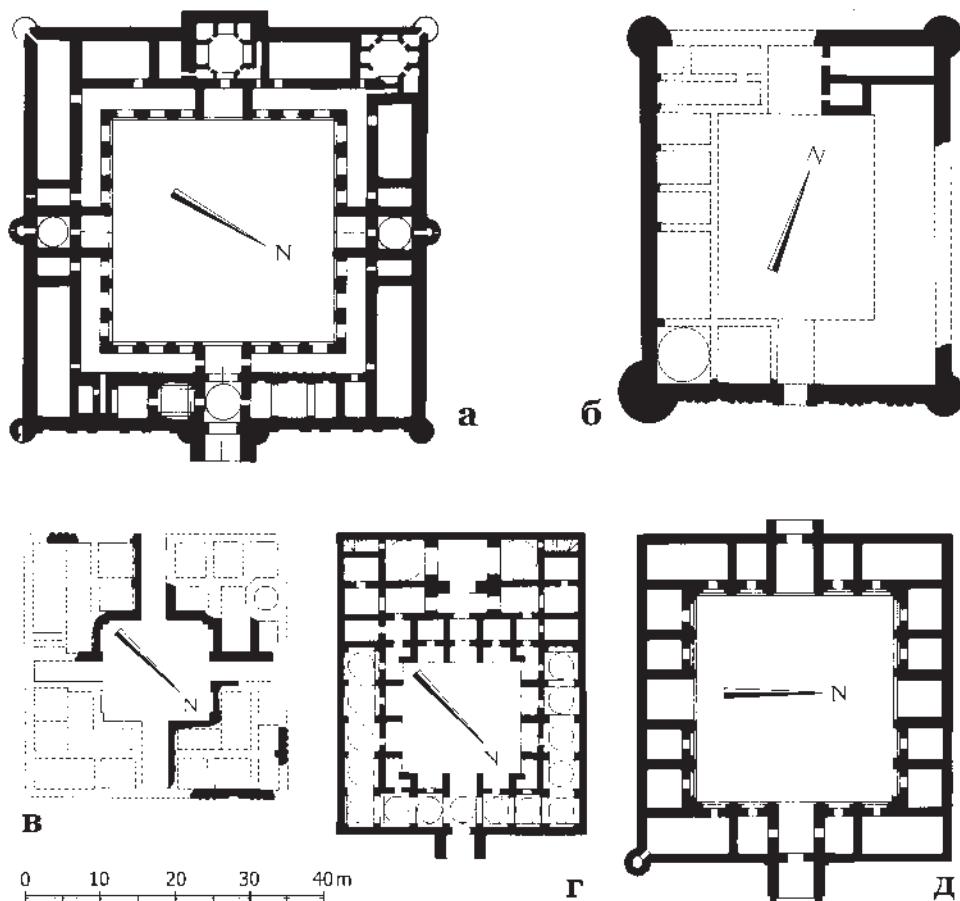
Общий структурный принцип зданий первой группы — один из древнейших в истории архитектуры Ближнего и Среднего Востока. Его наиболее ранние воплощения можно видеть в протогородских поселениях Южного Туркменистана III тыс. до н. э., в Месопотамии начала II тыс. до н. э., в Бактрии и Маргиане эпохи бронзы и раннего железа (Мамедов 2003: 78–84). Другая линия эволюции идет от римских кастеллумов — легионных лагерей на восточных границах империи и сформировавшихся на их основе арабских касров эпохи раннего ислама (Creswell 1958; Grabar 1973: 180; Hillenbrand 1994: 334–336).

Важная планировочная особенность караван-сараев, которые строились в Хорасане и, в частности, в Каракумах, — двор, окруженный четырьмя айванами, один из которых — расположенный напротив входа — предназначался для высокопоставленных гостей (Kleiss 2016: 436). Их непременным элементом является развитый *пештак* — входной портал с аркой, обычно доминирующий на фасаде. Наиболее известными и яркими примерами этого типа являются упоминавшийся выше роскошный Даяхатын, очень скромный Рабат Суран (Кулмерген-кала), Рабат Насрак (ал-Мансаф), Акча-кала и еще несколько, сохранившихся значительно хуже (ил. 3).

Таковы, в частности, все без исключения памятники на отрезке Серахс-Мерв. Рекогносцировочный XXIII отряд ЮТАКЭ, который в 1953–1956 гг. обследовал всю

трассу на этом участке пустыни протяженностью около 180 км, обнаружил там 40 сильно руинированных объектов. Арабские географы только лишь для пяти главных остановок сообщают средневековые названия: это замок Наджара, Уштурмагак, Тилситана, Данданакан и Генугирд (Адыков 1960: 9). В Старом Серахсе — крупном городском центре, который возник еще в эпоху Ахеменидов и достиг расцвета при Саманидах и Сельджуках (в XI в. он занимал около 120 га), не осталось никаких следов караван-сараев из-за активного антропогенного воздействия на ландшафт в XX в. Поставшая ситуация и в самом Мерве. Среди немногих уцелевших памятников этого огромного города — настоящего средневекового мегаполиса, — нет ни одного сохранившегося на поверхности или раскопанного караван-сарая. Правда, обширная территория археологического парка дает здесь больше шансов на их обнаружение в будущем. Так, по всем признакам именно караван-сараев было одно хорошо выраженное в микрорельефе квадратное в плане (65 × 70 м) сооружение с почти такой же по габаритам пристройкой. Его остатки с признаками башен на углах и в середине фасов находятся в западном предместье Султан-калы (городища сельджукского Мерва), рядом с мавзолеем XI — начала XII в. Кызбили. В 50 м южнее — еще один сильно оплывший караван-сарай, вдвое меньше (30 × 30 м). Оба памятника были, очевидно, в облицовке из жженого кирпича — его обломками усеяна их поверхность (Лунина 1974: 208; Williams 2007: 54–56).

Из Мерва караванные пути расходились в двух основных направлениях — в сторону Мавераннахра через Амуль и в сторону Хорезма через Тахирию (караван-сарай Даяхатын) либо прямо на север в Хазарасп. Первый маршрут на отрезке Мерв — Амуль подробно изучен

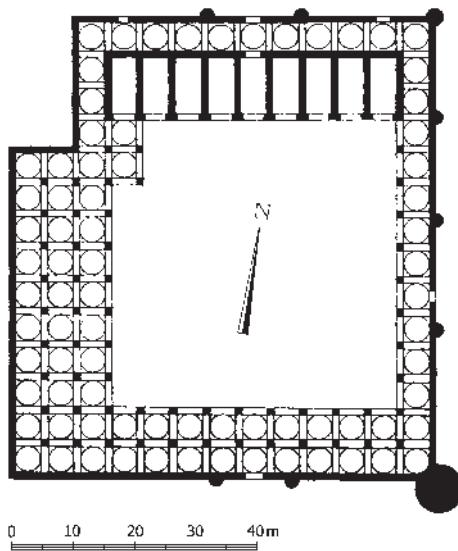


Ил. 3. Планы караван-сараев с внутренним прямоугольным двором и прямоугольным внешним абрисом: а) Даяхатын; б) Минара 2; в) ал-Мансаф; г) ал-Акбер; д) Рабат Суран

силами ЮТАКЭ, а в последние годы вновь оказался в фокусе внимания — теперь совместной туркмено-британской археологической экспедиции, но уже с иной постановкой задач (*Wordsworth* 2016). Этот путь, прежде чем выйти в пустыню, пролегал через оазис, минуя небольшие селения и городки с караван-сарами, и делился на северную и восточную ветви. Северная вела через Башан (ныне городище Куртлы-депе) в Хурмузфарра (городище Улы Кишман) — крайний населенный пункт оазиса, где было со-

редоточено несколько караван-сараев. Два примыкают к городской стене возле Хорезмских ворот и бесспорно идентифицируются как придорожные станции (*Массон* 1966: 49). По поводу двух других, расположенных в центре и на северо-западной окраине города, существуют разные мнения. Один, рядом с цитаделью и шахристаном, считается руинами соборной мечети (*Там же*: 48), хотя его двухчастный план (50 × 90 м) больше тяготеет к типичному каракумскому рабату с двумя дворами, а главное — не отвечает

принятой в этой местности ориентировке мечетей на киблу. По этой же причине едва ли мог быть мечетью другой караван-сарай, в котором сохранилась на высоту до 10 м сигнальная башня, трактуемая как минарет (Хмельницкий 1992: 202–203). Схема плана этого сооружения полностью восстановлена (ил. 4), и оно действительно похоже на дворовую пятничную мечеть арабского типа. Построенное из кирпича-сырца, оно весьма обширно (70×100 м), т. к. служило, по мысли Г. А. Пугаченковой, в качестве крупной фактории (ил. 5). Поэтому здесь всего 8 комнат, раскрытых во двор; всю остальную площадь занимала трех-, двух- и однорядная стоя — длинная галерея-портик, охватывающая двор с западной, южной и восточной сторон. Каждое звено стоя и обводного коридора на северной стороне было перекрыто куполом, основанным на подпружных арках, переброшенных между столбами мощного сечения. 77 таких куполов, четкий ритм столбов и арок подчеркивали изящество и завершенность архитектурного образа (Пугаченкова 1958: 162–164). Но полное отсутствие жилых помещений все-таки ставит под сомнение версию Г. А. Пуга-



Ил. 4. Хурмузфарра. План караван-сарая с башней (Пугаченкова 1958: 165)

ченковой и не отменяет аргументацию С. Хмельницкого. Ясность тут могли бы внести только раскопки.

Восточная ветка пути из Мерва через оазисные работы Херсен-кала, Акджа-кала и два безымянных (возле Сули-депе и на городище ал-Акбер) вела



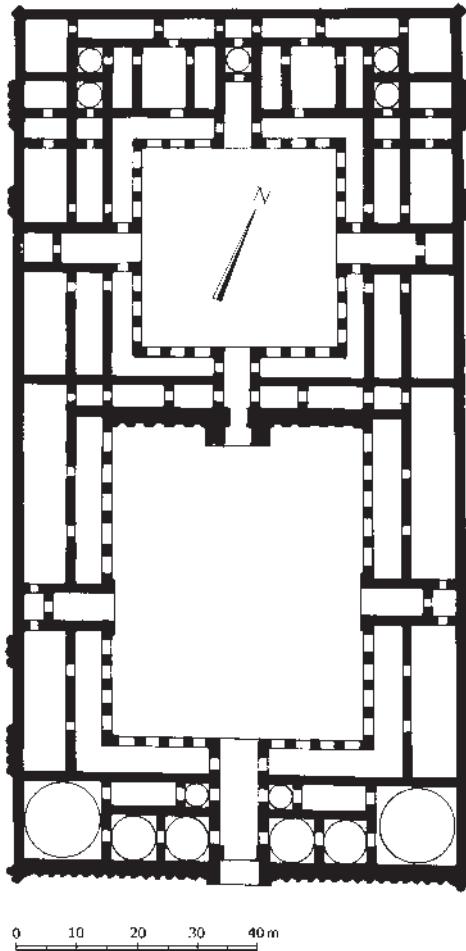
Ил. 5. Хурмузфарра. Караван-сарай с башней. Аэросъемка. Фото В. А. Саркисяна. 2009 г.



Ил. 6. Кызылча-кала (Рабат ал-Хадид).
Спутниковая съемка Google Earth. 2018 г.

в Кушмейхан⁹ — крайнюю точку населенной и орошающей водами Мургаба зоны, откуда начиналась дорога через пустыню в Амуль — крупнейший город на левом берегу Амударьи. На этом отрезке протяженностью 210 км прослеживается цепь рабатов в полном соответствии с указаниями арабских географов. Это наиболее интересный участок, т.к. здесь можно видеть не только все шесть признаков караван-сараев по нашей классификации, но и различные их сочетания и модификации, а также другие придорожные объекты: колодцы, сардобы, сигнальные башни, миля. Они никогда не раскапывались, поэтому судить о них пока можно только по визуальным данным.

⁹ Этот средневековый город локализован на месте многослойного городища Тязе Кишман, где в результате археологических работ ЮТАКЭ и сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1946–1957 гг. выявлено, в частности, 5 караван-сараев стандартного типа.



Ил. 7. Акча-кала. План (Пугаченкова 1958: 227)

Первая после Кушмейхана станция на этом пути — городище Гызылча-кала с двумя массивными рабатами, расположеннымными vis-à-vis, — место, которое с середины IX в. называлось Диваб, а с конца X в. — Рабат ал-Хадид (ил. 6). В 5 км от него — едва ли не самый большой в Средней Азии караван-сарай Акча-кала (150×80 м). В нем сочетаются три признака северо-хорасанских рабатов — двухчастная структура, четырехайванная композиция обоих дворов и гофрированные фасады. Эта станция



Ил. 8. Акча-кала. Главный фасад. Фото Р.Г. Мурадова. 2015 г.

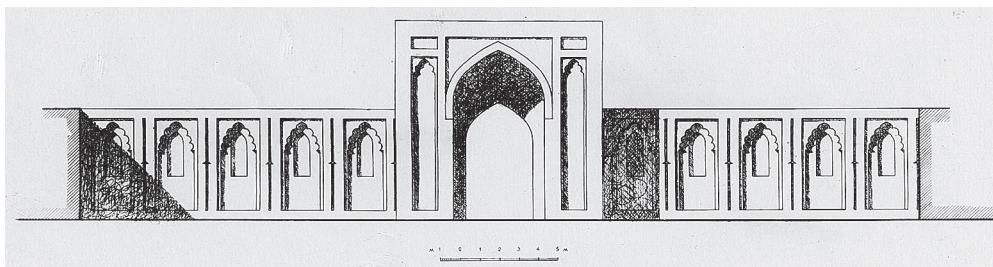
не упоминается в дорожниках IX–X в., т.к. возникла уже в сельджукское время, во второй половине XI в. По мнению, с которым трудно не согласиться, «в планировочном отношении караван-сарай Акча-кала чрезвычайно оригинален. Он иллюстрирует ярко выраженный местный тип плана этого обычного на средневековом Востоке рода общественного сооружения. Подобной ему планировки нет ни в ближневосточном строительстве, ни в Мавераннахре. Между тем в Хорасане этот тип имел, видимо, значительное распространение» (Лугаченкова 1958: 229). Действительно, два двора, лежащие один за другим на общей длинной оси, можно увидеть только в этой области (ил. 7)¹⁰. Его первый двор окружает постройки хозяйственного назначения (склады и стойла для скота), второй — галереи и жилые хужры. Такое деление на бытовую и чистую зоны вполне рационально и рассчитано

на создание максимального комфорта для постояльцев.

В центре главного фасада Акча-калы стоит мощный, слегка выдвинутый вперед портал-пештак со стрельчатой аркой входа и гладкими массивами устоев. Глухие стены слева и справа оформлены крупными полукруглыми гофрами¹¹. Строгий ритм этих тесно прижатых выступов зрительно усилен вертикальными плоскими лопatkами посередине каждого полуцилиндра. На углах граненные башнеобразные выступы, оформленные спаренными гофрами (ил. 8). На боковых фасадах тоже были гофры, но не сплошные, а связками по три и пять, чередуясь с гладкими интервалами. По-своему изящно решена северная стена первого двора, встречавшая каждого входящего в рабат. Фактически это

¹⁰ Среди них самый знаменитый — Рабат-и Шараф (1114/15 г.) на пути из Нишапура в Сепарахс (*Kiani* 1981). Однако его двухчастность, по многим признакам, результат пристройки к ранее возведенному одновороному рабату (Хмельницкий 1996: 295).

¹¹ Над гофрами всегда тянулся парапет в виде ритма тромбообразных, перспективно-ступенчатых арочных ниш — ныне повсеместно исчезнувший. Сама же гофрировка стен — очень архаичный прием, известный задолго до античности, который в средние века применялся как сугубо декоративный и за отдельными исключениями только в двух исторических областях — в Мервском оазисе и Хорезме.



Ил. 9. Акча-кала. Реконструкция дворового фасада. Рис. Г.А. Пугаченковой. 1952 г. Архив ЮТАКЭ



Ил. 10. Акча-кала. Дворовой фасад в современном состоянии. Фото Р.Г. Мурадова. 2015 г.

второй глухой фасад с высоким пештаком. На его пилонах — узкие ниши с фестончатым пятилопастным завершением, а крылья украшены пятью прямогольными нишами с каждой стороны, в которые вписаны арки. Их стрельчатый контур усложнен семилопастными фестонами, а углубления по осям имитируют оконные проемы (ил. 9). Такая пластическая разработка сырцовых стен почти тысячелетней давности больше нигде не сохранилась, но и в Акча-кале весь этот декор находится на грани исчезновения (ил. 10).

Возможно, что хорасанская традиция оказала влияние на формы некоторых караван-сараев во владениях сельджуков Малой Азии. Например, на главном фасаде каменного султан-хана (1229 г.) на дороге Конья — Аксарай в Каппадокии такой же, как на Акча-кале, выступающий объем пештака, по три массив-

ных полуцилиндра на глухих стенах и угловые граненые башни.

Слегка уменьшенной копией Акча-калы является расположенный через 23 км такой же двухчастный караван-сарай XI–XII вв., ныне именуемый Куня-кала (досл.: Старая крепость). Он гораздо сильнее оплыл, т. к. был возведен из менее качественной глины. По внешнему контуру это такой же по пропорциям прямоугольник (120×60 м) с угловыми башнями и глубокими айванами на осях обоих дворов. Имелись ли гофры на его фасадах, неизвестно: истончившиеся остатки стен уже ничего не говорят о былом оформлении. Но наличие гофрировки здесь вполне допустимо, учитывая его явную генетическую связь с Акча-калой. Другой, более ранний караван-сарай расположен всего в 3 км дальше по трассе. Он идентифицируется с Рабатом Насрак (по Макдиси), или ал-Манса-



Ил. 11. Рабат Насрак (ал-Мансаф). Фрагмент стены с гофрами. Фото Д. Горюнова. 2017 г.

фом IX — начала X в. В плане это квадрат со стороной 35 м по внешнему периметру, с двориком в центре и глубокими айванами по осям (ил. 3в). Площадь окружающих дворик четырех групп помещений почти в три раза больше, чем он сам. Скорее это атриум — в данном случае переходная форма от центрального купольного зала доисламских кёшков к просторному внутреннему двору. Полукруглые гофры на фасадах ал-Мансафа также роднят этот рабат с многочисленными гофрированными усадьбами Мерва и его округи VII–IX вв. (Herrmann 1999: 79–94). Здесь, как и на боковых фасадах Акча-калы, они сделаны не сплошь, а только на отдельных участках, чередуясь с гладкими плоскостями (ил. 11). Этот композиционный прием нагляднее всего проявился примерно через 200 лет на главном фасаде Рабат-и Малика в Мавераннахре.

В конце XI в. применение гофрированных фасадов — это уже архаизм, который, впрочем, еще употреблялся и в оформлении укрепленных усадеб Хорезма (комплекс Кават-кала). В 5 км от Акча-калы сохранилось еще одно гофрированное сооружение, совершенно не похожее на караван-сараи, но ничем не отличающееся от кёшков доисламского времени. Это известный по арабским дорожникам пункт ат-Тахмаладж, чьи руины высятся посреди обширного такыра (ил. 12). Квадратное в плане сырцовое здание на высокой платформе со скошенными гранями почти примыкает снаружи к большому двору (70 × 42 м), разделенному стеной на две части. Внутри и вокруг двора — следы сильно оплавивших построек. На всех четырех фасадах здания — по 8 сомкнутых полуцилиндров на уровне верхнего яруса. Внутренняя планировка нижнего



Ил. 12. Караван-сарай ат-Тахмаладж. Общий вид. Фото Р.Г. Мурадова. 2015 г.

яруса не раскопана, а верхний этаж выглядит необычно: 9 одинаковых квадратных помещений, перекрытых куполами и взаимосвязанных, как будто были изолированы от нижнего. В каждом помещении одинаковые ступенчатые тромпы, сложенные из сырцовых кирпичей в виде вставленных друг в друга стрельчатых арок (ил. 13). Такие перспективные тромпы преобладали в сырцовой архитектуре Мерва в IX–X вв. и наиболее характерны именно для этого времени, хотя в отдельных случаях применялись и в постройках XI–XII вв. Но ат-Тахмаладж, конечно, относится к первому периоду, причем, по существующей версии, это самая ранняя форма хорасанского караван-сарая: когда еще не было больших станций, построенных по схеме «двор в обводе помещений», путники останавливались в многокамерных крытых кёшках (Лугаченкова 1958: 165–166). Единственный аналог такого типа

постоялого двора есть в Иране: это миниатюрный Зиндан-и Харун, одинокий каменный форпост возле Рея, связанный с именем халифа Харуна ар-Рашида.

Средневековые арабо- и персоязычные дорожники молчат о транскараумском пути из Нисы¹² прямо на север — в сторону Гурганджа и его округи. Но на этом маршруте, соединявшем Хорасан и Хорезм через труднопроходимые Центральные Каракумы в стороне от Мерва, также имеются следы редких караванных станций домонгольской эпохи. Они дают оба варианта

¹² *Nisa* — крупнейший городской центр в предгорье Центрального Копетдага, на юго-западной окраине современного Ашхабада, существовавший более двух тысяч лет — между VI в. до н. э. и XVIII в. Ныне представляет собой руины двух городищ: Старая Ниса (парфянская крепость III в. до н. э. — I в. н. э.) и Новая Ниса (шахристан и цитадель исламского периода на мощном парфяно-сасанидском слое).



Ил. 13. Караван-сарай ат-Тахмаладж. Интерьер одного из помещений. Фото Р.Г. Мурадова. 2015 г.

композиции «двор в обводе помещений» — как с прямоугольным, так и с круглым обрисом, который является явным влиянием строительной культуры Хорезма, а также включают доминанту в виде сухопутного маяка. Таков, в частности, средних размеров рабат (40×40 м), вошедший в литературу под названием Минара. Этот народный топоним обусловлен важной особенностью памятника — похожей на минарет сигнальной башней диаметром 4,5 м при сохранившейся высоте около 7 м, воздвигнутой по центру двухъярусной конструкции в северо-западном секторе караван-сарая (Дурдыев 1980: 101–102). К востоку от него, почти в 150 км по прямой линии через сплошные пески, находится еще один одноименный караван-сарай, но уже на другом отрезке пути — из Мерва в Гургандж. Во избежание путаницы назовем западный рабат

Минара 1, а восточный — Минара 2¹³. Этот памятник, прямоугольный в плане (45×39 м), также снабжен сигнальной башней на юго-западном углу — ее сохранившаяся высота составляет около 9 м при диаметре основания 6 м (ил. 36). Круглые башни, которые сейчас не превышают высоту стен (около 6 м), имеются на остальных трех углах здания. По периметру его охватывает вал (80×70 м) — это оплыvший забор, предназначенный

¹³ В 12 км от него находится ближайший колодец Тумшуклы, на основании чего этот караван-сарай иногда называют Тумшуклы-кала. Однако на британских и русских картах второй половины XIX в. колодца с таким названием нет, но есть колодец Джермаб, чье местоположение точно совпадает с координатами Минара 2. С южной стороны рядом с этим рабатом действительно есть следы засыпанного песком колодца, поэтому гораздо больше оснований отождествить его с ныне забытым Джермабом (перс. Гермаб — горячий источник).



Ил. 14. Караван-сарай Минара 2. Южный фасад. Фото Р.Г. Мурадова. 2016 г.

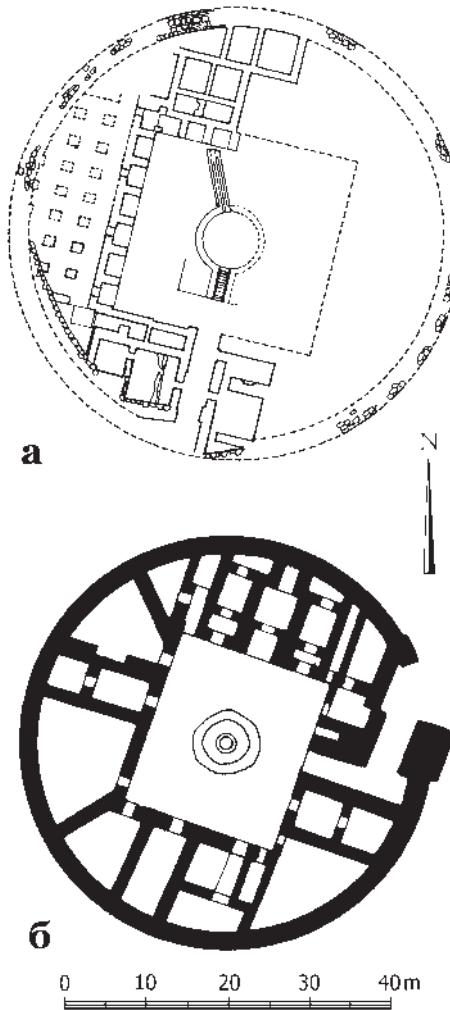
для защиты от песчаных дюн, которые окружают караван-сарай со всех сторон. Другой его важной особенностью является декоративное оформление фасадов массивными гофрами (ил. 14). Таким образом, Минара 2 сочетает признаки сразу трех групп нашей классификации. Его единственная публикация сделана археологами, которые дважды посетили этот памятник, в 1985 и 1988 гг., сняли глазомерный план и произвели небольшой раскоп в северо-восточном углу (Масимов, Дурдыев 1990).

Отдельную группу составляют очень характерные для северо-западной части Каракумов караван-сарай с круглой формой плана. Их не без оснований считаются особенностью архитектуры Хорезма XI–XII вв. (Хмельницкий 1996: 302–304). Кроме безымянной станции, расположенной на пути из Нисы в Гургандж, сюда относится крупный форт Бостаншах диаметром 60 м у колодца Кирпичли, более чем наполовину скрытый песками. Он расположен в 110 км севернее городаща Шехрислам и никогда не исследо-

вался. Гораздо лучше известны благодаря нескольким публикациям четыре караван-сарай вдоль сухого русла Узбоя и примыкающей к нему западной части Заунгузских Каракумов. Они изучались Хорезмской экспедицией под руководством С.П. Толстова в 1939–1952 гг. Это Ак-яила — рабат X–XII вв., построенный из жженого кирпича, к моменту его изучения представлявший собой замытый полукруглый вал диаметром 30 м — половина его обрушилась еще в ту эпоху, когда Узбой был полноводным. Форма бугра и данные шурфовки, выявившие радиальные направления стен, ясно указывают на круглый план (Вишневская 1958: 433–440). Примерно через 40 км по дороге, огибающей вдоль левобережья Узбоя плато Капланкыр, находится караван-сарай Талайхан-ата. Он был возведен в XI в. из тесанных плит ракушечника и представлял собой в плане круг диаметром 60 м с внутренним квадратным двором (24 × 24 м) и круглой цистерной в центре (ил. 15а). Кладка внутренних конструкций здания смешан-

ная, из сырцовых и жженых кирпичей. Этот памятник был частично раскопан в 1952 г., что позволило получить представление об особенностях его планировки и более определенно датировать (Там же: 441–466). Огромный, около 100 м в диаметре караван-сарай Орта-куи, расположенный выше по Узбою и возведенный из жженого кирпича, не раскапывался, но был снят его схематический план (Толстов 1954: 251). Следующая станция — Дэу-кала: форт диаметром 51,5 м с мощной, до 2 м толщины, ограждающей стеной из огромных плит тесанного камня. В середине — прямоугольный двор с колодцем в центре, по его периметру — ряд помещений с каменными перегородками (ил. 156). Это наиболее хорошо сохранившийся караван-сарай данной группы, который был впервые обследован в 1939 г. (Толстов 1948: 165–166, табл. 71).

Единственное известное описание северного караванного маршрута, выходившего из Каракумов к Узбою, содержится у персидского географа XIV в. Хамдаллаха Казвини (МИТТ 1939: 510). В результате полевых работ 1969–1970 гг. выяснилось, что вновь выявленные станции в Каракумах между городом Феравой на юге и Диарбекиром на севере по расстояниям между ними точно совпадают с дистанциями, указанными Казвини (Юсупов 1972: 134–141). К ним относятся безымянные развалины караван-сарая с круглым планом на подгорной равнине Копетдага рядом с поселком Узынсу (рабат Ибн Тахира по Казвини), далее, через 7 фарсахов, город Ферава, от него через 8 фарсахов — рабат Хышт-и Пухтэ. На этом расстоянии, у колодца Тутлы, находятся руины круглого караван-сарая Демирджен-ата. В 40 км от него (7 фарсахов у Казвини), у колодца Тамлы обнаружено круглое в плане всхолмление диаметром 30 м, соответ-



Ил. 15. Караван-сарай с круглым планом:
а) Талайхан-ата; б) Дэу-кала (Хмельницкий
1996: рис. 324–325)

ствующее рабату Хушабдан. Далее, в 45 км к северу, оплавившие руины в виде подковы у колодца Динглиджке, совпадающие с рабатом Тамгач. Следующий пункт (Караванах по Казвини) так и не обнаружен, но названный им далее Рабат-и Серхенг совпадает с местоположением упомянутого выше караван-сарая

Ак-Яила на Узбое. Дальнейшие станции на этом маршруте вполне укладываются в описание Казвии: Минарагах — Талайхан-ата, Саильбали — Орта-куи, Мушк-и-мебни — Дэу-кала и т.д. Все эти круглые сооружения — звенья единой цепи укрепленных рабатов XI — начала XIII в., возведенных Хорезмшахами на одном из основных торговых и стратегических путей, связывавших столичный Гургандж с их владениями в Западном Хорасане.

Остается отметить последнюю, самую редкую группу рабатов, имеющих одну особенность: вход в стандартное прямоугольное сооружение с внутренним двором осуществлялся в них не через традиционный пештак, а через осевую башню с полуоктагональной и полуциркульной формой плана. Выявлено всего два таких караван-сарай: на городище Ақджа-кала (62×55 м) и близ Сули-депе (52×30) — оба стояли в оазисной части к северу от Мерва. Их массивные и высокие (до 15 м) пахсовые стены с имитацией бойниц придавали им суровый фортификационный облик. Это был, очевидно, специфический местный тип гостиницы-крепости, нигде более не встречающийся (Пугаченкова 1958: 220–222).

Все отмеченные группы памятников отображают существовавшее в до-монгольскую эпоху разнообразие вариантов в рамках одного архитектурного типа, каковым является караван-сарай. Вызванный к жизни сугубо утилитарными потребностями, он сформировался в своих канонических формах не ранее IX в., впитав многовековой опыт местных строительных традиций как в планировочных композициях, так и в пластике объемно-пространственных решений. В Северном Хорасане возведение караван-сарайев резко сократилось во второй половине XII в. в результате падения Восточно-Сельджукского сultана

и захвата Мерва кочевыми огузами. Последовавшее в первой четверти XIII в. монгольское нашествие и гибель государства Хорезмшахов-Ануштегинидов знаменует полное прекращение нового строительства зданий этого типа в Каракумах и прилегающих к пустыне оазисах. Но их базовые элементы и отдельные архитектурные реплики еще долго воспроизводились в соседних и дальних странах, где под покровительством централизованных монархий продолжалось регулярное движение караванов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адыков 1959 — Адыков К. Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв (По археологическим данным) // Советская археология. 1959. № 4. С. 212–227.
- Адыков 1960 — Адыков К. Средневековый торговый путь из Мерва в Серахс: автореферат дис. ... к. и. н. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1960.
- Бартольд 1963 — Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Работы по истории Азии, Кавказа, Восточной Европы. М.: Наука, 1963.
- Бернштам 1950 — Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Вишневская 1958 — Вишневская О. А. Раскопки караван-сарайев Ак-яила и Талайхан-ата // Труды Хорезмской экспедиции. Т. II / под ред. С. П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 431–466.
- Дурдыев 1980 — Дурдыев Д. Транскаракумский торговый путь из Хорезма в Южный Туркменистан // Новые исследования по археологии Туркменистана / под ред. В. М. Массона. Ашхабад: Ылым, 1980. С. 97–107.
- ал-Йа'куби 2011 — ал-Йа'куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / пер. с араб. Л. А. Семеновой. М.: Восточная литература, 2011.
- Камолиддин 2018 — Камолиддин Ш. Ибн Хаякал и его труд «Сурат ал-ард». Ч. 2. Хорасан. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2018.

- Кожемяко 1968 — Кожемяко П.Н. Караван-сарай на реке Манакельды // Труды Фрунзенского политехнического института. Фрунзе. 1968. Вып. 26: Архитектура и строительство. С. 53–57.
- Ляпин 1992 — Ляпин А.А. Караванный путь Мерв — Керкух (сообщение 1) // Известия Академии наук Туркменистана. Гуманитарные науки. 1992. № 6. С. 33–39.
- Лунина 1974 — Лунина С.Б. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XV / под ред. М.Е. Массона. Ашхабад: ылым, 1974. С. 182–230.
- Мамедов 2003 — Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргiana. Ашхабад: Культурный центр посольства исламской Республики Иран, 2003.
- Маньковская 1980 — Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980.
- Масимов, Дурдыев 1990 — Масимов И., Дурдыев Д. Караван-сарай Минара (к вопросу о транскаракумском торговом пути) // Известия Академии наук Туркменистана, серия гуманитарных наук. 1990. № 6. С. 38–43.
- Массон 1966 — Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ, т. XIII. Ашхабад: Туркменистан, 1966.
- Мец 1996 — Мец А. Мусульманский Ренессанс / пер. с нем. Д. Е. Бертельса. М.: ВиМ, 1996.
- Мирзаахмедов 1988 — Мирзаахмедов Д.К. Изучение пригородов Пайкенда // Городище Пайкенд: К проблеме изучения средневекового города Средней Азии / под ред. А.А. Аскарова. Ташкент: Фан, 1988. С. 113–147.
- МИТТ 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Немцева 2009 — Немцева Н.Б. Рабат-и Малик, XI — начало XVIII в. (археологические исследования). Ташкент: Document de travail dell'IFEAC, No 33, 2009.
- Перегудова 1989 — Перегудова С.Я. Ташрабат. Фрунзе: Илим, 1989.
- Прибыткова 1953 — Прибыткова А.М. Караван-сарай Дая-Хатын // Архитектурное наследство. 1953. № 3. С. 92–106.
- Пугаченкова 1958 — Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ, т. VI / под ред. М.Е. Массона. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Пугаченкова 1967 — Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967.
- СГТИ 1971 — Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М.: Наука, 1971.
- Стародуб 2004 — Стародуб Т.Х. Рибат и ханака: термин и архитектурный тип // Культурные ценности 2002–2003. Международный ежегодник / под ред. Р.Г. Мурадова. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 89–101.
- Стародуб 2010 — Стародуб Т.Х. Исламский мир: художественная культура VII–XVII вв.: архитектура, изображение, орнамент, каллиграфия. М.: Восточная литература, 2010.
- Толстов 1948 — Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948.
- Толстов 1954 — Толстов С.П. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 году // Советская археология. 1954. Вып. XIX. С. 239–262.
- Хмельницкий 1992 — Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин — Рига: Continent, 1992.
- Хмельницкий 1996 — Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Ч. I. Берлин — Рига: Gamajun, 1996.
- Юсупов 1970 — Юсупов Х. Развалины работы Тансыкли-депе (к вопросу о трассе южного отрезка пути Хорезм-Иран Хамдаллаха Казвини) // Каракумские древности. 1970. Вып. III. С. 133–136.
- Юсупов 1972 — Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копетдага и между Сарыкамышем и Кизил-Арватом // Каракумские древности. 1972. Вып. IV. С. 122–142.
- Begley 1983 — Begley W.E. Four Mughal Caravanserais Built during the Reigns of

- Jahangir and Shah Jahan // *Muqarnas*. 1983. № I. P. 167–179.
- Creswell* 1958 — *Creswell K. A. S. A Short Account of Early Muslim Architecture*. London: Penguin books, 1958.
- Elisséeff* 1978 — *Elisséeff N. Khan* // *The Encyclopaedia of Islam*. 1978. Vol. IV. P. 1010–1017.
- Erdmann* 1961–1976 — *Erdmann K. Das Anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts*, parts 1–2. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1961; parts 3–4. Berlin: Verlag Gebr. Mann, 1976.
- Ettinghausen, Grabar* 1987 — *Ettinghausen R., Grabar O. The Art and Architecture of Islam 650–1250*. New Haven and London: Yale University Press, 1994.
- Grabar* 1973 — *Grabar O. The Formation of Islamic Art*. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Herrmann* 1999 — *Herrmann G. Monuments of Merv: Traditional buildings of the Karakum*. London: Society of Antiquaries of London, 1999.
- Hillenbrand* 1994 — *Hillenbrand R. Islamic Architecture: Form, function and meaning*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Kiani* 1981 — *Kiani M. Y. Robat-e Sharaf*. Teheran: Sekkeh Press, 1981.
- Kleiss* 1996–2002 — *Kleiss W. Karawanenbauten in Iran*. Vol. I–VI. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer, 1996–2002.
- Kleiss, Kiani* 1995 — *Kleiss W., Kiani M. Y. Iranian Caravanserais*. Tehran: Cultural Heritage Organization of Iran, 1995.
- Kleiss* 2016 — *Kleiss W. Karawanen-wege und Karawanen-bauten im Nahen Osten* // *Proceedings of the 2nd International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (22–26 May 2000, Copenhagen)*. Bologna: University of Bologna, 2016. P. 93–110.
- Lebigre* 2011 — *Lebigre P. Tash Rabat et Gardaneh-ye-Nir, deux caravansérails remarquables* // *Caravansérails, routes caravanières et récits de voyageurs / 4th Congress of the Asia & Pacific Network*. Paris: CNRS, 2011. URL: www.reseau-asie.com (дата обращения: 01.02.2018).
- Müller* 1920 — *Müller K. Die Karawanserai im Vorderen Orient*. Berlin: "Der Zirkel" Architektur-Vlg, 1920.
- Sims* 1978 — *Sims E. Markets and Caravanserais // Architecture of the Islamic World: Its history and social meaning*. London: Thames and Hudson, 1978. P. 97–111.
- Siroix* 1949 — *Siroix M. Caravansérails d'Iran et petites constructions routières* // *Institut français d'archéologie orientale*. 1949. T. LXXXI.
- Williams* 2007 — *Williams T. The City of Sultan Kala, Merv, Turkmenistan: Communities, neighbourhoods and urban planning from the eighth to the thirteenth century* // *Cities in the Pre-Modern Islamic World: The urban impact of religion, state and society* / eds. A. K. Bennison and A. L. Gascoigne. Oxford: Routledge, 2007. P. 42–62.
- Wordsworth* 2016 — *Wordsworth P. Sustaining Travel. The Economy of Medieval Stopping Places Across the Karakum Desert, Turkmenistan* // *Landscapes of the Islamic World. Archaeology, History and Ethnography* / eds. S. McPhillips and P. Wordsworth. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. P. 219–236.
- Yavuz* 1997 — *Yavuz A.T. The Concepts that Shape Anatolian Seljuq Caravanserais* // *Muqarnas*. 1997. № XIV. P. 80–95.

REFERENCES

- Adykov K. Glavnye stantsii na srednevekovom torgovom puti iz Serakhsa v Merv (Po arkheologicheskim dannym) (The main stations on the medieval trade route from Serakhs to Merv (According to archaeological data)). *Sovetskaia arkheologiia (Soviet archeology)*, 1959, no. 4, pp. 212–227 (in Russian).
- Adykov K. *Srednevekovyi torgovyi put' iz Merva v Serakhs. Avtoreferat dissertatsii (Medieval trade route from Merv to Serakhs. Abstract of the dissertation)*. Ashgabat: AN Turkmenskoi SSR Publ., 1960 (in Russian).
- Bartold V.V. *Sochineniia (Compositions)*. Vol. 2, part 1: *Raboty po istorii Azii, Kavkaza, Vostochnoi Evropy (Works on the history of Asia, the Caucasus, Eastern Europe)*. Moscow: Nauka Publ., 1963 (in Russian).
- Bernshtam A.N. *Arkhitekturnye pamiatniki Kirgizii (Architectural monuments of Kyrgyzstan)*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950 (in Russian).

- Vishnevskaia O. A. Raskopki karavan-saraev Akaila i Talaikhan-ata (Excavations of the caravanserai Ak-yaila and Talaykhan-ata). *Trudy Khorezmskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm expedition)* vol. 2, ed. S. P. Tolstov. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, pp. 431–466 (in Russian).
- Durdyev D. Transkarakumskii torgovyi put' iz Khorezma v lizhnyi Turkmenistan (Transcarakum trade route from Khorezm to South Turkmenistan). *Novye issledovaniya po arkheologii Turkmenistana (New research on archeology of Turkmenistan)*, ed. V. M. Masson. Ashkhabad: Ylym Publ., 1980, pp. 97–107 (in Russian).
- Al-Ya'qubi. *Kniga stran (Kitab al-Buldan)*. Transl. L. A. Semenova. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 2011 (in Russian).
- Kamoliddin Sh. *Ibn Khaukal i ego trud "Surat al-ard". Chast' 2. Khorasan (Ibn Hawqal and his work "Surat al-ard". Part 2. Khorasan)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2018 (in Russian).
- Kozhemiako P.N. Karavan-sarai na reke Manakel'dy (Caravanserai on the river Manakeldy). *Trudy Frunzenskogo politekhnicheskogo instituta (Proceedings of the Frunze Polytechnic Institute)*. Frunze, 1968, vol. 26, pp. 53–57 (in Russian).
- Liapin A.A. Karavannyi put' Merv — Kerkukh (soobshchenie 1) (Caravan way Merv — Kerkuh (message 1)). *Izvestiya Akademii nauk Turkmenistana. Gumanitarnye nauki (News of the Academy of Sciences of Turkmenistan. Humanities)*, 1992, no. 6, pp. 33–39 (in Russian).
- Lunina S.B. Istoricheskaya topografiya zapadnoi chasti rabada srednevekovogo Merva (Historical topography of the western part of the rabad of the medieval Merv). *Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan archaeological complex expedition)*, vol. 15, ed. M. E. Masson. Ashkhabad: Ylym Publ., 1974, pp. 182–230 (in Russian).
- Mamedov M. *Drevniaia arkhitektura Baktrii i Margiany (Ancient architecture of Bactria and Margiana)*. Ashkhabad: Cultural Center of the Embassy of the Islamic Republic of Iran Publ., 2003 (in Russian).
- Man'kovskaia L. Iu. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii (9 — nachalo 20 v.)* (*Typological basis of the architecture of Central Asia (9th — early 20th century)*). Tashkent: Fan Publ., 1980 (in Russian).
- Masimov I., Durdyev D. Karavan-sarai Minara (k voprosu o transkarakumskom torgovom puti) (Caravanserai Minara (on the Transcaracum Trade Way)). *Izvestiia Akademii nauk Turkmenistana, seriia gumanitarnykh nauk (News of the Academy of Sciences of Turkmenistan, series of humanities)*, 1990, no. 6, pp. 38–43 (in Russian).
- Masson M.E. Srednevekovye torgovye puti iz Merva v Khorezm i v Maverannahr (v predelakh Turkmenskoi SSR) (Medieval trade routes from Merv to Khorezm and to Maverannahr (within the Turkmen SSR)). *Trudy YuTAKE (Proceedings of the South Turkmenistan archaeological complex expedition)*, vol. 13. Ashkhabad: Turkmenistan Publ., 1966 (in Russian).
- Mets A. *Musul'manskii Renessans (The Muslim Renaissance)*. Moscow: Wim Publ., 1996 (in Russian).
- Mirzaakhmedov D.K. Izuchenie prigorodov Paikenda (Study of the suburbs of Paikend). *GORODISHCHE PAIKEND: K probleme izucheniia srednevekovogo goroda Srednei Azii (Ancient settlement Paikend: To the problem of studying the medieval city of Central Asia)*, ed. A. A. Askarova. Tashkent: Fan Publ., 1988, pp. 113–147 (in Russian).
- Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of Turkmen and Turkmenia), vol. 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1939 (in Russian).
- Nemtseva N.B. *Rabat-i Malik, XI-nachalo 18 v. (arkheologicheskie issledovaniia) (Rabat-i Malik, XI-beginning of the 18th century (archaeological research))*. Tashkent: Document de travail del'IFEAC, no. 33. Publ., 2009 (in Russian).
- Peregudova S. Ia. *Tash Rabat*. Frunze: Ylym Publ., 1989 (in Russian).
- Pribytkova A.M. Karavan-sarai Daia-Khatyn (Caravanserai Daya-Khatyn). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural heritage)*, 1953, no. 3, pp. 92–106 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. Puti razvitiia arkhitektury lizhnogo Turkmenistana pory rabovladeniia i feodalizma (Ways of development of the architecture of Southern Turkmenistan

- in the period of slavery and feudalism). *Trudy YutAKE (Proceedings of the South Turkmenistan archaeological complex expedition)*, vol. 6, ed. M. E. Masson. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958 (in Russian).
- Pugachenkova G. A. *Iskusstvo Turkmenistana (Art of Turkmenistan)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1967 (in Russian).
- Slovar' geograficheskikh terminov i drugikh slov, formiruiushchikh toponimii Iran'a (Dictionary of geographical terms and other words that form the toponymy of Iran)*. Moscow: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Starodub T. Kh. Ribat i khanaka: termin i arkhitekturnyi tip (Ribat and hanaka: term and architectural type). *Kul'turnye tsennosti 2002–2003. Mezhdunarodnyi ezhegodnik (Cultural values 2002–2003. International annual)*, ed. R. G. Muradov. Saint Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2004, pp. 89–101 (in Russian).
- Starodub T. Kh. *Islamskii mir: khudozhestvennaia kul'tura 7–17 vekakh: arkhitektura, izobrazhenie, ornament, kalligrafia (Islamic world: art culture of the 7th–17th centuries: architecture, image, ornament, calligraphy)*. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2010 (in Russian).
- Tolstov S. P. *Drevni Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khorezm. The experience of historical and archaeological research)*. Moscow: Moscow State University Publ., 1948 (in Russian).
- Tolstov S. P. Arkheologicheskie raboty Khorezmskoi arkheologo-ethnograficheskoi ekspeditsii Akademii nauk SSSR v 1951 godu (Archaeological works of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences in 1951). *Sovetskaia arkheologiya (Soviet archeology)*, 1954, vol. XIX, pp. 239–262 (in Russian).
- Khmel'nitskii S. *Mezdu arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii 9–10 vekov (Between the Arabs and the Turks. Architecture of Central Asia 9th–10th centuries)*. Berlin — Riga: Continent Publ., 1992 (in Russian).
- Khmel'nitskii S. *Mezdu Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii 11 — nachala 13 veka. Chast' I. (Between the Samanids and the Mongols. Architecture of Central Asia*
- 11th — the beginning of 13th centuries). Berlin — Riga: Gamajun Publ., 1996 (in Russian).
- Iusupov Kh. Razvaliny rabata Tansykly-depe (k voprosu o trasse iuzhnogo otrezka puti Khorezm-Iran Khamdallakha Kazvini) (Ruins of Rabbi Tansykly-depe (to the question of the route of the southern segment of the Khorezm-Iran route Hamdallah Kazvini)). *Karakumskie drevnosti (Karakum antiquities)*, 1970, vol. III, pp. 133–136 (in Russian).
- Iusupov Kh. Arkheologicheskie raboty v predgoryakh Severo-Zapadnogo Kopetdagia i mezhdu Sarykamyshem i Kizil-Arvatom (Archaeological work in the foothills of the North-Western Kopetdag and between the Sarykamysh and Kizil-Arvat). *Karakumskie drevnosti (Karakum antiquities)*, 1972, vol. IV, pp. 122–142 (in Russian).
- Begley W. E. Four Mughal Caravanserais Built during the Reigns of Jahangir and Shah Jahan. *Muqarnas*, 1983, no. I, pp. 167–179.
- Creswell K. A. S. *A Short Account of Early Muslim Architecture*. London: Penguin books Publ., 1958.
- Elisséeff N. Khan. *The Encyclopaedia of Islam*, 1978, vol. IV, pp. 1010–1017.
- Erdmann K. *Das Anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts*, parts 1–2. Berlin: Verlag Gebr. Mann Publ., 1961; parts 3–4. Berlin: Verlag Gebr. Mann Publ., 1976.
- Ettinghausen R., Grabar O. *The Art and Architecture of Islam 650–1250*. New Haven and London: Yale University Press Publ., 1994.
- Grabar O. *The Formation of Islamic Art*. New Haven: Yale University Press Publ., 1973.
- Herrmann G. *Monuments of Merv: Traditional buildings of the Karakum*. London: Society of Antiquaries of London Publ., 1999.
- Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, function and meaning*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994.
- Kiani M. Y. *Robat-e Sharaf*. Teheran: Sekkeh Press Publ., 1981.
- Kleiss W. *Karawanenbauten in Iran. Vol. I–VI*. Berlin: Verlag von Dietrich Reimer Publ., 1996–2002.
- Kleiss W., Kiani M. Y. *Iranian Caravanserais*. Teheran: Cultural Heritage Organization of Iran Publ., 1995.

- Kleiss W. Karawanen-wege und Karawanenbauten im Nahen Osten. *Proceedings of the 2nd International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (22–26 May 2000, Copenhagen)*. Bologna: University of Bologna, 2016, pp. 93–110.
- Lebigre P. Tash Rabat et Gardaneh-ye-Nir, deux caravansérails remarquables. *Caravansérails, routes caravanières et récits de voyageurs*. 4th Congress of the Asia & Pacific Network. Paris: CNRS Publ., 2011. URL: <http://www.reseau-asie.com>.
- Müller K. *Die Karawanserai im Vorderen Orient*. Berlin: "Der Zirkel" Architektur-Vlg Publ., 1920.
- Sims E. Markets and Caravanserais. *Architecture of the Islamic World: Its history and social meaning*. London: Thames and Hudson Publ., 1978, pp. 97–111.
- Siroix M. Caravansérails d'Iran et petites constructions routières. *Institut français d'archéologie orientale*, 1949, no. LXXXI.
- Williams T. The City of Sultan Kala, Merv, Turkmenistan: Communities, neighbourhoods and urban planning from the eighth to the thirteenth century. *Cities in the Pre-Modern Islamic World: The urban impact of religion, state and society*. Oxford: Routledge Publ., 2007, pp. 42–62.
- Wordsworth P. Sustaining Travel. The Economy of Medieval Stopping Places Across the Karakum Desert, Turkmenistan. *Landscape of the Islamic World. Archaeology, History and Ethnography*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press Publ., 2016, pp. 219–236.
- Yavuz A.T. The Concepts that Shape Anatolian Seljuq Caravanserais. *Muqarnas*, 1997, no. XIV, pp. 80–95.

В. П. Кирилко

АРХИТЕКТУРА МЕЧЕТЕЙ ОСМАНСКОГО ГОРОДА КЕФЕ (по материалам письменных и графических источников)*

Достоверной локализации поддается местоположение 40 мечетей, названия 27 из них установлены. К настоящему времени уцелела только одна постройка — Муфти-Джами, частично изменившая свой первоначальный вид. Она была соборной, возведена в 1622–1639 гг. Разрозненные сведения об архитектурных, конструктивных и декоративных особенностях отдельных утраченных мечетей города содержатся в письменных, археографических и изобразительных источниках. Исключительную ценность для изучения местной архитектуры имеют «Книга путешествий» турецкого автора Евлия Челеби, посетившего Крым в 1666–1667 гг., а также научные труды и графика конца XVIII — XIX в. В городе Кефе известны как раритетные постройки, появившиеся, надо полагать, не без участия ведущих мастеров Порты, так и рядовые сооружения с признаками, более характерными для провинциального зодчества. Первые единичны, выделяются значительной величиной, усложненной архитектоникой и относительно изысканным художественным оформлением. К их числу принадлежит самая главная постройка Кефе — соборная Биюк-Джами, которая была возведена шахзаде Сулейман-ханом во время правления санджаком (до 1520 г.), возможно, по проекту знаменитого зодчего Ходжа Синана. Вторые численно преобладали, обычно имели небольшой кубовидный объем молитвенного зала, трехъярусное расположение окон и преимущественно глухой восьмигранный барабан с куполом на парусах. Различие построек этой группы состояло главным образом в деталях, прежде всего разного рода пристройках, форме и количестве проемов, декоративном убранстве. Сохранились изображения и описание одной из таких мечетей — квартальной Кишила-Джами. Основное влияние на мусульманское культовое зодчество города в османское время оказали тенденции столичной архитектурной моды и, возможно, примеры отдельных зданий, конкретизация которых пока затруднительна.

Ключевые слова: Каффа, Кефе, Эвлия Челеби, Ходжа Синан, османская архитектура, джами, месджид.

V. P. Kirillo

ARCHITECTURE OF THE MOSQUES OF THE OTTOMAN CITY OF KEFE (Based on written and graphic sources)

With certainty, 40 mosques can be localized. The names of 27 of them have been identified. By now only one building has survived — Mufti-Jami. Its original form has partially changed. It was a cathedral, built in 1622–1639. Disparate information about the architectural, constructive and decorative features of some of the lost mosques of the city is contained in the written, archaeographic and pictorial sources. Of exceptional value for the study of local architecture is the “Book of Travels” of the Turkish author Evlia Chelebi, who visited the Crimea in 1666–1667, as well as scientific works of the late 18th–19th centuries. In the city of Kefe there are some rare buildings that came to be, probably with the participation of the main masters of Porta. Some conventional structures with symptoms that are characteristic of provincial architecture are also known. The buildings of the first group are single and are determined by a considerable size, complex architectonics and relatively refined decoration. Among them is the most important construction of Kefe — the cathedral Biyuk-Jami, which was built by shahzade Suleiman Khan during the reign of Sanjak (before 1520), possibly by the famous architect Hodja Sinan. The second group predominates in the number of its exponents. Usually they had a prayer hall in the form of a cube in small volume, and an arrangement of the windows in three tiers and, as a rule, a closed octagonal drum with a dome on sails. The difference between the buildings within this group consisted mainly in the details. This is, first of all, a different kind of extension, the shape and number of the openings, the decorative design. The images and description of one of these mosques —

* Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» — «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

the quarterly Kyshl-Jami, have been preserved. The main influence on the Muslim religious architecture in the city in the Ottoman period was the capitals' current trend in architecture fashion and, perhaps, examples of individual buildings, about which it is still difficult to specify.

Keywords: Kaffa, Kefe, Evliya Chelebi, Hodja Sinan, Ottoman architecture, Jami, Mesjid.

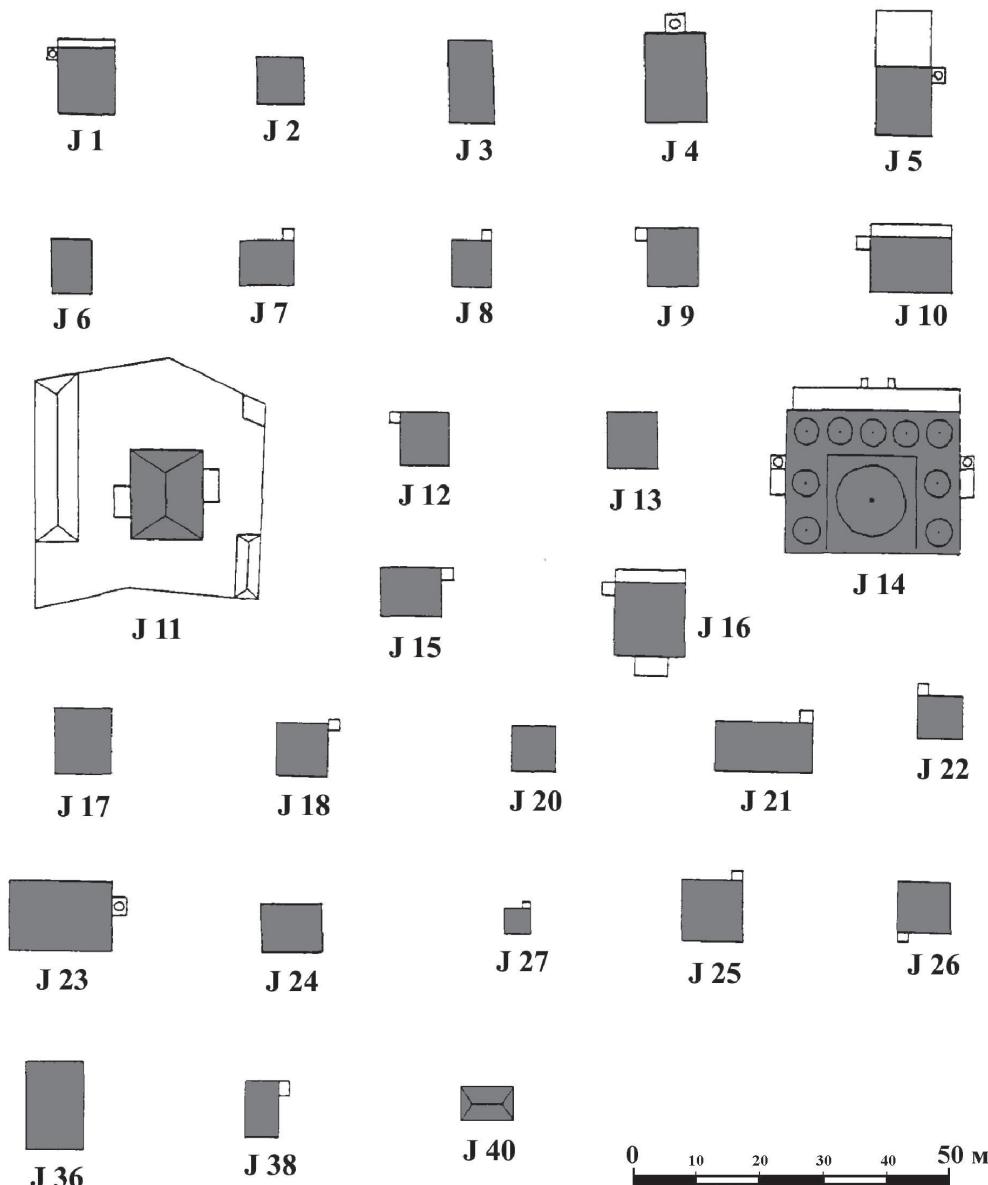
После 1475 г. бывшие владения генуэзцев и феодоритов в Крыму были преобразованы в новую провинцию (санджак, затем лива) Османской империи — Кефе, охватывавшую значительную часть полуострова (Veinstein 1990: 587), которая вскоре, в конце XVI в., в связи со все более увеличивающимся военным значением получит самый высокий в государстве административный статус — эялет, или бейлербейлик с одноименным городом в качестве столицы, сменившей прежнюю Каффу (совр. г. Феодосия) (Бочаров 2008: 44).

Поддается локализации местоположение сорока мечетей, из которых четыре находились в цитадели (Френк Хисар), двадцать две были возведены на окружной крепостными стенами городской территории (Кале Бурун), одна включена в комплекс строений турецкого бастиона у башни Св. Константина, а тринадцать располагались в неукрепленном предместье (Топраклы Варрош или Кала-и Хак). Названия двадцати семи сооружений достоверно определены. Почти все постройки, за исключением единственной — Муфти-Джами, лишь частично сохранившей свой первоначальный облик, полностью утрачены (Бочаров 2016: 121–134).

Основной целью настоящего исследования является систематизация сведений об архитектурных, конструктивных и декоративных особенностях всех известных мечетей этого османского города, которые содержатся в свидетельствах очевидцев, заставших постройки до разрушения, а также различного рода рисунках, гравюрах, обмерных чертежах и фотоснимках с изображениями самих памятников.

Исклучительную ценность для изучения местного зодчества имеет «Книга путешествия» турецкого автора Эвлии Челеби, который в 1666–1667 гг. посетил полуостров и относительно подробно описал его основные населенные пункты, обратив пристальное внимание на отдельные строения (Челеби 2008). В городе Кефе, нередко называемом также Кучук-Стамбул (Маленький Стамбул), сохранившем все лучшее из генуэзского прошлого и дополненном новыми зданиями, Эвлию Челеби увиденное восхитило. Перечисляя и описывая впечатлившие его сооружения, среди конкретных архитектурных памятников путешественник особо отметил многочисленные мечети (Там же: 181–184, 187). В большинстве своем они появились после завоевания Крыма османами, поскольку прежде, при генуэзцах, в городе имелась всего лишь одна мусульманская культовая постройка. В период между 1475 и 1520 гг. их количество стремительно увеличивается до тридцати шести, а к 1542 г. уже составляет тридцать восемь, причем возводятся как джами — большие соборные мечети, где совершался общий пятничный молебен, так и многочисленные месджиды, которые могли быть различными по назначению, величине и архитектонике (ил. 1) (Balard, Veinstein 1980: 88; Бочаров 2016: 121). По свидетельству Эвлии Челеби, в 1666–1667 гг. здесь было десять соборных и пятьдесят¹ квартальных мечетей, а «всего насчитывается шестьдесят

¹ Прежде автор перевода Е. В. Бахревский указывал иное количество построек: «Всего имеется 30 квартальных мечетей» (Книга путешествия 1999: 91), что является более правдоподобным.



Ил. 1. Мечети Кефе. Контуры планы (Бочаров 2016: рис. 4)

михрабов единобожников» (Челеби 2008: 181, 183).

Выделяется главное монументальное сооружение османской Кефе. Оно известно под названием Биюк Джами,

или как мечеть султана Селима. Строение не сохранилось, но определенное представление о нем позволяют получить свидетельства нескольких очевидцев, имевших возможность осматривать

памятник до разрушения. Важными являются наблюдения турецкого путешественника Евлии Челеби, который был не только современником постройки, но и достаточно хорошо разбирался в архитектуре: «Соборная мечеть шахзаде Сулейман-хана. Он построил ее, когда здесь правил. Все купола его строений внутри и снаружи особым образом покрыты свинцом, это светлая, полная света мечеть. Ее длина от кыбловых дверей до михраба — сто пятьдесят аяков, а от одной стороны до другой — все сто аяков. Есть двери с двух сторон и кыбловые двери. Над внешней софой на шести колоннах — пять искусно устроенных куполов. Внутри мечеть очень просторная, занимает десять тысяч шагов. Но она находится на рынке, посреди базара на узеньком участке земли, и внешний харам ее маленький. Он не соответствует величине мечети. Ее минарет², минбар и михраб построены в старой форме» (Там же: 181).

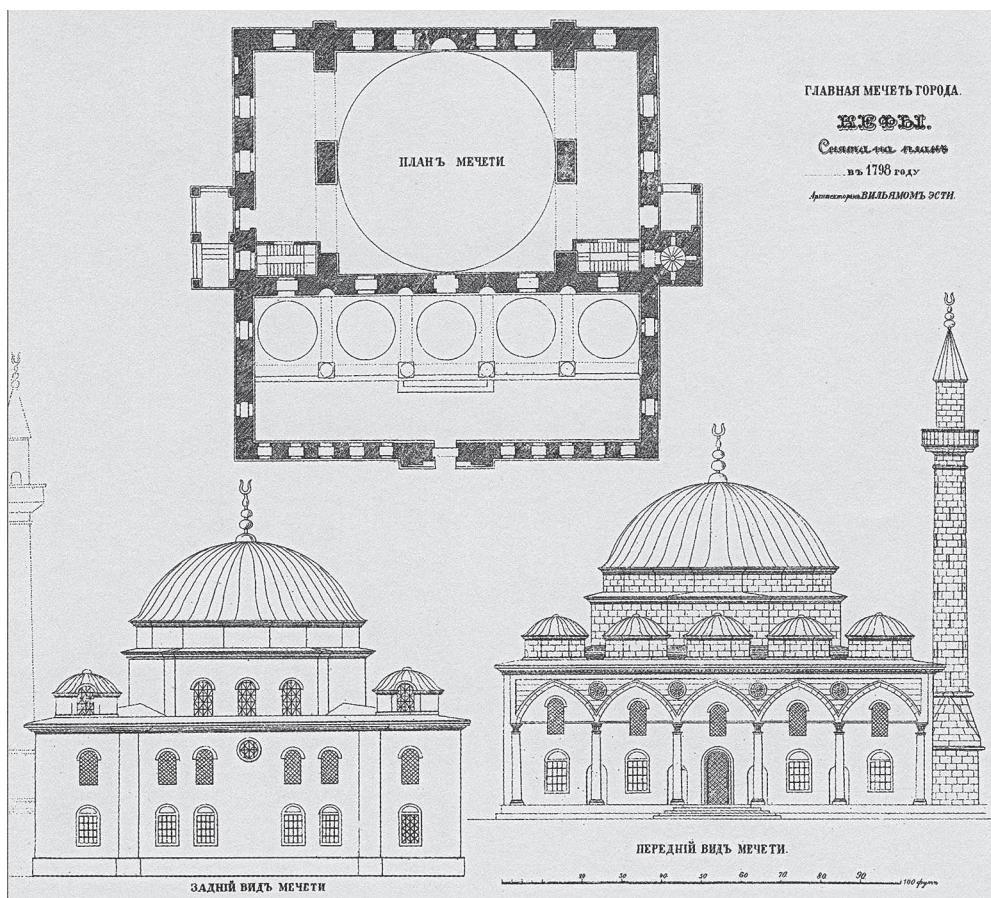
По свидетельству П.С. Палласа, посетившего Феодосию в первой половине 1794 г. и успевшего застать здание целиком, это была «большая, построенная с благородной простотой, прекрасная, еще порядочно сохранившаяся главная мечеть, называемая Биюк-Джами. Она имеет семнадцать саженей в длину и четырнадцать — в ширину. Главный ее купол — более девяти саженей в поперечнике, и с трех сторон она еще имеет одиннадцать маленьких куполов. Два минарета вышиной в шестнадцать саженей с витой лестницей до самого верха еще существовали, когда я поручил нарисовать вид Кафы со стороны бухты, представленный на листе четырнадцатом, но затем они были разрушены» (Паллас 1999: 116–117). Считается,

что оба они исчезли в 1794–1796 гг. (Тункина 2011: 31, 49)³, но это не бесспорно. По крайней мере один из них, западный, продержался до начала следующего века, будучи относительно детально изображен на двух фасадах мечети — переднем и заднем, которые вместе с чертежом плана в 1798 г., незадолго до разборки всего здания, выполнил архитектор Уильям Эсти (ил. 2) (О сохранении… 1872: табл. VII). Уцелевший минарет отчетливо виден также на акварели живописца И.А. Иванова, запечатлевшей в 1803 г. общий вид Феодосии с приездом (Тункина 2011: ил. 52), но уже спустя год художник-пейзажист К.Ф. Кюгельхен, летом и осенью 1804 г. сопровождавший Е.Е. Келера в поездке по югу России и пробывший в Крыму 14 месяцев, судя по весьма тщательной графической проработке им малейших подробностей городской панорамы (ил. 3), действительно его не застал. Это обстоятельство дает основание предполагать, что минареты подверглись разборке в разное время, поочередно: восточный — в 1794–1796 гг., западный — на рубеже 1803–1804 гг.

В конце августа — начале сентября 1803 г. появилась еще одна, совершенно бесценная, карандашная зарисовка в путевой тетради архитектора Н.А. Львова с изображением внутреннего пространства здания (ил. 4) (Там же: ил. 49). На ней представлены не только основные элементы интерьера (михраб, минбар, мафиль) и его декоративное убранство (раскраска арок), но также отдельные архитектурные детали, в частности,

³ Данная информация исходит от Е.Е. Келера, которым в служебной переписке 1820 г., надо полагать, на основании результатов поездки 1804 г. несколько раз упомянута «Огромная и великолепная мечеть в Кефе, — у коей бывшие весьма высокие минареты сломаны около 1794–1796 годов» (О сохранении… 1872: 374).

² В первоначальном варианте перевода, выполненного тем же автором — Е.В. Бахревским, было «минареты» (Там же).



Ил. 2. У. Эсти. «Главная мечеть города Кефы». План и виды. 1798 г. (Тункина 2011: ил. 34)

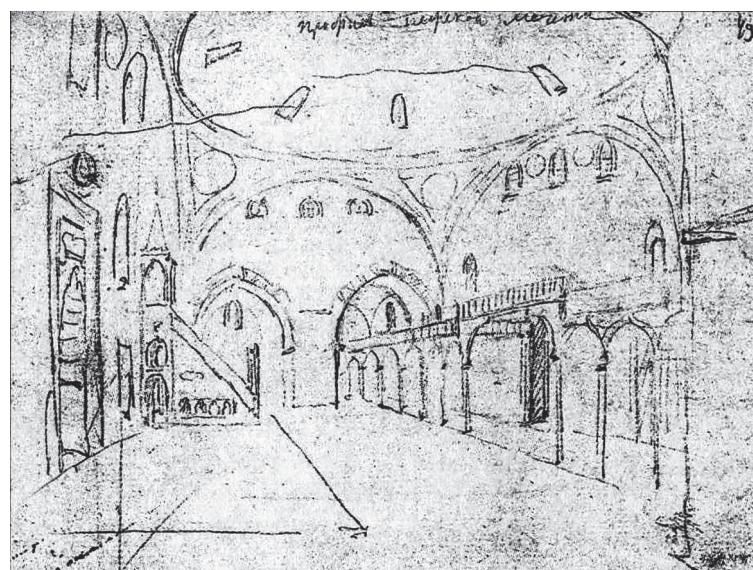
световые проемы в барабане и нижней части купола, отсутствующие на чертежах У. Эсти. В свою очередь, достоверность этой графической информации подтверждается уже упомянутыми акварелями И.А. Иванова и К.Ф. Кюгельхена, которые независимо друг от друга запечатлели те же самые окна на фасадах, правда, в меньшем количестве — по одному с каждой стороны. Причем, судя по достаточно правдоподобному панорамному изображению города под названием «Caffa ou Theodosie. Vue du haut de la Montagne au pied de laquelle elle est

situee» (ил. 6), созданному неизвестным автором на рубеже XVIII–XIX вв., нельзя исключать вероятности того, что все грани в основании купола были с проемами для освещения внутреннего пространства.

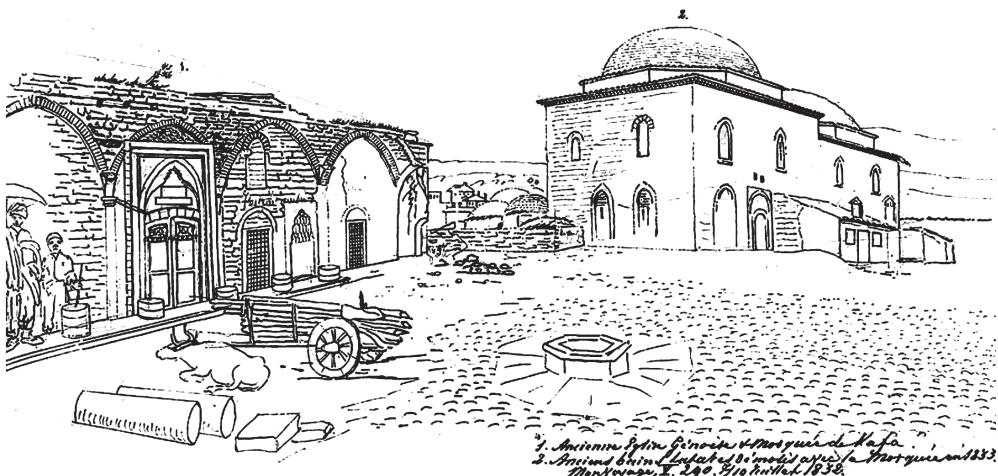
30 августа 1821 г. Э. Паскаль, сопровождавший Е.Е. Келера в поездке по Крыму, предоставил в Академию наук рапорт, в котором сообщил о состоянии мечети и результаты своих наблюдений, отметив в частности: «Большой внутренний свод, к несчастью, разрушен; он намного большего размера, чем подобный



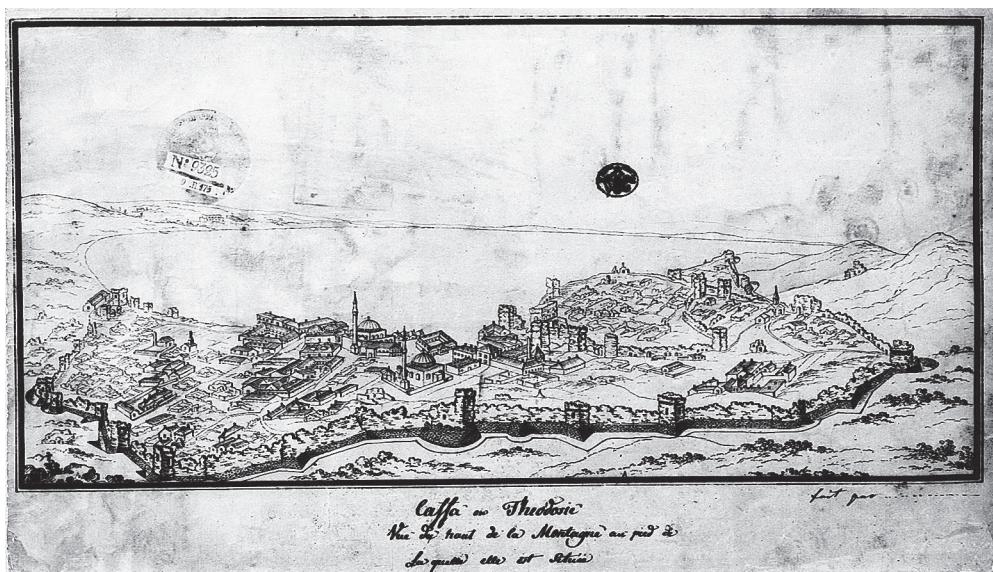
Ил. 3. К. Кюгельхен. Вид крепости в Феодосии. Акварель, 1825 г. (Яровая 2010: рис. 2)



Ил. 4. Н. А. Львов.
«Профиль кефской
мечети». Зарисовка
карандашом в путевой
тетради, 1803 г.
(Тункина 2011: ил. 49)



Ил. 5. Ф. Дюбуа де Монпере. «1. Старая генуэзская церковь и мечеть в Кефе. 2. Старые татарские бани, разрушенные вместе с мечетью в 1833 г.». Зарисовка карандашом в путевом альбоме, 1832 г. (Гункина 2011: ил. 63)



Ил. 6. Неизвестный автор. «Caffa ou Theodosie. Vue du haut de la Montagne au pied de laquelle elle est situee». Гравюра, рубеж XVIII–XIX вв. Фотокопия (Пономарева 1968: фото 13)

в Козлове [Евпатории. — И. Т.]. <...> Эта мечеть была самой большой во всем Крыму и поэтому ничего не жалели для ее сооружения; все обрамления дверных и оконных проемов были из белого

мрамора; от всей этой пышности остался лишьentralный вход, который единственный дает представление о том, каким мог быть этот великолепный памятник» (Там же: 49–50). Из других, более

ранних источников, в частности, согласно сведениям 1799 г., известно также то, что при возведении галереи (преддверия) первоначального здания вторично использовались «четыре из дикого мрамора столпа цельные, вышиною каждый в 4 аршина», на одном из которых была нанесена греческая надгробная надпись 819 г. (Сумароков 1800: 62). Причем на прорисовке последней, выполненной Н.Н. Мурзакевичем, имеется помета, сообщающая размеры фрагментарно уцелевшей колонны в дюймах — «диаметр 17 д.» (= 43,18 см) (Тункина 2011: 99–100, ил. 48). По свидетельству В.В. Латышева, упомянутый лапидарный источник имел следующий вид: «Столп из белого мрамора с синими жилами, сверху обломанный, выш. 1,47 м, диам. около 0,42 м» (Латышев 1896: 82–84, № 75).

В июле 1832 г. Ф. Дюбуа де Монпере, заставший остатки здания в полуразрушенном состоянии, успел нарисовать только нижнюю часть главного фасада, уже утратившего галерею и перекрытие, но еще сохранившего профилированный наличник входа (на который в свое время особое внимание обратил Э. Паскаль), пилasters, оконные проемы и внешний михраб с ячеистой конхой (ил. 5) (Тункина 2011: ил. 63). Представляя информацию о самом памятнике, он практически дословно повторил описание П.С.Палласа, однако от себя добавил то, что данная мечеть якобы перестроена из епископальной церкви, возведенной генуэзцами в начале XIV в., от которой в ходе превращения уцелел главный купол (Дюбуа де Монпере 2009: 83).

Мечеть представляла собой прямоугольное в плане монументальное многокупольное здание с трехнефным залом, открытой галереей на входе и предварявшим ту небольшим, огражденным с боков и спереди внутренним двором, образующих вместе компактное, замк-

нутое отовсюду стенами, равностороннее сооружение с четко выраженной продольной осью, ориентированной на Мекку (ил. 2).

Основной объем строения снаружи завершался двухуровневым барабаном, в нижней части — высоким октогональным, в верхней — низким и немного заступавшим вовнутрь, шестнадцатигранным, который, в свою очередь, поддерживал большой полусферический купол на парусах, увенчанный классическим османским алемом — навершием из трех разновеликих шаров с полумесяцем рогами вверх. Соответствующее ему центральное помещение молитвенного зала было квадратным, имело главный вход с северной стороны, расположенный посередине стены точно напротив михраба. С боковыми, вытянутыми продольно, прямоугольными компартиментами оно сообщалось посредством пары арочных проемов стрельчатого профилия, разделенных между собой широким простенком. Внутреннее пространство каждого из них было перекрыто тремя одинаковыми куполами на подпружных арках и парусах⁴, поддерживаемых снаружи низкими восьмигранными барабанами. В северных концах обоих пролетов находились лестницы, которые вели на мафиль и минареты. Рядом с ними, в продольных стенах, расположены боковые входы в здание, по одному

⁴ По мнению Б.Н. Засыпкина, они были перекрыты «двумя куполками на арках» (Засыпкин 1927: 140). Подобной точки зрения придерживается также С.Г. Бочаров, считая, что над боковыми нефами мечети было по два маленьких купола с восьмигранными барабанами (Бочаров 2016: 127). Данные выводы маловероятны, поскольку достоверно известно общее количество малых куполов — одиннадцать (Паллас 1999: 116–117), из которых пять находилось спереди, над галереей, а остальные — симметрично перекрывали боковые компартименты молитвенного зала.

с каждой стороны. На южном фасаде все три части молитвенного зала структурно выделены, будучи разграничены между собой слегка выступавшими из плоскости стены двумя массивными пилонами.

Галерея, примыкавшая к зданию спереди, представляла собой изящную стрельчатую аркаду с шестью опорами в виде круглых мраморных колонн вторичного использования, возможно, с коринфскими капителями. Судя по обмерным чертежам У. Эсти, она могла иметь одинаковую высоту с боковыми помещениями и завершалась общим с ними карнизом, замыкавшим плоскость стены по всему периметру здания на одном уровне. Ее внутреннее пространство было перекрыто пятью одинаковой величины маленькими куполами на парусах с низкими барабанами восьмигранной формы. Снизу они дополнительно поддерживались подпружными арками, которые, опираясь на пристенные пилasters и свободно стоящие колонны галереи, визуально разделяли пролет на отдельные квадратные в плане ячейки. Главный вход в мечеть был обрамлен профилированным наличником. По обе стороны от него в северной стене размещены внешние михрабы, украшенные плетенками и сталактитами. Они выполнены в характерном для османских сооружений стиле, имеют упрощенные формы.

Освещение внутреннего пространства мечети было многоярусным. Окна основного объема здания располагались на двух уровнях, одно над другим. Они прямоугольные с арочным завершением, между собой отличались обрамлением, были защищены решетками: нижние — металлическими, верхние — предположительно гипсовыми или каменными с остеклением отверстий. Над михрабом находилось одно круглое окно. Световые арочные проемы име-

лись также на фасадных плоскостях барабана основного купола, в нижней части — по три, в верхней — либо на всех гранях, либо на каждой второй из них.

Вход во внутренний двор расположен в передней части ограды напротив дверного проема мечети, на продольной оси всего здания, был украшен монументальным порталом, немного выступавшим из плоскости стены. Рядом с ним симметрично находились относительно большие проемы, вероятнее всего, зарешеченные — по пять с каждой стороны. Подобные отверстия в кладке, позволявшие визуально расширить внутреннее пространство двора и насытить его светом, были предусмотрены также с боков — всего по два на фасад, причем крайние из них открывались в галерею. Оба минарета примыкают к постройке снаружи на одной линии с передней стеной ее основного объема. Они могли иметь квадратное в плане подножие, пирамидальный переход к круглому в сечении стволу и профилированное снизу шерфе с многогранным ограждением, завершались цилиндрической башенкой с конусовидной крышей, увенчанной алемом.

План здания полностью согласован с его внешним обликом, образующим из отдельных объемов пирамидальную композицию. Создав систему взаимно уравновешенных сводов, архитектору удалось не только эффективно организовать внутреннее пространство мечети, но также рационально распределить нагрузки от купольного перекрытия центральной части сооружения на конструкции внешнего периметра.

Большая мечеть Кефе представляла собой уникальное сооружение, не имеющее близких аналогий на территории полуострова. В определенной степени с ней сопоставима лишь одна крымская постройка, причем настолько же,

по местным меркам, грандиозная и неординарная — Джума-Джами в городе Гёзлёв, которая является ярким произведением столичной архитектурной школы и была построена великим зодчим Ходжа Синаном (ок. 1489 — 1588). Несмотря на то что в небезызвестном списке, где перечисляются все произведения последнего, кефская мечеть не упомянута, очевидное тождество стиля и наличие в Крыму целых двух достоверно подтверждаемых работ мастера (гёзлёвской Джума-Джами и башни Султана Сулеймана в Кефе) позволили в свое время Б.Н. Засыпкину предположительно связать ее происхождение именно с творчеством знаменитого турецкого зодчего, а возведение самого здания «отнести к середине XVI в.». Более того, по мнению исследователя, оба эти культовые сооружения оказали влияние на дальнейшее развитие местных купольных мечетей и основные зоны их распространения в регионе (Засыпкин 1927: 140–143).

Поскольку Эвлией Челеби однозначно указано, что мечеть была возведена Сулейманом-ханом во время правления санджаком, А.П. Григорьев счел возможным уточнить дату сооружения, за которым, как он полагает, «без всяких видимых на то оснований укрепилось имя султана Селима II (1566–1574)». Согласно выводам исследователя, постройка появляется до 1520 г., «ближе всего стоит к стамбульской Шахзаде, будучи гораздо проще ее по формам», и принадлежит к наиболее раннему этапу в творчестве Синана (Григорьев 1974: 27–28). Несмотря на то что сам турецкий путешественник, обычно не упуская важных деталей, с деятельностью знаменитого зодчего данное строение никак не связывает, оно и сейчас, по обыкновению, продолжает относиться к богатому наследию мастера (Бочаров 2016: 127), хотя документального подтвержде-

ния этому до сих пор нет (Goodwin 1993; Necipoğlu 2005).

Неподалеку от мечети султана Сулеймана, на соседней рыночной площади Кефе (ил. 6), находилась еще одна, появившаяся почти век спустя, монументальная культовая постройка с характерными для османской архитектурной традиции формами и декоративным убранством, но несколько выделявшаяся своей необычной объемно-планировкой структурой — Муфти-Джами, возведение которой было начато в 1032 г. х. (= 1622/23 г.), а завершено в 1048 г. х. (= 1638/39 г.). Будучи почти современником памятника, Евлия Челеби о нем сообщает весьма лаконично: «Это тоже крытая свинцом мечеть с выстроенным из камня минаретом», обратив основное внимание лишь на посвятительные надписи здания и их даты (Челеби 2008: 181–182). Само строение, претерпев несколько ремонтов, достаточно неплохо сохранилось до наших дней и позволяет получить относительно полное представление о его первоначальной архитектонике и стилевых особенностях, чему особо благоприятствует многочисленный иконографический материал, прежде всего зарисовка в путевом альбоме Ф. Дюбуа де Монпере и литография В.О. Руссена, а также старые фотографии (ил. 7, 8) (Засыпкин 1927: 144; Крикун 1998: 18–20; Тункина 2011: 50, 52, ил. 67, 68; Бочаров 2016: 128, рис. 6).

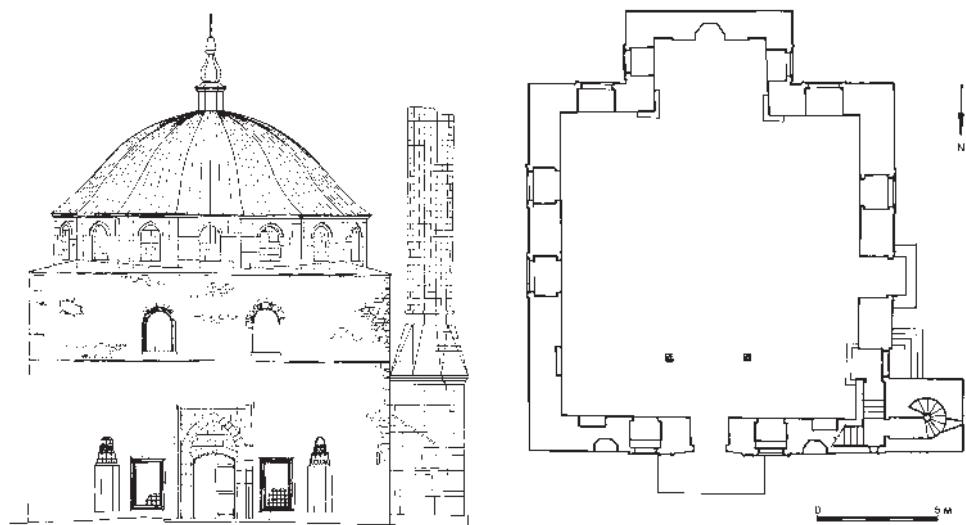
Мечеть в плане квадратная с большим, вынесенным наружу прямоугольным выступом в кыбловой стене, в глубине которого на продольной оси постройки находится михраб в виде ниши пятигранного сечения с семирядной сталькитовой конхой (ил. 9–13). С северной стороны она имела открытую галерею, полностью утраченную уже к началу XIX в., но следы ее примыкания к зданию сохранились на поверхности фасада



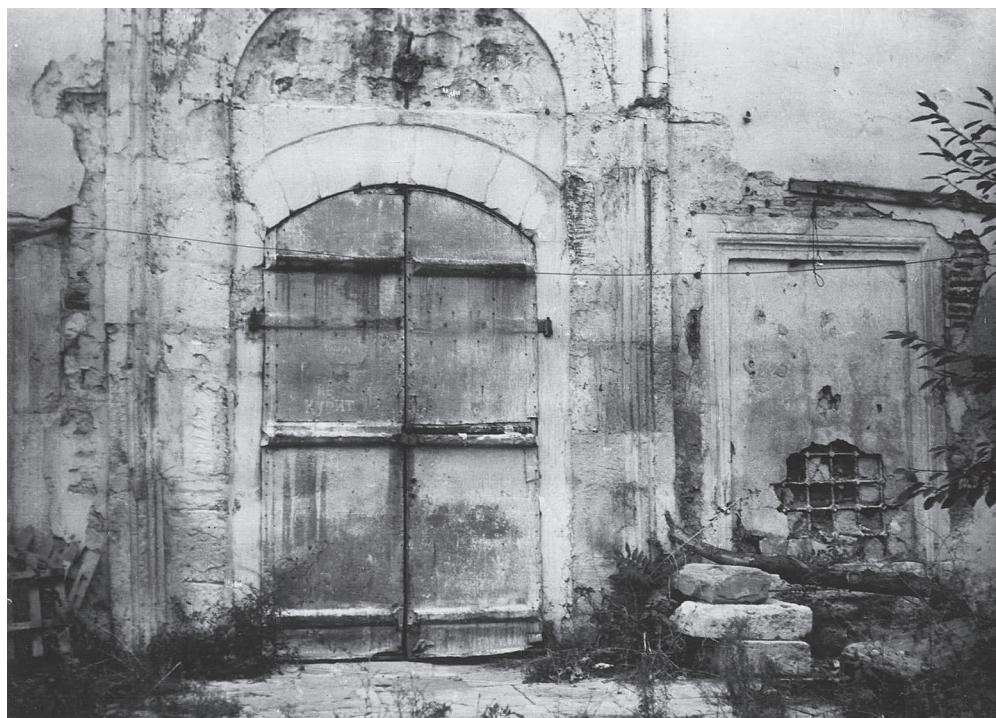
Ил. 7. Феодосия. Здание мечети Муфти-Джами в застройке набережной части города. Общий вид с юго-запада. Открытка начала XX в.



Ил. 8. В. О. Руссен. «Римско-католическая церковь в Феодосии». Литография, 1843–1849 гг. (Мальгина 2006: № 263)



Ил. 9. Муфти-Джами. Северный фасад и план. Обмер 1966 г. (Лопушинская 1966: лист 1, 3)



Ил. 10. Муфти-Джами. Фрагмент центральной части северного фасада. Вид с севера. Фото 1966 г. (Лопушинская 1966: фото 6)



Ил. 11. Муфти-Джами. Внешний михраб северного фасада. Вид с северо-запада.
Фото 1966 г. (Лопушинская 1966: фото 8)

и были запечатлены на обоих известных исторических изображениях⁵. Минaret находится у северо-западного угла строения сбоку. Он имел квадратное в плане кубическое подножие, пирамидальный переход к двенадцатигранному⁶ в сече-

⁵ В свое время нечто подобное допускал также Б.Н. Засыпкин, но обосновывал свой вывод иначе: «На северной, наружной, стене имеется михраб, дающий основание предполагать присутствие здесь галереи, так как михрабы прямо на улицу в неприкрытое место, вообще говоря, никогда не делались» (Засыпкин 1927: 144), что, касательно последнего, не бесспорно, ибо ему противоречат достаточно показательные образцы других провинциальных культовых построек, например мечети в с. Пионерское (Кирилко 2012: 276, рис. 3, 5, 27–29).

⁶ А.А. Артемов и С.Г. Бочаров ошибочно считают, что ствол минарета был восьмигранным (Артемов 1985: 286; Бочаров 2016: 128).

нии стволу и усложненной формы шерфе, завершался цилиндрической башенкой с конусовидной крышей, увенчанной классическим османским алемом.

Сейчас в строение ведут три входа, часть которых вполне могла появиться вследствие приспособления мечети под христианский храм в первой половине XIX в. Главный из них и однозначно первоначальный расположен спереди, напротив михраба, был украшен профилированным наличником (ил. 10). По обе стороны от дверного проема симметрично находились две одинаковые аназа — пятигранные в сечении ниши с пятирядным сталактитовым сводом (ил. 11). Два других входа расположены с западного бока: один — на поперечной оси здания, второй — у минарета, обеспечивая доступ в молитвенный зал, на минарет, а также, посредством лестницы внутри стены, на мафиль (ил. 12).

Основной объем здания имел кубовидную форму, завершался низким шестнадцатигранным⁷ барабаном с немного уплощенным снаружи куполом. Южный компартимент был перекрыт сферической конхой. Обе конструкции с парусами. Освещение внутреннего пространства трехъярусное. Окна здания располагались на двух уровнях, одно над другим. Они прямоугольные с арочным завершением, между собой отличались обрамлением, были защищены решетками. Над михрабом находилось одно круглое окно. Световые арочные проемы имелись также в каждой грани барабана основного купола.

В качестве декоративной отделки здания применено характерное для османской архитектурной традиции с античными истоками зональное чередование на фасадах бутовой и плинфовой

⁷ По мнению А.А. Артемова, барабан был двенадцатигранным (Артемов 1985: 286).



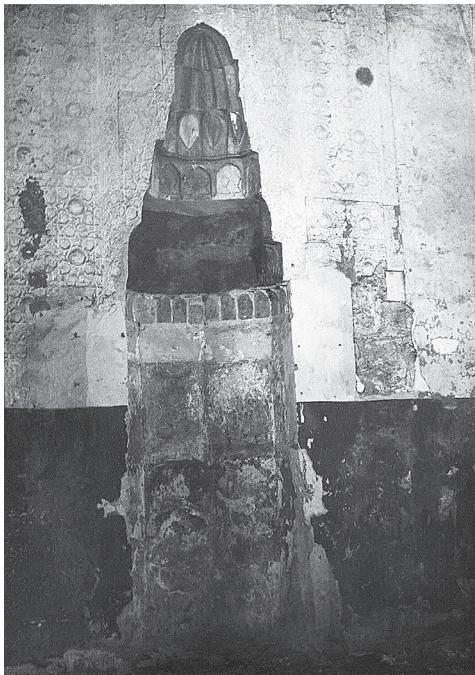
Ил. 12. Муфти-Джами. Северо-западный угол мечети. Проемы, ведущие к лестнице в толще стены. Вид с юго-востока. Фото 1966 г. (Лопушинская 1966: фото 50)

кладки, а также используются профилированные каменные наличники проемов и литые гипсовые панели с геометрическим орнаментом, украшавшие внутренний михраб (ил. 13).

В мусульманской архитектуре Крыма кефская Муфти-Джами, подобно соседней мечети шахзаде Сулеймана, будучи единственной в своем роде, выделялась среди остальных величиной и формами, тяготеющими к столичной строительной культуре. Другие известные сейчас культовые сооружения региона, как правило, были меньшего размера, имели более простую архитектонику и являются обычными для османского провинциального зодчества. Они представлены двумя основными разновидностями построек, которые между собой отличают-

ся расположением фасадных граней купольного барабана по отношению к лицевой поверхности стен кубовидного объема здания — либо немного смешенных вовнутрь, как у Муфти-Джами, либо находившихся в одной плоскости с ними.

Показательной для второй группы памятников является мечеть Кишла-Джами в Кефе, относительно убедительную реконструкцию которой на основании акварелей К.Ф. Кюгельхена (ил. 3, 14) осуществил современный исследователь памятника С.Г. Бочаров (Бочаров 2016: 129, рис. 7). Основными недостатками предпринятой им попытки трансформировать перспективные изображения в ортогональную проекцию главного фасада являются нарушение пропорций и неточность



Ил. 13. Муфти-Джами. Михраб. Вид с северо-востока. Фото 1966 г. (Лопушинская 1966: фото 47)

деталей — слишком приземистый основной объем здания, отсутствие на чертеже проемов (даже тех, что видны на рисунке художника) и восьмигранное подножие минарета, совершенно не характерное для подобных сооружений, причем самим автором в тексте публикации оно определено как прямоугольное. В 1811 г. эта постройка была приспособлена под Феодосийский музей древностей, в которой тот находился шесть десятилетий (после 1871 г. в связи с переездом последнего ее передали местной лютеранской общине для обустройства кирхи), что в совокупности, несомненно, благоприятствовало привлечению внимания исследователей и путешественников, оставивших после ознакомления с ней различного рода изображения и письменные свидетельства (Тункина 2011: 97–98, 106,

127, 130, 135, 177, 180–181, 183–184, ил. 66; Дюбуа де Монпере 2009: 86).

В свое время Кишла-Джами располагалась в юго-восточной части центральной площади средневекового города, в непосредственной близости от стен цитадели и, вероятнее всего, была квартальной мечетью. Она квадратная в плане с кубовидным объемом, верхняя часть которого преобразована в восьмигранный барабан, завершившийся крышей пирамидальной формы с классическим османским алемом. Судя по иконографическому материалу, в самом начале XIX в. здание имело черепичную кровлю, тогда как позднее Э. Паскаль сообщает, что (надо полагать, прежде) «купол был покрыт свинцом, но он был утрачен», чему отчасти не противоречит и справка губернатора Д. В. Нарышкина, в которой эта мечеть отнесена к числу построек, чьи «свинцовые покрышки» не сохранились (Тункина 2011: 50, 52). На данном этапе исследований оба варианта конструкции в качестве возможного первоначального завершения Кишла-Джами в равной степени приемлемы.

Вход один, вел в здание с северной стороны. Дверной проем арочный, обрамлен высоким профицированным наличником прямоугольной формы. Освещение внутреннего пространства, вероятнее всего, было двухъярусным. Каждая стена строения могла иметь по три окна: в нижней части — два прямоугольных, а над ними, посередине — одно арочное. На акварели К.Ф. Кюгельхена проемы обозначены только на отдельных фасадных гранях барабана (ил. 3, 14), но, возможно, художник имел в виду и таким образом изобразил верхние окна основного объема, которые довольно убедительно представлены Ф. Дюбуа де Монпере на литографии 1840 г. (ил. 15). В этой связи весьма примечательным является датированное 1864 г. сетование Н.Н. Мурзакевича относитель-



Ил. 14. К. Кюгельхен. Крепость в Феодосии. Фрагмент. Акварель, 1825 г. (Тункина 2011: 4)

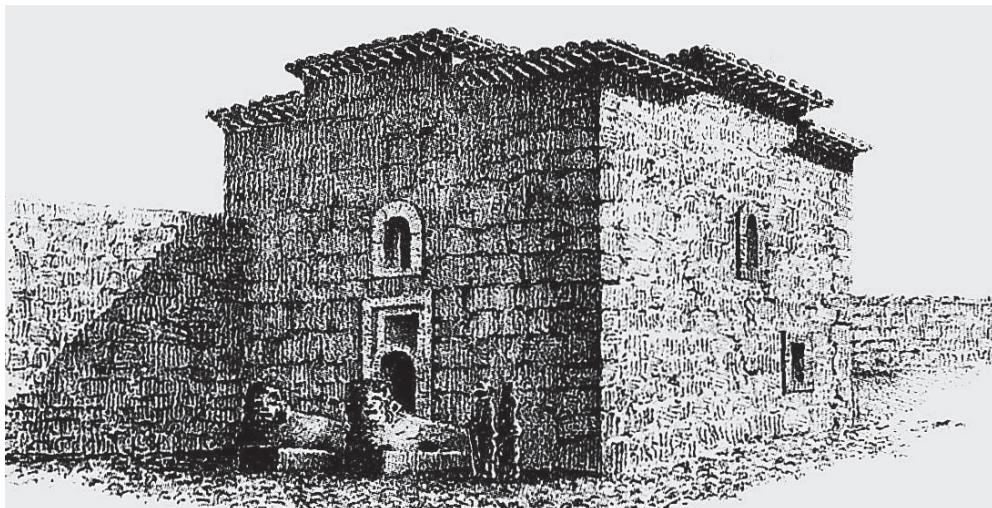
но состояния постройки, «находящейся в соседстве с обычательским домом, хозяин которого, пристроив к стене мечети свою стену, закрыл окно одно из четырех верхних, дающих необходимый свет» (Тункина 2011: 177).

Минарет находился у северо-восточного угла мечети⁸, расположен сбоку. Он массивный и немного приземистый, увенчан классическим османским алемом. Его ствол, шерфе и башенка с пирамидальным навершием в сечении многогранные, возможно, были октогональными, подножие кубовидное. Реконструируемые размеры Кишладжами в плане: основного объема здания — 8,5 × 8,5 м, основания минарета — 2,4 × 2,2 м (Бочаров 2016: 129).

⁸ С. Г. Бочаров ошибочно, надо полагать, по недосмотру сообщает о расположении минарета с западной стороны здания (Бочаров 2016: 129), что противоречит иконографическим источникам (рис. 1, 3, 14) и его же собственной реконструкции плана.

Остальные, в большинстве своем полностью утраченные, османские мечети города сейчас известны исключительно благодаря археографическим и литературным источникам, которые, однако, позволяют судить лишь об отдельных архитектурно-конструктивных и декоративных особенностях строений, а также иногда о датах их возведения (Там же: 121–216).

Так, сообщая о других культовых сооружениях Кефе, Эвлия Челеби среди соборных мечетей особо отметил некую постройку близ Куле-капу, восхитившую его своим декоративным убранством: «Это мечеть без свинцового покрытия, но достаточно благоустроенная. Створки ее больших кыбловых дверей украшены мелким хамелеоновым узором, отличной резьбой и различными цветами, с которыми не сравнятся подобные узоры мастера Бурсалы Фахри Челеби, которые он вырезает из бумаги. Видит Бог, с этим согласны и образованные



Ил. 15. Ф. Дюбуа де Монпере. «Маленькая мечеть в Феодосии, преобразованная в музей». Литография, перв. пол. XIX в. (Тункина 2011: ил. 66)

господа. На этих высоких воротах такая искусная резьба, что это похоже на дозволенное волшебство. В действительности это генуэзская резьба. Но глаза человеческие до сих пор не видели подобного совершенства» (Челеби 2008: 183). По мнению современных исследователей, данная мечеть носила имя первого османского правителя города — Касым-паши и была возведена либо в 888 г. х. (= 1483 г.), либо в 885 г. х. (= 1480–1481 гг.) (Бочаров 2016: 125–126).

При описании мечетей турецким путешественником особо выделяются детали сооружений, влияющие на формирование архитектурной среды: «В этом городе в двадцати местах есть строения, крытые свинцом. И всего сорок минаретов каменной кладки. И бесчисленное число низких минаретов» (Челеби 2008: 184).

Эвлия Челеби счел необходимым специально отметить также то, что мечети, в которых «произносят соборную молитву», были крыты не только свинцом, но отдельные из них имели черепичную кровлю. На завершение построек он об-

ращает особое внимание: Ени-Джами — «без свинца, крыта черепицей», мечеть Гуль-бashi — «также крытая черепицей и благоустроенная», мечеть Таджир Хаджи Наби — «крытая свинцом, благоустроенная и древняя, большая мечеть», квартальная мечеть Хаджи Идриса — «изящная мечеть с высоким, крытым свинцом куполом, достойна быть соборной» (Там же: 182–183).

Достаточно любопытным является еще одно его обобщающее, весьма разное, свидетельство, появившееся при описании пятничных мечетей: «У них зеркальные крыши» (Там же: 181). Вероятнее всего, речь идет о не успевшем потускнеть от патины металле⁹ или использовании блестевшей на солнце глазуро-ванной керамики, пример чего наглядно демонстрирует «небольшое купольное здание, покрытое зеленой поливной черепицей», в свое время находившееся

⁹ В качестве параллели весьма показателен пример гёзлёвской мечети Бехадыр Герай-хана в его же интерпретации: «На целый фарсах сверкает свинец ее куполов» (Челеби 2008: 53).

рядом с Муфти-Джами (ил. 6–8) (Засыпкин 1927: 144).

Сведения о конструктивных особенностях культовых строений османского времени дополняет выполненное Б.Н. Засыпкиным описание одной из небольших мечетей Кефе, которая была перекрыта куполом на сферических парусах и имела внутренние размеры $8,80 \times 8,80$ м: «В ней следует отметить, что все арки и паруса выложены из кирпича. Из кирпича же выложен михраб в виде ниши с ячеистым полукуполом. Мечеть имеет много трещин, проходящих через купол и стены. Внутри была штукатурка, которая на многих местах отлетела, обнажив конструкции» (Там же: 144).

Подводя итоги исследованию, необходимо отметить, что с присоединением Крыма к Османской империи в застройке региона произошли ощутимые изменения. Основное влияние на его облик оказали тенденции столичной архитектурной моды и, возможно, примеры отдельных зданий, конкретизация которых пока затруднительна (Goodwin 1992: 92–379). При этом в самом городе Кефе известны как раритетные постройки, появившиеся, надо полагать, не без участия ведущих мастеров Порты, так и рядовые сооружения с признаками, более характерными для провинциального зодчества. Первые единичны, выделяются значительной величиной, усложненной архитектоникой и относительно изысканным художественным оформлением. Вторые численно преобладали, обычно имели небольшой кубовидный объем молитвенного зала, трехъярусное расположение окон и преимущественно глухой восьмигранный барабан с куполом на парусах, а их различие состояло главным образом в деталях, прежде всего разного рода пристройках, форме и количестве проемов, декоративном убранстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Артемов 1985 — Артемов А. А. Крымская область // Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Иллюстрированный справочник-каталог. Т. 2. Киев: Будівельник, 1985. С. 260–333.
- Бочаров 2008 — Бочаров С. Г. Кефе // Феодосия. Симферополь: Универсум, 2008. С. 44–46.
- Бочаров 2016 — Бочаров С. Г. Мечети города Каффи (Кефе) // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 120–137.
- Григорьев 1974 — Григорьев А. П. «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–VII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. III. Л., 1974. С. 19–28.
- Дюбуа де Монпере 2009 — Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. Париж, 1863. Т. 5, 6 / пер., пред. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009.
- Засыпкин 1927 — Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 113–168.
- Кирилко 2012 — Кирилко В. П. Мечеть в Эски-Сарае (Пионерское) // STRATUM plus. Вып. 6. СПб.: Кишинев; Одесса; Бухарест: Stratum plus, 2012. С. 261–297.
- Книга путешествия 1999 — Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Бахревский Е. В. (пер. и комм.). Симферополь: ДАР, 1999.
- Крикун 1998 — Крикун Е. В. Памятники крымско-татарской архитектуры (XIII–XX вв.). Симферополь: Крымучпедгиз, 1998.
- Латышев 1896 — Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896.
- Лопушинская 1966 — Лопушинская Е. И. Материалы к проекту реставрации памятника архитектуры 1623 года — мечети Муфти Джами в г. Феодосия Крымской области. Киев, 1966 / Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь. Личный фонд Воронина Ю. С. Папка № 165.

- Мальгина 2006 — Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX века: Каталог лито-графий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь: Сонат, 2006.
- О сохранении... 1872 — О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Т. 8. Одесса, 1872. С. 363–403.
- Паллас 1999 — Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
- Пономарева 1968 — Пономарева Л. К. Генуэзская крепость в г. Феодосия. Доковая башня. Историческая записка // Проект ремонтно-реставрационных работ. Комплексные научные изыскания. Т. II. Кн. 1. Вып. 1. Шифр 393. Киев, 1968 / Национальный архив Института археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь. Личный фонд Воронина Ю. С. Папка № 74.
- Сумароков 1800 — Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлов Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, 1800.
- Тункина 2011 — Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1971 гг. Киев: Болero, 2011.
- Челеби 2008 — Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: «Доля», 2008.
- Яровая 2010 — Яровая Е. А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010.
- Balard, Veinstein 1980 — Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 1980. Vol. 11. № 1. P. 79–131.
- Goodwin 1992 — Goodwin G. A history of Ottoman architecture. London, Thames and Hudson, 1992.
- Goodwin 1993 — Goodwin G. Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today. London: Saqi Books, 1993.
- Necipoğlu 2005 — Necipoğlu G. The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588). Princeton NJ.: Princeton University Press, 2005.
- Veinstein 1990 — Veinstein G. Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVIe siècle) // İkinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres. Ed. M. Sağlam. Samsun, İstanbul: T.C. Ondokuz Mayıs Üniversitesi Eğitim Fakültesi; Fransız Anadolu Araştırmaları Enstitüsü, 1990. P. 584–606.

REFERENCES

- Artemov A. A. Krymskaya oblast' (The Crimean region). *Pamyatniki gradostroitel'stva i arhitektury Ukrainskoj SSR. Illyustrirovannyj spravochnik-katalog* (Monuments of the town-planning and architecture of the Ukrainian SSR. Illustrated directory-catalog). Vol. 2. Kiev: Budivel'nik Publ., 1985, pp. 260–333 (in Russian).
- Bocharov S. G. Kefe (Kefe). *Feodosija (Feodosia)*. Simferopol: Universum Publ., 2008, pp. 44–46 (in Russian).
- Bocharov S. G. Mechetni goroda Kaffa (Kefe) (The mosque of the Kaffa (Kefe) city). *Povelzhskaia arheologija* (The Povelzhskaya Arkheologiya Journal), no. 2 (16). Kazan: Fjen Publ., 2016, pp. 120–137 (in Russian).
- Grigor'ev A. P. «Kniga puteshestviya» Jevlji Chelebi — istochnik po istorii Kryma 13–17 vekov. («Book of travel» of the Evliya Chelebi — as a source of the history of the Crimea XIII–XVII centuries). *Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* (Historiography and source study of the history of the countries of Asia and Africa). Issue III. Leningrad, 1974, pp. 19–28 (in Russian).
- Dubois de Montpéraux F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i v Krym. V 6 tomah*. Paris, 1863. T. 5, 6 (Journey through the Caucasus, to Circassians and Abkhazians, to Georgia, Armenia and Crimea. In 6 volumes. Paris, 1863. Vols. 5, 6). Trans. T. M. Fadeeva. Simferopol: Business-Inform Publ., 2009 (in Russian).

- Zasyplkin B.N. Pamjatniki arhitektury krymskikh tatar (Monuments of architecture of the Crimean Tatars). *Krym (Crimea)*, 1927, no. 2 (4). pp. 113–168 (in Russian).
- Kirillo V.P. Mechet' v Jeski-Sarai (Pionerskoe) (The Mosque in the Eski-Sarai (Pioneer)). *STRATUM plus*, vol. 6. Saint-Petersburg; Kishinev; Odessa; Buharest: Stratum plus Publ., 2012, pp. 261–297 (in Russian).
- Kniga puteshestviya. Tureckij avtor Jevlija Chelebi o Kryme (1666–1667 gody)* (Book of the travel. Turkish author Eviya Chelebi about the Crimea (1666–1667-th)). Simferopol: DAR Publ., 1999 (in Russian).
- Krikun E. V. Pamjatniki krymskotatarskoj arhitektury (XIII–XX veka) (Monuments of the Crimean-Tatar architecture (13–20th centuries)). Simferopol: Krymchpedgiz Publ., 1998 (in Russian).
- Latyshev V. V. Sbornik grecheskikh nadpisej kristianskikh vremen iz Juzhnoj Rossii (Collection of the Greek inscriptions of Christian times from the Southern Russia). Saint-Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1896 (in Russian).
- Mal'gina M. R. Vidy Kryma pervoj poloviny 19 veka: Katalog litografij iz sobranija Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja (Views of the Crimea of the first half of the 19th century: the catalog of the lithographs from the collection of the Crimean Republican Museum of Local History). Simferopol: Sonat Publ., 2006 (in Russian).
- O sohranenii i vozobnovlenii v Krymu pamjatnikov drevnosti, i ob izdanii opisaniya i risunkov onyh (About the preservation and renewal of ancient monuments in the Crimea, and about the publication of descriptions and drawings of it). *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo Obshestva Istorii i Drevnostei* (Notes of the Odessa Imperial Society of the History and Antiquities), vol. 8, 1872, pp. 363–403 (in Russian).
- Pallas P. S. Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestviya po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah (Observations, which made during a trip through the southern governors of the Russian state in 1793–1794). Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Sumarokov P. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vseh teh mest* (Travel around the Crimea and Bessarabia in 1799 of Pavel Sumarokov. With a historical and topographical description of all those places). Moscow: University Printing Publ., 1800 (in Russian).
- Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii. Stranicy arheologicheskogo izuchenija Jugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye jetapy istorii Feodosijskogo muzeja drevnostej. 1771–1971 goda*. (Discovery of Theodosia. Pages of archaeological studies of the South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Theodosia Museum of Antiquities. 1771–1971). Kiev: Bolero Publ., 2011 (in Russian).
- Chelebi E. *Kniga puteshestviya. Krymi sopredel'nye oblasti (izvlechenija iz sochinenija tureckogo puteshestvennika 17 veka)* (The book of the travel. Crimea and adjacent areas (extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century)). Simferopol: Dolja Publ., 2008 (in Russian).
- Jarovaja E. A. *Geral'dika genujezskogo Kryma* (The heraldry of the Genoese Crimea). Saint-Petersburg: Publishing house of the State Hermitage Publ., 2010 (in Russian).
- Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane. *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public*, 1980, vol. 11, no. 1, pp. 79–131.
- Goodwin G. *A history of Ottoman architecture*. London: Thames and Hudson Publ., 1992.
- Goodwin G. *Sinan: Ottoman Architecture and Its Values Today*. London: Saqi Books Publ., 1993.
- Necipoğlu G. *The Age of Sinan: Architectural Culture in the Ottoman Empire (1539–1588)*. Princeton NJ.: Princeton University Press Publ., 2005.
- Veinstein G. Réalités et problèmes de l'implantation Ottomane au Nord de la mer Noire (XVI^e siècle). *Ikinci Tarih boyunca Kara deniz Kongres*. Ed. M. Sağlam. Samsun, İstanbul: T.C. Ondokuz Mayıs Üniversitesi Eğitim Fakültesi; Fransız Anadolu Araştırmaları Enstitüsü, 1990, pp. 584–606.

АРХИТЕКТУРА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

О. В. Линникова

ПРОЕКТ К. Ф. ШИНКЕЛЯ ДЛЯ ДВОРЦА В ИМПЕРАТОРСКОМ ИМЕНИИ ОРЕАНДА

Проникновение новых идей архитектуры периода эклектики в России происходило благодаря широкому культурному обмену, который существовал между русскими и зарубежными архитекторами. Большую роль в этом сыграли новаторы эпохи «прусского эллинизма», берлинские архитекторы с мировой славой: Карл Фридрих Шинкель и Лео фон Кленце.

К. Ф. Шинкель — фигура первой величины в истории архитектуры XIX в. В своих работах архитектор обращался к различным стилевым направлениям: неоготике, стилю «неогрек», «неопомпейскому» стилю, неоренессансу. Влияние Шинкеля на распространение новой архитектурной моды в России было весьма значительным. Оно было заметно в работах А. Брюллова, А. Штакеншнейдера, М. Быковского и других архитекторов той поры. В связи с этим проект Шинкеля для дворца в Ореанде в Крыму (1838), который подробно анализируется в данной работе, представляет большой интерес для понимания зарождения и распространения идей эклектической архитектуры и, в частности, такого стилевого направления, как «неогрек», в архитектурной практике России XIX в. Эта работа, которую Шинкель высоко ценил и опубликовал в виде авторских цветных литографий, была по достоинству оценена его современниками и является одной из ярчайших страниц архитектурной графики XIX в. Шинкелевский проект, отклоненный из-за дорогоизнанности и грандиозности масштаба, был переработан известным русским зодчим XIX в. А. Штакеншнейдером. Дворец, построенный по проекту Штакеншнейдера, просуществовал до 1882 г., когда здание было почти полностью уничтожено пожаром. В зарубежных исследований, посвященных творчеству Шинкеля (J. P. Klaus, W. Szambien, C. Sahm-von Alten), как правило, ничего не говорится о постройке, которая была реализована по проекту Штакеншнейдера; отечественные исследователи (Т. А. Петрова, А. П. Пальчикова, Н. Н. Калинин, М. Земляниченко), напротив, рассматривают проект Штакеншнейдера как вполне самостоятельный, обычно лишь упоминая о существовании проекта Шинкеля. Проведенный сравнительный анализ двух проектов, а также их различных вариантов позволил автору сделать вывод о невозможности рассматривать проект Штакеншнейдера вне контекста работы Шинкеля.

Ключевые слова: К. Ф. Шинкель, проект дворца в Ореанде, стиль «неогрек», А. Штакеншнейдер.

O. V. Linnikova

K. F. SCHINKEL'S PROJECT FOR A PALACE IN THE EMPEROR'S ESTATE OF OREANDA

The penetration of new ideas of eclectic architecture in Russia happened because of a wide cultural exchange between Russian and foreign architects. The pioneers of the "Prussian Hellenism" the internationally recognized architects from Berlin Karl Friedrich Schinkel and Leo von Klenze played a significant role in this process.

K. F. Schinkel is one of the most important figures in the history of 19th century architecture. In his works, the architect referred to various styles: Neo-Gothic, Neo-Grec, Neo-Pompeian, and Neo-Renaissance. Schinkel's influence on the spreading of new architectural trends in Russia was very significant. It could be noticed in the works by A. Bryullov, A. Stackenschneider, M. Bykovsky and other architects of that era. In this regard, Schinkel's design project for the palace in Oreanda in the Crimea (1838), which is thoroughly analyzed in this article, poses a great interest for the understanding of the origin and dispersion of the ideas of eclectic architecture and, in particular, the Neo-Grec style, in Russian architectural practice of the 19th century. This work, which Schinkel valued very much and published in the form of personal colored lithographic images, was recognized by his contemporaries and is considered one of the most interesting examples of 19th century architectural drawing. Schinkel's project was rejected because of its expensiveness and immensity, and was re-imagined by a 19th century architect A. Stackens Schneider. The palace, built by Stackens Schneider's project, existed up to 1882, when the building was almost entirely destroyed by a fire. As a rule, foreign studies dedicated to Schinkel's works (J. P. Klaus, W. Szambien, C. Sahm-von Alten) never mention the building that was constructed by Stackens Schneider's project, while Russian researchers (T. A. Petrova,

A. P. Palchikova, N. N. Kalinin, M. Zemlyanichenko) tend to see Stackenschneider's project as self-sufficient, usually only mentioning the existence of Schinkel's project. A comparative study of the two projects and their variants compelled the author to come to the conclusion that Stackenschneider's project cannot be studied outside the context of Schinkel's project.

Keywords: K. F. Schinkel, project of the palace in Oreanda, Neo-Grec style, A. Stackenschneider.

Карл Фридрих Шинкель — фигура первой величины в истории архитектуры XIX в. Как типичный представитель немецкого идеализма, Шинкель, который с юных лет находился под влиянием философии Фихте (Johann Gottlieb Fichte), был глубоко убежден в возможностях изменения общества и совершенствовании современной морали при помощи эстетического воспитания. На архитектора также оказали влияние Карл Солгер (Karl Wilhelm Ferdinand Solger), Жан Пауль (Jean Paul) и Шлегель (Schlegel). Первый биограф Шинкеля Франц Кюглер (Franz Kugler) писал в 1842 г., что современники считали Шинкеля человеком рафаэлевского типа (Snodin 1991: 1). Профессиональный талант Шинкеля был широко признан уже при его жизни. По случаю своего пятидесятилетия архитектор был удостоен звания почетного члена Ассоциации архитекторов и инженеров Берлина. С 1845 г. проводились официальные церемонии в честь Шинкеля под названием «Шинкельфест» (Schinkelfest) (Schinkel, Sahm-von Alten 1982: 3).

В своих работах Шинкель обращался к различным стилевым направлениям: готике, «неогреку», «неопомпеянскому» стилю, Ренессансу и др. Влияние творчества Шинкеля на распространение новой архитектурной моды в России было весьма значительным. Оно было заметно в работах А. Брюллова, А. Штакеншнейдера, М. Быковского и других русских архитекторов. В конце 1830-х гг. о сооружениях и проектах Шинкеля периодически писала «Художественная газета» Н. Кукольника, отмечался большой

интерес к работам мастера в русской периодической печати (Борисова 1997: 86).

О Шинкеле существует обширнейшая библиография на иностранных языках, чего, к сожалению, нельзя сказать об отечественном искусствознании (Snodin 1991, Szambien 2000, Marchán Fiz 1989, Klaus 2000, Martin 2003). Некоторые аспекты творчества Шинкеля, в том числе творческие связи архитектора с русскими художниками и архитекторами и влияние мастера на отечественную архитектуру, рассматривались в работах Е. А. Борисовой и М. В. Нащокиной (Борисова 1979, Борисова 1997; Нащокина 2008, Нащокина 2011). В зарубежных исследованиях, посвященных творчеству Шинкеля (J. P. Klaus, W. Szambien, C. Sahm-von Alten), как правило, ничего не говорится о постройке дворца в Ореанде, которая была реализована по проекту А. Штакеншнейдера; отечественные исследователи (Т. А. Петрова, А. П. Пальчикова, Н. Н. Калинин, М. Земляниченко), напротив, рассматривают проект Штакеншнейдера как вполне самостоятельный, обычно лишь упоминая о существовании предшествовавшего ему проекта Шинкеля, подробного анализа этой работы архитектора не проводилось. В связи с этим целью данного исследования является анализ проекта Шинкеля для дворца в Ореанде, выполненного в 1838 г., который представляет большой интерес для понимания зарождения и распространения идей эклектической архитектуры и, в частности, такого стилевого направления, как «неогрек», в архитектурной практике России XIX в.

В крымской архитектуре первой половины XIX в. помимо увлечения готическими и восточными мотивами был распространен стиль «неогрек», известный в европейской архитектуре с конца XVIII и сохранявший популярность на протяжении всего XIX в. Зародился «неогрек» в недрах позднего классицизма и отличался от классицизма и ампира детальным археологическим подходом к воспроизведению греческой классики, очищенной от влияния древнеримской архитектуры и итальянского Ренессанса, что в большой степени было связано с серьезными научными открытиями, касающимися искусства и архитектуры Древней Греции. Из неисчерпаемой сокровищницы античности выбиралось то, что наиболее полно воплощало художественные идеалы данного времени (Нашокина 1988: 119). В эпоху дворцовового строительства при Николае I особенно богатый материал был в распоряжении зодчих, проектировавших в стиле «неогрек», или «помпеянском» (Кириченко 1978: 40). Его поставляли пенсионеры, проводившие заграничные командировки в Италии, обмеряя, изучая и создавая реконструкции древних памятников, используя данные раскопок Рима, Помпеи и Геркуланума.

В XV в. на месте нынешней Ореанды находилось небольшое греческое поселение, полностью исчезнувшее задолго до присоединения Крыма к России. Именно Ореанда стала первым владением в Крыму Романовых, после ее приобретения Александром I в 1823 г., мечтавшим об уединенной жизни в своем крымском имении. С 1826 г. Ореанда переходит во владение Николая I. Надзор за имением по указу императора осуществлял генерал-губернатор Новороссийского края М. С. Воронцов. По инициативе князя здесь стали проводиться большие работы по созданию плантаций

лучших европейских сортов винограда, «...а в царском владении — и великолепного парка, который получил статус “Императорского Сада в имении Ореанда”» (Калинин, Земляниченко 2007: 12).

После того как имение было преподнесено Николаем I в дар Александре Федоровне, было принято решение о возведении дворца (Пальчикова 2002: 70). Императрица через брата, кронпринца Фридриха Вильгельма IV, обращается к своему соотечественнику К. Шинкелю с заказом на проект дворца. Это событие нашло отражение в воспоминаниях великой княгини Ольги Николаевны: «....к моему пятнадцатилетию я получила от Мама письмо, дышавшее восторгом, что она в стране, которая представляет собою землю классиков. Она зачитывалась “Ифигенией” Гете и написала в Берлин известному архитектору Шинкелю, прося его начертить ей план дворца в греческом вкусе. Он действительно создал план, достойный рук волшебника, храм с колоннами и дорическим фронтом, в котором могла бы жить сама Минерва, но никак не обыкновенные люди...» (Тарасов 2007: 260).

В цитате прослеживается одна очень интересная тенденция, характерная для дворцовых построек эпохи эклектики, — это утрачивание былой величавости, потребность заказчиков в комфорте, сохранении интимной обстановки. Основным критерием функциональных достоинств становятся качества, противоположные ценившимся во времена классицизма.

Шинкель начал работу над проектом для Ореанды в том же году, что и для замка в Каменце (Kamenz) для Фридриха Вильгельма III, отца принцессы Шарлотты, в будущем императрицы Александры Федоровны. Ей хотелось, чтобы будущий дворец напоминал имение в Шарлоттенхофе, принадлежавшее кронпринцу

Фридриху-Вильгельму IV, которое Александра Федоровна посетила в 1829 г.

К.Ф. Шинкель работал в Шарлоттенхофе в 1826–1829 гг. совместно с Петером Иосифом Ленне (Peter Joseph Lenne), там он построил небольшую виллу при активном сотрудничестве заказчика, кронпринца, который изучал специально для этой цели книгу Персье и Фонтена «Загородные дома Рима и его окрестностей» («Choix des plus célèbres maisons de plaisir de Rome et de ses environs», 1809) и даже нанес визит Фонтену в Париже в 1815 г. Вдохновленный видами античных Помпей, которые Шинкель посетил во время своего второго путешествия по Италии, он начал работу над проектом для Шарлоттенхофа (1824) (Snodin 1991: 143). В декорации интерьеров Шарлоттенхофа архитектор широко использовал помпейские мотивы. Маленький дворец своей простотой, скромной сдержанностью и продуманными пропорциями прекрасно был вписан в окружающий ландшафт и органично сочетался с садом, расположенным по продольной оси дворца.

Шинкель, занятый реализацией своих проектов в Пруссии, не мог поехать в Россию для ознакомления с местным ландшафтом. Императорская чета совместно с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом они обсуждали план будущего дворца. Безусловно, мастер был вдохновлен рассказами об удивительной красоте крымского пейзажа и тем, что будущий дворец должен был возвышаться на величественной скале над морем. Шинкель в работе над проектом мог ориентироваться на графические работы художника Н.Г. Чернецова, много работавшего в Крыму: «...вскоре после того, как Шинкель получил в Берлине план местности, познакомился с описанием ее климатических особенностей

и, по всей вероятности, с акварелями Н.Г. Чернецова, он предложил <...> проект в стиле “неогрек”, согласно которому дом императрицы уже был бы не уютной “римской виллой”, а грандиозным сооружением в духе античной архитектуры, расположенным на вершине скалы» (Калинин, Земляниченко 2007: 18).

В это же время архитектор работал над серией проектов, которые могут быть объединены по ряду схожих признаков. Это проект для виллы Лаурентины (1833), виллы Туска (1833) (Marchán Fiz 1989: 38) и королевского дворца в Афинах (1834), которому была посвящена статья М.В. Нащокиной «Вариант Шинкеля» (Нащокина 1981: 7). Проекты вилл Лаурентина и Туска были выполнены Шинкелем опираясь на содержание писем римского писателя Плиния Младшего (Plinius Caecilius Secundus), опубликованных в приложении к немецкому переводу «Десяти книг об архитектуре Витрувия» (1796). Шинкель использовал это издание наряду с проектами реконструкций вилл, выполненных другими архитекторами: Скамоцци (Scamozzi), Фелибеном (Félibien), Кастеллом (Castell), Крубасиусом (Krubsacius), опубликованных к тому времени (Marchán Fiz 1989: 39). Эта работа, несомненно, была значительным этапом в достижении мастером особенностей античной архитектуры. Важным аспектом описанных Плинием резиденций служила взаимосвязь архитектуры вилл с окружающим ландшафтом, особенностями солнечного света и воздушной среды, а также пейзажные виды, открывающиеся из окон зданий. Помимо этого, уделялось внимание звукам окружающей природы: шуму ветра, морского прибоя, раскатам грома и полной звукоизоляции комнат, предназначенных для работы и встреч Плиния с учениками (Klaus 2000: 33). В поздних проектах Шинкеля, безусловно, заметно



Ил. 1. К.Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде, Эскизный проект, 2 вариант. 1838. Цветная литография, выполненная Шинкелем в 1845. Опубликовано в «Произведения высокой архитектуры, предназначенные для исполнения» (Schinkel 1840–1848)

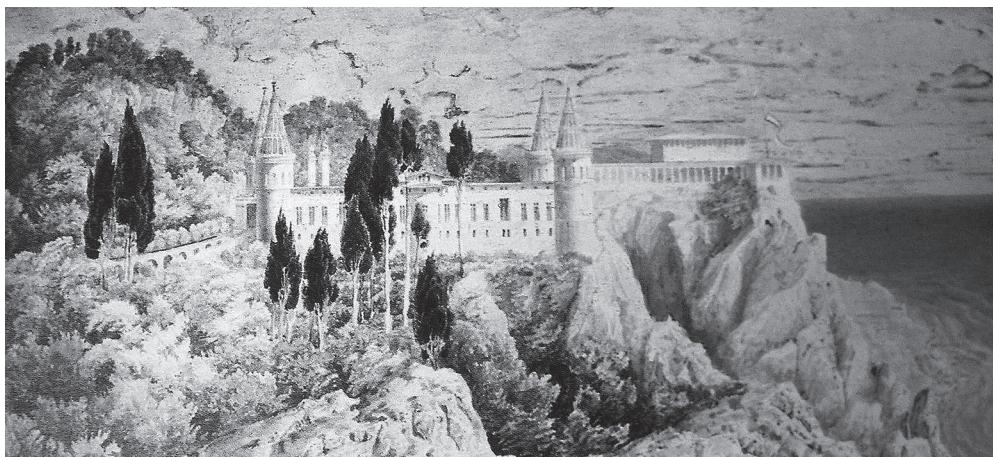
стремление мастера воспроизвести атмосферу античной виллы, уделяя внимание перечисленным выше аспектам.

Многие исследователи, среди них Симон Марчан Фис, обращали внимание, что в работах Шинкеля архитектура служит своеобразным продолжением окружающего ландшафта (Marchan Fis 1989: 27). Для достижения этой цели мастер часто использовал топографическую разницу высот, асимметричные композиции, кубические объемы, террасы на высоких базах, смотровые площадки, перголы, внешние лестницы, фонтаны, все это в гармоничном сочетании с окружающим пейзажем.

План местности и виды Ореанды, выполненные художником Н. Чернецовыми, были переданы Шинкелю самим М.С. Воронцовым осенью 1838 г. Если сравнивать рисунок Чернецова, дати-

рованный 1837 г., с проектом Шинкеля, становится ясным, что архитектор выбрал местоположение будущего дворца, опираясь на рисунок Чернецова. Таким образом, Шинкель, максимально учитывая характер местности, расположил дворец на вершине скалы между горами и морем, прекрасно вписав постройку в ландшафт, оставаясь верным античным традициям.

Проекты Шинкеля для дворца Отто I на афинском Акрополе и дворца в Ореанде начали публиковаться в Потсдаме Фердинандом Ригелем (Ferdinand Riegel) еще при жизни Шинкеля в виде авторских цветных литографий с 1840 по 1843 и с 1846 по 1848 г. под названием: «Произведения высокой архитектуры, предназначенные для исполнения» («Werke der höheren Baukunst für die Ausführung erfunden») (Schinkel 1840–1848) (ил. 1).



Ил. 2. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. Первый вариант проекта. 1838. Перо, акварель, 277 × 590 мм. Национальная галерея, Берлин. Nr. Inv 35.12. Опубликовано в книге Вернэ Сзамбиан (Szambien 2000)

Некоторые листы проектов для дворца на Акрополе (приемная) и дворца в Ореанде (портик кариатид), опубликованные в вышеуказанном издании, стали, по мнению немецкого исследователя Жана Филиппа Клауса, «...иконами архитектуры XIX века», и это несмотря на то что проекты не были реализованы (Klaus 2000: 9). Эти проекты являются архитектурным наследием Шинкеля, возможно поэтому архитектор не включил их в свою «Коллекцию архитектурных проектов» (*Sammlung architektonischer Entwürfe*) (Schinkel 1858), а пожелал, чтобы эти работы были опубликованы отдельно. Последние проекты Шинкеля, которые часто рассматриваются в качестве его архитектурного наследия, обладают особой притягательной силой, сочетая прекрасную архитектуру с высочайшим уровнем графического исполнения всех стадий проекта.

Некоторые листы проекта К.Ф. Шинкеля для Ореанды публиковались в различных зарубежных изданиях, посвященных творчеству архитектора. Наиболее подробно проект был опубли-

кован в книге «Карл Фридрих Шинкель: Последние проекты» (*Karl Friedrich Schinkel: späte Projekte = late projects*), изданной на немецком и английском языках. Благодаря этой книге можно составить наиболее полное представление о первоначальном замысле проекта (Klaus 2000).

К.Ф. Шинкель выполнил несколько вариантов проекта для будущего дворца в Ореанде. Интересно, что самый ранний из них, опубликованный в книге Вернэ Сзамбиан (Szambien 2000: 113), на первый взгляд производит впечатление здания, выполненного в неоготическом стиле (ил. 2). Такому видению способствуют четыре круглые башни, расположенные по периметру основного корпуса, которые при более детальном рассмотрении оказываются близкими башнями Московского Кремля. В фасадах основного здания и пристройке, вынесенной ближе к морю, прослеживаются элементы классической итальянской архитектуры. Анфилады комнат здания дворца сгруппированы вокруг прямоугольного в плане внутреннего двора,

окруженного со всех сторон колоннами. Два разных по величине павильона, также окруженные колоннами, расположены на отвесной скале, ближе к морю. Таким образом, концептуально это решение уже содержит все лейтмотивы, которые Шинкель с гораздо большим размахом разработал во втором, «греческом» варианте проекта.

Идея Шинкеля использовать для первоначального проекта в Ореанде элементы архитектуры Московского Кремля может показаться необычной, но в то же время этот замысел представляется вполне логичным, если рассматривать его в общем контексте творчества Шинкеля. Архитектор был широко известен своими сценографическими работами, а также в качестве автора панорам и диорам. На одном из таких проектов под названием «Пожар Москвы» (1812)¹ Шинкель изобразил стены и башни Кремля. Можно предположить, что другим немаловажным аспектом при создании проекта послужило желание Шинкеля подчеркнуть статус русской императрицы, поэтому использование элементов средневековой русской архитектуры представляется вполне закономерным.

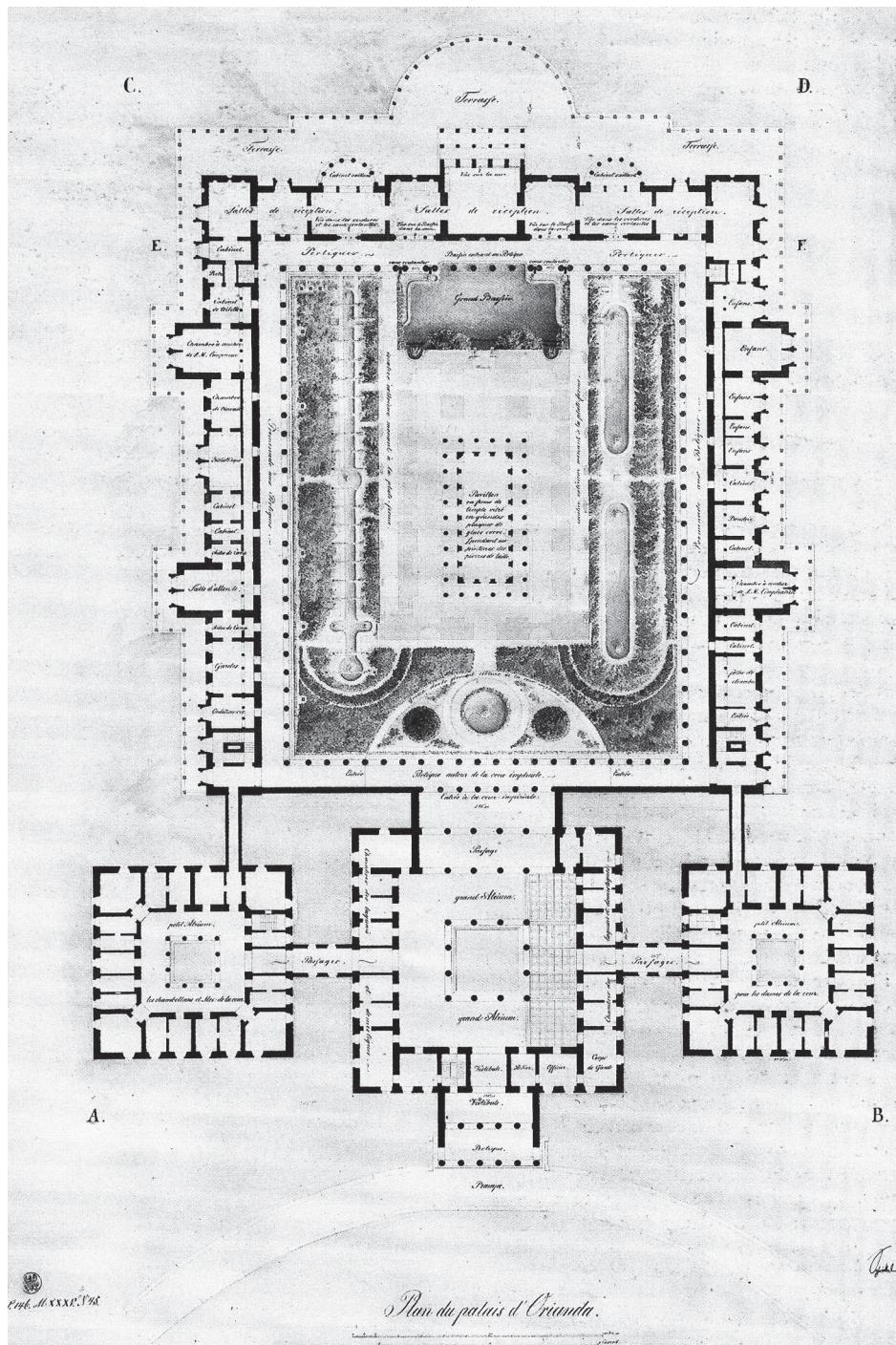
Второй вариант, так же как и первый, относящийся к 1838 г., близок к проекту Шинкеля для дворца короля Отто I на афинском Акрополе и выполнен в «неогреческом» стиле. Проекты для Ореанды и Афин Карл Фридрих Шинкель считал своей «красивой мечтой», в них архитектор смог выразить свои идеальные представления об архитектуре, и они по праву считаются лучшими из последних работ мастера.

Второй проект Шинкеля поражал своим размахом и великолепием, что явно

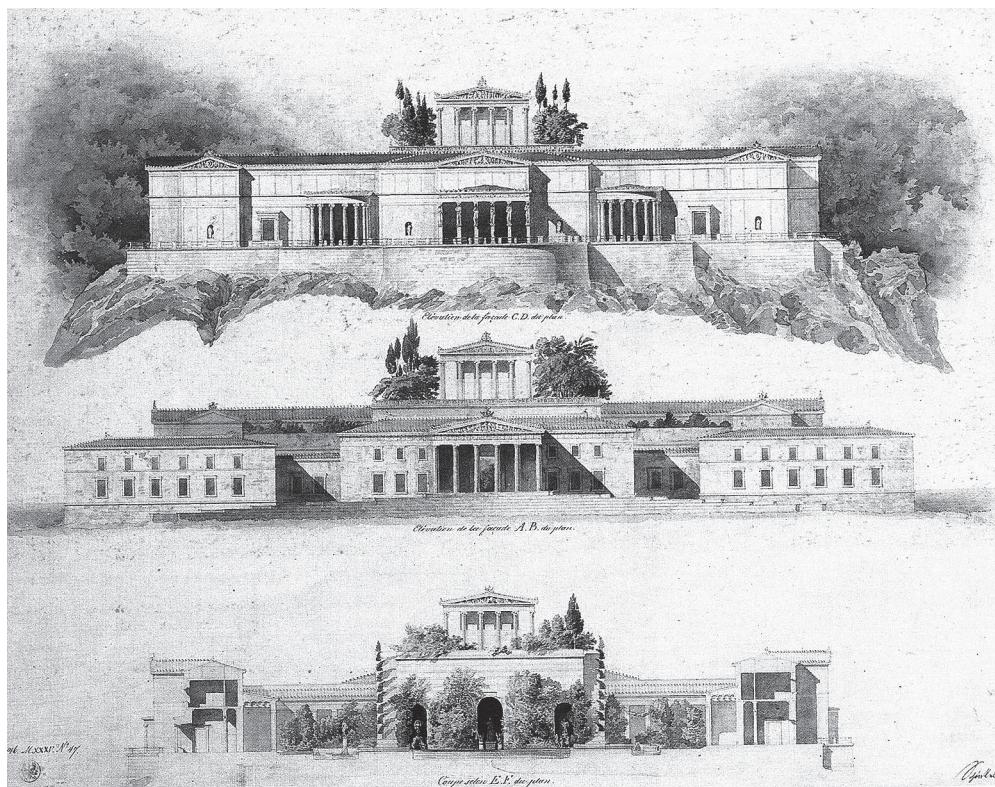
прослеживается из плана сооружения (ил. 3–4). На одной из скал предполагалось возвести величественное здание, по экстерьеру напоминающее дворцы эпохи эллинизма. Интересной особенностью, отличающей роскошные дворцы Антиохии, Селивкии, Александрии Египетской и других резиденций эллинистических правителей от стилизаторских построек XIX столетия, являлся их строгий вид со стороны улицы, что контрастировало с нарядной внутренней отделкой. Дворец же в Ореанде поражал бы великолепием как наружного, так и внутреннего убранства, хотя в комментариях к проекту Шинкель писал: «...я следую стилю простого и возвышенного греческого искусства...» (*Ibid*: 118).

План симметричен, как и в первом варианте, и представляет собой прямоугольник. Дворец состоит из двух основных секций: собственно, здания дворца, двухэтажного, прямоугольного в плане, и трех дополнительных, квадратных в плане корпусов, примыкающих к основному зданию со стороны главного входа. Главное здание составляют три крыла, расположенные вокруг большого перистиля, внутри которого находился храм, размещенный на высоком подиуме. Посетитель сначала через двойной портик попадал в вестибюль и центральный из трех дополнительных корпусов, в котором находился Большой атриум. Два соседних корпуса, меньшие по размеру, были связаны с центральным коридорами. В каждом из них располагался малый атриум. Эти помещения были предназначены для придворных дам, камердинера, свиты, о чем свидетельствуют надписи на проекте. Через Большой атриум можно было попасть в Императорский двор, где располагалась целая система внутренних садов, водоемов, фонтанов, цветников, увитых виноградом пергол (ил. 5).

¹ Эскиз для этой диорамы хранится в Государственных музеях Берлина.



Ил. З. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. План. 2 вариант. Перо, тушь, акв., 866 × 610. Национальная галерея, Берлин: Nr. Inv 35.45



Ил. 4. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. Проект, 2 вариант, фасады, 1838, 473 × 604 мм. Национальная галерея, Берлин. Nr. Inv 35.47

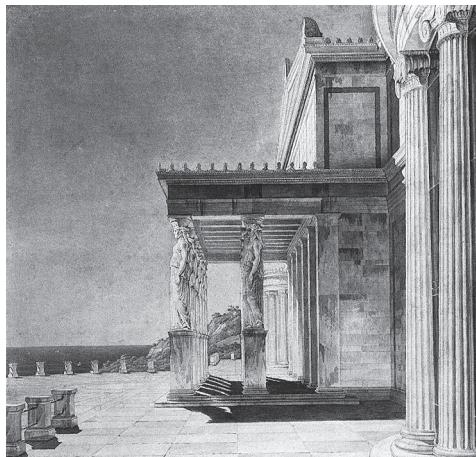
В центре большого перистиля на его вертикальной оси был расположен отдельно стоящий павильон, в нижней части которого должен был находиться музей Крыма и Кавказа (ил. 6). Интерьер музея состоял из трех нефов, составленных огромными пилонами. Оформление входа должно было создавать для посетителя иллюзию входа в грот, выражая идею архитектора создать атмосферу прохлады, что особенно важно с учетом жаркого крымского климата в летний период. В музее предполагалось разместить коллекцию произведений античного искусства: скульптуру и предметы декоративного искусства, найденные на территории Древней Тавриды. Произ-

ведения скульптуры должны были размещаться на высоких подиумах и колоннах.

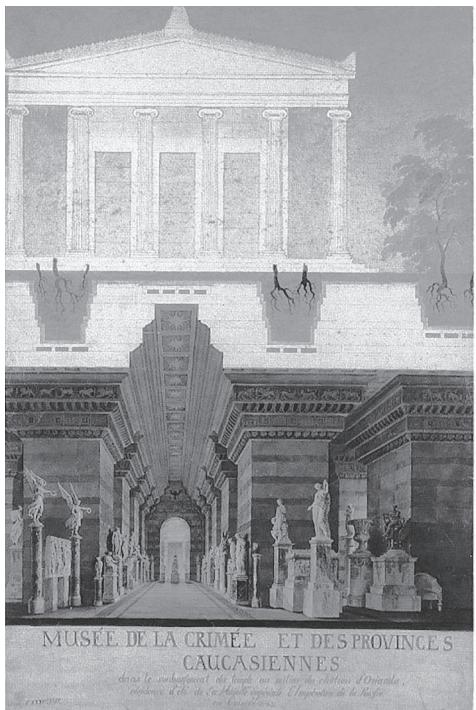
Верхняя часть павильона представляла собой древнегреческий храм в виде периптера с ионическими колоннами. Музей, расположенный в нижнем этаже, служил своеобразным подиумом для храма, поэтому храм, возвышающийся над всем комплексом дворца, был хорошо виден отовсюду и служил своеобразной вертикальной доминантой комплекса в целом. Попасть в храм можно было по лестницам, расположенным с наружной части павильона. В соответствии с замыслом архитектора вокруг стен храма должны были широко использоваться различные виды



Ил. 5. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. Проект, 2 вариант, Музей Крыма и провинций Кавказа. 1838. Перо, тушь, акв., 944 × 602 мм. Национальная галерея, Берлин. SM 35.52



Ил. 7. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. Проект, 2 вариант, Портик кариатид. 1838. Перо, тушь, акв., 485 × 494 мм. Национальная галерея, Берлин. Nr. Inv 35.57



Ил. 6. К. Ф. Шинкель. Дворец в Ореанде. Проект, 2 вариант, Императорский двор. 1838. Перо, тушь, акв., 339 × 624 мм. Национальная галерея, Берлин. Nr. Inv 35.50

экзотической флоры. Для этих целей в проекте были предусмотрены проемы на уровне пола для посадки деревьев и различных видов растительности.

Бесспорным украшением фасада, обращенного к морю, являлся двойной портик кариатид, ставший, как упоминалось ранее, «...иконой архитектуры XIX века». Этот лист, выполненный акварелью, обладает всеми достоинствами подлинного произведения архитектурной графики. Удивительно, как Шинкель, никогда не бывавший в Ореанде, смог в этом рисунке передать особенности световоздушной перспективы и общее настроение умиротворения, присущее данному месту. Архитектура портика кариатид в проекте Шинкеля близка портику кариатид афинского Эрехтейона. В убранстве интерьеров дворца прослеживаются помпейские мотивы. Широко использовались инкрустации из мрамора, различные виды рельефа, скульптура (ил. 7).

На одном из листов проекта представлен большой атриум с имплювием

в центре, окруженный каннелированными колоннами. Потолки галерей украшены кессонами. Стены расписаны в духе помпейских вилл. Характер росписи атриума ближе всего к IV римскому стилю (эпоха Клавдия и Нерона), который сам по себе был эклектичен. Верхняя часть стен, представляющая собой широкий карниз, сплошь расписана фресками с мифологическими сценами, создающими эффект непрерывного движения. Шинкель предполагал использовать местный камень (полированый гранит или порфир) для отделки интерьеров и экстерьера, об этом он писал в своем письме к императрице Александре Федоровне, которое было опубликовано в *Aus Schinkels Nachlaß; Reisetagebücher, Briefe und Aphorismen* (Wolzogen 1864: 336). В декорации стен, потолка и пола Большого атриума преобладают темные цвета. Таким образом, архитектор использует игру контрастов между полумраком атриума и ярким светом Императорского двора, следующего за ним.

Шинкель широко использовал полихромию в проекте интерьеров дворца. Архитектор находился в это время под влиянием публикаций французского археолога и историка архитектуры Яакова Игнаса Хитторфа (Jacob Ignace Hittorff), впервые высказавшего идею об использовании цвета в архитектуре античной Греции, опубликованную в книге «Полихромия в архитектуре Греции» (Hittorff 1851); а также немецкого архитектора Готтфрида Земпера, принимавшего деятельное участие в дебатах о проблемах полихромии в античном искусстве и опубликовавшего «Заметки о полихромной архитектуре и пластике древних» (Semper 1834: 49), принесших Земпера широкую известность в архитектурных и эстетических кругах Европы.

На другом листе мы видим перспективный вид части Императорского дво-

ра с прямоугольным бассейном в виде канала. По обеим сторонам канала расположены позолоченные скульптуры животных на постаментах. Скульптуры животных и канал находятся внутри перегородки, увитой виноградными лозами. Этот декоративный элемент, встречающийся со времен античного искусства, Шинкель часто использовал в своих проектах.

На этом же листе изображены восьмиугольные колонны, поверхность которых сплошь покрыта мозаикой. В своих комментариях к проекту Шинкель пишет о том, что до раскопок в Помпеях подобные колонны встречались в Мавританском и Индийском искусстве (Wolzogen 1864: 341) (ил. 6).

Интересно сравнить описанный выше лист проекта Шинкеля с видом садов Хенералифе, которые являются частью комплекса гранадской Альгамбры. Можно предположить, что Шинкель при создании проекта дворца в Ореанде вдохновлялся прославленным памятником арабо-мавританского зодчества в Гранаде. В качестве примера можно привести перспективный вид садов Хенералифе Джеймса Мерфи, опубликованный в книге «Старина Арабской Испании» (Murphy 1815). Дворец и сады Хенералифе расположены на склонах горы Соль, откуда открывается великолепный панорамный вид на долины рек Хениль и Дарро с величественным видом Гранады. Дворец был построен в середине XIII в., его окружает чудесный прямоугольный дворик — Патио де ла Асекиа — размерами 48,70 на 12,80 м. В центре проходит канал, обрамленный чередой небольших фонтанов. Объединяющими элементами этого ансамбля являются вода и природа. Это был не единственный случай, когда Шинкель вдохновлялся мотивами Альгамбры. Он использовал изображения Альгамбры для своего дизайна



Ил. 8. Штакеншнейдер А. Дворец в Ореанде. План, 1841. АГДПЗ, ч-829, литография Поля Пети и Н. Галанина с оригинала Штакеншнейдера. Фото автора

к «Волшебной флейте», пользуясь вышеупомянутой книгой Д. Мерфи.

Первый биограф Шинкеля Густав Фридрих Вааген (Gustav Friedrich Waagen) назвал проект Шинкеля звездным часом всех его архитектурных достижений, а его мюнхенский коллега Лео фон Кленце утверждал, что это «сон в летнюю ночь великого архитектора» (Klaus 2000: 9).

Сооружение дворца по проекту Шинкеля стоило бы более миллиона рублей серебром, что было признано Николаем I крайне дорогим. Труд зодчего щедро оплатили, и, кроме того, в награду ему был пожалован перстень с бриллиантами и монограммой императрицы Александры Федоровны. Однако «от проекта под благовидным предлогом отказались и поручили его переработку любимцу Николая I, А. И. Штакеншнейдеру» (Калинин, Земляниченко 2007: 17).

Несмотря на очевидную для заказчиков утопичность ореандского проекта Шинкеля, мысль об устройстве дворца не покидала императорскую чету. В связи с этим А. Штакеншнейдеру было поручено составление нового проекта. Осенью 1841 г. А. И. Штакеншнейдер вместе со своим помощником А. Ланге ездил

в Крым, «чтобы осмотреть место будущего строительства. По возвращении он разработал три варианта проекта» (Петрова 1978: 100), из которых был принят и утвержден третий, 1842 г. С этого года началось строительство дворца со службами и устройство парка, которые продолжались десять лет. Для наблюдения за работой зодчий дважды ездил в Крым. Работы по возведению дворца проходили под руководством В. Гунта, которого вследствии заменил К. Эшлиман.

На втором варианте проекта А. Штакеншнейдера (1841) (Государственный исторический музей, лист № 3 Р 86892/3166) представлен фасад дворца со стороны подъезда. Постройка окружена перголами. Вход оформлен в виде портика с ионическими колоннами. Фронтон украшен акротериями. Главным акцентом постройки является башня, этот мотив будет неоднократно встречаться в более поздних работах архитектора. Интересно, что на листе № 4 (Р86892/3165) ко второму варианту проекта, где представлены боковой фасад и разрез постройки, стволы колонн дорического ордера окрашены в красный цвет. Таким образом, с одной стороны, Штакеншнейдер в этом оригинальном

варианте проекта использует мотивы итальянской ренессансной архитектуры и стиля «неогрек», что перекликается со стилистическими поисками К. Ф. Шинкеля, реализованными им во втором проекте дворца, а с другой — Штакеншнейдер пытается синтезировать мотивы известных античных памятников и даже заимствовать элементы минойского искусства.

Один из вариантов проекта дворца Штакеншнейдера находится в собрании Алупкинского Государственного музея-заповедника (ил. 8). Именно он был реализован впоследствии с незначительными отступлениями в деталях (Ширяев 1928: 97). Этот вариант близок чертежам Штакеншнейдера из Государственного Исторического музея, а также литографиям Н. Галанина и Поля Пети (Paul Petit).

Здание, как и в проекте К. Шинкеля, было двухэтажным и стояло на высоком цоколе, в плане это был перистиль с атриумом. При сравнении проектов Шинкеля и Штакеншнейдера, становится очевидным, что Штакеншнейдер выбрал другое место для будущей постройки: не на скале, а у ее подножия, в парке. Таким образом, дворец потерял роль доминанты в окружающем ландшафте. Наиболее нарядным являлся южный фасад. В его центре находилась глубокая четырехколонная лоджия, в первом этаже с колоннами ионического, во втором — коринфского ордера. Каждый из боковых ризалитов украшал портик карнатид. Над этими портиками во втором этаже были устроены лоджии, увенчанные треугольными фронтонами с акротериями. Парадный характер фасаду придавали пилястры и расположенная перед ним большая терраса с декоративными вазами, цветниками и фонтаном. По сторонам находились узкие длинные террасы типа пергол. Терраса восточного фасада была многоуровневой.

Т. А. Петрова указывает на сходство дворца в Ореанде с только что завершенной работой зодчего в Сергиевке под Петергофом. Это сходство можно заметить «в расположении служебных флигелей (они находятся вдали от главного здания) и в планировке парков, частично похожи и планы дворцов» (Петрова 1978: 103).

Влияние работ Шинкеля будет заметно и в более поздних работах Штакеншнейдера, причем сходство проявится не только в заимствовании стилистических и композиционных приемов и объемно-пространственных решений построения экsterьера, но и в использовании элементов декора. Причем шинкелевское влияние будет прослеживаться именно в тех постройках Штакеншнейдера, которые стилистически близки «неогреку». В качестве примеров можно назвать Царицын (1839–1844) и Ольгин (1846–1847) павильоны, построенные в Колонистском парке, павильон Озерки (1894) и Бельведер в Луговом парке (1852–1856) Петергофа. Сравнительный анализ павильона Озерки в Луговом парке Петергофа с работами Шинкеля: дворцом Глиннике (Берлин, 1825) и Римскими Банями в парке Сан-Суси (1833, Потсдам), еще раз подтверждает высказанное предположение. Так же прослеживается очевидное влияние при сопоставлении проектных чертежей К. Шинкеля дворца Глиннике и проекта А. Штакеншнейдера для дворца вел. кн. Марии Николаевны в Сергиевке, опубликованных в каталоге архитектурных проектов из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Васильева, Житорчук, Кирикова 2006). В наибольшей степени оно обнаруживается в проекте Штакеншнейдера для дворца “Бельведер” на Бабигоне, где архитектор заимствовал центральный павильон в виде греческого храма,

предназначенный Шинкелем для музея Крыма и Кавказа в ореандском проекте. Причем А. Штакеншнейдер использовал также главный лейтмотив К.Ф. Шинкеля — портик кариатид. Таким образом, дворец в Ореанде, построенный по проекту Штакеншнейдера, невозможно рассматривать вне контекста созданного Шинкелем проекта.

Анализ проекта Шинкеля показал, что архитектор опирался на достижения не только античных Греции и Рима и классического итальянского искусства, но также использовал опыт арабо-мавританского зодчества, при этом используя достижения современной ему архитектуры в области комфортабельности зданий и новые строительные технологии. В эволюции замысла проекта можно выделить два этапа. В первоначальном варианте проекта К. Шинкель сочетает элементы древнерусской архитектуры с мотивами Ренессанса и стиля «неогрек». Во втором варианте, разработанном гораздо более детально, архитектор создает очень выразительный архитектурный образ синтеза стиля «неогрек», «неопомпейнского» стиля, Ренессанса, а также мотивов арабо-мавританского зодчества.

Мастер создал совершенно неповторимый и очень цельный архитектурный образ, которому присущи широта и размах итальянской классики, утонченность и нега искусства Востока, со-размерность человеку и точность пропорций античного искусства. По словам самого архитектора, адресованным императрице, будущий дворец должен был представлять собой «величайший императорский дом на земле» (Snodin 1991: 206). Проект К.Ф. Шинкеля для дворца в Ореанде по праву можно считать одной из вершин архитектурного наследия XIX в.

Окончательный проект, предложенный А. Штакеншнейдером, следует рас-

сматривать как переработанный проект К. Шинкеля, где были сохранены основные стилистические и композиционные приемы, а также лейтмотивы шинкелевского проекта. В свое время возведенная постройка служила великолепным украшением всего Южнобережья, но здание было почти полностью уничтожено пожаром в 1882 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борисова 1997 — Борисова Е. А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб.: Д. Булленин, 1997.
- Борисова 1979 — Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М.: Наука, 1979.
- Васильева, Житорчук, Кирикова 2006 — Васильева Г. Б., Житорчук К. В., Кирикова Л. А. Андрей Иванович Штакеншнейдер. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог. СПб.: Гос. музей истории СПб., 2006.
- Калинин, Земляниченко 2007 — Калинин Н. Земляниченко М. Романовы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.
- Кириченко 1978 — Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М.: Искусство, 1978.
- Нащокина 2011 — Нащокина М. В. Античное наследие в русской архитектуре николаевского времени. М.: Прогресс-Традиция, 2011.
- Нащокина, 2008 — Нащокина М. В. Русская усадьба в Крыму и местные архитектурные традиции // Наедине с музой архитектурной истории. М.: Улей, 2008.
- Нащокина 1981 — Нащокина М. В. Вариант Шинкеля // Архитектура. Приложение к строительной газете. М.: 1981. № 7.
- Нащокина 1988 — Нащокина М. В. Античность в русской архитектурной теории 30–50-х годов XIX века // Архитектурное наследство. М.: 1988. № 36. С. 119–129.
- Пальчикова 2002 — Пальчикова А. П. «Ореанда» — первое царское имение на Южном берегу Крыма // Мир усадебной культуры. II Крымские Международные

- научные чтения. Симферополь: Крымский Архив, 2002.
- Петрова 1978 — Петрова Т. А. Андрей Штакеншнейдер. Л.: Лениздат, 1978.*
- Тарасов 2007 — Тарасов Б. Н. Николай Первый. М.: Олма Медиа Групп, 2007.*
- Ширяев 1928 — Ширяев С. Д. Усадебная архитектура Крыма в 1820–1840 гг. // Крым. № 2 (8). Вып. 2. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 72–102.*
- Hittorff 1851 — Hittorff J. I. Restitution du temple d'Empédocle à Sélinonte, ou l'architecture polychrôme chez les Grecs, Paris: Firmin-Didot frères, 1851.*
- Klaus 2000 — Klaus J. P. Karl Friedrich Schinkel: späte Projekte = late projects, Stuttgart [etc.]: Axel Menges, 2000.*
- Marchán Fiz 1989 — Marchán Fiz S. Schinkel arquitecturas, 1781–1841. Madrid: MORU, Secretaría General Técnica, Centro de Publicaciones, 1989.*
- Martin 2003 — Martin Steffens. K. F. Schinkel 1781–1841: An Architect in the service of beauty. Köln: Taschen, 2003.*
- Murphy 1815 — Murphy James C. The Arabian Antiquities of Spain, London: Cadell & Davies, 1815.*
- Schinkel 1840–1848 — Schinkel K. F. Werke der höheren Baukunst für die Ausführung er funden. Potsdam, 1840–1848.*
- Schinkel 1858 — Schinkel K. F. Sammlung architektonischer Entwürfe: Enthaltend theils Werke welche ausgeführt sind, theils Gegenstände, deren Ausführung beabsichtigt wurde. Berlin: Ernst & Korn, 1858.*
- Schinkel, Sahm-von Alten 1982 — Schinkel K. F., Sahm-von Alten C. Karl Friedrich Schinkel 1781–1841: painting and architecture between Romanticism and Classicism. München: Goethe-Institut, 1982.*
- Semper 1834 — Semper G. Vorläufige Bemerkungen über bemalte Architectur und Plastik bei den Alten (Preliminary Remarks on Polychrome Architecture and Sculpture in Antiquity). Hamburgo, 1834.*
- Snodin 1991 — Snodin M. Karl Friedrich Schinkel: A Universal Man. New Haven, Yale University Press in association with the Victoria and Albert Museum. London, 1991.*
- Szambien 2000 — Szambien W. Schinkel. Traducción Juan Calatrava. Madrid: Akal, S.A., 2000.*
- Wolzogen 1864 — Wolzogen Alfred von. Aus Schinkels Nachlaß: Reisetagebücher, Briefe und Aphorismen. Katalog des künstlerischen Nachlasses von Carl Friedrich Schinkel im Beuth-Schinkel-Museum in Berlin, Band 4, Mitgetheilt und mit einem Verzeichniß sämtlicher Werke Schinkel's versehen von Alfred Freih. von Wolzogen, Berlin (Verl. d. Königl. Geh. Ober-Hofbuchdruckerei) 1864.*

REFERENCES

- Borisova E. A. *Russkaia arkhitektura v epokhu romantizma (Russian architecture in the era of Romanticism)*. Saint-Petersburg: D. Bulanin Publ., 1997 (in Russian).
- Borisova E. A. *Russkaia arkhitektura vtoroi poloviny XIX veka (Russian architecture of the second half of the XIX century)*. Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Vasilyeva GB, Zhitorchuk K.V., Kirikova L.A. Andrei Ivanovich Stackenschneider. *Arkhitekturnye proekty iz sobraniia Gosudarstvennogo muzeia istorii Sankt-Peterburga. Catalog (Andrey Ivanovich Stackenschneider. Architectural projects from the collection of the State Museum of History of St. Petersburg. Catalogue)*. Saint-Petersburg: Museum of the History of St Petersburg Publ., 2006 (in Russian).
- Kalinin N., Zemlyanichenko M. *Romanovy i Krym, (Romanovs and the Crimea)*, Simferopol: Business Inform Publ., 2007 (in Russian).
- Kirichenko E. I. *Russkaia arkhitektura 1830–1910 godov. (Russian architecture of the 1830–1910)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978 (in Russian).
- Nashchokina M. V. *Antichnoe nasledie v russkoj arkitektуре nikolaevskogo vremeni. (Antique heritage in the Russian architecture of the Nicholas period)*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011 (in Russian).
- Nashchokina M. V. *Russkaia usad'ba v Krymu i mestnye arkitekturnye traditsii (Russian manor in the Crimea and local architectural traditions)*. Naedine s muzoi arkitekturnoi istorii (Alone with the muse of the architectural history). Moscow: Uley Publ., 2008 (in Russian).

- Nashchokina M.V. Variant Shinkelia. (The Shinkel variant). *Arkhitektura. Prilozhenie k stroitel'noi gazette (Arkhitektura. The appendix to the Building newspaper)*, no. 7, 1981 (in Russian).
- Nashchokina M.V. Antichnost' v russkoi arkhitekturnoi teorii 30–50-kh godov XIX veka (Antiquity in the Russian architectural theory of the 30–50s of the XIX century). *Architectural Heritage*, no. 36, 1988, pp. 119–129 (in Russian).
- Palchikova A.P. «Oreanda» — pervoe tsarskoe imenie na luzhnem beregu Kryma ("Oreanda"— the first royal mansion on the southern coast of the Crimea). *Mir usadebnoi kul'tury. II Krymskie Mezhdunarodnye nauchnye chteniiia (The world of manor culture. II Crimean International Scientific Readings)*. Simferopol: Crimean Archive Publ., 2002 (in Russian).
- Petrova T.A. *Andrei Stakenschneider (Andrey Shtakenshneyder)*, Leningrad: Lenizdat Publ., 1978 (in Russian).
- Tarasov B.N. *Nikolay Pervyi (Nicholas the First)*. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2007 (in Russian).
- Shiryayev S.D. Usadebnaia arkhiitektura Kryma v 1820–1840 gg. (The Manor Architecture of Crimea in 1820–1840). *Krym*, no. 2 (8), vol. 2. Moscow; Leningrad : Gosizdat Publ., 1928. pp. 72–102 (in Russian).
- Hittorff J.I. *Restitution du temple d'Empédoce à Sélinonte, ou l'architecture polychrôme chez les Grecs*, Paris: Firmin-Didot frères Publ., 1851.
- Klaus J.P. *Karl Friedrich Schinkel: späte Projekte = late projects*, Stuttgart [etc.]: Axel Menges Publ., 2000.
- Marchán Fiz S. *Schinkel arquitecturas, 1781–1841*. Madrid: MORU, Secretaría General Técnica, Centro de Publicaciones, 1989.
- Murphy James C. *The Arabian Antiquities of Spain*. London: Cadell & Davies Publ., 1815.
- Schinkel K.F. *Werke der höheren Baukunst für die Ausführung erfunden Potsdam*, 1840–1848.
- Schinkel K.F. *Sammlung architektonischer Entwürfe: Enthalten die Werke welche ausgeführt sind, theils Gegenstände, deren Ausführung beabsichtigt wurde*. Berlin: Ernst & Korn Publ., 1858.
- Schinkel K.F., Sahm-von Alten C. *Karl Friedrich Schinkel 1781–1841: painting and architecture between Romanticism and Classicism*. München: Goethe-Institut Publ., 1982.
- Semper G. *Vorläufige Bemerkungen über bemalte Architectur und Plastik bei den Alten (Preliminary Remarks on Polychrome Architecture and Sculpture in Antiquity)*, Hamburgo, 1834.
- Snodin M. *Karl Friedrich Schinkel: A Universal Man*. New Haven; London: Yale University Press in association with the Victoria and Albert Museum Publ., 1991.
- Szambien W. *Schinkel*. Traducción Juan Calatrava. Madrid: Akal, S.A. Publ., 2000.
- Wolzogen Alfred von. *Aus Schinkels Nachlaß: Reisetagebücher, Briefe und Aphorismen. Katalog des künstlerischen Nachlasses von Carl Friedrich Schinkel im Beuth-Schinkel-Museum in Berlin*, vol. 4, Mitgetheilt und mit einem Verzeichniß sämtlicher Werke Schinkel's versehen von Alfred Freih. von Wolzogen. Berlin: Verl. d. Königl. Geh. Ober-Hofbuchdruckerei Publ., 1864.

О. С. Шурыгина

АРХИТЕКТУРА АВТОМОБИЛЬНЫХ ГАРАЖЕЙ В ЕВРОПЕ И США 1920–1930-Х ГОДОВ: ВЗГЛЯД ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Интерес к западному опыту в области создания автомобильной инфраструктуры существовал уже в дореволюционной России, однако максимально стал востребован начиная со второй половины 1920-х гг. В статье будут перечислены и проанализированы примеры проектирования и строительства гаражей на Западе в 1920–1930-х гг., известные советским архитекторам и инженерам благодаря заграничным поездкам и через публикации в зарубежной специализированной прессе, которая была доступна на территории Советской России. Перечень этих объектов удалось установить, изучив советские специализированные периодические и справочные издания 1920–1930-х гг., когда на их страницах начали появляться статьи, посвященные тем или иных зарубежным постройкам. В первую очередь в центре внимания оказываются вопросы расположения гаражей в городской уличной сети, их планировки, эксплуатации, использования строительных материалов и технического оборудования. Важно определить, какие страны являлись на тот момент лидерами в области строительства автомобильной инфраструктуры и оказывали влияние на отечественную практику. Наиболее востребованным у советских инженеров, по возникшей еще до 1917 г. традиции, стал немецкий опыт. И хотя немецкие автомобили уже не были так распространены на российском рынке, как прежде, опубликованные в отечественной печати германские гаражи воспринимались советскими проектировщиками в качестве образцов. Лишь к середине 1930-х гг. ситуация начала серьезно меняться: как и в других областях хозяйственной и культурной жизни СССР, в гаражном строительстве был задан вектор на самостоятельное развитие.

Ключевые слова: автомобиль, автомобильная инфраструктура, автомобилизм, гараж, автомобильный гараж, архитектура XX в.

O. S. Shurygina

THE ARCHITECTURE OF CAR GARAGES IN EUROPE AND THE USA IN THE 1920S–1930S: A VIEW FROM SOVIET RUSSIA

Interest in the Western experience of automobile infrastructure creation had existed in pre-revolutionary Russia already, but it was in special demand since the second half of the 1920s. The article contains a list and analyse of examples of designing and building garages in the West in the 1920s-1930s, well known to Soviet architects and engineers through the trips abroad and/or the publications in foreign specialized press that was available in USSR. Named list of objects was established by studying Soviet specialized periodicals and reference publications of the 1920-1930s when articles on these or some other foreign buildings were appearing on their pages. First of all, the focus is on the garages location in the street network, their layout, operation, use of building materials and technical equipment. It is important to determine which countries were at the time leaders in the field of building automobile infrastructure and influencing domestic practice. The most popular among Soviet engineers, according to a tradition that had arisen before 1917, was the German experience. Although German cars were no longer so in demand in Russia, as before, German garages were perceived by Soviet designers as samples because of its wide representation in Soviet press. Only by the mid-1930's the situation began to change seriously: as in other areas of the economic and cultural life of the USSR, in the garage construction a vector was set for independent development.

Keywords: car, automobile infrastructure, motorism, garage, car garage, architecture of the XX century.

«Внимательное изучение опыта заграничного гаражестроения является одним из условий, обеспечивающих развитие нашего собственного гаражестроения.

Одним из средств изучения этого опыта является заграничная техническая периодическая печать, причем относительно наиболее богатый материал в этом

отношении дают германские и американские журналы», — писал в 1930 г. в статье, посвященной описанию зарубежных автобусных парков, инженер М. Бергман (Бергман 1930б: 47).

В рамках статьи мы попробуем выявить примеры проектирования и строительства гаражей на Западе в 1920–1930-х гг.¹, известные российским архитекторам и инженерам благодаря заграничным поездкам и через публикации в зарубежной специализированной прессе, которая была доступна на территории Советской России. Важно определить, какие страны являлись на тот момент лидерами в области строительства автомобильной инфраструктуры и оказывали влияние на отечественную практику. Это возможно установить, изучив советские специализированные периодические и справочные издания 1920–1930-х гг.

Однако освоение иностранного опыта началось несколько раньше: «Вы уполномочены отправляться в заграничную поездку с целью ознакомления на месте с устройством центральных гаражей и организации их эксплуатации. <...> Желательно по возможности получить планы сооружений тех заграничных центральных гаражей, которые будут Вами осмотрены» (ГА РФ: 35), — с таким служебным заданием в июне 1913 г. «был командирован частной компанией за границу для изучения авто-гаражного дела» (Там же: 15) военный инженер В. А. Защук². Вопрос об ознаком-

¹ В 8-м выпуске ВВИА была опубликована статья автора о гаражах 1900–1910-х гг. (Шурыгина 2017).

² Защук Всееволод Александрович (1868–1943) — военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1895), заведовал гидротехническими сооружениями Сестрорецкого оружейного завода, автор и строитель первых в России эллингов для дирижаблей, член Комиссии «Об устройстве гаражей и хранении

лении и возможностях использования зарубежного опыта в части автомобильной инфраструктуры особенно остро встал в Москве и Петербурге с начала 1910-х гг., когда количество транспорта потребовало разработки ряда законодательных актов, регулирующих вопросы строительства крупных стоянок с организацией хранения большого количества легковоспламеняющихся материалов.

Поездка В. А. Защука в Европу, а он осмотрел гаражи в столицах Англии, Германии, Бельгии и Франции, была первым подобным опытом, результаты которого стали доступны широкому кругу читателей. Отчет о командировке был опубликован в 1916 г. в «Инженерном журнале» (Защук 1916), а в 1930 г. сокращениями в журнале «За рулем» под названием «Гаражи в Берлине» (Защук 1930: 19). Что же привлекло внимание инженера?

Первым объектом, который описывает Защук, был гараж на улице Понтье в Париже, безусловно, один из самых ярких примеров гаражного строительства тех лет³ (1906–1907, арх. О. Перре). Затем следуют берлинские объекты: автоматизированный «Ноллендорф-гараж» (Eisenacherstraße, 111, не сохранился), двухэтажный гараж на улице Виланд (1906–1907, арх. Макс Равот (Max Ravoth), Wielandstraße, 9) и многоэтажный гараж Акционерного общества Силовых машин («Kraftfahrzeug-Aktien-Gesellschaft», 1906–1907, арх. Франц Гольтш (Franz Goltsch), Fritschestraße 27/28). «Остальные гаражи, которые пришлось видеть в Мюнхене, Берлине, Париже, Брюсселе и Лондоне, представляли из себя помещения совершенно не приспособленные к нашему

при них бензина» (1911–1917) в Санкт-Петербурге.

³ Защук не указывает имен архитекторов и датировок объектов. Атрибуция произведена на основании открытых источников.

климату и поэтому не заслуживающие особого внимания» (Зашук 1916: 139), — в конце кратко резюмировал Зашук.

Гараж на улице Виланд расположен во дворе узкого, уходящего в глубь участка, на красную линию выходит жилой дом. Непосредственно с улицы в гараж ведут два проезда: один, с уклоном вниз, — в полуподвальный этаж, другой, с уклоном наверх, — в открытый двор, в который выходят боксы, расположенные вдоль границы участка и замыкающие его помещением мастерской. Это достаточно простая и типичная для Германии (или, например, Англии или Чехии) композиция расположения и типологии гаража — сгруппированные вокруг двора боксы. Гараж сохранился и используется по своему первоначальному назначению.

Гараж Акционерного общества расположен в глубине участка в форме каре, на красную линию выходит жилой дом. Доступ в гараж осуществлялся с улицы с помощью трех въездов. Вертикальное перемещение автомобилей внутри 5-этажного здания осуществлялось с помощью лифтов, для доступа в подвал использовались рампы. Здание гаража сохранилось, но переоборудовано под офисы.

Как мы видим, в поле внимания Зашука находились исключительно многоэтажные объекты, видимо, таким был заказ российского клиента. К сожалению, из-за военного времени эти знания так и не пригодились, не понадобились они и позже.

Однако уже сейчас можно сказать, что наибольшим успехом у специалистов пользовались немецкие образцы гаражного строительства, как, впрочем, и немецкие автомобили: к 1914 г. их доля на российском автомобильном рынке составляла порядка 82 %. Успех германских дилеров объяснялся многими при-

чинами: и территориальной близостью, и отлично налаженной рекламой вкупе с умением угодить российскому покупателю (вплоть до эмблем и логотипов на русском языке), и успехами немецких автомобилей в различных гонках и пробегах, и непревзойденным качеством немецких машин, и отлично организованным сервисом представительствами германских заводов, и, наконец, активностью немецкой диаспоры в России, образовавшей особое лобби в русской армии и других казенных учреждениях. Наиболее яркими и технически новаторскими здесь являлись петербургские гаражи, построенные акционерным обществом «Бодо Эгесторф и К°», чьими учредителями были германские граждане, для немецкого подданного Карла Крюммеля⁴.

После перерыва, вызванного революцией и Гражданской войной, тема гаражестроения вновь становится актуальной. В 1923 г. для закупок автомобилей за рубежом было организовано Автотранспортное торгово-промышленное акционерное общество («Автопромторг»), акционерами которого являлись Центральное управление местного транспорта Наркомата путей сообщения, Народный комиссариат Внешней торговли и ВСНХ (*История автомобильного транспорта России* 1997: 94). Резкое увеличение ввоза в страну автомобилей и подбор их крупными партиями одного типа способствовали появлению разнообразной справочной литературы по их обслуживанию, ремонту и организации мест хранения.

В 1925 г. на строительной кафедре Военно-инженерной академии инженером В.С. Соковым⁵ была защищена

⁴ О гаражах К. Крюммеля см. подробнее (*Шурыгина 2016*).

⁵ Соков Василий Сергеевич (1892–1957) — генерал-майор инженерных войск, архитектор-художник.

диссертация на тему «Военные автомобильные гаражи», а в 1926 г. опубликована небольшим тиражом (Соков 1926). Помимо прочих достоинств в работе содержится список литературы, в том числе изданий на иностранных языках. В 1935 г. автором было выпущенное полноценное монографическое издание на эту же тему (Соков 1935). Список литературы был существенно расширен и дополнен новыми материалами. К сожалению, не увидел свет второй том, в котором планировалось осветить вопросы строительства гаражей на конкретных примерах, в том числе и зарубежных, однако некоторые из них были рассмотрены в первой работе, чем мы и воспользуемся. Возможно, нам когда-нибудь посчастливится найти следы этой неизданной публикации. Как не сложно догадаться, основной массив приводимой в обеих работах литературы — это издания на немецком языке. Нами была предпринята попытка отыскать некоторые из них. Что-то нашлось в Российской национальной библиотеке, что-то — в библиотеке Политехнического университета, что-то не нашлось во все. Возможно, они хранятся в иных образовательных учреждениях либо частных коллекциях. За то, что это именно те издания, которыми пользовался автор, говорит наличие пометок карандашом тех мест, которые вошли в переведенном виде в опубликованный текст, это же касается и иллюстраций. Из этого можно также заключить, что, в отличие от Защук, Соков не выезжал за границу для осмотра этих объектов в натуре.

Какие же гаражи привлекли внимание В.С. Сокова? Это объекты, расположенные в Германии, Америке и один в Италии, сведения о последнем были предоставлены инженером К.И. Шеляховским, о чём Соков отдельно предупреждает читателя (Соков 1926: 145–147). Таким образом, непосредственно

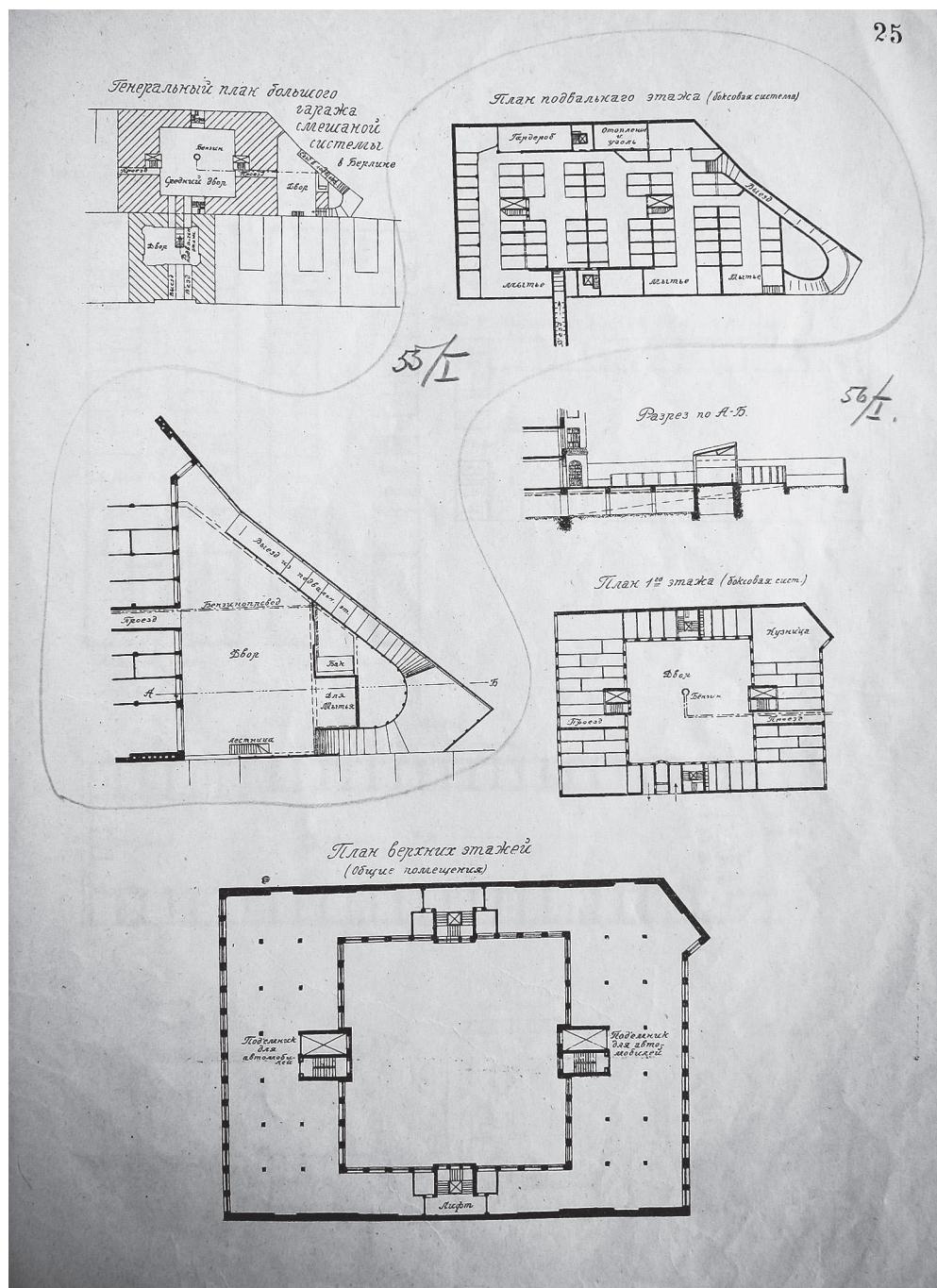
в поле его внимания оказываются американские и немецкие практики. Начнем с Германии. Помимо множества безымянных примеров, из того, о чём уже писал В.А. Защук, Соков подробно останавливается на двухэтажном гараже на улице Виланд (Там же: 143) и многоэтажном Акционерном обществе Силовых машин (Там же: 142–143) в Берлине (ил. 1).

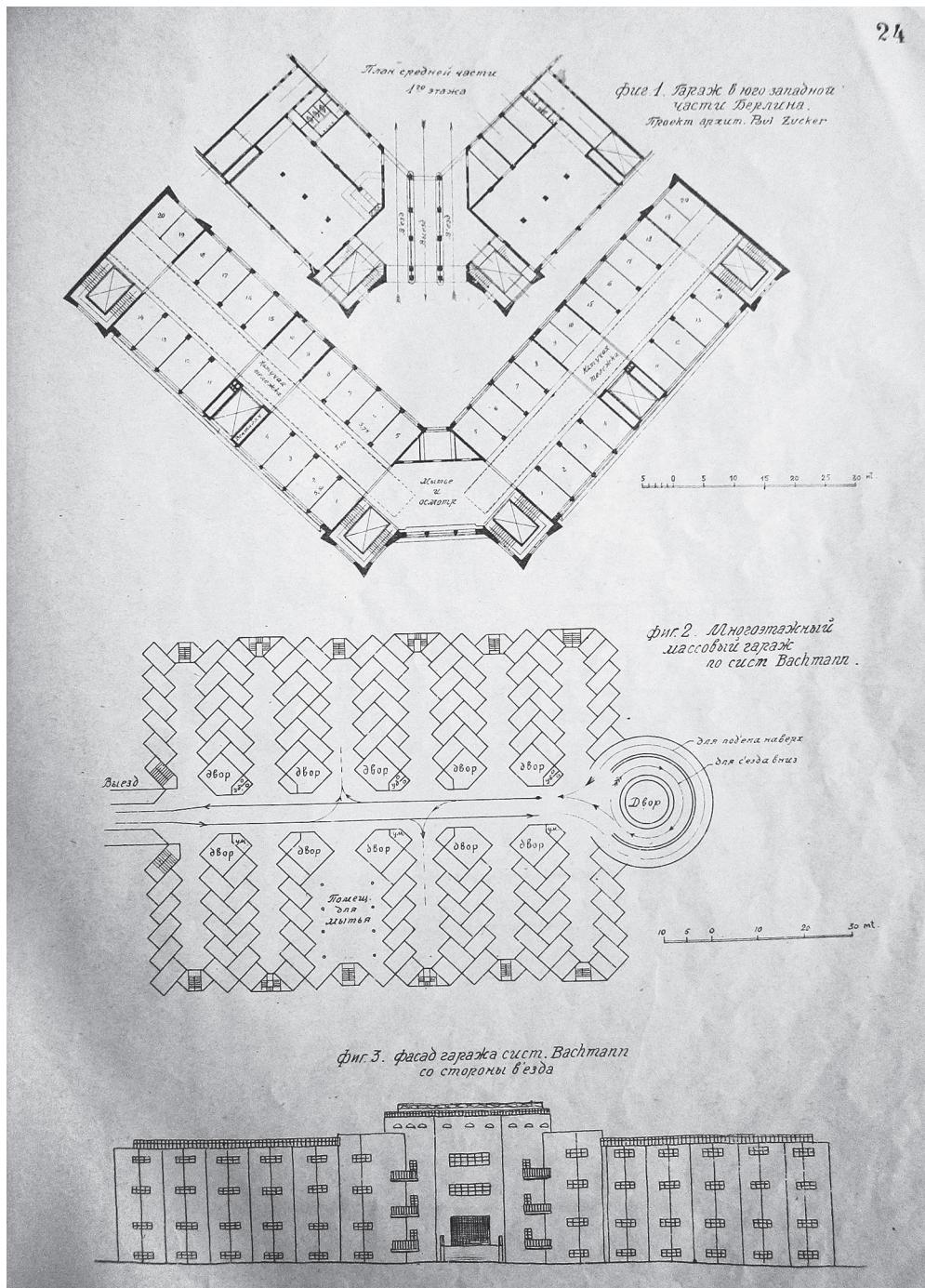
К сожалению, обнаружить следы других берлинских гаражей, о которых пишет Соков, не удалось. Он не указывает их месторасположения и датировок, однако дает имена архитекторов. Проведенный поиск объектов в Интернете также не выявил каких-либо результатов. Возможно, они не были реализованы либо были утрачены. Это 7-этажный автоматизированный гараж на 40 автомобилей архитектора Пауля Цукера (Paul Zucker) (Там же: 141)⁶ и 4-этажный гараж с рампой «системы» архитектора Юргена Бахмана (Jürgen Bachmann) с косоугольным расположением боксов (Там же: 141–142)⁷ (ил. 2). Отдельно Соков останавливается на гаражах круглой формы (источником такого интереса, безусловно, является гараж К. Крюммеля в Петербурге) — это многоэтажный гараж на 1000 автомобилей и 500 мотоциклов, спроектированный в Берлине по проекту архитектора Саркантера (Sarkander) с приспособлением газгольдера (Там же: 140)⁸, и гаражи по системе архитектора Ф. Пистора (Fr. Pistor) (Там же: 140–141) (ил. 3). В заключении Соков склоняется к мысли, что наиболее рациональными, на его взгляд, являются многоэтажные гаражи боксового типа с несколькими рамками (Там же: 172–173).

⁶ См. также: (Давидович 1933: 285).

⁷ Оригинал статьи на немецком языке см.: (*Großgaragenbau* 1924).

⁸ Оригинал статьи на немецком языке см.: (*Großgaragen für 1000 Wagen* 1924).

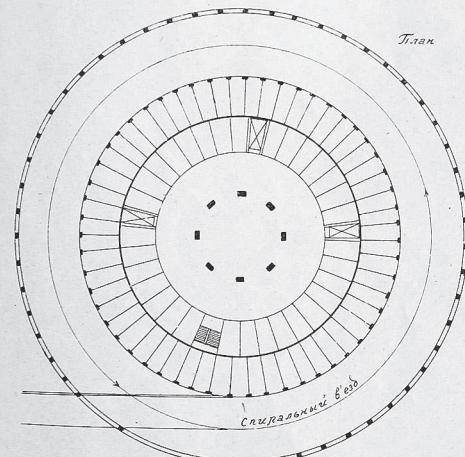
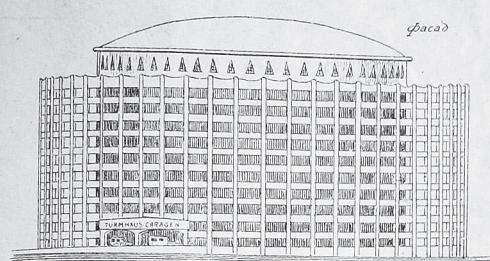
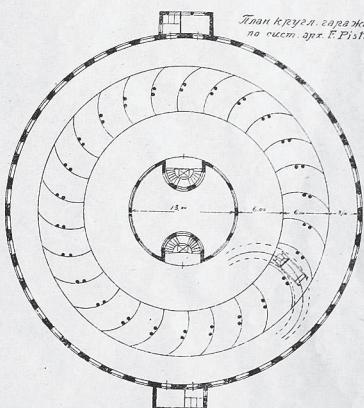
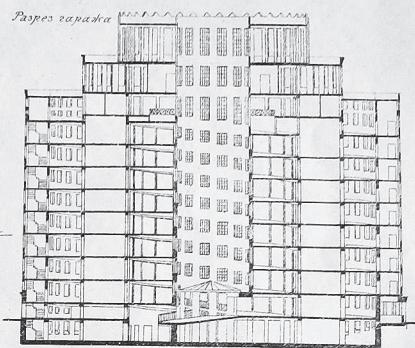




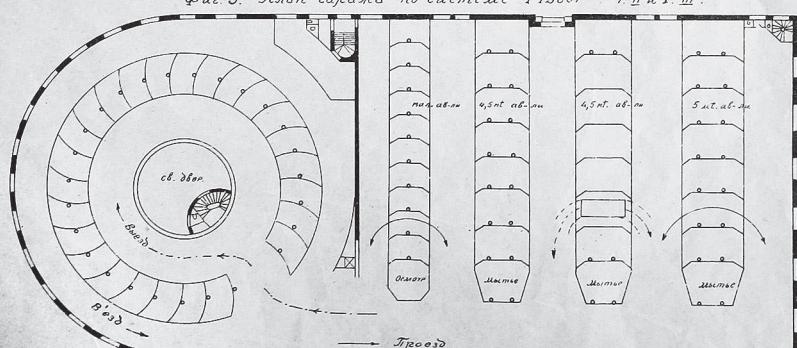
Ил. 2. Вверху: автоматизированный гараж на 40 автомобилей, Берлин. Архитектор П. Цукер (Paul Zucker). Внизу: 4-этажный гараж с рампой с косоугольным расположением боксов, Берлин. План и фасад. Архитектор Ю. Бахман (Jürgen Bachmann) (Соков 1925: 24)

23

Фиг. 1. Гараж в Берлине на 1000 автомобилей.

Фиг. 2. Круглый многоэтажный гараж
систем арх. Fr. Pistor (Elberfeld)

Фиг. 3. План гаража по системе Pistor. Р II и Р III.



Ил. 3. Гараж на 1000 автомобилей, по системе архитектора Ф. Пистора (Fr. Pistor), Берлин (Соков 1925: 23)



Ил. 4. Автобусный гараж Московского коммунального хозяйства, Москва. Архитектор К. С. Мельников, 1926–1927. Современный вид

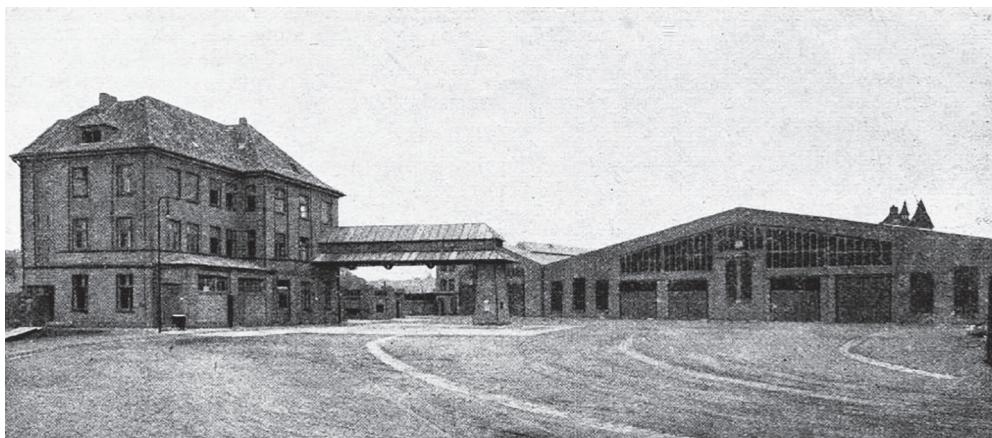
Столичный журнал «Коммунальное хозяйство» в своих статьях также обратил внимание за опыт зарубежных коллег, хотя детально не разбирает его⁹. И если в случае с ленинградцем Соковым это хаотичное изучение иностранного опыта, следы которого даже не удается отыскать, то в поле внимания московских специалистов оказываются уже конкретные образцы, опять-таки — берлинские. Здесь сразу стоит оговориться, что советских инженеров интересовали исключительно те проекты, которые могли послужить основой для проектирования гаражей для автобусов, грузового транспорта и такси. Места для хранения индивидуальных автомобилей практически не рассматривались ввиду нецелесообразности, даже несмотря на всю возможную инновационность этих проектов.

Итак, интерес был вызван строительством автобусных гаражей для Московского коммунального хозяйства, в первую очередь Бахметьевского (1926–1927, арх. К. С. Мельников) (ил. 4). Нельзя не вспомнить, что в 1925 г. Мельников выезжал за границу для участия в строительстве Павильона СССР на Международной выставке современных деко-

ративных и промышленных искусств в Париже и даже являлся автором двух проектов стоянок для парижских таксопарков. Однако ранее архитектор не был замечен в области гаражестроения. Изучал ли Мельников иностранный опыт, будучи в командировке?

Журнал «Мотор» сообщал о возможных источниках вдохновения архитектора: «В иностранной литературе встречаются проекты с осуществлением прямоточности, как, например: немецкий журнал за 1925 г. "Грузовой Автомобиль" № 21 или сборник Мюллера "Городские гаражи" издания 1926 г. Нужно отметить, что за последний год вопросу гаражного строительства в иностранной литературе отведено отдельное внимание» (Речмедилов 1927: 33). О каком же гараже писала отечественная периодика? Следующие выпуски журнала «Мотор» сообщают: «В связи с приобретением 200 новых автобусов, в Берлине был построен гараж для стоянки машин, краткое сообщение о котором в немецком журнале Verkehrstechnik поместил инженер Кварг» (А. Р. А. 1927: 161). Далее скрывающийся за псевдонимом автор давал подробное описание гаража. Нам удалось отыскать указанный журнал (Quarg 1926). Речь идет о гараже Акционерного общества «Всеобщая автобусная компания в Берлине»

⁹ См., например: (Речмедилов 1926; Мирер 1928) и др.



Ил. 5. Гараж Акционерного общества «Всеобщая автобусная компания в Берлине» ("ABOAG"), Берлин. Архитектор Франц Аренс (Franz Ahrens), 1925–1926 (Quarg 1926: 739)

("ABOAG" — Allgemeine Berliner Omnibus AG, 1925–1926, арх. Франц Аренс (Franz Ahrens), Helmholzstraße, 41) (ил. 5). Гараж располагался в восточной части города, помимо стоянки здесь имелись помещения мойки, осмотра, ремонта и склада. Особенностью конструкции являлось отсутствие колонн — это единый зал-манеж, перекрытый металлическими фермами. По проектам Ф. Аренса в Берлине будет построено несколько автобусных парков, в том числе самый известный гараж-манеж на 240 автобусов общей площадью 6500 м² с самонесущей конструкцией кровли в районе Трептов (1927–1928).

Описание, чертежи и фотографии гаражей «АБОАГ» неоднократно публиковались в отечественной периодике (Речмедилов 1928а; Давидович 1928; Бергман 1930б). Авторы статей, советские инженеры, недвусмысленно указывали на него как образчик идей: «Недостаточная осведомленность наших работников в этом вопросе (достаточно указать на то, что все знакомство с достижениями заграницы сводится, к сожалению, исключительно к журнальным статьям, появившимся в иностранных специальных журналах, в случайном порядке, при далеко не достаточной полноте их, и носящим иногда даже рекламный характер) привела к тому, что все наши гаражи в отношении способов организации гаражных процессов проектируются по одним и тем же образцам, случайно наиболее полно освещенным в иностранной (немецкой) печати. Этими образцами являются автобусные гаражи АБОАГ» (Бергман 1930а: 28) или «В журнале "Мотор" в свое время уже неоднократно появлялись описания современных гаражей, некоторые из которых послужили прототипом строящихся в настоящее время московских гаражей. К этим немецким гаражам относятся берлинские автобусные парки» (Бергман 1930б: 47). Иногда назывались даже конкретные фамилии и объекты, которые должны были перенять эту практику: «В этот период косвенную помощь в определении путей дальнейшего развития нашего гаражного строительством оказал построенный в 1926 г. автобусный парк в Берлине. <...> Бригада специалистов, организованная в конце 1928 г. по инициативе

инж. Муратова в составе инж. Давидовича, Нолева-Соболева и Фельзера¹⁰, должна была в процессе проектирования нового гаража Союзтранса в Столярном переулке не только учесть печальный опыт уже пройденного этапа, но и освоить новое, что внес в практику проектирования гараж «АБОАГ» (Клинович 1932: 500). Даже спустя почти десятилетие тема берлинских гаражей все еще продолжала всплывать на страницах отечественной периодики: «Проекты наших первых больших рационализированных гаражей (1928–1930 гг.) находились под влиянием строительства гаражей компании «АБОАГ» в Берлине. Именно оттуда была заимствована организация поточного обслуживания и приемы планировочных композиций» (Давидович 1935: 36), — писал инженер Л. Н. Давидович. Однако М. Бергман был прав в части узости интереса коллег. Так, например, они оставили незамеченным гараж «Кант» (1929–1930) в Берлине (*Kant-Garagen* 2018), интереснейший пример многоэтажной стоянки, даже когда в Москве встал вопрос о проектировании подобного объекта.

¹⁰ Инженер-проектировщик Ю. С. Фельзер. Отчего-то в современных изданиях фамилия редуцировалась в «Фельдзер», хотя во всех материалах 1920–1950-х гг. ее написание именно «Фельзер». К сожалению, из приведенной цитаты не ясно, выезжала ли группа названных специалистов в Германию для осмотра здания гаража в натуре. По неподтвержденным данным, в конце 1920-х гг. Ю. С. Фельзер был командирован в США для изучения строительства и эксплуатации крупных автотранспортных предприятий. Однако при таком богатом опыте на счету инженера только две тематические постройки: гаражи Наркоматов почт и телеграфов и тяжелой промышленности. Возможно, вместе с ним в Америку выезжал и инженер И. В. Грибов: во всяком случае, в № 3 и 5 журнала «За рулем» за 1930 г. был опубликован очерк, посвященной поездке по США.

А что же Франция? Парижские гаражи также присутствовали на страницах специализированной прессы, однако их влияние на отечественных специалистов было существенно меньшим, скорее всего, из-за сложности конструкции и эксплуатации, вспомнить хотя бы гараж на улице Понтье архитектора О. Перре. Французские инженеры оставались верными себе в том, что касается инновационности решений: «Мы указываем адрес гаража, т. к. мы настоятельно советуем т. т. работникам автодела, едущим в заграничные командировки во Францию, посетить и внимательно посмотреть этот гараж. Это гараж, по справедливости считающийся одним из лучших образцов современного гаражного строительства» (*Garrig, Гольберг* 1927: 183), — писали советские инженеры. Речь идет о гараже «Банвиль» (1925–1929, арх. Генри Деко (Henri Decaux) инж. Генри Террис (Henri Terrisse), rue de Courcelles, 153) (ил. 6), поистине интереснейшем объекте того времени: 8-этажное здание с двумя подвальными этажами было рассчитано на размещение порядка 1000 автомобилей в индивидуальных боксах. Для вертикального перемещения используются аппарели и грузовые лифты. Помимо стоянки гараж предлагал посетителям такие опции, как теннисный корт, площадка для гольфа, бассейн, автомобильный трек, бар. Гараж неоднократно перестраивался, но сохранился до настоящего времени.

Помимо конкретных примеров, часто можно встретить статьи с абстрактными размышлениями на тему зарубежного гаражестроения (Медведев 1925; *Проекты многоэтажных гаражей в Германии* 1926; Бергман 1928; Речмедилов 1928; А. Р. А. 1928; Гольберг 1930; Давидович 1931; Решетников 1934; Давидович 1935). По названию статей видно, как интерес к немецкому опыту со временем был вытеснен американским.



Ил. 6. Гараж «Банвиль», Париж. Архитектор Г. Деко (Henri Decaux), инженер Г. Террис (Henri Terrisse), 1925–1929 ([URL: i30.servimg.com/u/f30/09/00/65/30/conces10.jpg](http://i30.servimg.com/u/f30/09/00/65/30/conces10.jpg), дата обращения: 04.10.2017)

В 1933 г. в связи с планами на строительство первого в СССР механизированного гаража Акционерного общества «Интурист» в прессе развернулась полемика по поводу целесообразности такого способа перемещения автомобилей во внутригаражном пространстве (Давидович 1933). Помимо уже известных нам европейских гаражей по проектам О. Перре и П. Цукера, здесь заслуженную пальму первенства держали США: «За последние пять лет идея механизации гаражей-стоянок получила за границей, главный образом в САСШ, довольно широкое распространение» (Давидович 1933: 285), — отмечали современники. Безусловно, их привлекали нью-йоркские гаражи-гостиницы бизнесмена Милтона Кента — самые передовые сооружения для хранения легковых автомобилей. Два 25-этажных га-

раж на 1000 автомобилей каждый были заложены в марте и октябре 1928 г. соответственно (211 East 43rd Street и 43 West 61st Street) по проекту архитектурного бюро «Жардин, Хилл и Мурдок» ("Jardine, Hill & Murdock") с фасадами в стиле ар-деко (ил. 7). И хотя оба проекта были завершены к 1930 г., начавшаяся годом ранее Великая депрессия не позволила полностью осуществить планы по их эксплуатации: в начале 1940-х гг. сложное оборудование было удалено, сначала здания эксплуатировались как склады, а позднее были перестроены под офисные и жилые комплексы с сохранением фасадов. Подобные по конструкции автоматизированные гаражи были построены в Чикаго: «Гараж на улице Квинси» ("Quincy Street garage", 1929–1930, арх. Вальтер Альшлагер (Walter W. Ahlschlager), 18–22 West Street



Ил. 7. Гараж-гостиница Милтона Кента, Нью-Йорк. Архитектурное бюро "Jardine, Hill & Murdock", 1928 ([URL: static01.nyt.com/images/2014/11/09/realestate/09SCAPES3/09scapes3-blog427.jpg](http://static01.nyt.com/images/2014/11/09/realestate/09SCAPES3/09scapes3-blog427.jpg), дата обращения: 04.10.2017)

Quincy, не сохранился) и Электрический гараж отеля Харрисон ("Harrison Hotel Electric Garage", 1930, арх. Альфред Альшулер (Alfred S. Alschuler), 615–617 South Wabash Avenue). В 1931 г. в Цинциннати была построена 27-этажная башня гаража в составе административного комплекса ("Carew-Netherland Garage", арх. Вальтер Альшлагер (Walter W. Ahlschlager), 422 Race Street), считавшаяся на момент постройки самым высоким гаражным зданием в мире.

В 1931 г. инженером В.Д. Цветаевым была выпущена книга «Автогаражное строительство», в которой были собраны разнообразные примеры строительства

гаражей в Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Америке. Большое место было уделено современным на момент публикации многоэтажным гаражам. Однако этот опыт был уже не столь интересен Советской России, т.к. подобные объекты предназначались для использования в качестве стоянки частновладельческих автомобилей в стесненных условиях городских центров: «Мы полагаем, что по организационному построению советского автотранспорта, по его целевому назначению и по условиям дислокации его на территории Союза, центр тяжести гаражного строительства лежит не в плоскости многоэтажных и тем более автоматизированных гаражей, а в плоскости обеспечения подвижного состава дешевыми в постройке, удобными в эксплуатации и технически хорошо вооруженными одноэтажными гаражами» (Давидович 1933: 287), — резюмировал в 1933 г. инженер Л.Н. Давидович. Постепенно к концу 1930-х гг. тема иностранного гаражестроения сходит на нет. Последнее, на что обратили внимание архитекторы, — грандиозный по своим размерам муниципальный гараж «Авторимесса» в Венеции (1933) (*Величайший гараж в Европе* 1935; Кринский 1935: 31), входящий в состав большого проекта по связи островов лагуны с материком, включающий в себя реконструкцию автомобильного и железнодорожного моста и вокзала и строительство гаража.

В заключение можно сказать, что зарубежный опыт гаражестроения обратил на себя внимание отечественных специалистов одновременно с появлением в России импортных автомобилей в начале XX в., однако максимального стал востребован в 1920-е гг. Тогда на страницах советских специализированных периодических изданий и справочной литературе начали появляться

статьи, посвященные тем или иных зарубежным постройкам. В первую очередь в центре внимания оказывались вопросы расположения гаражей в городской уличной сети, планировки, эксплуатации, использования строительных материалов и технического оборудования. В то же время стилистическое оформление фасадов не являлось приоритетным, поэтому в публикациях мы практически никогда не встретим их чертежей или фотографий, зато увидим многочисленные планы. Наиболее востребованным у советских инженеров стал немецкий опыт. Опубликованные в отечественной печати, германские гаражи воспринимались советскими проектировщиками в качестве образцов. Лишь к середине 1930-х гг. ситуация начала серьезно меняться: как и в других областях хозяйственной и культурной жизни СССР, в гаражном строительстве был задан вектор на самостоятельное развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 539. Оп. 4. Д. 10105.
 А. Р. А. 1927 — А. Р. А. Еще о гаражах // Мотор. 1927. № 6. С. 161–162.
 А. Р. А. 1928 — А. Р. А. Правила гаражного строительства в Германии // Мотор. 1928. № 11. С. 191–192.
 Бергман 1928 — Бергман М. Гаражи в Западной Европе и СССР // Мотор. 1928. № 9. С. 151–152.
 Бергман 1930а — Бергман М. Очередные задачи гаражного строительства // Мотор. 1930. № 9–10. С. 25–34.
 Бергман 1930б — Бергман М. Современное гаражестроение в Германии и Австрии // Мотор. 1930. № 11–12. С. 47–56.
 Величайший гараж в Европе 1935 — Величайший гараж в Европе // Мотор. 1935. № 1. С. 40.
 Гарриг, Гольберг 1927 — Гарриг П. И., Гольберг Я. Современные многоэтажные гаражи // Мотор. 1927. № 7. С. 182–183.

Гольберг 1930 — Гольберг Я. Гаражное строительство в Америке // Мотор. 1930. № 1. С. 36–40.

Давидович 1928 — Давидович Л. Н. Новый автобусный гараж в Берлине // Мотор. 1928. № 12. С. 214–215.

Давидович 1931 — Давидович Л. Н. Американские эксплуатационные гаражи // Мотор. 1931. № 2. С. 9–12.

Давидович 1933 — Давидович Л. Н. Нужна ли нам такая механизация // Мотор. 1933. № 9. С. 285–288.

Давидович 1935 — Давидович Л. Н. Центральный автобусный гараж в Стокгольме // Мотор. 1935. № 9. С. 34–36.

Защук 1916 — Защук В. А. Заметка о заграничных автомобильных гаражах // Инженерный журнал. Пг., 1916. № 2. С. 121–139.

Защук 1930 — Защук В. А. Гаражи в Берлине // За рулем. 1930. № 10. С. 19.

История автомобильного транспорта России 1997 — История автомобильного транспорта России. 1917–1941. М.: НИИАТ, 1997.

Климович 1932 — Климович В. И. В борьбе за советский гараж // Мотор. 1932. № 11. С. 497–506.

Кринский 1935 — Кринский С. Гаражи // Архитектура за рубежом. 1935. № 5. С. 30–34.

Медведев 1925 — Медведев А. П. Многоэтажные гаражи // Мотор. 1926. № 3–4. С. 86.

Мирер 1928 — Мирер. Гаражи будущего // Коммунальное хозяйство. 1928. № 9–10. С. 70–71.

Проекты многоэтажных гаражей в Германии 1926 — Проекты многоэтажных гаражей в Германии // Мотор. 1926. № 17–18. С. 289.

Речмедилов 1926 — Речмедилов А. А. Как нужно строить гаражи // Коммунальное хозяйство. 1926. № 11–12. С. 17–23.

Речмедилов 1927 — Речмедилов А. А. Гаражи и их постройка в Москве // Мотор. 1927. № 2. С. 32–33.

Речмедилов 1928а — Речмедилов А. А. Автобусный гараж в Берлине // Мотор. 1928. № 8. С. 131–133.

Речмедилов 1928б — Речмедилов А. А. Нюрнбергский гараж // Мотор. 1928. № 10. С. 172–173.

- Решетников 1934 — Решетников Н. С. Не брезгайте мировым опытом. Многоэтажные механизированные гаражи нам необходимы. В порядке дискуссии // Мотор. 1934. № 1. С. 18–20.
- Соков 1925 — Соков В. С. Военные автомобильные гаражи. Чертежи. Л.: Издание Военно-Инженерной Академии, 1925.
- Соков 1926 — Соков В. С. Военные автомобильные гаражи. Текст. Л.: Издание Военно-Инженерной Академии, 1926.
- Соков 1935 — Соков В. С. Гаражи. Основы проектирования автоэксплоатационных зданий. Т. 1. Л.: Государственное издательство транспортной литературы, 1935.
- Шурыгина 2016 — Шурыгина О. С. Автомобильные гаражи фирмы К.Л. Крюммеля как атрибут модернизации Санкт-Петербурга начала XX века // Архитектурное наследство. Вып. 64. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 222–235.
- Шурыгина 2017 — Шурыгина О. С. Автомобильный гараж как новый тип здания в архитектуре начала XX в. (на примере стран Западной Европы и США) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 8 (1/2017). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 223–240.
- Großgaragen für 1000 Wagen 1924 — Großgaragen für 1000 Wagen // Allgemeine Automobil-Zeitung. 1924. № 30. 26 Juli. S. 18.
- Großgaragenbau 1924 — Großgaragenbau // Allgemeine Automobil-Zeitung. 1924. № 37. 13 September. S. 20–22.
- Kant-Garagen 2018 — Kant-Garagen // Википедия. URL: de.wikipedia.org/wiki/Kant-Garagen (дата обращения: 01.10.2017).
- Quarg 1926 — Quarg G. Der Betriebshof Helmholzstraße der Allgemeinen Berliner Omnibus-Aktien-Gesellschaft // Verkehrstechnik. 1926. № 44. S. 737–745.

REFERENCES

- A. R. A. Eshchyo o garazhah (More about the garages). Motor (Motor), 1927, no. 6, pp. 161–162 (in Russian).
- A. R. A. Pravila garazhnogo stroitel'stva v Germanii (Rules of garage construction in

- Germany). Motor (Motor), 1928, no. 11, pp. 191–192 (in Russian).
- Bergman M. Garazhi v Zapadnoj Evrope i SSSR (Garages in Western Europe and the USSR). Motor (Motor), 1928, no. 9, pp. 151–152 (in Russian).
- Bergman M. Ocherednye zadachi garazhnogo stroitel'stva (Next tasks of garage construction). Motor (Motor), 1930, no. 9–10, pp. 25–34 (in Russian).
- Bergman M. Sovremennoe garazhestvoenie v Germanii i Avstrii (Modern garage constructing in Germany and Austria). Motor (Motor), 1930, no. 11–12, pp. 47–56 (in Russian).
- Velichajshij garazh v Evrope (The Greatest Garage in Europe). Motor (Motor), 1935, no. 1, pp. 40 (in Russian).
- Garrig P. I, Gol'berg Y. A. Sovremennye mnogoehtazhnye garazhi (Modern multi-storey garages). Motor (Motor), 1927, no. 7, pp. 182–183 (in Russian).
- Gol'berg Y. A. Garazhnoe stroitel'stvo v Amerike (Garage construction in America). Motor (Motor), 1930, no. 1, pp. 36–40 (in Russian).
- Davidovich L. N. Novyj avtobusnyj garazh v Berline (New bus garage in Berlin). Motor (Motor), 1928, no. 12, pp. 214–215 (in Russian).
- Davidovich L. N. Amerikanskie ehkspluatacionnye garazhi (American operational garages). Motor (Motor), 1931, no. 2, pp. 9–12 (in Russian).
- Davidovich L. N. Nuzhna li nam takaya mekhanizaciya (Do we need such a mechanization?). Motor (Motor), 1933, no. 9, pp. 285–288 (in Russian).
- Davidovich L. N. Central'nyj avtobusnyj garazh v Stokgol'me (Central Bus Garage in Stockholm). Motor (Motor), 1935, no. 9, pp. 34–36 (in Russian).
- Zashchuk V. A. Zametka o zagranichnyh avtomobil'nyh garazhah (Note about overseas car garages). Inzhenernyj zhurnal (Engineering Journal), 1916, no. 2, pp. 121–139 (in Russian).
- Zashchuk V. A. Garazhi v Berline (Garages in Berlin). Za rulyom (By Driving), 1930, no. 10, p. 19 (in Russian).
- Istoriya avtomobil'nogo transporta Rossii (History of Motor Transport in Russia). 1917–1941.

- Moscow: Scientific Research Institute of Motor Transport Publ., 1997 (in Russian).
- Klimovich V. I. *V bor'be za sovetskiy garazh* (In the struggle for the Soviet garage). *Motor (Motor)*, 1932, no. 11, pp. 497–506 (in Russian).
- Krinskij S. *Garazhi (Garages)*. *Arhitektura za rubezhom (Architecture abroad)*, 1935, no. 5, pp. 30–34 (in Russian).
- Medvedev A.P. *Mnogoehatzhnye garazhi (Multi-storey garages)*. *Motor (Motor)*, 1926, no. 3–4, pp. 86 (in Russian).
- Mirer. *Garazhi budushchego (Garages of the future)*. *Kommunal'noe hozyajstvo (Communal service)*, 1928, no. 9–10, pp. 70–71 (in Russian).
- Proekty mnogoehatzhnyh garazhej v Germanii (Projects of multi-storey garages in Germany). *Motor (Motor)*, 1926, no. 17–18, pp. 289 (in Russian).
- Rechmedilov A.A. *Kak nuzhno stroit' garazhi* (How to build a garage). *Kommunal'noe hozyajstvo (Communal service)*, 1926, no. 11–12, pp. 17–23 (in Russian).
- Rechmedilov A.A. *Garazhi i ih postrojka v Moskve* (Garages and their construction in Moscow). *Motor (Motor)*, 1927, no. 2, pp. 32–33 (in Russian).
- Rechmedilov A.A. *Avtobusnyj garazh v Berline* (Bus garage in Berlin). *Motor (Motor)*, 1928, no. 8, pp. 131–133 (in Russian).
- Rechmedilov A.A. *Nyurnbergskij garazh* (Nuremberg garage). *Motor (Motor)*, 1928, no. 10, pp. 172–173 (in Russian).
- Reshetnikov N.S. *Ne brezgajte mirovym opytom. Mnogoehatzhnye mekhanizirovannye garazhi nam neobhodimy. V poryadke diskussii* (Do not disdain the world experience. Multi-storey mechanized garages are necessary for us. As a matter of discussion). *Motor (Motor)*, 1934, no. 1, pp. 18–20 (in Russian).
- Sokov V. S. *Voennye avtomobil'nye garazhi. Chertezhi (Military car garages. Drawing)*. Leningrad: Izdanie Voenno-Inzhenernoj Akademii Publ., 1925 (in Russian).
- Sokov V. S. *Voennye avtomobil'nye garazhi. Tekst (Military car garages. Text)*. Leningrad: Izdanie Voenno-Inzhenernoj Akademii Publ., 1926 (in Russian).
- Sokov V. S. *Garazhi. Osnovy proektirovaniya avtoehksplotacionnyh zdanij (Garages. Basics of auto maintenance building design)*. Vol. 1. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo transportnoj literatury Publ., 1935 (in Russian).
- Shurygina O.S. Auto Garages of K.L. Krummel's Firm as an Attribute of Modernization of St. Petersburg Urban Environment in the Early 20th Century. *Architectural Heritage*, 2016, no. 64, pp. 222–235 (in Russian).
- Shurygina O.S. Motor car's garage as a new type of building in the architecture of the beginning of the 20th century (as per example of Western Europe and the USA). *Questions of the History of World Architecture*, 2017, no. 8 (1/2017), pp. 223–240 (in Russian).
- Großgaragen für 1000 Wagen. *Allgemeine Automobil-Zeitung*, 1924, no. 30, 26 Juli, pp. 18.
- Großgaragenbau. *Allgemeine Automobil-Zeitung*, 1924, no. 37, 13 September, pp. 20–22.
- Kant-Garagen. *Wikipedia*. URL: de.wikipedia.org/wiki/Kant-Garagen.
- Quarg G. Der Betriebshof Helmholtzstraße der Allgemeinen Berliner Omnibus-Aktien-Gesellschaft. *Verkehrstechnik*, 1926, no. 44, pp. 737–745.

Ю.Д. Старостенко

CITY BEAUTIFUL MOVEMENT В СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

City Beautiful Movement — самостоятельное направление американского градостроительства 1890–1910-х гг. — практически не упоминается в русскоязычной литературе по истории градостроительства. Между тем и само движение «Красивый город», и связанные с ним отдельные проекты, в том числе комплекс Всемирной выставки в Чикаго (1893), проект Национальной аллеи в Вашингтоне (1901), проект планировки Чикаго (1909) и др., достаточно подробно исследованы зарубежными специалистами. В настоящей статье на основе публикаций В. Вильсона, П. Холла и др. делается попытка охарактеризовать основные подходы к изучению движения «Красивый город», сложившиеся к настоящему времени. В качестве ключевых рассматриваются два из них. Первый предполагает изучение движения как исключительно американского явления, сложение которого было связано с американской традицией устройства ландшафтных парков, а развитие — с перепланировкой американских городов в период до Великой депрессии. Второй предлагает рассматривать движение «Красивый город» как международное явление, вышедшее далеко за пределы США и ставшее основой проектов реконструкции крупных городов по всему миру уже в 1930-е гг. На основе анализа этих подходов к исследованию движения «Красивый город» в статье предпринимается попытка сформулировать видение роли этого движения в градостроительстве первой половины XX в. Также в статье затрагиваются вопрос осведомленности советских архитекторов об основных проектах движения и вопрос возможного влияния этого движения на советское градостроительство 1930-х гг., в частности на реконструкцию Москвы тех лет.

Ключевые слова: градостроительство, планировка городов, *City Beautiful Movement*, Красивый город, США, Даниэль Бёрнхэм, Фредерик Олмстед-старший.

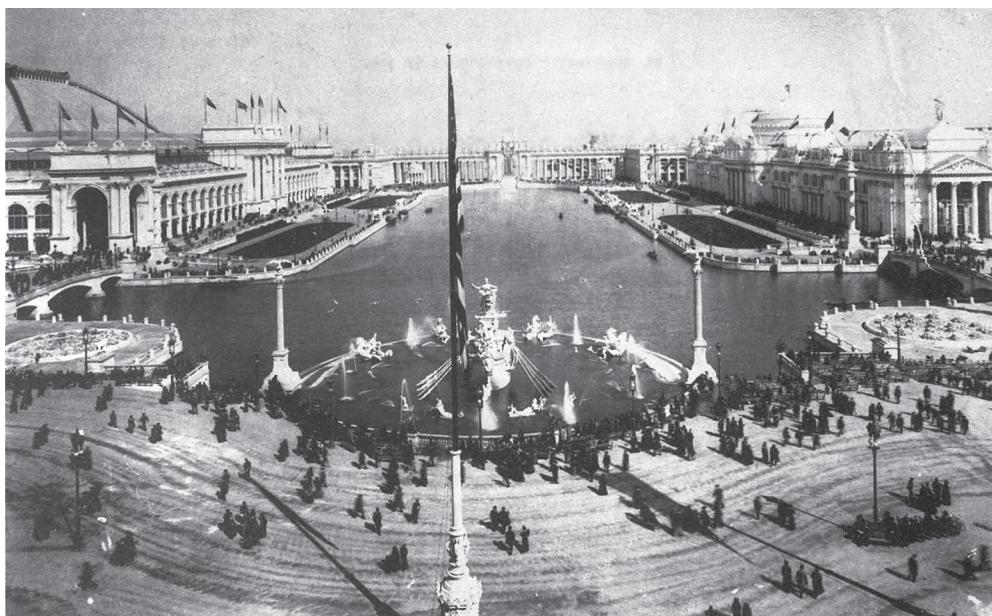
Yu. D. Starostenko

CITY BEAUTIFUL MOVEMENT IN MODERN FOREIGN STUDIES

City Beautiful Movement — an independent trend of American urban planning the 1890–1910s. It infrequently mentioned in Russian literature about the history of urban planning. Meanwhile, *City Beautiful Movement* and the associated with it individual projects, including World's Columbian Exposition in Chicago (1893), the project of The National Mall in Washington, DC (1901), Plan of Chicago (1909), and etc., were researched in detail by foreign specialists. In this article, based on the publications of V. Wilson, P. Hall, etc., made attempt to characterize the main approach to the study of the *City Beautiful Movement*, which have developed to the present day. Two approaches to the study of motion are considered as key ones. The first assumes the study of the movement as an exclusively American phenomenon, the formation of which was associated with the American tradition of landscape parks, and development was associated with the redevelopment of American cities in the period before the Great Depression. The second proposes to consider the *City Beautiful Movement* as an international phenomenon that spread far beyond the United States and became the basis for projects for reconstruction of great cities around the world already in the 1930s. This article based on the analysis of these approaches to the study of this movement attempts to formulate a vision of the role of this movement in urban planning of the first half of the twentieth century. Also the article touches upon the issue of awareness by Soviet architects of the main projects of the movement and the possible impact of this movement on the Soviet town planning of the 1930s, in particular on the reconstruction of Moscow of that time.

Keywords: urban planning, city planning, *City Beautiful Movement*, USA, Daniel Burnham, Frederick Olmsted.

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Министерства России и РААСН, тема 1.4.3./ 1.1.17 «Композиционные приемы в архитектуре и градостроительном искусстве: история и современность».



Ил. 1. Всемирная выставка в Чикаго. «Белый город». Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-старший, 1893 г. Фотография 1890-х гг. (Plan of Chicago 1909: 2)

City Beautiful Movement, или движение «Красивый город», — самостоятельное направление американского градостроительства конца XIX — первой трети XX в. — в отечественной историографии упоминается крайне редко, если вообще упоминается. В то же время объекты, которые зарубежные исследователи традиционно связывают с этим движением, нельзя назвать абсолютно неизвестными для российских исследователей. Среди них Всемирная выставка 1893 г. в Чикаго и ее главный комплекс — «Белый город», спроектированный Даниэлем Бёрнхемом (Daniel Burnham) и Федериком Олмстедом-старшим (Frederick Olmsted) (ил. 1). Хотя и в меньшей степени, но известен план реконструкции Чикаго, разработанный Д. Бёрнхемом в 1909 г. Упоминания об этих знаковых проектах рубежа XIX–XX вв. встречаются в отечественных источниках, но тот факт, что эти проекты являются символами и ключе-

выми проектами движения «Красивый город», как правило, не акцентируется, как и сам факт существования этого движения. Единственной книгой на русском языке, где не только упоминается это движение, но и приводится его оригинальное название (как девиз движения), является сокращенный перевод книги чеха Иржи Груза «Теория города», опубликованный в СССР в 1972 г. (Груза 1972: 56). В этом издании движение упоминается как пример «отчетливого» влияния «принципов “украшения города”, французского академического урбанизма и “Эколь де боз’ар”» в США (Там же).

Авторы главного отечественного труда по истории градостроительства А.В. Бунин и Т.Ф. Саваренская, второй том которого «Градостроительство XX века в странах капиталистического мира» вышел годом ранее перевода книги И. Груза, характеризовали проекты, созданные в рамках этого движения, как

«оссманизмы XX в.». Под «оссманизмом» авторы понимали «тот крайне односторонний подход к реконструкции больших городов, который ставил во главу угла проблему транспортных коммуникаций», в результате чего «решающее значение приобретали улицы, а не кварталы и жилые районы с их жилищно-бытовыми, общественными и культурными связями» (Бунин, Саваренская 1971: 27). Критикуя этот подход, А.В. Бунин и Т.Ф. Саваренская не уделяли особого внимания проектам реконструкции центра Вашингтона, Чикаго и Филадельфии, приводившимся в качестве примеров, и не упоминали о существовании самого движения.

Таким образом, движение «Красивый город» как целостное явление до сих пор остается практически неизвестным в России. Безусловно, в одной статье невозможно охватить все аспекты движения, которое по сей день оценивается многими весьма критично. Его непосредственные творцы оставили довольно обширное публицистическое наследие, позволяющее понять цели и задачи, которые они ставили перед собой, но их изучение и введение в отечественную историографию градостроительства XX в. еще только предстоит. Настоящая статья представляет собой попытку дать краткое описание этого движения и тех подходов к его пониманию, которые сложились к настоящему времени в зарубежной историографии. Несмотря на то что специально посвященных движению «Красивый город» публикаций не очень много, в современных зарубежных исследованиях по истории архитектуры и градостроительства 1900–1930-х гг. упоминания об этом движении встречаются довольно часто. Оно рассматривается как неотъемлемая составляющая мирового градостроительства этого периода. В центре внимания настоящей статьи будут находиться, прежде всего, два

фундаментальных труда — книга Вильяма Вильсона (William Wilson), посвященная непосредственно движению (Wilson 1989), и книга Питера Холла (Peter Hall) «Города будущего», в которой описанию движения посвящена отдельная глава (Hall 2014: 202–236)¹. Однако чтобы лучше понять авторские концепции и составить о них некое представление, прежде всего необходимо обрисовать историю движения «Красивый город», которую (хотя и с некоторой степенью допущения) можно назвать общепринятой. В качестве источника для воссоздания такой истории в настоящей публикации использовалась статья о движении из одного из уважаемых энциклопедических изданий — Энциклопедии «Британника» (Encyclopaedia Britannica) (Blumberg, Yalzadeh 2014), а также ряд публикаций, посвященных истории создания отдельных проектов.

Согласно этой энциклопедической статье, «Красивый город» — это движение американского градостроительства, началом которого была уже упоминавшаяся Всемирная выставка в Чикаго 1893 г. (ил. 2), а временем угасания — Великая депрессия конца 1920-х гг. В основе движения лежала убежденность его идеологов в том, что создание красивых городов — залог решения острых социальных проблем и способ изменить сложившееся представление о больших городах как об ужасных местах, плохо приспособленных для жизни людей. Формирование этого представления было следствием значительного и во многом стихийного роста американских городов во второй половине XIX в., увеличения их населения не только за счет сельских жи-

¹ Книга переиздавалась четыре раза — в 1988, 1996, 2002 и 2014 гг. Сопоставление главы про движение «Красивый город» в последних двух изданиях показало, что автором был расширен список источников, а также внесены некоторые изменения в текст.



Ил. 2. Всемирная выставка в Чикаго. «Белый город». Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-старший, 1893 г. Фотография 1890-х гг. (Plan of Chicago 1909: 3)

телей, но и за счет эмигрантов из Европы. Приметами времени в американских городах было увеличение числа трущоб, нарастание напряженности в крайне разнородном населении, низкий уровень благоустройства и отсутствие общественных пространств. Исправление именно этих проблем стало одной из главных задач движения «Красивый город». Как позднее, в 1909 г., сформулирует на Первой национальной градостроительной конференции в Вашингтоне финансист и владелец недвижимости Генри Моргенштейн (Henry Morgenthau): «Существует зло, которое гложет жизненные силы страны, для исправления которого мы собрались вместе, — зло, которое порождает физические болезни, моральный разврат, недовольство и социализм, — и все это дол-

жно быть излечено и искоренено, иначе фундамент нашего общества будет ослаблен» (Morgenthau 1909: 59). И это зло он предлагал искоренять путем соответствующей планировки городов.

Эталоном понятия «красивый город» для участников движения был Париж, реконструкция которого была начата под руководством барона Жоржа Эжена Османа (Georges Eugène Haussmann) в середине XIX в. Это был город с прямыми и широкими бульварами и диагональными улицами, перспективы которых замыкались крупными общественными зданиями, многие из которых были выстроены в стиле Боз-ар². Однако стремление

² В России этот термин начал употребляться относительно недавно. В работах российских исследователей начала XX в. для описания

стать частью европейской архитектурно-градостроительной традиции было лишь одним из факторов. Определенную роль играла и коммерческая составляющая реконструкции Парижа, которая, вероятно, была близка американцам.

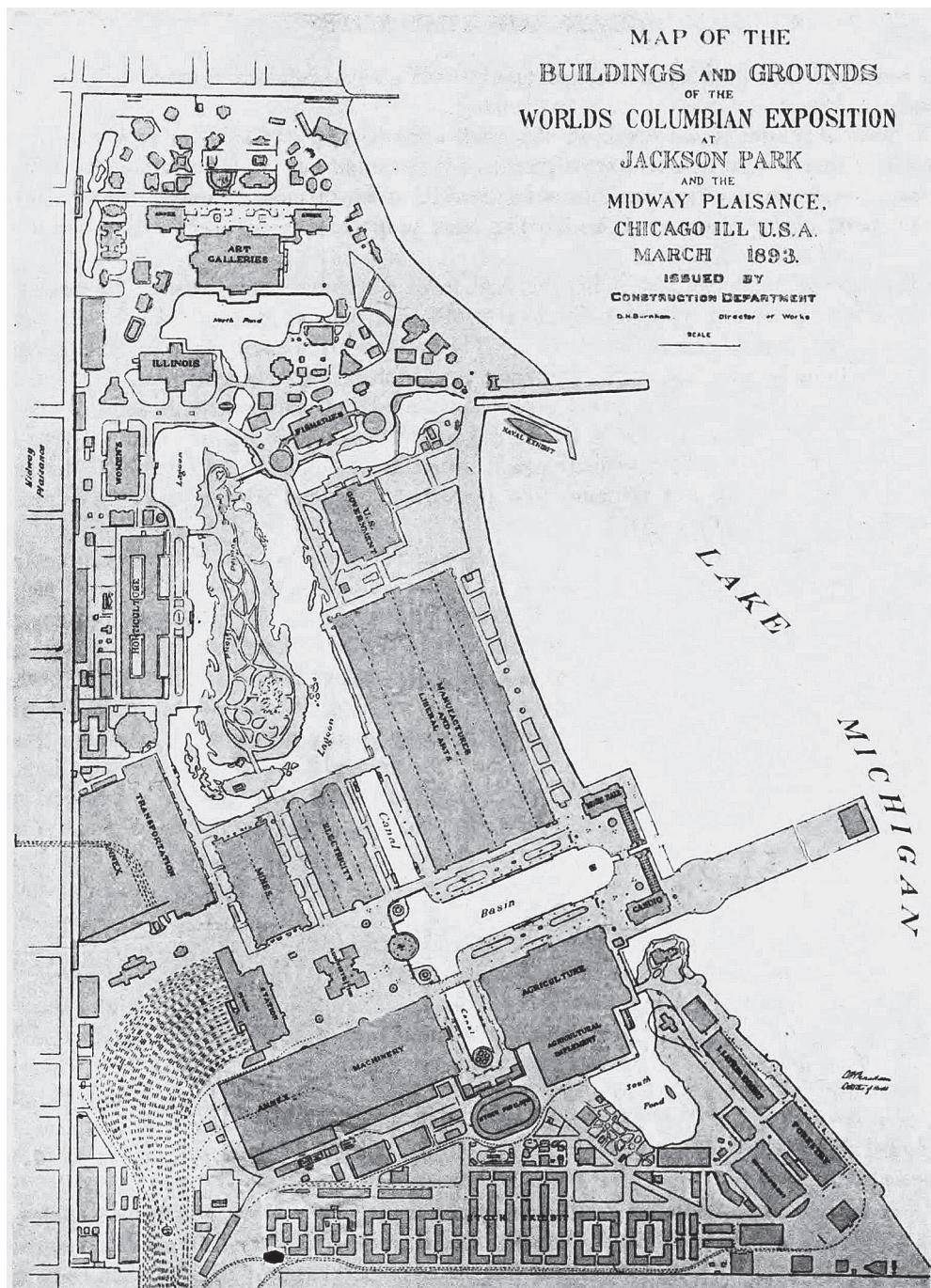
Эти идеалы, к которым стремились идеологи и сторонники движения, со всей очевидностью проявились в комплексе Всемирной выставки в Чикаго 1893 г., которая не случайно считается первым объектом движения «Красивый город» (ил. 3). Фактически выставка и по своему планировочному решению, и по архитектуре павильонов, выполненных в неоклассицистической манере, была моделью идеального города. Ведь неслучайно весьма масштабные и богато декорированные временные сооружения выставки вошли в историю как «Белый город». Этот «Белый город», сооруженный по проекту архитектора Д. Бёрнхема, дополняли большие зеленые пространства, запроектированные Ф. Олмстедом-старшим — автором проекта знаменитого Центрального парка Нью-Йорка.

Однако потребовалось еще несколько лет, прежде чем движение заявило о себе в полный голос. В 1901 г. журналистом и писателем Чарльзом Мальфордом Робинсоном (Charles Mulford Robinson) — главным популяризатором движения — была опубликована книга «Благоустройство городов и столиц, или Практические основы общественной эстетики» (*The improvement of Towns and Cities, or The practical basis of Civic Aesthetic*) (Robinson 1901), которую современные исследователи называют «библией движения». Два года спустя вы-

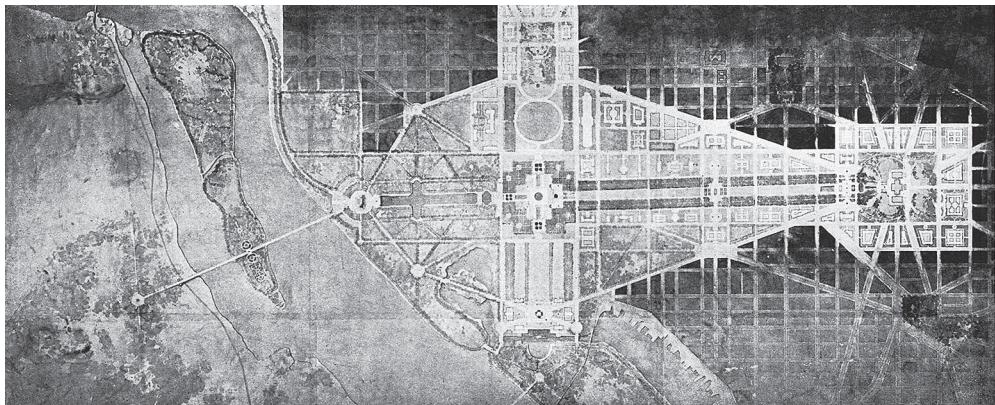
этого стиля французской архитектуры обычно использовались определения «стиль Людовика XIV», «стиль Людовика XV» или просто «стиль Людовиков». В советскую эпоху необходимости в поисках определения стиля этой «упаднической буржуазной» архитектуры не было.

шла еще одна его книга — «Современное общественное искусство, или Город, сделанный красивым» (*Modern City Art, or The City made beautiful*) (Robinson 1903). В этих книгах Ч.М. Робинсон призывал политиков и общественность рассматривать движение как шаг в сторону увеличения гражданских добродетелей и снижения социальных проблем.

В 1901 г. одной из первых попыток воплощения на практике идей движения «Красивый город» стал «план Макмиллана», названный по имени сенатора Джеймса Макмиллана (James McMillan) — инициатора создания особой комиссии, которая должна была произвести реконструкцию центрального ядра Вашингтона (Peterson 2006) (ил. 4). Среди многих других в комиссию вошли Д. Бёрнхем и архитектор Фредерик Олмстед-младший (Frederick Olmsted Jr.), ставший преемником отца. В основе «плана Макмиллана» лежала идея реконструкции Национальной Аллеи (National Mall) в центре Вашингтона, а целью было устранение всех последствий стихийного развития города, приведших к искажению первоначального замысла, заложенного в проекте планировки Вашингтона 1791 г. Пьером Ланфаном (Pierre Charles L'Enfant). О масштабах этих «искажений» говорит тот факт, что на Национальной Аллее в 1870-е гг. был выстроен железнодорожный вокзал (Baltimore and Potomac Railroad Station), который в рамках осуществления плана пришлось переносить. Несмотря на множество препятствий и противоречий, вызванных тем, что «план Макмиллана» затрагивал интересы самых разных учреждений и заметных персон, несмотря на активное сопротивление других сенаторов, не видевших необходимости тратить гигантские суммы на завершение плана XVIII в., несмотря на жаркие споры вокруг подходов к проектированию аллеи, несмотря на неожиданную смерть



Ил. 3. Всемирная выставка в Чикаго. План. Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-старший, 1893 г.
(Plan of Chicago 1909: 5)

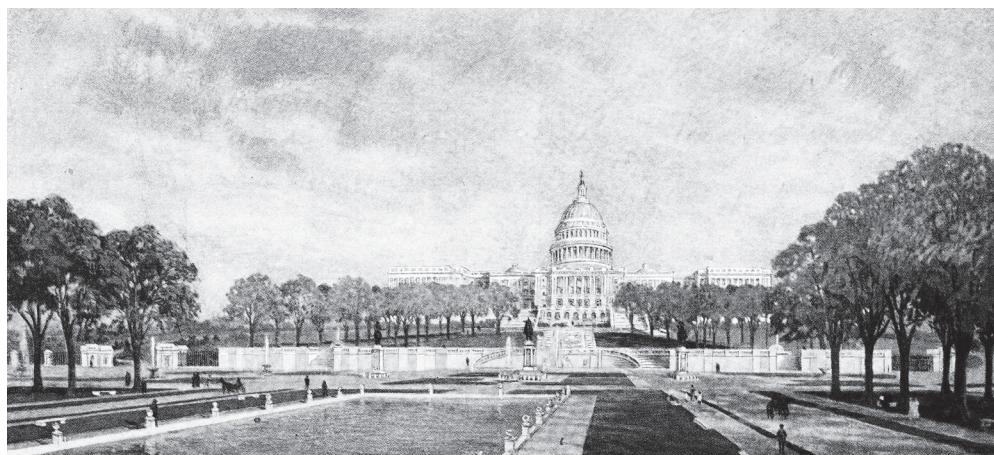


Ил. 4. Национальная аллея в Вашингтоне — «план Макмиллана». Проект планировки, предложенный комиссией Д. Макмиллана. Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-младший, 1901 г. (Moore 1921a: 150–151)

самого Д. Макмиллана летом 1902 г., проект в целом был реализован, хотя осуществление и растянулось на долгие годы. В результате не только появился современный, узнаваемый центр Вашингтона с мемориалом Линкольна, но и эталон решения центра американского города со зданием Капитолия, окруженного общественными пространствами и парками (ил. 5). И в этой связи нельзя не отметить большую работу по изучению европейского архитектурно-градостроительного опыта, которая была проделана архитекторами, работавшими с Д. Макмилланом. И частью этого процесса стала поездка в Европу, инициированная Д. Бёрнхемом, во время которой члены комиссии Макмиллана посетили Рим, Венецию, Вену, Будапешт, Париж и Лондон, а также окрестности двух последних.

Следующий этап развития движения, продолжавшийся около десятилетия, был связан с разработкой проектов реконструкции таких городов, как Кливленд (1903), Сан-Франциско (1905), Сан-Пауль-Миннесота (1906). Однако его кульминацией считается план Чикаго, представленный Даниэлем Бёрнхемом

и Эдвардом Беннеттом (Edward H. Bennett) в 1909 г. (*Plan of Chicago 1909; Smith 2006*) (ил. 6). План предусматривал существенное расширение города, развитие сети шоссе, связывающих город с пригородами, развитие железнодорожной сети и трансформацию существующей прямогольной сети улиц. Немногие диагональные магистрали планировалось дополнить рядом новых. На их пересечении намечалось устройство нового центра города с грандиозным общественным зданием, увенчанным куполом (в духе американской традиции капитолиев) (ил. 7, 8). От этого центра широкий бульвар должен был вести к берегу озера Мичиган, где намечалось создание разветвленной сети парков, а сама береговая линия озера должна была претерпеть существенные изменения за счет ряда искусственных сооружений. Идея этого общественного центра была отчасти родственна «плану Макмиллана» с той разницей, что план Чикаго предлагал уже качественно иной размах планировочных работ и строительство объектов гораздо большего, чем в Вашингтоне, масштаба. Нарушавшая симметрию



Ил. 5. Национальная аллея в Вашингтоне — «план Макмиллана». Перспектива сквера у западного фасада Капитолия. Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-младший, 1901 г. (Moore 1921a: 226–227)

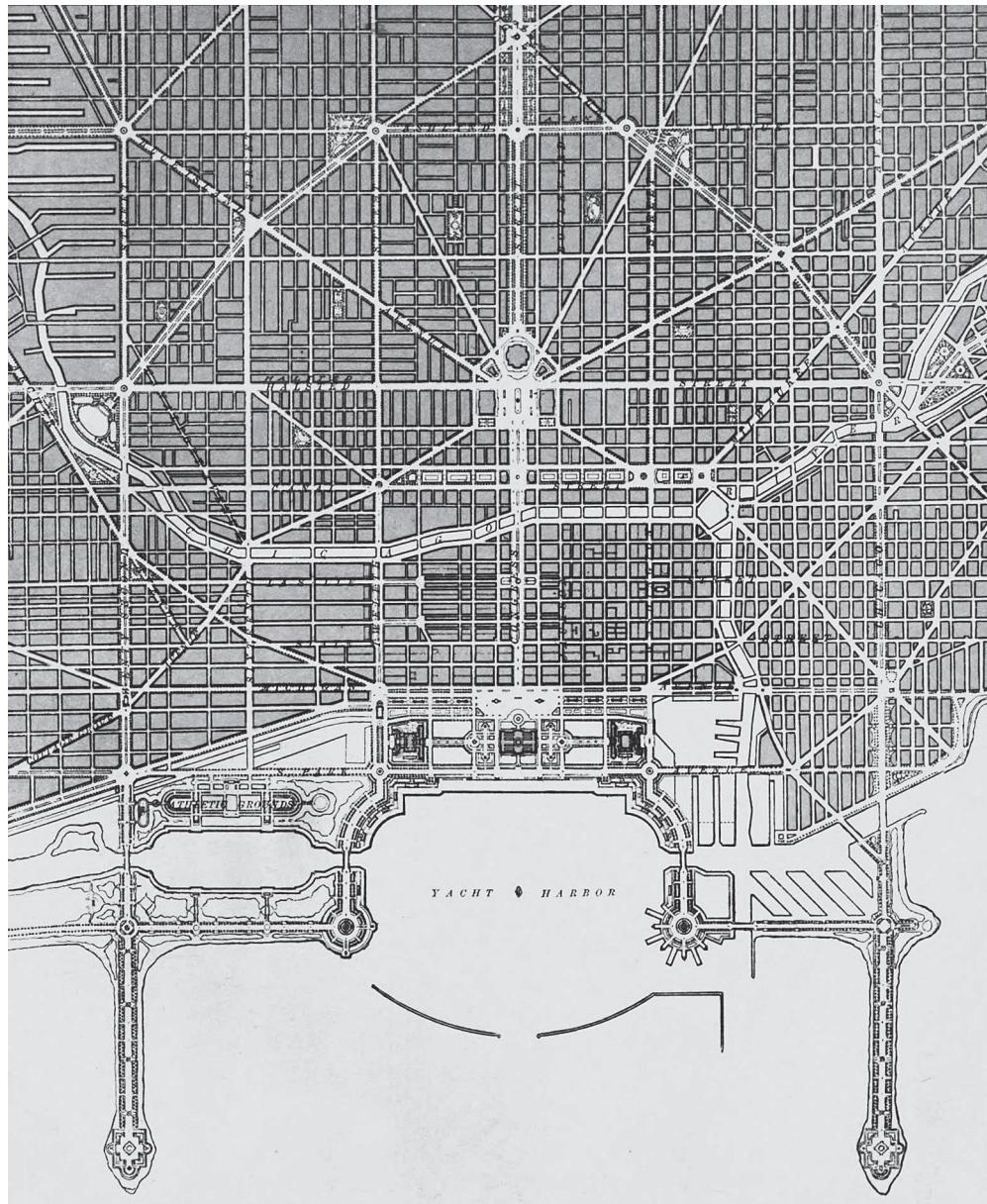
плана река Чикаго должна была также подвергнуться спрямлению и регулированию. Этот план как нельзя полнее отражал ключевую мысль Д. Бёрнхема: «Не стройте скромных планов; они не имеют магии, способной взбудоражить человеческую кровь и, скорее всего, сами по себе они не будут реализованы. Страйте грандиозные планы; цельтесь высоко в надежде и работе, памятуя, что прекрасная, логическая схема, будучи однажды зафиксирована, никогда не умрет, но долго, после того как нас не станет, будет оставаться живой, утверждающейся с постоянно возрастающей настойчивостью. <...> Пусть вашим девизом будет порядок, и вашей путеводной звездой — красота» (Moore 1921b: 147).

Осуществление плана затянулось на 20 лет и было прервано Великой депрессией. Значительная часть того, что удалось осуществить, касалась осуществления идеи трансформации береговой линии озера Мичиган и устройства зеленой зоны вдоль берега, т.е. была в наименьшей степени связана с необходимостью выкупа недвижимости ради устройства новых улиц и бульваров. Все

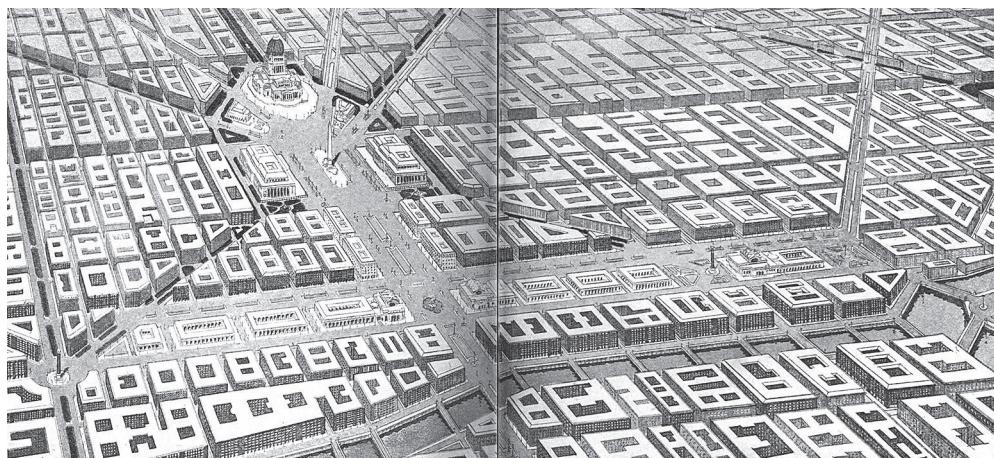
эти мероприятия, явившиеся лишь малой и, пожалуй, не самой значительной частью первоначального замысла, воплощались в жизнь уже после смерти Д. Бёрнхема в 1912 г.³ Само движение «Красивый город» стало угасать еще во время Первой мировой войны. Наметившийся в послевоенные годы подъем движения, когда среди прочих появился известный проект Якова Гребера (Jacques Gréber) Fairmount Parkway в Филадельфии (*The Fairmount Parkway 1919*)⁴, был прерван Великой депрессией, которая нанесла сокрушительный удар по основным спонсорам идеи «красивых городов». Еще одним важным фактором стало то обстоятельство, что с течением времени все отчетливее проступали заложенные в движении противоречия.

³ Примечательно, что одна из немногих осуществленных искусственных гаваней вдоль береговой линии озера носит имя архитектора.

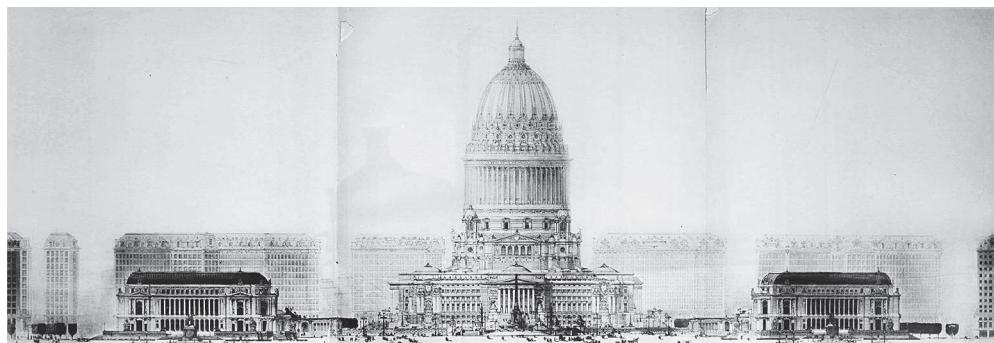
⁴ Этот проект Я. Гребера представлял собой переработку первоначального проекта, предложенного в 1907 г. архитекторами Горацием Трумбауэром (Horace Trumbauer), Клеренцем Цантцинером (Clarence Zantzinger) и Паулем Филиппом Кретом (Paul Philippe Cret) (*The Fairmount Parkway 1919*) (см. ил. 12).



Ил. 6. Проект планировки Чикаго. План центральной части. Архитекторы Д. Бёрнхем и Э. Беннет. 1905–1909 гг. (Plan of Chicago 1909: 100–101)



Ил. 7. Проект планировки Чикаго. Аксонометрия общественного центра с железнодорожным вокзалом. Архитекторы Д. Бёрнхем и Э. Беннет, 1905–1909 гг. (Plan of Chicago 1909: 108–109)



Ил. 8. Проект планировки Чикаго. Разворотка с фасадами зданий общественного центра. Архитекторы Д. Бёрнхем и Э. Беннет, 1905–1909 гг. (Plan of Chicago 1909: 108–109)

Преобразование пространства города и его украшение без целенаправленного решения социальных и экономических проблем при довольно значительных капиталовложениях не приводило к существенному улучшению городской жизни для широких слоев населения, что лишь подтверждало правоту критиков, которых у движения всегда было немало.

Так в чем же заключаются различия в подходах к изучению движения «Красивый город» в работах В. Вильсонса и П. Холла? И в чем эти подходы не совпа-

дают с изложенной общепринятой историей движения? Как это ни странно, ключевое различие этих работ между собой и их отличие от общепринятой истории заключается в определении хронологических и географических границ существования и распространения движения.

В. Вильсон в своем исследовании рассматривает движение «Красивый город» исключительно как явление американского градостроительства, в основе которого лежат переработанные европейские идеалы. Но за точку отсчета В. Вильсон берет не Всемирную выставку

в Чикаго 1893 г., а работу Ф. Олмстеда-старшего над проектом Центрального парка в Нью-Йорке. Причем в рамках настоящей статьи необходимо отметить, что замысел Центрального парка Нью-Йорка появился в середине XIX в. практически одновременно со знаменитым проектом реконструкции Парижа, а также то обстоятельство, что Ф. Олмстед-старший посещал Париж в 1859 г. и общался с проектировщиком парижских бульваров Жаном Альфаном (Jean Alphand) (Wilson 1989: 24).

Основная идея работы В. Вильсона заключается в том, что идеологи движения и его ключевые участники взяли на вооружение принципы Ф. Олмстеда-старшего, и именно эти принципы обеспечили начальный успех движения. При этом В. Вильсон особо подчеркивает, что речь идет не о визуальном сопоставлении работ ландшафтных архитекторов середины XIX в. и гораздо более помпезных проектов «красивых городов», а о выявлении схожих подходов, в основе которых и лежали три выделяемые им принципа работы Ф. Олмстеда-старшего.

Во-первых, В. Вильсон отмечает как принципиально важный тот факт, что Ф. Олмстед-старший перешел от проектирования одного, хотя и многофункционального, парка к планированию универсальных систем парков и бульваров, которые и лежали в основе всех проектов «красивых городов». Во-вторых, Ф. Олмстед-старший утверждал, что парки, как и любые иные эстетические улучшения, являются своего рода магнитом для горожан и средством классового примирения и демократизации. В то же время он отмечал, что такого рода улучшения поднимают стоимость прилегающей к ним земли, способствуя развитию частного предпринимательства и возвращению затраченных на них средств за счет увеличения налогообложения

муниципальной недвижимости. В-третьих, Ф. Олмстед-старший ввел в обиход практику найма внешнего консультанта для решения городских проблем, работа которого в ряде случаев ограничивалась лишь представлением плана (*Ibid*: 10). Однако, как это часто бывает, все эти принципы со временем настолько стали частью идеологии движения, что утратили свое авторство.

Поиск баланса между урбанизацией и ландшафтом, который Ф. Олмстед-старший вел на протяжении всей своей деятельности, стал частью и одного из последних крупных проектов с его участием — Всемирной выставки в Чикаго в 1893 г. И хотя он был вынужден во многом уступить идеям Д. Бёрнхема, сам Д. Бёрнхем, говоря об этой выставке, называл Ф. Олмстеда-старшего истинным планировщиком выставки. В. Вильсон отмечает, что слова архитектора не были поняты, а после смерти Ф. Олмстеда-старшего в 1902 г., т.е. в самом начале активизации движения, новые проекты сделали главным героем движения Д. Бёрнхема, который остается им и поныне (*Ibid*: 34).

Обращаясь к остальному тексту книги В. Вильсона, нельзя не заметить, что в целом его подход заключается в рассмотрении движения «Красивый город» не как внезапно появившегося в практике американского градостроительства под влиянием привнесенных идей, а как постепенно сложившегося в процессе разработки проектов городов с учетом особенностей развития США того времени. Именно поэтому описание процесса проектирования всех городов, так или иначе затрагиваемых в книге, — Канзаса, Сиэтла, Денвера и др. — начинается не с начала XX в., а с середины XIX в. Вершиной развития движения и одновременно началом его конца для В. Вильсона является план Чикаго 1909 г. — самый

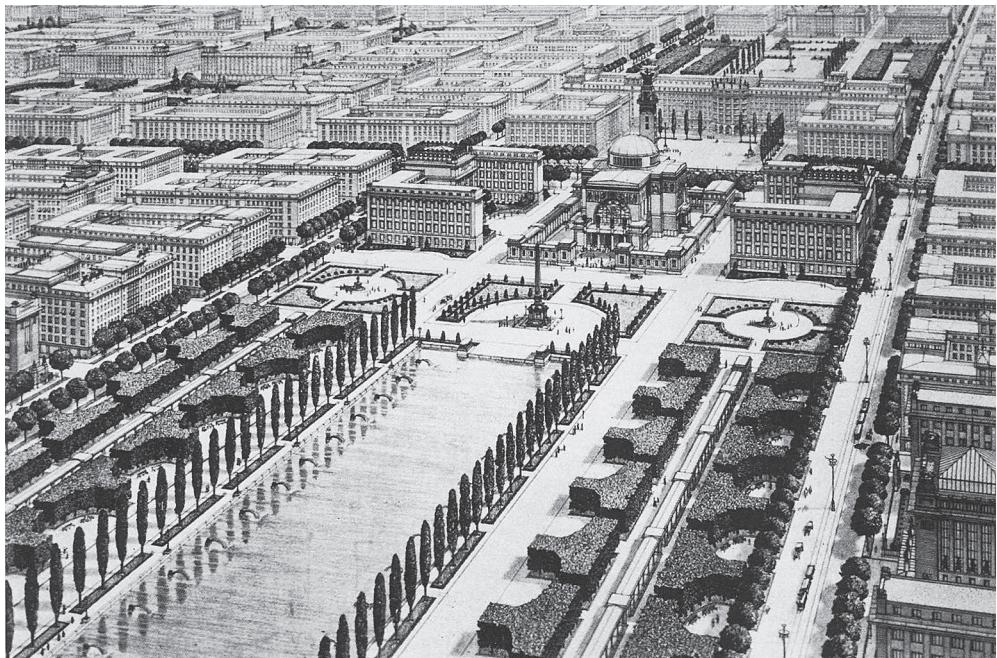
неординарный проект движения, ставший таковым благодаря богатой сопроводительной графике и щедрому финансированию чикагской элиты (*Ibid*: 285).

Работа П. Холла представляет принципиально иной подход к рассмотрению движения «Красивый город». В своей работе исследователь не ограничивается рассмотрением проектов лишь из практики американского градостроительства. Принимая за отправную точку историю движения, которую можно считать общепринятой, П. Холл отмечает, что идеи движения оказались востребованы Британской империей при разработке проектов новой столицы Индии Нью-Дели и новой столицы Австралии — Канберры и впоследствии пришли в Европу, где воплотились уже в 1930-е гг. в проектах реконструкции Рима, Берлина и Москвы. При этом он особо подчеркивает родственность задач, ставившихся в процессе разработки этих проектов, и сходство конечного результата. Он пишет: «Так Москва в 1930-е была своего рода Потемкинской деревней. Подобно Вашингтону и Чикаго Бёргхема, точно так же, как Париж Османа, новые фасады вдоль гигантских магистралей скрывали массу древних трущоб за ними. Даже в 1960-е последние остатки той старой деревянной Москвы были по-прежнему видны в переулках» (*Hall* 2014: 234). Особо акцентируя тот факт, что проекты реконструкции Рима, Берлина и Москвы были плодом амбиций не архитекторов, а диктаторов, находящихся у власти, П. Холл добавляет, что «фасады, несомненно, радовали вождя, и поэтому планировщики спали немного лучше по ночам» (*Ibid*: 234).

Однако такое чисто визуальное со-поставление по принципу схожести планировочных приемов и рассмотрение более поздних неамериканских проектов как части движения «Красивый город» представляется не вполне коррект-

ным. Тот же проект реконструкции Парижа, осуществленный под руководством Ж. Э. Османа во второй половине XIX в., вобрал в себя многие достижения и традиции более раннего европейского градостроительства. Будучи в той или иной степени переработаны, они стали частью качественно нового целостного явления, успех которого и его влияние во многом объясняется именно удачным сочетанием разнохарактерных элементов, подчиненных единой цели.

Движение «Красивый город» отчасти повторило эту схему. Ориентированное на европейскую традицию, а потому противопоставляемое поискам Луиса Салливена (Louis Sullivan) и Фрэнка Ллойда Райта (Frank Lloyd Wright), стремившихся создать новый истинно американский стиль, оно тем не менее создало безусловно узнаваемый образ американского города, который в то же время был созвучен общим тенденциям европейского градостроительства тех лет. Можно вспомнить конкурсные проекты «Большого Берлина», появившиеся годом позже плана Чикаго, можно вспомнить проект «Большого города» (Die Großstadt) Отто Вагнера (Otto Wagner) 1911 г. (ил. 9), можно вспомнить конкурсный проект «Большого Таллинна» Э. Сааринена (Eliel Saarinen) 1913 г. (ил. 10) и его же проект планировки нового района Хельсинки Munksnäs-haga 1915 г., в основе которых лежали планировочные схемы, также отсылающие к реконструкции Парижа XIX в. Более того, можно даже говорить о том, что подача проекта, предложенная Д. Бёргхемом и Э. Беннетом, оказала безусловное влияние на работы того же Э. Сааринена. Однако предложенная в рамках движения «Красивый город» идея превращения общественного центра в грандиозный ландшафтный парк, соединенный бульварами с остальным городом, была



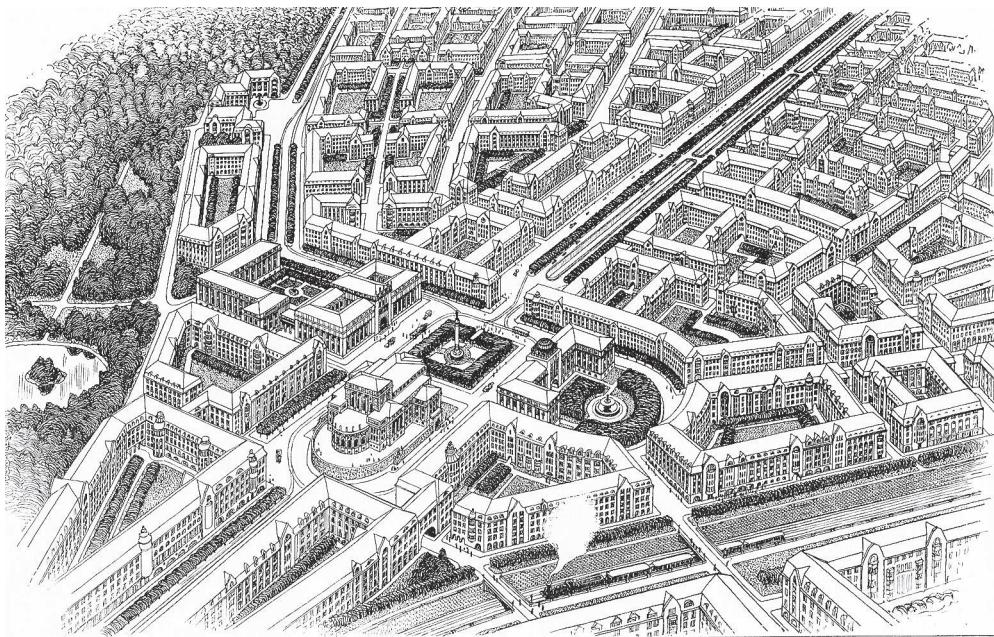
Ил. 9. Проект «Большого города» (*Die Großstadt*). Архитектор О. Вагнер, 1911 г. (Sonne 2015: 16)

«американским вкладом» в развитие градостроительства, который, правда, оказался не столь востребован, как идея грандиозного здания-памятника в планировочном центре города. Безусловно, идея не была нова, но именно американские проекты и, в частности, проект Чикаго задали качественно иное понимание масштаба городского пространства, которого не знало европейское градостроительство. И, несмотря на стремление уподобиться Европе, при разработке этого элемента концепции «красивого города» американские специалисты опирались уже на свою традицию сооружения капитолиев, которая, соединившись в Вашингтоне с идеей ландшафтного парка, обрела качественно новое звучание. А поскольку сама традиция сооружения капитолиев в США во многом сформировалась в рамках так называемой «федеральной архитектуры», или

«федерального стиля», — американской версии неоклассицизма 1780–1820-х гг. (*Federal style* 1999), — обращение к неоклассицизму в начале XX в. в некотором смысле также можно рассматривать в большей степени как обращение к собственной традиции, чем к модному европейскому стилю Боз-ар⁵.

В то же время анализ движения «Красивый город», предпринятый В. Вильсоном, говорит о наличии внутренних механизмов движения, которые могли работать исключительно в условиях Америки, но никак не в условиях Британской империи или в государствах, где реконструкция столиц находилась под контролем диктаторов. Как отмечает автор статьи, посвященной «плану Макмиллана», «движение «Красивый город» соединило во-

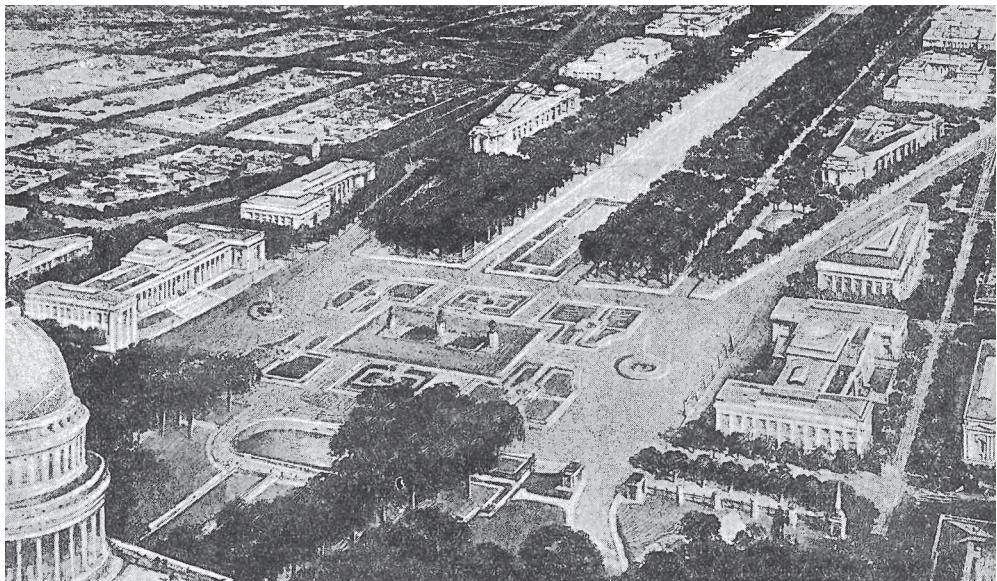
⁵ Указание на существование собственной американской традиции неоклассицизма было подсказано И.Е. Печёниным.



Ил. 10. Конкурсный проект «Большого Таллинна». Перспективный вид района Оперной площади. Архитектор Э. Сааринен, 1913 г. (Djomkin 1977: VIII)

едино многие нити американской эстетической культуры», складывавшиеся в США на протяжении многих десятилетий (Peterson 2006: 30). Иными словами, движение «Красивый город» нельзя воспринимать лишь через весьма яркий визуальный ряд его графического наследия. Это весьма сложная концепция, вобравшая в себя многочисленные идеологические, градостроительные, эстетические и иные идеи, одним из воплощений которой и была яркая графика проектов Д. Бёрнхема. Поэтому в данном случае представляется возможным говорить о влиянии идей американского градостроительства на проекты, рассмотренные П. Холлом, скорее на уровне визуальных образов, чем на уровне идей и концепций. Косвенным подтверждением возможности этого влияния в случае Москвы выступает тот факт, что с движением, а точнее с проектами, созданными под его эгидой, в СССР

были знакомы. Одним из свидетельств этого является упоминание проектов Национальной аллеи в Вашингтоне и проекта реконструкции Филадельфии в книге «Архитектурная организация города», написанной в начале 1930-х гг. А.В. Щусевым и Л.Е. Загорским (Щусев, Загорский 1934), а также воспроизведение в этой книге иллюстраций из американских изданий 1910–1920-х гг. (ил. 11, 12). Другим свидетельством является рассказ В.А. Щуко о его впечатлениях от Национальной аллеи, осмотренной им и другими советскими архитекторами во время поездки в США в 1934 г. Этот рассказ зафиксирован в одной из сохранившихся стенограмм заседаний Комиссии МГК ВКП(б) и Моссовета по вопросам архитектуры и планировки Москвы (Арплана) и дает представление о чувствах советских архитекторов: «От Капитолия идет колоссальное авеню. Впечатление исключительное. Это авеню



Ил. 11. Иллюстрация «Площадь перед Капитолием» из книги «Архитектурная организация города» А. В. Щусева и Л. Е. Загорского (Национальная аллея в Вашингтоне — «план Макмиллана». Перспектива аллеи от Капитолия. Архитекторы Д. Бёрнхем и Ф. Олмстед-младший, 1901 г.) (Щусев, Загорский 1934: 47)

упирается в горы, как у нас Воробьевы горы. Капитолий построен в стиле греческого храма. Мне кажется, что при предстоящей нам планировке, нужно будет обратить внимание на планировку Вашингтона и этой авеню, которая имеет много общего с нашими планами. <...> Около Капитолия строится целый ряд новых зданий специально для правительственные учреждений. Здания строятся в классическом духе. <...> Новые здания делаются в классическом стиле из настоящего белого мрамора, получается очень красиво» (РГАСПИ: Л. 23–24).

Однако кроме почитателей у движения «Красивый город» всегда было немало и критиков. Нельзя не согласиться с последними в том, что проекты движения были ориентированы на состоятельных людей и вряд ли были способны в полной мере решить все проблемы больших городов, накопившиеся к нача-

лу XX в. Многие принципы движения, зародившиеся при решении общественных городских пространств (Центральный парк Нью-Йорка, Национальная аллея в Вашингтоне), едва ли были применимы для проектирования жилых районов. Такой задачи авторы проектов перед собой не ставили, и, соответственно, одна из главных бед городов того времени — жилищные проблемы малоимущих слоев населения — оказывалась вне поля их зрения. Собственно, это и было главным поводом для критики проектов движения со стороны советских исследователей и не только их. Один из современных немецких исследователей градостроительства начала XX в. видит в уже упоминавшихся и американских, и европейских проектах, точнее в их графическом представлении, « попытку показать “чудовище большого города” художественно оформленным так, что оно в целом



Ил. 12. Иллюстрация «Филадельфия. Прокладка новых лучевых бульваров» из книги «Архитектурная организация города» А. В. Щусева и Л. Е. Загорского (Проект Fairmount Parkway в Филадельфии. Архитекторы Г. Трумбауэр, К. Цантцингер и П. Ф. Крем, 1907 г.) (Щусев, Загорский 1934: 53)

станет красивой и также пригодной для жизни средой» (Sonne 2015: 16).

Обобщая все изложенное, необходимо отметить, что специфика американских условий и многоаспектность движения «Красивый город» являются причиной того, что единой оценки этого движения, единого взгляда на него и даже единого представления о его хронологических и географических границах до сих пор не сложилось и вряд

ли когда-либо сложится⁶. В то же время очевидно, что без изучения истории американского градостроительства 1890–1930-х гг. невозможно понимание не только европейского, но и отечественного градостроительства первой

⁶ В этом отношении примечательна одна из последних работ И. Груза — весьма объемная книга «Мир городов», в которой в разделе «Красивый город» упоминается даже Новосибирск (Hruza 2014: 500).

половины XX в. По результатам настоящей обзорной статьи можно лишь сделать вывод о том, что, хотя идея глобальной реконструкции городов на рубеже XIX–XX вв. получила распространение и в Европе, и в Америке, говорить о влиянии одних идей на другие строго в каком-либо одном направлении не представляется возможным. Речь идет скорее об обращении к одним и тем же образцам и хорошем знании мировых тенденций градостроительства авторами всех упоминавшихся проектов. Поэтому проекты, созданные в рамках движения «Красивый город», можно рассматривать как часть эпохи «великих градостроительных проектов», которая охватывает период становления и первого этапа развития современной градостроительной науки, т.е. период второй половины XIX — первой половины XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РГАСПИ — РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 186. Л. 22–79. — Стенограмма заседания комиссии Арплана (председатель Каганович Л. М.) по вопросам перепланировки Москвы. Дата: 28.02.1935 г.

Бунин, Саваренская 1971 — Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Т. 2: Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1971.

Груза 1972 — Груза И. Теория города. М.: Изд-во литературы по строительству, 1972.

Щусев, Загорский 1934 — Щусев А. В., Загорский Л. Е. Архитектурная организация города. М.; Л.: ОНТИ Гостройиздат, 1934.

Blumberg, Yalzadeh 2014 — Blumberg N., Yalzadeh I. City Beautiful movement // Encyclopedia Britannica. School and Library Subscribers. 2014. URL: global.britannica.com/topic/City-Beautiful-movement (дата обращения: 04.12.2017).

Djomkin 1977 — Djomkin I. Eel Saarinen ja «Suur-Tallinn» / Kujundanud Vello Asi. Tallinn: Kunst, 1977.

Federal style 1999 — *Federal style* // Encyclopedia Britannica. School and Library Subscribers. 1999. URL: www.britannica.com/art/Federal-style (дата обращения: 04.12.2017).

Hall 2014 — Hall P. Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design Since 1880. Madlen; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing, 2014.

Hruza 2014 — Hruža J. Svět měst. Praha: Academia, 2014.

The Fairmount Parkway 1919 — The Fairmount Parkway. A Pictorial Record of Development from its First Incorporation in The City Plan in 1904 to The Completion of The Main Drive from City Hall to Fairmount Park in 1919. Philadelphia: Fairmount Park Art Association, 1919.

Moore 1921a — Moore Ch. Daniel H. Burnham. Architect. Planner of Cities. Volume. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1921.

Moore 1921b — Moore Ch. Daniel H. Burnham. Architect. Planner of Cities. Volume. Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1921.

Morgenthau 1909 — Morgenthau H. A National Constructive Programme for City Planning // Proceedings of the First National Conference on City Planning, Washington, D.C., May 21–22, 1909. Washington: American Society of Planning Officials, 1967. P. 59–60.

Peterson 2006 — Peterson A. The Senate Park Commission Plan for Washington, D. C.: A New Vision for the Capital and the Nation // Designing the Nation's Capital. The 1901 Plan for Washington, D. C. / eds. S. Kohler, P. Scott. Washington: U.S. Commission of Fine Arts, 2006. P. 1–46.

Plan of Chicago 1909 — Plan of Chicago prepared under The Direction of The Commercial Club during the years 1906, 1907 and 1908 by Daniel H. Burnham and Edward H. Bennett architects / ed. C. Moore. Chicago: The Commercial Club, 1909.

Robinson 1901 — Robinson C. M. The improvement of Towns and Cities, or The practical basis of Civic Aesthetic. New York & London: G. P. Putnam's Sons; The Knickerbocker Press, 1901.

- Robinson 1903 — Robinson C.M. Modern City Art, or The City made beautiful. New York & London: G.P. Putnam's Sons; The Knickerbocker Press, 1903.*
- Smith 2006 — Smith C. The Plan of Chicago: Daniel Burnham and the Remaking of the American City. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2006.*
- Sonne 2015 — Sonne W. Einführung // Großstadt gestalten. Stadtbaumeister in Deutschland / Herausgegeben von Markus Jager, Wolfgang Sonne. Berlin: DOM publishers, 2015. S. 12–23.*
- Wilson 1989 — Wilson H.W. The City Beautiful Movement. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1989.*

REFERENCES

- Bunin A.V., Savarenskaia T.F. *Istoriia gradostroitel'nogo iskusstva. T. 2: Gradostroitel'stvo KhKh veka v stranakh kapitalisticheskogo mira (History of Town-planning Art. Vol. 2. Town-planning of the Twentieth Century in the Countries of the Capitalist World)*. Moscow: Stroiizdat Publ., 1971 (in Russian).
- Hrúza J. *Teoriia goroda (Theory of the city)*. Moscow: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1972 (in Russian).
- Shchusev A.V., Zagorskii L.E. *Arkhitekturnaia organizatsiia goroda (Architectural organization of the city)*. Moscow; Leningrad: ONTI Gostroiizdat Publ., 1934 (in Russian).
- Blumberg N., Yalzadeh I. City Beautiful movement. *Encyclopedia Britannica. School and Library Subscribers*. 2014. URL: global.britannica.com/topic/City-Beautiful-movement.
- Djomkin I. Eiel Saarinen ja «Suur-Tallinn». *Kujundanud Vello Asi*. Tallinn: Kunst, 1977 (in Estonian, Russian, German).
- Federal style. *Encyclopedia Britannica. School and Library Subscribers*. 1999. URL: www.britannica.com/art/Federal-style.
- Hall P. *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design Since 1880*. Madlen; Oxford; Chichester: Blackwell Publishing Publ., 2014.
- Hrúza J. *Svět měst (World of the Cities)*. Praha: Academia Publ., 2014 (in Czech).
- The Fairmount Parkway. A Pictorial Record of Development from its First Incorporation in The City Plan in 1904 to The Completion of The Main Drive from City Hall to Fairmount Park in 1919*. Prepared and published by The Fairmount Park Art Association. Philadelphia: Fairmount Park Art Association, 1919.
- Moore Ch. *Daniel H. Burnham. Architect. Planner of Cities*. Vol. 1. Boston and New York: Houghton Mifflin Company Publ., 1921.
- Moore Ch. *Daniel H. Burnham. Architect. Planner of Cities*. Volume 2. Boston and New York: Houghton Mifflin Company Publ., 1921.
- Morgenthau H. A National Constructive Programme for City Planning. *Proceedings of the First National Conference on City Planning, Washington, D.C., May 21–22, 1909*. Washington: American Society of Planning Officials Publ., 1967, pp. 59–60.
- Peterson A. The Senate Park Commission Plan for Washington, D.C.: A New Vision for the Capital and the Nation. *Designing the Nation's Capital. The 1901 Plan for Washington, D.C.* Eds. S. Kohler, P. Scott. Washington: U.S. Commission of Fine Arts Publ., 2006, pp. 1–46.
- Plan of Chicago prepared under The Direction of The Commercial Club during the years 1906, 1907 and 1908 by Daniel H. Burnham and Edward H. Bennett architects*. Ed. C. Moore. Chicago: The Commercial Club Publ., 1909.
- Robinson C.M. *The improvement of Towns and Cities, or The practical basis of Civic Aesthetic*. New York & London: G.P. Putnam's Sons Publ.; the Knickerbocker Press Publ., 1901.
- Robinson C.M. *Modern City Art, or The City made beautiful*. New York & London: G.P. Putnam's Sons Publ.; The Knickerbocker Press Publ., 1903.
- Smith C. *The Plan of Chicago: Daniel Burnham and the Remaking of the American City*. Chicago; London: The University of Chicago Press Publ., 2006.
- Sonne W. Einführung (Introduction). *Großstadt gestalten. Stadtbaumeister in Deutschland (Greater City design. City Builder in Germany)*. Berlin: DOM Publ., 2015, pp. 12–23 (in German).
- Wilson H.W. *The City Beautiful Movement*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press Publ., 1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААИК — Архитектурно-Археологические исследования в Крыму
АДУ — Археологічні дослідження України
АИК — Археологические исследования в Крыму
БИАС — Бахчисарайский историко-археологический сборник
БИКАМЗ — Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
ВВИА — Вопросы всеобщей истории архитектуры
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
- ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НА — Научный архив
РА — Российская археология
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
СА — Советская археология
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
DOP — Dumbarton Oaks Papers

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Игорь Андреевич, доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, член Президиума РААСН, почетный архитектор России, лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства (1999). С 2004 по 2018 г. являлся директором Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства. Преподает в Московском архитектурном институте, где специализируется на курсе «История градостроительства». С 2000 г. возглавляет периодическое издание «Архитектурное наследство», является составителем 40 сборников научных трудов и коллективных монографий, организатором научных конференций. Изучает традиции русского градостроительства, творческое мышление архитекторов, а также архаическую картину мира, запечатленную в универсальных традициях архитектурного формообразования.

Ванеян Степан Сергеевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; профессор Общецерковной аспирантуры имени равноапостольных Кирилла и Мефодия Русской православной церкви и кафедры теологии факультета теоретической физики НИЯУ МИФИ. Автор нескольких книг по теории искусства и архитектуры, методологии искусствознания, психологии искусства.

Иожица (Корзюк) Дарья Васильевна, стажер-исследователь Отдела средневековой археологии ФГУН «Институт археологии Крыма РАН», научный сотрудник Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сфера научных интересов: византийская археология, церковная археология, история и археология средневекового Крыма. Занимается археологическими исследованиями на памятниках Крыма с 2008 г.

Казарян Армен Юрьевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, по-

четный член РАХ, иностранный член НАН Армении, заместитель директора Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, директор филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. Участвует в работе научных советов и редколлегий пяти отечественных и зарубежных периодических изданий. Автор около 200 научных публикаций, автор и консультант проектов реставрации памятников архитектуры. Лауреат Макарьевской премии (2008). Его монография «Церковная архитектура стран Закавказья VII века. Формирование и развитие традиции» (Москва, 2012–2013) удостоена Премии за сохранение европейского культурного наследия Europa Nostra (2014) и Премии Тороса Тораманяна (2016). В последние годы изучает архитектуру Ани, столицы средневековой Армении, сотрудничает с Международным фондом памятников и турецкими реставраторами по проблемам учета и консервации памятников армянской архитектуры на востоке Турции.

Карпов Виктор Васильевич, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. Научные интересы: история типологического мышления в архитектуре, теория интерпретации в искусстве и архитектуре, архитектурная герменевтика, изучение наследия Альберти, исследование отношения геометрии и риторики в архитектуре.

Кирилко Владимир Петрович, архитектор-реставратор, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ФГУН «Институт археологии Крыма РАН». Автор монографий и многочисленных статей по археологии и архитектуре средневекового Крыма.

Крлежа Палмира, аспирант в области средневековых исследований Загребского университета: факультет гуманитарных и социальных наук. Научные интересы включают раннехристианское и византийское искусство и архитектуру. Работает над диссертацией, посвященной скульптуре Восточной Адриатики V–VII вв. в контексте византийского присутствия и/или влияния.

Линникова Ольга Викторовна, кандидат искусствоведения, PhD (Doctora en Historia del Arte, Университет г. Севилья, Испания). Окончила Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (2001), училась в очной аспирантуре в университете г. Севилья (2006–2008), защитила диссертацию «Стилевые особенности усадебной архитектуры Крыма периода эклектики в контексте общеевропейских тенденций» в 2011 г. в НИИТИАГ РААСЧ (Москва). В 2008–2016 гг. — доцент кафедры Истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации ААИ Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Сфера научных интересов: русская и зарубежная архитектура XIX века.

Мурадов Руслан Гельдыевич, профессор Международной академии архитектуры, (МААМ), ответственный секретарь Союза архитекторов Туркменистана. В 1998–2015 гг. являлся заместителем начальника Национального управления Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, с 2015 г. редактирует ежеквартальный журнал «Строительство и архитектура Туркменистана». Соавтор и консультант ряда проектов реставрации памятников архитектуры, составитель и редактор нескольких сборников научных трудов, энциклопедического словаря «Историко-культурное наследие Туркменистана». Опубликовал 5 книг и более 100 статей. Научные интересы: история архитектуры Средней Азии, сакральная география и культ святых в исламе, консервация и ревалори-

зация исторических зданий, советский модернизм.

Науменко Валерий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». Сфера научных интересов: политическая и административная история Византии, византийская археология, церковная археология, история и археология средневекового Крыма. Археологическими исследованиями на памятниках Крыма занимается с 1990 г. Заместитель руководителя Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Старostenко Юлия Дмитриевна, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. Основные направления исследовательской деятельности связаны с изучением процессов становления и развития отечественного градостроительства в 1910–1930-е гг., в том числе путей формирования советской теории и истории градостроительства. Особое место в сфере научных интересов занимают исследования по истории архитектурно-градостроительной реконструкции Москвы означенного периода.

Хайд Штефан, доктор, ординарный профессор литургии и агиографии в Папском институте христианской археологии в Риме, директор Римского института Общества Гёрреса в Ватикане. Автор многочисленных трудов по истории церкви, агиографии и проблемам христианской археологии.

Хрушкова Людмила Георгиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории церкви Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Автор нескольких книг и десятков статей, посвященных археологии, архитектуре

и архитектурному декору памятников византийской эпохи в Восточном Причерноморье и в Крыму (публикации последних лет доступны в формате PDF, режим доступа: <http://istina.msu.ru/profile/KhrushkovaLiudmila>).

Шурыгина Ольга Сергеевна, независимый исследователь. Сферой научных интересов является история русской и зарубежной автомобильной архитектуры 1900–1930-х годов, взаимосвязь архитектуры и технического прогресса.

Юркович Миленко, археолог и историк искусства, профессор истории позднеантичного и раннесредневекового искусства на факультете Гуманитарных и социальных наук Загребского университета. Возглавляет отделение истории искусства и является директором Междуна-

родного исследовательского центра поздней античности и Средних веков (с 1993 г.). Основатель и главный редактор академического журнала «*Hortus artium medievalium*» (1995). Организовал 30 международных конференций, координировал многочисленные международные исследовательские проекты, опубликовал более 200 статей и книг. Является автором и соавтором многих выставок. Награжден премией Strossmayer за научную работу (2001) и дважды — медалью факультета Гуманитарных и социальных наук (2001, 2005). Обладатель наград Officier de l'ordre des palmes académiques (2004), Орден Ломоносова (2007) и Chevalier de l'ordre National du Mérite (2015).

ABOUT THE AUTHORS

Bondarenko Igor, Doctor of Architecture, Professor, RAASN academician, member of the Presidium of RAASN, Honored architect of Russia, winner of the State Prize of the Russian Federation in the field of literature and art (1999). In 2004–2018 he was a Director of the Research Institute for Theory and History of Architecture and Town Planning. He teaches at the Moscow Architectural Institute, where he lectured on town planning history. Since 2000, he is the head of the periodical „Architectural heritage“. He compiled ca 40 collections of papers and collective monographs; he organized the scientific conferences. He studied Russian traditions of urban development, the creative thinking of architects, as well as the archaic picture of the world, captured in the universal tradition of the architectural shaping.

Contact: igor.bondarenko.54@mail.ru

Carpov Victor, Candidate in the History of Arts, Senior Researcher Associate at the Research Institute for Theory and History of Architecture and Town Planning (NIITIAG), branch of the "Central Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia". Research interests: history of typological thought in architecture, theory of interpretation in art and architecture, architectural hermeneutics, study of Alberti's work, analysis of the relation of geometry and rhetoric in architecture.

Address: Dushinskaya str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: carpvv@yandex.ru

Heid Stefan, Dr., ordinary professor of liturgy and hagiography at the Pontifical Institute of Christian Archaeology in Rome, director of the Roman Institute of the Görres Society in the Vatican. He is an author of dozens books and articles on the Church history, hagiography and the problems of Christian archeology.

Address: Pontificio Collegio Teutonico Via della Sagrestia, 17, 00120 Città del Vaticano

Contact: rigg.direktor@gmail.com

Jozhitsa (Korzyuk) Darya, trainee-researcher of the Department of Medieval Archeology

of the Institute of Archeology of the Crimea (Russian Academy of Sciences). Her scientific interests are on the fields of Byzantine archeology, church archeology, history and archeology of the medieval Crimea. Professionally engaged in archaeological research on the monuments of the Crimea since 2008. Full-time scientific employee of the Mangup archaeological expedition of the Crimean Federal University.

Address: Vernadsky avenue 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Contact: arhi-ahri@mail.ru

Jurković Miljenko, archaeologist and art historian, is professor of Late Antique and Early medieval art history at the Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb. Currently he is the Head of the Department of Art History and Director of the International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages (from 1993). He is the founder and editor of an academic journal Hortus artium medievalium (1995). He has organized 30 international conferences, and coordinated numerous international research projects, published over 200 articles and books. He is the author or co-author of several exhibitions. He has been awarded the Strossmayer award for scientific work (2001) and twice the Medal of the Faculty of Humanities and Social Sciences (2001, 2005). He received the honors: Officier de l'ordre des palmes académiques (2004), Orden Lomonosova (2007) and Chevalier de l'ordre National du Mérite (2015).

Address: Ivana Lučića 3, 10000 Zagreb, Croatia

Contact: mjurkovi@ffzg.hr

Kazaryan Armen, Dr. in Art History, Vice-Director of the State Institute for Art Studies of the Ministry of culture of Russian Federation. Also he is a Director of the Research Institute for Theory and History of Architecture and Town Planning (NIITIAG), branch of the "Central Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia" (Moscow). He is an author of about

200 publications, an author and a consultant of the projects of restoration of architectural monuments. Laureate of the Metropolitan Macarius prize (2008). His four-volume study „Church Architecture of the Seventh Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition” (Moscow, 2012–2013, in Russian) was honored with the Europa Nostra Award (2014) and with the Toros Toramanian Award (2016). Nowadays, he takes part in a large study of the architecture of Ani, the medieval capital of Armenia. He has cooperated with the World Monuments Fund and Turkish restorers on the field of conservation of the monuments of Armenian architecture in the Eastern Turkey.

Address: Kozitskiy pereulok 5, 125009 Moscow, Russian Federation

Contact: armenkazaryan@yahoo.com

Khrushkova Liudmila, Dr. of Historical Sciences, Professor of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Historical faculty. She is an author of some monographs and of dozens of articles, devoted to the archaeology, architecture and architectural decoration of the monuments of the Byzantine epoch in Black sea Eastern coast and Crimea (Last years' publications are available in: <http://istina.msu.ru/profile/KhrushkovaLiudmila>).

Address: Leninskie gory 1, 119991 Moscow, Russian Federation

Contact: khrushkova@list.ru

Kirliko Vladimir, Candidate of Historical Sciences, senior research scientist, Senior researcher of the Department of Medieval Archaeology of the Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Autor of books and numerous articles on the archeology and architecture of the Medieval Crimea.

Address: Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation

Contact: kir.vlad33@gmail.com

Krleža Palmira, PhD candidate in Medieval Studies at the University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences. Her research interests include Early Christian and Early Byzantine art and architecture. She

is working on a dissertation regarding the sculpture on the Eastern Adriatic from the fifth to seventh centuries in the context of the Byzantine presence and/or influence.

Address: Ivana Lučića 3, 10000 Zagreb, Croatia

Contact: pkrliza@ffzg.hr

Linnikova Olga, Candidate in Art History, PhD (Doctora en Historia del Arte, Universidad de Sevilla). She graduated from the Sankt-Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture I.Ye. Repin, she studied at the postgraduate at the University of Seville, and in 2011 Linnikova defended her thesis "Stylistic features of Crimean's manor architecture of the eclecticism period in the context of European tendencies" in NIITIAG, Moscow. Until 2016 she was an Associate Professor of "History of architecture, art and architectural restoration" of the Southern Federal University. Research interests: Russian and foreign architecture of the 19th century.

Contact: olgalinnikova@yandex.ru

Muradov Ruslan, Professor of the International Academy of Architecture Moscow branch (IAAM Eurasia), Executive secretary of the Turkmen Union of Architects. In 1998–2015 was Deputy Head of the National Department of Turkmenistan for the Protection, Research and Restoration of Historical and Cultural Sites, since 2015 has been editing the quarterly magazine „Construction and Architecture of Turkmenistan“. Co-author and consultant of a number of architectural restoration projects, compiler and editor of several collections of scientific works, encyclopaedic dictionary „Historical and Cultural Heritage of Turkmenistan“. Published 5 books and more than 100 articles. Scientific interests: the history of architecture of Central Asia, sacral geography and the cult of saints in Islam, conservation and revival of historical buildings, Soviet modernism.

Address: Turkmenbashi av. 29-1, 744005 Ashgabat, Turkmenistan.

Contact: turkmenica@yandex.ru

Naumenko Valery, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Crimean Federal University, Tavrika Academy, Historical Faculty, Associate Professor of the Department

of Ancient History and Middle Ages. Sphere of scientific interests: political and administrative history of Byzantium, Byzantine archeology, church archeology, history and archeology of the medieval Crimea. Professionally engaged in archaeological research on the monuments of the Crimea since 1990. Deputy head of the Mangup archaeological expedition of the Crimean Federal University.

Address: Yaltinskaya str. 20, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

Contact: byzance@rambler.ru

Shurygina Olga, independent researcher. The sphere of scientific interests is the history of Russian and foreign automotive architecture of 1900-1930s, the interrelation of architecture and technical progress.

Contact: olia85@list.ru

Starostenko Yulia, Candidate of Architecture, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Senior Researcher. The main directions of re-

search activities related to the study of the processes of emergence and development of national town planning in the 1910s — 1930s, including ways of formation of the Soviet theory of town planning and his history. A special place in the field of scientific interests take research on the history of architectural and town-planning reconstruction of Moscow designated period.

Address: Dushinskaia str. 9, 111024 Moscow, Russian Federation

Contact: ystarostenko@yandex.ru

Vaneyan Stepan, Dr. in the History of Arts, Professor of the History of World Art of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Historical faculty; Professor of the Saints Cyril and Methodius Post-Graduate Courses of the Russian Orthodox Church and of the Theological chair of the MIFI.. He is a member of the editorial board of the „Art of the Christian World“; an author of several books on the theory of art and architecture, methodology of art studies and psychology of art.

Address: Leninskie gori 1, 119991 Moscow, Russian Federation

Contact: vaneyans@gmail.com

АВТОРАМ СТАТЕЙ

Редакционная, или издательская, этика — это система правил, которые регулируют взаимоотношения автора, редактора и рецензента. При составлении правил мы руководствовались рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (COPE, **Committee on Publication Ethics**) и Кодексом этики научных публикаций, подготовленным в **Комитете по этике научных публикаций**.

К публикации в журнале «Вопросы всеобщей истории архитектуры» (ВВИА) принимаются только оригинальные ранее неопубликованные научные статьи. Обращаем внимание, что автор несет персональную ответственность за предоставляемый в редакцию текст. Авторы обязуются гарантировать точное цитирование источников, используемых в процессе работы над рукописью статьи. Если авторы использовали работу и/или фрагменты текста других авторов, обязательны соответствующие ссылки на опубликованные работы. Подробнее правила представлены на сайте института: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arkhitektury

Редакцией ВВИА принимает статьи как на русском, так и на английском языке для того, чтобы лучше ориентировать своих читателей в современном состоянии изучения архитектуры за рубежом, так и для того, чтобы способствовать включению отечественного архитектуроведения в контекст мировой гуманитарной науки.

Порядок приема статей

Статьи, поступившие в редакцию и удовлетворяющие предъявляемым к рукописям объемам и правилам оформления, проходят рецензирование (по две рецензии на каждую статью) и редактирование (научное, техническое, стилистическое). Рецензирование и научное редактирование осуществляют специалисты НИИТИАГ или других учреждений, имеющие квалификацию в соответствующих отраслях науки и учченую степень доктора или кандидата наук, а также члены редколлегии периодического издания ВВИА в соответствии с требованиями к изданию научной литературы. Рецензенты должны за последние три года иметь публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет. Редколлегия оставляет за собой право отклонить статью или возвратить ее на доработку.

Принадлежность и объем авторских прав на публикуемые в журнале материалы определяются действующим законодательством Российской Федерации. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также направляет копии рецензий в Министерство образо-

вания и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

С авторов взносы за публикацию не взимаются, авторское вознаграждение не выплачивается. Плата с аспирантов за публикации рукописей не взимается. Статьи аспирантов при их подаче в редакцию издания должны сопровождаться отзывом (рекомендацией) научного руководителя.

Требования к оформлению статей

Материалы передаются в редакцию издания в электронном виде с соблюдением следующих требований (публикуются в печатном виде в каждом выпуске издания, доступны также на странице НИИТИАГ в интернете: http://www.niitiag.ru/pub/vseobschaya_istoriya_arkhitektury.html):

- объем текста не должен превышать 30 000 знаков с пробелами;
- текст должен быть набран с использованием редактора Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — 1,5;
- в начале текста статьи необходимо поместить код УДК, самостоятельно присвоив его в соответствии со справочником УДК, расположенным по адресу: <http://teacode.com/online/udc>
- в конце текста статьи помещается библиографический список; после него помещается список использованных в тексте сокращений (РГИА, DOP и т. д.) с их расшифровкой;
- ссылки в тексте на источники и литературу (затекстовые) оформляются следующим образом: в круглых скобках курсивом указывается фамилия автора книги или статьи, далее через пробел год издания, после двоеточия — номер страницы(ы), на которую идет ссылка; например: (*Грабарь 1912: 68–96*), (*Paul 1963: 127–133*);
- постраничные примечания оформляются в автоматическом режиме редактора Word и используются только для сведений, которые по каким-то причинам не могут быть помещены в основной текст публикации, а также для переводов иноязычных слов. В тексте примечания в скобках могут помещаться ссылки на литературу;
- иллюстрации принимаются с разрешением не ниже 300 dpi в форматах jpg или tiff; чертежи должны содержать масштабную линейку, за редкими исключениями.
- количество иллюстраций равняется количеству страниц статьи, но не более 15;
- текст статьи записывается в отдельный файл под названием «Family_text.doc» (например, «Ivanov.doc», исключительно латиницей); список иллюстраций — в файл «Family_illustr.doc», например: «Ivanov_illustr.doc», и в этом списке можно

- указать пожелания автора по расположению иллюстраций (на ширину колонки, на ширину полосы и т. д.);
- иллюстрации записываются в отдельные файлы, которые должны быть пронумерованы в соответствии со Списком иллюстраций и только цифрой, например: «5.jpg»; в тексте статьи обязательны ссылки на номера иллюстраций, например: (ил. 5);
 - в отдельный файл «Family_key.doc» помещается следующая информация:
 - автор, название статьи;
 - краткая аннотация статьи (от 200 до 250 слов — строго!);
 - желательно представить перевод заглавия статьи и аннотации на английский язык;
 - ключевые слова к статье (не более 5–7 слов и словосочетаний);
 - те же ключевые слова к статье на английском языке;
 - сведения об авторе в виде небольшого рассказа в объеме не более 700 знаков с пробелами, содержащем в начале в строгом порядке, через запятую, без сокращений: ФИО полностью, учченую степень, научное звание, место работы и должность в именительном падеже. В конце текста указывается почтовый адрес места работы и контактная информация — e-mail, телефон;
 - аналогичные сведения об авторе в переводе на английский язык (обязательно).

Итак, материалы статьи должны быть представлены в виде трех текстовых файлов: Family_text.doc; Family_illustr.doc; Family_key.doc и файлов иллюстраций.

После того как очередной номер ВВИА будет сформирован, авторам высыпается шаблон лицензионного договора, который заключается в том числе для размещения полных текстов статей на сайте НЭБ (Научной электронной библиотеки, РИНЦ — Российский индекс научного цитирования). Его необходимо заполнить, подписать и выслать простым письмом по адресу: 197110, г. Санкт-Петербург, Левашовский пр-кт, д.12 литер А).

Уважаемые авторы ВВИА, при использовании архивных изображений, пожалуйста, убедитесь в том, что у Вас есть право на публикацию материалов (договор с правом публикации или разрешение на публикацию на безвозмездной основе).

Рекомендации по составлению библиографических списков источников и литературы

Списки литературы — основной и второй, имеющийся «References», — нужны для индексирования публикаций в РИНЦ, SCOPUS и других системах.

В начале списка по алфавиту располагаются источники. Ниже помещается литература (так-

же по алфавиту): в начале русскоязычные публикации и на других языках, пользующихся кириллицей, затем публикации с использованием латиницы. Список не нумеруется. Перед каждой позицией списка выносится фамилия автора (курсивом) и год издания. Эта выноска, используемая в ссылках в тексте статьи, отделяется от полного названия публикации длинным тире. Публикации на языках других алфавитов (араб., арм., греч. и др.) вносятся в список с сокращенной выноской на русском языке, и их место согласуется с алфавитным порядком в русскоязычном списке.

В общий библиографический список должны попасть все архивы, откуда публикуются иллюстрации, тогда в подрисуночных подписях ссылка будет на номер из списка (см. ниже рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям).

В библиографическом описании книг и сборников статей указывается место, название издательства и год издания; для журналов и серийных сборников статей — номер выпуска и год издания. Статьи в списке должны сопровождаться указанием их страниц. Для не периодически издаваемых сборников необходимо указывать редактора (Ред. ... или ред.-сост. ...; Ed. ...).

Ответственность за точность библиографических описаний несет автор публикации. Использование неточных сведений затрудняет подсчет индекса цитируемости системой РИНЦ.

Пример правильно оформленного библиографического списка:

ГАЗК. Ф. 177. Ед. хр. 245; Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 425, 428, 462.

ОР ГПБ. Ф.247. Т. 14. Л. 51.

Pannoporm 1994 — *Pannoporm* П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994.

Yong, Kimura 2004 — *Yong D., Kimura M. Introduction to Japanese Architecture*. Singapore: Periplus, 2004.

Халлахчьян 1962 — Խալլահչյան Հ., Տաթևի երեքցող պլոնը (Халлахчьян О. Качающаяся колонна Татева) // Էջմիածին (Эчмиадзин). № 9. 1962. С. 45–57.

Hill 1975 — *Hill S. The Praetorium at Musmiye // Dumbarton Oaks Papers. No. 29, 1975. P. 347–349.*

Mark, Hutchinson 1986 — *Mark R., Hutchinson P. On the structure of the Pantheon // Art Bulletin. Vol. 68. 1986. P. 24–34.*

Рекомендации по подготовке подписей к иллюстрациям

Эти рекомендации — всего лишь попытка систематизировать способы оформления подписей к иллюстрациям.

Для фотографий

Название объекта, месторасположение (если нужно). Архитектор(ы). Дата постройки. Автор, дата съемки / источник изображения / место хранения.

Если съемка архивная или музейная, то обязательно указать место хранения. Если это копия изображения из издания, то это издание указывается в библиографическом списке, и за подписью под иллюстрацией в круглых скобках следует ссылка на публикацию.

Примеры:

Здание Купеческого банка на Невском проспекте. Архитектор Л. Н. Бенуа. 1901–1902. Фотография А. Вознесенского, 2009 г.

Роминтен. Охотничий дом. Архитектор Х.Х. Мунте (совм. со Сверре и П. Ольсеном). 1891. Фотография 1945 г. РГА КФД

Для чертежей

Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения.

Примеры:

Херсонес. Уваровская базилика. План (Уваров 1854)

Если известен автор и дата создания конкретного чертежа, обязательно их указывать:

Автор. Название объекта. Дата создания. Вид (план, разрез, перспектива и т. д.). Место хранения / источник изображения.

Пример:

К. Ф. Шинкель. Театр в Берлине. Рисунок первом, 1919 г. (*Schinkel 1821: Tafel 1*)

References

Этот, второй библиографический список является списком литературы с транслитерацией не «латиноязычных» описаний на латинский алфавит и указанием перевода на английский язык (помещается в скобках вслед за транслитерацией). Латиноязычная часть основного списка в этом списке фактически повторяется. Однако публикации

в списке References оформляются иначе, поэтому редакция соглашается с неизбежными повторами. Требование создания списка References продиктовано нашим желанием индексировать публикации в SCOPUS и других международных базах данных.

Порядок публикаций в References должен повторять порядок основного списка, за исключением не используемых в данном случае ссылок на источники. Позиции публикаций не сопровождаются условной краткой формой, как в первом списке. В References курсивом показываются не авторы, а основные названия публикаций: названия книг, сборников, журналов. После места издания указывается издательство (латиницей — оригинальное название или транслитерация) и ставится слово Publ. Название статьи отделяется от названия журнала точкой; после названия журнала через запятые идут номер выпуска и (или) тома (с обозначениями vol. и no., вне зависимости от языка оригинала), а также страницы (с обозначениями pp., независимо от языка оригинала).

Примеры:

Kyzlasova I. L. *Istoriia izucheniiia vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii* (History of the study of Byzantine and Old Russian art in Russia). Moscow: Moscow University Publ., 1985 (in Russian).

Bell L. Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka. *Journal of Near Eastern Studies*, 1985, vol. 44, no. 4, pp. 251–294.

Рецензентам статей

Рукопись, полученная для рецензирования, должна рассматриваться как конфиденциальный документ, который нельзя передавать для ознакомления или обсуждения третьим лицам, не имеющим на то полномочий от редакции.

Рецензент обязан давать объективную и аргументированную оценку изложенным результатам исследования. Персональная критика автора не приемлема.

Рецензент не должен использовать неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, для личных целей.

Периодическое рецензируемое научное издание

**ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
Выпуск 10 (1 / 2018)**

Главный редактор и составитель *А. Ю. Казарян*

Корректор *М. А. Иванова, Т. В. Никонова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 10.08.2018. Формат 70×100 1/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 24,5

Тираж 300 экз. Заказ № 1408

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7965 048 04 28